

N/50
142
101-3

W 50
142

ПЛЪНЪ У ШАМИЛЯ.

2007098011

ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ.

ПРАВДИВАЯ ПОВѢСТЬ О ВОСЬМИМѢСЯЧНОМЪ И ШЕСТИ-
ДНЕВНОМЪ (ВЪ 1854—1855 г.) ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ПЛѢНУ
У ШАМИЛЯ СЕМЕЙСТВЪ:

ПОКОЙНАГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА

КНЯЗЯ ОРБЕЛІАНІИ

И ПОДПОЛКОВНИКА

КНЯЗЯ ЧАВЧАВАДЗЕ,

ОСНОВАННАЯ НА ПОКАЗАНІЯХЪ ЛИЦЪ, УЧАСТВОВАВШИХЪ ВЪ СОБЫТІИ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. Е. А. Вердеревскаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1856.

ПАРНЪ У ШАМНАР.

ПРАВЛЕНА ПОРЪВЪ О ВОСМАНВЕРДНОМЪ И ШЕСТИ-
ДНЕВНОМЪ (ВЪ 1854—1855 г.) ПРЕПЫВАНЪ ВЪ ПЛЕВЪ
У ШАМНАР СЕМЕНСТВЪ.

ПОКОНОВАТО ТЕНЕВА-МАЙОРЪ

КНИЗЪ ОРБЕЛАНЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

с* т*мъ, чтобы по вапечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ уса-
ковое число вкяевпларовъ. Санктпетербургъ, Мая 18 дня 1Н5В года.

Цевсоръ А. Фрейіатъ.

1854

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМН.

1856.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СЕМЕЙСТВАМЪ В ПОТОМСТВУ

КНЯЗЯ ДАВИДА АЛЕКСАНДРОВИЧА И КНЯГИНИ АННЫ ИЛЬИНИЧНЫ

ЧАВЧАВАДЗЕ,

В

КНЯГИНИ ВАРВАРЫ ИЛЬИНИЧНЫ

ОРБЕЛАНІ •

плѣнъ у Шамиля

Правдивая повѣсть о восьмимѣсячномъ и шестидневномъ въ (1854 — 1855 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ : покойнаго генерал-майора князя *Орбелгана* и подполковника князя *Чавчавадзе*, основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Событія, подобныя названному въ заглавіи настоящаго повѣствованія, представляются людямъ просвѣщенныхъ современныхъ обществъ какъ страшные, потрясающіе анахронизмы, какъ полузабытыя, почти сказочныя преданія невозвратныхъ временъ варварства, какъ отрывки изъ разсказовъ *Фенимора Купера* о тѣхъ кровавыхъ ужасахъ, которые послѣдовали за первымъ столкновеніемъ европейскихъ переселенцевъ съ дикими, первобытными обитателями Сѣверной Америки.

И просвѣщенные современные люди совершенно правы : событія, подобныя описываемому въ этой книгѣ, къ счастью нынѣшнихъ обществъ, дѣйствительно уже походятъ на анахронизмы и въ наше время возможны только лишь тамъ, гдѣ, какъ на сценѣ героевъ Купера, еще существуетъ близкое сосѣдство варварства съ просвѣщеніемъ, язычества или исламизма съ христіанствомъ; а такихъ мѣстностей почти уже нѣтъ въ современной Европѣ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ провинцій Турціи, гдѣ и до-сихъ-поръ разыгрываются ужасающія драмы между подданными — христіанами и ихъ властителями — мусульманами.

Но такія именно мѣстности, именно такія близкія сосѣдства и столкновенія жизни христіанской и просвѣщенной съ жизнью дикаго варварства еще встрѣчаются кое-гдѣ у окраинъ неизмѣримой Россіи; такъ, напримѣръ, онѣ существуютъ и на Кавказѣ.

Потому-то на Кавказѣ въ XIX вѣкѣ еще возможно и даже почти-неизумительно все то, что уже несбыточно въ остальномъ просвѣщенномъ мірѣ и на что тамъ взирають съ искреннимъ ужасомъ и болѣзненнымъ участіемъ.

Громами войны и мнротворнышъ вліяніемъ цивилизаціи мало-помалу укрощается и покоряется на Кавказѣ то враждебное всякой цивилизаціи начало, которое, подъ разными именами, олицетворяется въ дикихъ племенахъ непокорныхъ намъ горцевъ.

И славная эта борьба, борьба русской цивилизаціи съ гнѣздящимся въ здѣшнихъ горахъ варварствомъ, неослабно длится къ вѣчной слави Россіи.

Но судьбы всякой борьбы перемѣнчивы. Случайный успѣхъ, кратковременная удача бывають иногда и на сторонѣ постоянно-побѣждаемаго варварства, и тогда, легко себѣ представить, чѣмъ спѣшитъ оно мстить христіанству и просвѣщенію за прежнія, всегдашнія свои пораженія.

Разсказъ о бѣдствіи, постигшемъ въ 1854 году семейства князей Орбеліани и Чавчавадзе и есть не что иное, какъ яркая картина тѣхъ послѣдствій, которыми всегда сопровождаются временныя торжества всякаго невѣжества надъ просвѣщеніемъ, и которыми, на этотъ разъ, сопровождалась одна изъ случайныхъ и, въ политическомъ значеніи, ничтожныхъ удачъ враждующаго съ нами варварства Чечни и Дагестана.

Таково, по моему мнѣнію, главное значеніе событія : значеніе историческое.

Нѣтъ надобности прибавлять, что и другое его значеніе любопытно въ высшей степени; что оно въ первый разъ открыло намъ цѣлый новый міръ нравовъ, міръ, доселѣ бывшій для насъ таинственнымъ : все это оамо собою окажется въ повѣствованіи. Но не безполезно предварить читателя, что ни въ содержаніи, ни въ формѣ разсказа не допущено ни малѣйшаго отступленія отъ истины. Относительно содержанія я, въ настоящемъ случаѣ, постигалъ всю важность простоты; я понималъ, что событіе уже само въ себѣ заключаетъ столько драматизма, что прибѣгать къ литературнымъ Эффектамъ было бы недостойно ни повѣствованія, ни самого событія. Да и какіе эффекты не были бы жалки передъ лицомъ громаднѣйшей истины этой невымышленной драмы?...

Что же касается до Формы изложенія, то, раздѣляя разсказъ на главы, я даже и въ этомъ случаѣ не поступалъ произвольно, а покорялся необходимости, указанной мнѣ сложностью и разнообразіемъ эпизодовъ.

Е. В.

Часть первая.

I.

ПЕРВЫЕ СЛУХИ. — ВПЕЧАТЛѢНІЕ ВЪ ТИФЛИСѢ. — НѢСКОЛЬКО
ФАМИЛЬНЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ. — КАХЕТІЯ И ЦИНОНДАЛЫ. —
ОБЫЧНЫЕ И СЛУЧАЙНЫЕ ЦИНОНДАЛЬСКІЕ ЖИТЕЛИ.

Первый слухъ о нападеніи лезгинъ на Кахетію достигъ Тифлисѣ утромъ во вторникъ , 6-го іюля. Всѣ въ городѣ были изумлены дерзостью хищниковъ , никогда прежде нерѣшавшихся переходить Алазань ; но изумленіе и всѣ другія чувства , естественно-возбужденныя страшнымъ извѣстіемъ , уступали мѣсто истинному, глубокому, всеобщему соболѣзнованію о бѣдственной судьбѣ семейства князя Орбеліани и князя Чавчавадзе, похищенныхъ лезгинами изъ Цинондалъ, родового имѣнія князей Чавчавадзе.

Въ первое время никто не зналъ подробностей похищенія , а потому никто не разсуждалъ, никто не дѣлалъ никакихъ заключеній : всѣ были до какого-то онѣмѣнія поражены печальнымъ событіемъ. Городскіе жители встрѣчались молча , или мѣнялись лишь односложными Фразами:

— Слышали?

— Слышаль.

И затѣмъ уста какъ-бы отказывались говорить о происшествіи, чтобъ еще разъ не повторить или не подтвердить страшной существенности , которой не хотѣлось вѣрить ; а слухъ въ то же время желалъ услышать что-нибудь похожее на опроверженіе...

Нѣкоторые изъ тифлисскихъ знакомыхъ несчастнаго семейства, люди, давно-состоящіе на службѣ и принадлежащіе къ высшему тифлисскому обществу (*) , подъ влияніемъ перваго впечатлѣнія горести, выразили ее слѣдующимъ образомъ: они изъявили готовность и просили разрѣшенія ѣхать къ Шамилю , чтобъ , хоть цѣною своей неволи, купить освобожденіе плѣнныхъ княгинь и дѣтей ихъ. Разумѣется , что этотъ планъ остался несбыточнымъ, хотя и благороднымъ, порывомъ самоотверженія...

(*) Капитанъ Гвардіи іш. Г., Гвардіи полковникъ И. А. Б. и штабс-капитанъ Гвардіи Б—въ.

Командовавший въ то время войсками и управлявший гражданскою частью на Кавказѣ и за Кавказомъ, всѣми уважаемый генералъ-отъ-кавалерш Н. А. Редъ, въ письмѣ своемъ къ отцу плѣнницъ, царевичу Плѣ Георгіевичу, выражалъ неменѣе искреннее и глубокое соболѣзнованіе. Между-прочимъ , онъ писалъ слѣдующее :

«...Богу угодно было сокрушить всѣ мѣры человѣческой предосторожности и допустить злодѣевъ напасть на Кахетію , гдѣ первыми жертвами хищническаго нападенія сдѣлались дочери и внуки вашей свѣтлости.

«Несчастье это безмѣрно, какъ и горестъ, которою теперь поражено отеческое сердце вашей свѣтлости ! Считаю грустнымъ «долгомъ выразить глубочайшее мое прискорбіе о великой утратѣ, «ниспосланной на семейство ваше Провидѣніемъ ; но , въ то же «время не могу не утѣшать себя упованіемъ , что не потеряна «надежда на избавленіе злополучныхъ членовъ семейства вашего «изъ рукъ хищниковъ. Провидѣніе, поразившее дѣтей вашихъ , а «съ ними и всѣхъ насъ, конечно, не оставитъ ниспослать и событія къ облегченію ихъ участи»... (*)

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, чѣмъ отозвалось въ Тифлисъ первое извѣстіе о плѣненіи семействъ князей Орбеліани и Чавчавадзе, въ Тифлисъ, гдѣ близкое сосѣдство всегдашней войны уже такъ приучило жителей къ кровавымъ хроникамъ!...

Такое сильное сочувствіе къ бѣдствію двухъ княжескихъ семействъ , конечно , прежде всего было основано на всеобщемъ убѣжденіи, что нѣтъ такихъ Физическихъ страданій и моральныхъ униженій , которыя не могли бы постигнуть безпомощныхъ женщинъ, съ еще болѣе безпомощными дѣтьми, въ плѣну у враговъ жестокихъ , непросвѣщенныхъ , незнакомыхъ съ чувствами христіанскаго состраданія или уваженія къ несчастію. На Кавказѣ хорошо знаютъ, что такое плѣнъ у кавказскихъ горцевъ!... Но, кромѣ этой, такъ-сказать, общечеловѣческой причины соболѣзнованія, въ здѣшнемъ краѣ были еще и другіе, особенные поводы къ усиленію всеобщей горести.

Двѣ сестры-плѣнницы , матери шестерыхъ маленькихъ плѣнницъ и плѣнниковъ, были дочери царевича грузинскаго и внуки

{*) Письмо это, также, какъ и извѣстіе о плѣненіи княгинь, не застало царевича въ живыхъ: онъ скончался 18-го іюля, а извѣстіе о плѣнѣ получено въ Москвѣ 22-го.

послѣдняго вѣнчаннаго государя Грузіи (Георгія XIII). Имена мужей плѣнницъ: князя Орбеліани и князя Чавчавадзе — также имена здѣсь историческія и любимыя. Всѣ знали, любили и уважали генерал-майора князя Илико (Ильи) Орбеліани, геройскою смертію павшаго отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Баш-Кадыкларомъ (*). Всѣ помнили послѣдніе и прежніе подвиги до-блестнаго молодаго генерала, бывшаго достойнымъ представите-лемъ высшаго въ Грузіи сословія, того сословія, котораго истин-нымъ украшеніемъ всегда были также и князья Чавчавадзе.

Права происхожденія и заслугъ отечеству со стороны этихъ двухъ, какъ и другихъ почетнѣйшихъ Фамилій, въ настоящемъ случаѣ содѣлывались важными правами на особенное народное сочувствіе къ постигшему ихъ несчастію.

Наконецъ, для жителей здѣшняго края, взвѣсивавшихъ и измѣрившихъ всю великость бѣдствія плѣнницъ немаловажнымъ по-водомъ къ особенному соболѣзнованію были и обстоятельства, предшествовавшія ихъ бѣдствію. Всѣмъ въ Тифлисѣ болѣе или менѣе было извѣстно, въ какой степени уже и безъ того была несчастлива въ своей участи княгиня Варвара Ильинична Орбе-ліани; что послѣдній, разразившійся надъ нею ударъ судьбы застигъ ее неоправившеюся еще отъ другаго недавняго и неме-нѣ-тяжкаго удара; что только черезъ полтора года послѣ замуж-ства и за полгода до несчастнаго плѣна, княгиня схоронила свое-го обожаемаго мужа въ одной могилѣ съ первенцемъ-сыномъ (*,*)•

Люди, знакомые со всѣми этими обстоятельствами, невольно поражались исестокостью испытаній, такъ быстро одно за другимъ упадавшихъ на слабую и женщину, и невольно приходили къ во-просу: какія же силы нужны человѣку, чтобъ перенести столько горестей, и чему еще должно подвергнуться въ безотрадномъ плѣну растерзанное сердце молодой страдалицы?...

Но если прежнія несчастія княгини Варвары Ильиничны Орбе-

(*) Замѣчательно, что князь Илико Орбеліани самъ находился также восемь мѣсяцевъ въ плѣну у Шамиля, будучи измѣннически захваченъ, въ 184-2 году, при нашествіи Шамиля на казикумыхскую плоскость. Отецъ же его долгое время былъ въ плѣну у персіянъ. Невольно представляется мысль, что плѣнь—наслѣдственное бѣдствіе этого семейства!

Г) Погребеніе князя П. Орбеліани и его младенца-сына проис-ходило въ ТИФЛИСѢ, 20-ГО декабря 1853 года.

ліани могли бытъ поводомъ къ усиленному всеобщему соболѣзнованію въ настоящемъ случаѣ , то , по странному противорѣчію, неменѣе важною причиною особеннаго всеобщаго прискорбія было и долговременное прежнее счастье другой плѣнницы , княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе. Казалось, что ударъ бѣдствія встрѣтитъ сердцемъ, незнававшимъ въ жизни ни одного скорбнаго впечатлѣнія, неменѣе-трудно , какъ и встрѣтитъ его сердцемъ , уже разбитымъ другими недавними несчастіями... Трудно даже рѣшить, что труднѣе?... Княгиня Анна Ильинична, въ семилѣтнемъ замужствѣ за княземъ Давидомъ Александровичемъ Чавчавадзе, не испытала ничего, кромѣ отрадныхъ чувствъ счастливой жены и столько же счастливой матери. Общественное положеніе , совершенное семейное благополучіе, полная и даже, можно-сказать, роскошная обезпеченность въ средствахъ къ жизни, посреди роскошнѣйшей изъ провинцій Закавказья—все это вмѣстѣ могло скорѣе изнѣжить душу женщины, чѣмъ закалить ее для перенесенія великаго испытанія. Короче сказать, какъ то, такъ и другое положеніе двухъ сестеръ-плѣнницъ , казалось, одинаково требовало самыхъ жаркихъ, самыхъ искреннихъ проявленій общественнаго участія , и дѣйствительно вызвало его не только въ Грузіи и Тифлисѣ, но и въ цѣлой Россіи: пишущій эти строки имѣетъ въ рукахъ своихъ безчисленные тому доказательства (*).

Немѣньшее участіе возбуждалъ и самъ владѣлецъ цинондальскій , князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе , въ нѣсколько дней потерявшій почти все семейство и почти все состояніе! Чтобъ понять , что перенесъ , чего лишился онъ и чего вообще лишились всѣ дѣйствующія или, лучше сказать, страдающія лица событія, надобно прочитатъ до конца всю грустную ихъ повѣсть: но прежде всего должно хотъ немного познакомиться съ Цинондалами и Кахетіей.

Кахетія всегда была самоцвѣтнымъ камнемъ въ коронѣ царей грузинскихъ. По мѣстоположенію , мягкости климата , богатству почвы , питающей лучшіе сады въ цѣломъ краѣ , Кахетія несравненно-благодатнѣе знойно-каменистыхъ участковъ тифлисскэго и душетскаго и даже разнообразныхъ и богатыхъ долинъ горійскаго. Природа щедро наградила этотъ уголокъ Грузіи всѣми луч-

(*) Они состоятъ во множествѣ писемъ , адресованныхъ со всѣхъ концовъ Россіи въ редакцію газеты «Кавказъ», и заключающихъ въ себѣ вопросы о судьбѣ плѣнницъ.

тими своими дарами. Віна Кахетіи знамениты ; жители трудолюбивы и обеспечены; довольство и здоровье ихъ свидѣтельствуютъ , что человекъ здѣсь умѣлъ воспользоваться всѣми сокровищами своего маленькаго земнаго рая.

Но раемъ этого рая должно назвать Цинондалы — имѣніе князя Давида Чавчавадзе , находящееся въ семи верстахъ отъ Телава (уѣзднаго города) и раскинутое на крутомъ берегу рѣки Чобахури, впадающей въ Алазань. Здѣсь , какъ въ сердцѣ страны , всегда сосредоточивалась вся внутренняя жизнь ея. Владѣлецъ съ семействомъ жилъ здѣсь большую часть года , и гостепріимствомъ своимъ еще болѣе, чѣмъ общественнымъ значеніемъ и почетнымъ въ краѣ именемъ, постоянно привлекалъ гостей изъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей. Цинондальское гостепріимство было широкое , патріархальное , извѣстное старому и малому въ Грузіи; но , несмотря на это , домъ цинондальскій всегда былъ полною чашей благословеннаго избытка. Нельзя здѣсь не припомнить стиховъ поэта , весьма-счастливо обрисовавшаго въ нѣсколькихъ чертахъ все то, что обыкновенно поражало и привлекало посѣтителей Цинондалъ...

...Вотъ въ дали лазурью плещеть
Межъ садами Алазань,
Вьется лентою и блещеть
Какъ серебряная ткань.
Вотъ вершины снѣговья
Сквозь лазуревую высь,
Какъ ступени вѣковыя
Грозно къ небу поднялись...

Описаніе это совершенно-вѣрно; трудно себѣ представить что-нибудь величественнѣе и роскошнѣе вида , открывающагося съ балкона цинондальскаго дома на цвѣтистую Долину Алазанскую, съ безчисленными садами и селеніями , на величавую древность Алла-вердиискаго Монастыря и на снѣжныя горы главнаго Кавказскаго Хребта...

Алазань, луга и скалы,
Блескъ лазури, чудный видъ,
А направо Цинондалы,
Гдѣ блаженствуетъ Давидъ,
Князь почетный и любимый
Въ сонмѣ доблестныхъ князей!
Мчись мой конь неутомимый
Въ сей волшебный элизей...

Послѣднія слова поэта , по свидѣтельству саиМыхъ хладнокровныхъ посѣтителей Цинондалъ , не должны быть принимаемы за поэтическую метафору—нѣтъ, въ самомъ прямомъ значеніи этого выраженія, Цинондалы могли назваться элизеємъ, потому-что они были постояннымъ жилищемъ доблести , семейнаго счастья, красоты, всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ благъ, какими только Провидѣніе надѣляетъ своихъ избранныхъ на землѣ.

Но этотъ-то маленькій ^зай , этотъ , по выраженію поэта, волшебный элизей былъ похожъ на тѣ превосходные виноградники, которые растутъ на лавѣ и пеплѣ Везувія , всегда-готоваго поглотить ихъ. Только Кахетіи вѣчно грозитъ не огненная лава вулкана, а едва-ли не еще болѣе губительный потокъ хищническихъ вторженій. Кахетія , съ сѣверо-востока только однимъ горнымъ переваломъ отдѣлена отъ непримиримыхъ и древнихъ враговъ своихъ, лезгинъ, которыхъ тайныя , всегда-непредвидимыя , разрушительныя вторженія искони были карой для цвѣтущей грузинской провинціи. Здѣсь врагъ такъ близокъ , что мысль объ оборонѣ никогда не оставляетъ кахетинца , точно такъ, какъ никогда не оставляетъ его кинжалъ и винтовка. Но не всегда готовность къ оборонѣ можетъ ручаться за успѣхъ ея: иногда врагъ вторгается такъ неожиданно или съ такими значительными силами , что ему уже не въ-состояніи противиться разсѣянное, разбросанное населеніе. Иногда дѣлаются даже недостаточными всѣ мѣры предосторожности со стороны регулярныхъ войскъ, которыя содержатъ такъ-называемую Лезгинскую Кордонную Линію. На длинномъ протяженіи этой линіи, составляющемъ около 160-ти верстъ, войска занимаютъ важнѣйшіе пункты, изъ которыхъ быстро передвигаются, чтобъ пресѣкать путь непріятелю при вторженіи его въ край ; но они не могутъ и не должны быть такъ разбросаны , чтобъ занимать каждую тропинку, по которой въ-состояніи пройти партіи горцевъ на-легкѣ, въ кратковременныхъ и быстрыхъ набѣгахъ своихъ. Бываютъ , хотя и рѣдко , случаи прорыва непріятеля чрезъ кордонную линію, и тогда войска стараются преградить ему обратный путь , чтобъ заставить его дорого поплатиться за дерзкое вторженіе.

Такой-то именно случай и былъ въ 1854* году причиною несчастія небольшой части Кахетіи и семействъ покойнаго князя Орбеліани и князя Чавчавадзе.

Семейство князя Д. А. Чавчавадзе только за двѣ недѣли до вторженія лезгинъ прибыло изъ Тифлиса въ свое цинондальское

имѣніе. вмѣстѣ съ княземъ Давидомъ Александровичемъ и княгиней А. И. Чавчавадзе пріѣхала въ Цинондалы и недаЕио-овдовѣвшая , младшая сестра княгини , княгиня В. И. Орбеліани, чтобъ провести лѣто вмѣстѣ съ родными, которые надѣялись тихою сельскою жизнью и братскими попеченіями сколько-нибудь залечить еще безутѣшное сердце сестры, послѣ двухъ недавнихъ утратъ ея. Съ княгиней Варварой Ильиничной былъ и сынъ ея, полугодовой Георгій, младшій братъ-близнецъ недавно-умершаго малютки и единственный живой остатокъ кратковременнаго и уже утраченнаго семейнаго счастья. Въ маленькомъ Георгіи сосредоточивались всѣ воспоминанія и всѣ привязанности молодой вдовы и матери.

Съ княгиней Орбеліани пріѣхала погостить въ семействѣ Чавчавадзе племянница покойнаго князя И. Орбеліани, княжна Нина Баратова, 18-лѣтняя дѣвушка.

Но здѣсь; кажется, кстати перечислить всѣхъ жителей цинондальскаго дома, застигнутыхъ бѣдствіемъ и болѣе или менѣе раздѣлившихъ его.

Вотъ обыкновенные жители Цинондалъ :

Владѣлецъ имѣнія, князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, 37-ми лѣтъ, въ чинѣ подполковника и въ званіи адъютанта главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ (впослѣдствіи полковникъ и Флигель-адъютантъ Е. И. В.).

Супруга князя, княгиня Анна Ильинична, урожденная княжна грузинская , бывшая Фрейлиной Ея Императорскаго Величества, 28-ми лѣтъ.

Сестра князя Давида , Нина Александровна Грибоѣдова , вдова безсмертнаго нашего поэта.

Тетка князя Давида , княгиня Тинія Орбеліани , вдова князя Георгія Орбеліани, двоюродная сестра отца князя Давида, покойнаго князя Александра Герсевича Чаячавадзе , старушка 74—хъ лѣтъ.

Дѣти князя Давида Александровича и княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе : Саломе , дочь шести лѣтъ , Марія пяти лѣтъ, Елена четырехъ лѣтъ, Тамара трехъ лѣтъ, сынъ Александръ одного года и четырехъ мѣсяцевъ и Лидія, малютка четырехъ мѣсяцевъ.

Изъ числа этихъ обычныхъ обитателей Цинондалъ , въ этомъ году не было дома Нины Александровны Грибоѣдовой и третьей малютки Чавчавадзе , Елены. Обѣ онѣ гостили у другой сестры

князя Давида, княгини Е. А. Дадіанъ, вдовствующей правительницы Мингреліи , и тѣмъ, конечно, избѣгнули общей участи несчастнаго семейства. Но за-то , какъ-бы въ замѣнъ отсутствующихъ , къ числу цинондальскихъ жителей въ этомъ году прибавились: г-жа Дранес (Anna Drancey, née Le-Maire), 31-го года, увернантка дѣтей князя Чавчавадзе, поступившая въ домъ только за восемнадцать дней до плѣненія и только за шесть мѣсяцевъ до того пріѣхавшая изъ Франціи въ Грузію и , какъ уже было сказано, княгиня В. И. Орбеліани (26-ти лѣтъ и также бывшая фрейлиной Е. И. В.) съ полугодовымъ сыномъ Георгіемъ и восемнадцатилѣтнею племянницей своего покойнаго мужа, княжной Ниной Баратовой.

Изъ домочадцевъ слѣдуетъ упомянуть о прапорщикѣ Гамгрелидзе, управляющемъ имѣніемъ князя въ Кахетіи, и о женѣ его Дареджанѣ; объ отставномъ штабс-капитанѣ Ахвердовѣ (подъ 50 лѣтъ) ; о 97-ми-лѣтней старухѣ-нянькѣ , пережившей три поколѣнія Фамиліи Чавчавадзе, и о двѣнадцати служанкахъ и одномъ мальчикѣ, увведенныхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своими господами (*).

II.

ИЗВѢСТІЕ О ПРИБЛИЖЕНІИ ОПАСНОСТИ. — НАПАДЕНІЕ НА ШИЛЬДЫ.

Князь Д. А. Чавчавадзе не для домашнихъ только дѣлъ и не для отдохновенія пріѣхалъ въ Кахетію : на него было возложено и служебное порученіе , состоявшее въ томъ , чтобъ принять подъ свое начальство резервную кахетинскую милицію , кварельскаго участка, расположенную по домамъ, но обязанную, въ случаѣ надобности, собраться и дѣйствовать по его распоряженіямъ. Въ концѣ іюня милиція находилась не на правомъ берегу Алазани, гдѣ расположено цинондальское имѣніе, а на лѣвомъ, ближе къ непріяннымъ горамъ. До 30-го іюня ни откуда не было никакихъ слуховъ объ опасности, и князь большую часть времени жилъ въ своемъ имѣніи. Но 30-го іюня онъ получилъ отъ начальника лѣваго Фланга Лезгинской Кордонной Линіи , полковника Кульмана, извѣщеніе, что получены чрезъ лазутчиковъ свѣдѣнія о прибытіи Шамиля съ пятнадцати-тысячной партіей въ

С) Всего же изъ цинондальскаго дома было уведено 22 человѣка.

Караты (непріязненный ауль на горахъ, и пунктъ, отъ котораго хищники могли направиться во всѣ стороны) , и что необходимо принять надлежащія мѣры осторожности : собрать милицію и расположить ее въ мѣстечкѣ *Хандо*, въ двухъ верстахъ за *Шильдами*, то-есть по лѣвую же сторону Алазани.

Въ тотъ же день былъ отправленъ для сбора милиціи помощникъ князя Давида Чавчавадзе, отставной гитабс-капитанъ князь Романъ Чавчавадзе , а на другой день и самъ князь Давидъ отправился за Алазань , въ мѣстечко *Хандо* , оставивъ семейство свое въ имѣніи съ полной увѣренностью, что ему не предстоитъ никакой опасности. Не было даже принято никакихъ мѣръ къ защитѣ имѣнія или дома , на томъ основаніи , что съ 1800 года, когда *Омаръ-Ханъ Аварскій* съ 20,000 лезгинъ былъ только въ 50 верстахъ отъ Тифлиса (но былъ разбитъ на р. *Юрсъ Лазаревымъ* и *Гуляковымъ*), не бывало примѣра , чтобъ непріятель переходилъ на правую сторону Алазани. Почти ежегодно съ балкона *циондальскаго* дома были видны пожары на той сторонѣ рѣки, но никогда *циондалцы* не опасались за себя; кромѣ того, можно было основательно рассчитывать, что, при первой тревогѣ, всегда легко могла быть подана помощь. Вблизи были батальйоны регулярной пѣхоты, и *Телавъ*, уѣздный городъ, отстоящій только на семь верстъ отъ *Циондалъ*, казалось, всегда могъ подать помощь или, по-крайней-мѣрѣ, послужить надежнымъ пріютомъ...

Всѣ эти соображенія казались совершенно-основательными и уничтожали всякое опасеніе.

1-го іюля князь Давидъ прибылъ въ мѣстечко *Хандо*, объѣхалъ окрестности , разставилъ секреты и направился къ *Шильдамъ*, селенію, состоящему изъ отдѣльныхъ саклей, затопленныхъ садами, и имѣющему небольшую старую крѣпость , неснабженную, впрочемъ, ни орудіями, ни крѣпостными ружьями.

2-го іюля, оставаясь въ *Шильдахъ*, князь Давидъ не получилъ никакихъ новыхъ извѣстій о непріятелѣ; послѣ обѣда посѣтилъ лагерь милиціонеровъ, собранныхъ подъ *Шильдами* въ числѣ 4-40 человекъ , и оставался здѣсь до поздняго вечера. По возвращеніи изъ лагеря въ *Шильды*, князь былъ приглашенъ къ начальнику *шильдинской* крѣпостцы, сотнику милиціи князю *Ратіеву*, гарнизонная команда котораго состояла изъ 60-ти человекъ пѣшей грузинской дружины.

Ровно въ полночь, когда князь Чавчавадзе и начальникъ *шильдинскаго* укрѣпленія сидѣли за ужиномъ , вбѣжалъ въ комнату

милиціонеръ изъ числа защитниковъ Похальской Башни , самага передоваго нашего укрѣпленія, на двѣнадцать верстъ выдвинутаго впередъ къ непріятельской сторонѣ, и составляющаго нашъ крайній наблюдательный пунктъ въ этой сторонѣ Кахетіи. Вѣстникъ объявилъ, что огромныя силы лезгинъ подошли къ Похали, что самая башня окружена и что скопища спускаются къ Шильдамъ.

Выслушавъ это извѣстіе, князь Чавчавадзе оставилъ князя Ратіева съ своимъ гарнизономъ въ укрѣпленіи, а самъ съ 15-ю милиціонерами поспѣшилъ въ мѣстечко Хандо. Здѣсь всѣ люди были уже подъ ружьемъ, что было согласно съ извѣстіемъ , полученнымъ отъ похальскаго вѣстника.

Принимая въ соображеніе открытую мѣстность Хандо , князь Давидъ долго не могъ рѣшиться: ждать ли ему здѣсь непріятеля, или отступить къ Шильдамъ , представлявшимъ гораздо-болѣе удобствъ для отпора съ малыми средствами. Разрѣшеніе этого вопроса зависѣло бы отъ вѣрнаго свѣдѣнія: обыкновенная ли это партія горцевъ предприняла нападеніе, или самъ Шамиль идетъ на Кахетію? Разумѣется, что въ послѣднемъ случаѣ благоразумнѣе было бы отступить къ Шильдамъ. Но желаемаго вѣрнаго свѣдѣнія не имѣлось до 2½ часовъ пополудни. Только въ это время прибѣжали какіе-то милиціонеры съ Похальской Башни и принесли извѣстіе, что непріятельская кавалерія идетъ отъ Похали двумя партіями : одна спускается по р. Чальты, а другая нѣсколько-лѣвѣе. Слово *кавалерія* было для князя Чавчавадзе разрѣшеніемъ его сомнѣнія. Онъ убѣдился , что самъ Шамиль долженъ быть въ Похали со всѣми своими силами и, вслѣдствіе этого убѣжденія, тотчасъ же стянулъ свои секреты и отступилъ къ самымъ Шильдамъ , гдѣ прежде всего распорядился чрезъ сельскаго начальника, прапорщика князя Гургенидзе , чтобъ всѣ жители помѣстили свои семейства и имущества въ укрѣпленіи, а садш присоединились къ милиціи. Къ величайшему сожалѣнію, мѣра эта, по безопасности жителей, не была приведена въ исполненіе.

Въ то же время князь Давидъ послалъ 150 человекъ милиціонеровъ на подкрѣпленіе къ князю Ратіеву, а остальныхъ людей частью разсыпалъ по садамъ и по дорогѣ, ведущей къ укрѣпленію, а частью помѣстилъ въ каменныхъ домахъ, человекъ по 10 и по 15 въ каждомъ.

Размѣстившись такимъ образомъ , защитники Шильды цѣлую мочь оставались подъ ружьемъ , въ ожиданіи нападенія По не

пріятель нигдѣ не показывался, и только вдали были видны вспышки перестрѣливавшихся у Похальской Башни. Такъ прошло время до 7-ми часовъ утра.

3-го іюля, въ 7 часовъ утра, Шильды были атакованы. Дѣло завязалось въ садахъ, на площади и на дорогѣ къ укрѣпленію. Селеніе вспыхнуло въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдругъ. Кромѣ перваго натиска, на площади (откуда непріятель былъ прогнанъ), борьба, длившаяся до 2-хъ часовъ пополудни, вездѣ сохранила характеръ частныхъ схватокъ у плетней, оградъ и заваловъ, съ явнымъ преимуществомъ на сторонѣ защитниковъ. (*)

Къ 2-мъ часамъ пополудни горцы очистили Шильды и отступили къ мѣстечку Хандо.

При отступленіи ихъ князь Чавчавадзе замѣтилъ, что часть скопища переправилась черезъ р. Чальты, очевидно съ намѣреніемъ напасть на селенія Сабуи и Шакріани. Князь тотчасъ же объяснилъ милиціонерамъ свои опасенія и вызвалъ изъ нихъ охотниковъ.. Первый выступилъ изъ рядовъ отставной штабс-капитанъ князь Джорджадзе; къ нему присоединилось 150 человекъ милиціонеровъ. Движеніе этого маленькаго отряда увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Преслѣдователи обошли непріятеля справа и подошли къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ принимался зажигать крайніе дома селенія. Настигнутые въ-расплохъ, горцы бросились бѣжать, и тѣмъ кончилось ихъ покушеніе.

Въ семь часовъ вечера на помощь князю пришелъ изъ Кварели командиръ Грузинской Пѣшей Дружины подполковникъ князь Кобуловъ, съ двумя ротами Мингрельскаго Егерскаго Полка, при одномъ горномъ орудіи, а въ восемь часовъ, изъ укрѣпленія Кодоръ прибылъ подполковникъ князь Тумановъ съ однимъ батальйономъ Тифлискаго Егерскаго Полка, при двухъ горныхъ

(*) По донесенію телавскаго уѣзднаго начальника, горцами оставлено въ Шильдахъ и на Алазани до 480 тѣлъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи переводчикомъ Исаакомъ Громовымъ, посѣтившимъ Дагестанъ и Чечню, потеря лезгинъ въ ихъ нападеніи на Кахетію, простиралась до 1200 человекъ. Каждый наибъ доносилъ Шамилю особо... Но объ этомъ молчали. Въ Дагестанѣ же, Чечнѣ и Аваріи не было селенія, гдѣ бы не останавливали Громова на пути, и гдѣ бы не спрашивали его: не остались ли такіе-то и такіе-то горцы въ плѣну у русскихъ? Громовъ постоянно отвѣчалъ, что плѣнныхъ нѣтъ никого, а убитыхъ насчитывали много.

орудіяхъ. Они расположились на площадкѣ, у лѣваго Фаса шильдинскаго укрѣпленія.

Нѣ одиннадцать часовъ ночи непріятель покушался сдѣлать нападеніе на эти шесть ротъ, но былъ весьма-скоро опрокинутъ.

Тѣмъ кончился кровавый день 3-го іюля... Но въ числѣ событій этого дня, нѣкоторыя, еще неупомянутыя, заслуживаютъ особеннаго замѣчанія, такъ-какъ они имѣли важное вліяніе на судьбу дальнѣйшихъ происшествій.

Въ два часа пополудни, въ минуту перваго торжества надъ хищниками, когда они очистили Шильды и отступили къ м. Хандо, князь Чавчавадзе, еще озабоченный отправленіемъ отряда охотниковъ въ слѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ, второпяхъ, карандашомъ написалъ записку въ Цинондалы. Въ этой запискѣ князь писалъ своимъ, что хотя и было нападеніе на Шильды, но что все благополучно кончилось, что непріятель отступилъ къ м. Хандо, и что, слѣдовательно, онѣ (то-есть княгиня и прочіе домашніе) *могутъ не беспокоиться*. Записка дошла до Цинондалъ чудеснымъ образомъ, потому-что посланный съ нею милиціонеръ, одинъ изъ всѣхъ, посыланныхъ позднѣе, успѣлъ пробраться живымъ до мѣста назначенія; прочіе были изрублены на дорогѣ. Но лучше бы не доходить запискѣ по адресу!... Обрадованный удачнымъ исходомъ перваго шильдинскаго дѣла, князь, конечно, успокоивалъ своихъ только *за себя*, и, конечно, не подозрѣвалъ, что въ послѣднихъ словахъ его записки заключается двусмысліе, долженствовавшее слишкомъ успокоить жителей цинондалскаго дома и, такъ-сказать, усыпить ихъ гибельною увѣренностью въ своей безопасности. Какъ бы то ни было, торопливая записка князя Давида можетъ назваться одною изъ роковыхъ причинъ его собственнаго бѣдствія (*).

(*) Къ числу такихъ же роковыхъ случайностей можно отнести еще два обстоятельства: 1) что телавскій уѣздный начальникъ, князь Андрониковъ, неудачной своей переправой за Алазань, быть-можетъ, указалъ хищникамъ мѣсто безопаснаго брода и тѣмъ, быть-можетъ, ускорилъ и ободрилъ ихъ переправу на ту сторону рѣки, гдѣ были расположены Цинондалы и прочія беззащитныя селенія, и 2) что посланный съ запискою отъ князя Чавчавадзе въ Цинондалы милиціонеръ, переправившись у имерліанской, а не у тогніанской переправы, ничего не зналъ о дѣлѣ князя Андроникова и не видѣлъ даже хищниковъ у Алазани, а потому и увѣрилъ цинондалскихъ жителей, что на Алазани все благополучно.

Въ слѣдующей главѣ читатели увидятъ, какое отношеніе имѣли всѣ эти случайности къ цинодальскимъ дѣламъ. Теперь же, чтобъ не прерывать нити ближайшихъ событій, не будемъ пока разставаться съ храбрыми шильдинскими защитниками.

4-го іюля, съ разсвѣтомъ, снова завязалось дѣло въ Шильдахъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ начала сраженія, къ князю Чавчавадзе явился одинъ изъ шильдинскихъ поселянъ съ извѣстіемъ, что огромная конная партія спустилась съ горъ ниже Шильды, пробралась по подошвѣ горы *Концхи* и пошла по направленію къ Алазани съ явнымъ намѣреніемъ переправиться вбродъ у тогніанской переправы.

Князь Чавчавадзе былъ пораженъ этой новостью : онъ еще ничего не зналъ о дѣлѣ князя Андроникова; но тратить время на размышленія было некогда. Князь призвалъ сотника, князя Ратіева, и освѣдомился у него : можетъ ли онъ ручаться за шильдинское укрѣпленіе въ томъ случаѣ, если будетъ отдѣлена часть гарнизона для новаго движенія въ слѣдъ партіи хищниковъ, направившихся къ Алазани. Князь Ратіевъ отвѣчалъ положительно. Тогда князь Чавчавадзе приказалъ князю Туманову выстроить свои четыре роты и быть готовымъ къ выступленію. Къ-несчастью, не было кавалеріи. Когда все было готово, князь Давидъ приблизился къ людямъ, но въ это самое время наканунѣ-посланный въ Цинодалы милиціонеръ подалъ ему записку. Княгиня В. И. Орбеліани писала слѣдующее :

«Не знаю, до какой степени справедливы слухи, но здѣсь всѣ «перепуганы и въ настоящее время мы здѣсь однѣ съ дѣтьми и «женщинами. Всѣ сосѣди наши, семейства князя Гульбата и «князя Романа (*) ушли въ лѣсъ; мужики твои съ своими «сѣмьями также оставили деревню. Ради-Бога, увѣдомъ какъ-«можно-иоспѣшнѣе, такъ ли велика опасность и нужно ли намъ «спасаться, и куда ѣхать?»

Прочтя такую записку, было отчего встревожиться. Надежда, однакожъ, еще не покинула князя. Онъ не могъ себѣ представить, чтобъ около его семейства не осталось ни одного чело-вѣка, который догадался бы хоть посовѣтовать уйдти въ лѣсъ, бывшій въ какихъ-нибудь пятидесяти саженьяхъ отъ дома; въ лѣсу

(*) Чавчавадзе же, дальніе родственники и сосѣди по имѣніямъ.

RC1; были бы непременно спасены (*). О домѣ же и имуществѣ, конечно, и думать было нечего.

Не сказавъ никому ни одного слова о содержаніи полученной записки, князь Давидъ приказалъ удвоеннымъ шагомъ спѣшить къ Алазани и самъ повелъ колонну; но не успѣлъ онъ выйти изъ шильдинскихъ садовъ на равнину, съ которой уже видѣнъ весь правый берегъ Алазани, какъ кто-то изъ милиціонеровъ сказалъ:

— Князь, посмотрите!

Князь оглянулся и увидѣлъ, что пять или шесть деревень уже въ огнѣ и, въ томъ числѣ, Цинодалы.

Князь понялъ, что онъ уже опоздалъ, что горцы успѣли переправиться на правую сторону Алазани.

Приказавъ, однако, пѣхотѣ идти Форсированнымъ маршемъ, князь съ милиціей опередилъ ее и поспѣшилъ къ переправѣ. Но, подойдя къ рѣкѣ, онъ увидѣлъ всю невозможность переправиться съ пѣшими людьми вбродъ, по причинѣ волновавшя рѣки. Когда подошла регулярная пѣхота съ орудіями, князь приказалъ сдѣлать шесть выстрѣловъ, чтобъ ободрить остававшихся на правомъ берегу: онъ еще не могъ вообразить, что тамъ уже давно никого не оставалось.

Здѣсь, въ первыя минуты вынужденнаго бездѣйствія, на берегу рѣки, отдѣлявшей князя отъ всего, что было для него драгоценнаго на землѣ, и что, быть-можетъ, подвергалось уже всѣмъ ужасамъ хищническаго нападенія, въ первый разъ въ душѣ князя человѣческія чувства отца и мужа вступили въ борьбу съ чувствомъ служебнаго долга.

Чувство долга внушало князю желаніе столкнуться, во что бы ни стало, съ непріятелемъ и наказать его за опустошенія, совершенныя имъ безъ всякаго сопротивленія; чувства же чловека и семьянина внушали опасеніе, что, при преслѣдованіи, онъ легко могъ бы встрѣтиться съ шайкой, влекущей его семейство, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, плѣнники пали бы подъ кинжалами своихъ похитителей.

Борьба была тягостна. Она подрывала бодрость душевную и могла уничтожить всякое присутствіе духа; но, къ счастью, она не была продолжительна.

(*) И дѣйствительно, всѣ искавшіе спасенія въ лѣсу были спасены.

Чувство служебнаго долга превозмогло всѣ прочія. Князь перекрестился , поручилъ Богу судьбу своего семейства, отступилъ отъ переправы , сдѣлалъ засаду и рѣшился выжидать возвращенія хищнической партіи.

Въ засадѣ оставался князь отъ двѣнадцати часовъ дня до пяти часовъ вечера (*). Въ этотъ промежутокъ времени находили на засаду двѣ или три партіи, но не тѣ (къ-счастью или къ-несчастью?!), съ которою было похищенное семейство князя. Засада была на весьма-выгодной позиціи ; хищниковъ можно было подпускать на самое-близкое разстояніе , такъ-что они не могли и думать о спасеніи...

Князь еще ничего вѣрнаго не зналъ о положеніи циноыдальскихъ жителей и потому распоряжался съ полнымъ хладнокровіемъ ; но вскорѣ ужасная истина стала уясняться для него болѣе-и-болѣе. Послѣ уничтоженія второй партіи, наткнувшейся на засаду князя, люди его п милиціонеры, по древнему грузинскому обычаю, стали приносить и бросать къ ногамъ своего помѣщика и начальника головы убитыхъ хищниковъ, а также добычу, найденную въ ихъ суммахъ. Взглянувъ на груды набросанныхъ къ ногамъ его вещей, князь онѣмѣлъ отъ ужаса : передъ нимъ лежали разныя вещи изъ столовой , спальни, дѣтской и другихъ комнатъ его цинондаляскаго дома. Князь не могъ вымолвить ни одного слова. Какъ-бы для-того, чтобъ убѣдиться въ поразительной истинѣ, онъ оглянулся на Оскара, преданнаго своего слугу, ни на минуту его неоставлявшаго : Оскаръ понялъ этотъ нѣмой вопросъ и отвѣчалъ:

-1- Вы сами, князь, видите, откуда всѣ эти вещи...

Но еще не настало время предаваться горести. Еще надобно было дѣйствовать, и потому не слѣдовало терять бодрости, остатокъ которой; впрочемъ, еще поддерживался въ душѣ князя слабобою надеждой , что , можетъ-быть , хищники успѣли завладѣть только оставленнымъ въ Цинондалахъ имуществомъ, что, можетъ-быть, не всѣ покинули тамъ беззащитныхъ женщинъ, и что кто-нибудь успѣлъ вывести ихъ изъ дома...

Въ 5 часовъ вечера князь Чавчавадзе получилъ отъ князя Ратіева требованіе о подкрѣпленіи, и потому долженъ былъ сняться съ позиціи. Па дорогѣ къ Шильдамъ князь освѣдомлялся у за-

(*) По показанію князя, въ это. время мучительнаго недоумѣнія и ожиданія, онъ часто смотрѣлъ на часы,

алазанскихъ жителей, какою дорогой" долженъ возвращаться не-
пріятель при отступленіи къ Похали. Получивъ въ отвѣтъ, что
хищники, по всѣмъ соображеніямъ, должны возвращаться по по-
дошвѣ Концхевской Горы, князь тотчасъ отдѣлилъ отъ себя двѣ
роты, при двухъ орудіяхъ, поручивъ начальство надъ ними Мин-
грельскаго Егерскаго Полка капитану *Хитровѣ* и приказалъ ему
занять гору Концхи, выждать возвращенія главной партіи и, за-
вязавъ съ нею дѣло, отбить хоть сколько-нибудь плѣнныхъ. Рас-
поряженіе это обличало въ князѣ уже окончательный перевѣсъ
внушеніи служебнаго долга надъ опасеніями за свое семейство,
жизнь котораго этимъ самымъ распоряженіемъ подвергалась но-
вой опасности!

Отправивъ капитана *Хитровѣ*, самъ князь *Чавчавадзе* поспѣ-
шилъ къ Шильдамъ. При первомъ натискѣ его маленькаго отря-
да, бросившагося на горцевъ съ крикомъ ура, непріятель началъ
отступать къ м. *Хандо*. Только человекъ съ пятнадцать осталось
въ церкви для грабежа. Князь *Давидъ* приказалъ прапорщику
Грузинской Пѣшей Дружины *Мамацеву* выбить изъ церкви граби-
телей. Прапорщикъ *Мамацевъ* бросился впередъ—и первый палъ
замертво у дверей, церкви; вслѣдъ за тѣмъ пали шестеро мили-
ціонеровъ. Видя невозможность безъ значительной потери уничто-
жить хищниковъ, князь приказалъ обложить хворостомъ церковь
и зажечь ее. Хищники погибли въ пламени, изъ церкви выбѣ-
жали только четыре человекъ и были изрублены на мѣстѣ.

Тѣмъ и кончилось дѣло въ Шильдахъ.

Въ 9 часовъ вечера князь *Давидъ* получилъ записку отъ ка-
питана *Хитровѣ*. Онъ писалъ, что непріятель, возвращавшійся съ
добычею и плѣнными изъ *Цинондалъ* и другихъ селеній праваго
берега *Алазани*, дѣйствительно имѣлъ намѣреніе пройти у по-
дошвы горы *Концхи*, но что онъ (*Хитровѣ*) встрѣтилъ его огнемъ
изъ орудій и батальнымъ ружейнымъ; что есть нѣсколько
оставленныхъ тѣлъ и отбито нѣсколько живыхъ плѣнниковъ. Въ
заключеніе *Хитровѣ* спрашивалъ: сняться ли ему съ позиціи, или
оставаться. Опасаясь, чтобъ ночью горцы не возобновили напа-
денія на отрядъ капитана *Хитровѣ*, князь *Чавчавадзе* послалъ къ
нему приказаніе тотчасъ же возвратиться въ Шильды.

На другой день была послана команда къ горѣ *Концхи* для по-
добранія оставшихся тамъ мертвыхъ тѣлъ. Въ числѣ командиро-
ванныхъ было и нѣсколько человекъ изъ собственныхъ людей
князя *Давида*. Между мертвыми тѣлами была найдена младшая

дочь князя, четырехмѣсячная Лидія, безъ ранъ, только съ маленькимъ синимъ пятномъ на лѣвомъ вискѣ. Безъ вѣдома князя, тѣло малютки было отправлено въ Цинондалы и предано тамъ погребенію въ перкви св. Георгія. Еще въ числѣ убитыхъ при перестрѣлкѣ у горы Концхи, найдена Дареджана, жена Мераба Гамгрелидзе, управляющаго имѣніемъ князя Давида. У нея нашли двѣ пули въ головѣ и изрубленные плечи. Все это, пока, скрыли отъ князя, оставивъ его въ недоумѣніи, еще болѣе мучительномъ, чѣмъ самая горькая извѣстность. Князю совѣтовали, да и самъ онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе сѣздить въ Цинондалы, но онъ не рѣшался оставить отрядъ до 6-го числа, когда въ Шильды прибылъ полковникъ Кульманъ; въ послѣдствіи же не рѣшался ѣхать въ Цинондалы, потому-что ѣхать было уже не за чѣмъ: вся истина страшнаго событія была ему открыта помощникомъ и дальнимъ родственникомъ его, капитаномъ княземъ Романомъ Чавчавадзе.

8-го іюня князь Давидъ имѣлъ свиданіе съ начальникомъ Лезгинской Кордонной Линіи, генерал-майоромъ княземъ Меликовымъ, прибывшимъ въ этотъ день съ отрядомъ въ м. Кварель. Князь отдалъ начальнику отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и 10-го числа отправился въ Тифлисъ. Въ Телавѣ встрѣтили его мужъ сестры его : дѣйств. ст. сов. баронъ А. П. Николаи и тифлисскій вице-губернаторъ, полковникъ М. П. Колюбакинъ, которые еще 7-го числа приглашали князя въ Телавъ или просили дать имъ средства прибыть къ нему за Алазань.

Вмѣстѣ съ барономъ Николаи Давидъ отправился въ Тифлисъ.

Оканчивая здѣсь описаніе перваго эпизода трагическаго событія, нельзя пропустить безъ вниманія дѣйствія двухъ лицъ, наиболѣе въ эти дни доказавшихъ свою благородную неустрашимость и преданность семейству, посѣщенному бѣдствіемъ. То были: дальній родственникъ князя Давида, князь Бульбакъ Чавчавадзе, и имеретинскій дворянинъ прапорщикъ Мерабъ Гамгрелидзе, управляющій имѣніемъ князя Давида, тогъ самый, котораго жена была убита въ дѣлѣ у горы Концхи. Первый изъ этихъ лицъ, то-есть князь Гульбатъ, за нѣсколько дней до выѣзда князя Давида изъ Цинондалъ, отправился въ селеніе Мукузани, находящееся на правомъ же берегу Алазани, но дорогѣ отъ Телава къ Сигнаху. Второй же, по нѣкоторымъ хозяйственнымъ дѣламъ, былъ посланъ за Алазань въ деревню князя Давида, Напареули. Когда, 3-го іюля, съ двухъ совершенно-противоположныхъ концовъ завидѣли

они пожаръ въ Шильдахъ и догадались, что князь въ опасности, тогда оба захватили съ собою по пяти или по шести человѣкъ охотниковъ и поскакали на вѣрную смерть въ Шильды, чтобъ только узнать, въ какомъ положеніи князь Давидъ. Всѣ шильдинскіе защитники видѣли, какъ Гамгрелидзе попалъ на враждебную партію и бѣжалъ отъ нея къ Шильдамъ. Едва избѣгнувъ опасности за воротами шильдинскаго укрѣпленія, онъ, однакожь, прежде всего подумалъ не о себѣ, а о томъ, кого онъ такъ безстрашно отыскивалъ: завидѣвъ въ толпѣ князя Давида, онъ снялъ шапку и три раза медленно перекрестился.

Князь Гульбатъ прискакалъ въ Шильды часомъ позже.

Оба они оставались при князѣ Давидѣ въ теченіе 3-го числа, а на другой день участвовали въ движеніи князя къ переправѣ. Здѣсь, видя невозможность переправить пѣшій отрядъ, они, несмотря ни на какія увѣщанія князя Давида, переправились верхомъ вбродъ черезъ рѣку, и только съ пятнадцатью охотниками поскакали къ пылающимъ Цинондаламъ. Къ счастью своему, они опоздали: въ разграбленномъ дворѣ и домѣ уже никого не было; домъ, какъ свѣча, пылалъ посреди совершенной тишины, и только посреди пожарища нашли они почти столѣтнюю старуху, Марину, нянюку трехъ поколѣній семейства Чавчавадзе (*). Въ одной рубашкѣ, съ распущенными сѣдыми волосами, ветхая старуха сидѣла на обгорѣлыхъ развалинахъ дома, создавагося на ея памяти, и, по обычаю здѣшнихъ похоронныхъ плакальщицъ, выла и вопила съ разными причитаньями, безсвязную пѣсню о совершившемся на глазахъ ея бѣдствіи, чаще всего приговаривая: «Давидъ, Давидъ, гдѣ ты? Зачѣмъ тебя нѣтъ здѣсь, чтобы помочь своему семейству?...»

III.

Нападеніе на Цинондалы. — Первый эпизодъ похищенія.

Между-тѣмъ, нѣсколькими днями ранѣе, въ Цинондалахъ происходило слѣдующее :

(*і Марина-гаидели (то-есть няня-Марина) была въ Россіи съ дѣдомъ князя Давида, княземъ Герсеваномъ, бывшимъ тамъ въ качествѣ посланника отъ царя Ираклія къ императрицѣ Екатеринѣ II; нянчила отца князя Давида, потомъ его самого, и наконецъ пестовала дѣтей его.

Послѣ отъѣзда князя Давида за Алазань, а именно 3-го поля, (въ субботу утромъ) съ балкона цинондальскаго дома уже были видны зарева пожаровъ по ту сторону рѣки (*). Зрѣлище было живописно, но не казалось ни грознымъ, ни опаснымъ (**), тѣмъ неменѣе, однако, хозяйка дома, княгиня Анна Ильинична Чавчавадзе, не упускала изъ вида предосторожностей.

Въ тотъ же день она отдала нѣсколько приказаній сельскому нацвалу (старостѣ) относительно мѣръ къ оборонѣ селенія и господскаго двора. Послѣдній въ-особенности легко было бы защитить съ самымъ малымъ количествомъ людей, такъ-какъ кругомъ всего двора выведена высокая каменная стѣна, которая, при малѣйшей оборонѣ, сдѣлалась бы неодолимой для лезгинъ преградой. Но, по безпечности, или отъ страха, а болѣе всего потому, что многіе изъ нихъ въ то же утро были взяты въ мѣлицію телавскимъ уѣзднымъ начальникомъ, княземъ Андрониковымъ, поселяне не исполнили ни одного изъ распоряженій княгини. Между ними были весьма-иреданные люди. Такъ, на-примѣръ, цинондальскій *гзыри* (то-есть подстароста) Туріамъ-Сукли-швили, и простой крестьянинъ Василій Месхіевъ, 3-го іюля являлись въ господскій дворъ съ арбами и убѣждали княгиню ѣхать съ ними въ лѣса.

«Мы обязаны» говорили они: «спасти васъ. Опасность велика. Изъ аробъ мы сдѣлаемъ для васъ ограду и будемъ васъ караулить. Для дѣтей разобьемъ палатку» и т. д. (***).

Увѣщанія поселянь ни къ чему не послужили. Престарѣлая княгиня Тинія Орбеліани въ-особенности не вѣрила опасности и ни за что не соглашалась удалиться въ лѣсъ. Что касается до княгини Чавчавадзе, то она, хотя и вѣрила опасности, однако никакъ не могла предположить, чтобъ *никто* изъ родныхъ или ближнихъ сосѣдей не предупредилъ о ея близости, или не предложилъ какихъ-нибудь совѣтовъ или общихъ мѣръ къ спасенію. Въ томъ же селеніи жили семейства князей Гульбата и Романа Чавчавадзе, но они уѣхали заблаговременно. Жена князя Романа,

(*) Алазань протекаетъ отъ Цинондаль верстахъ въ десяти.

(**) Показаніе Французенки г-жи Дрансѣ: «да а ете pittóresque et ne nous paraissait nullement menagant...»

(***) Сынъ Василья Месхіева, дворовый мальчикъ 13 лѣтъ, не согласился оставить дома и уѣхать съ отцомъ своимъ, говоря, что если его маленькій князь погибнетъ, то и онъ съ нимъ тоже.

передъ отъѣздомъ, присылала свою служанку сказать, что какіе-то молодые люди пріѣхали къ нимъ изъ Телава и совѣтуютъ выѣхать въ этотъ городъ; но когда княгиня Анна Рільнична послала просить къ себѣ этихъ молодыхъ людей для личнаго совѣщанія, то никто изъ нихъ не явился на ея приглашеніе. Это происходило поутру, въ то самое время, когда все цинондальское семейство находилось въ церкви и слушало молебенъ о благополучномъ окончаніи наступившаго тревожнаго времени. Священникъ, служившій молебенъ, только-что возвратился самъ изъ Телава и увѣрилъ всѣхъ въ совершенной безопасности.

Въ тотъ же день, часовъ въ 8 вечера, возвратился съ Алазани посланный туда княгиней человѣкъ и извѣстилъ, что одна партія лезгинъ уже переправилась по сую сторону рѣки и стоитъ на берегу, но что телавскій уѣздный начальникъ, князь Андрониковъ, стоитъ тамъ же съ сильной милиціей.

Этотъ моментъ былъ послѣднимъ удобнымъ моментомъ для бѣгства; но никто имъ не воспользовался.

Вѣстнику не повѣрили. Княгиня Тинія и Дареджана Гамгрелидзе увѣряли, что у него отъ страха были глаза велики. Княгиня Тинія даже стала строго наблюдать, чтобъ никто не говорилъ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ объ опасности. Княгиня же Анна Ильинична была такъ занята груднымъ своимъ ребенкомъ, четырехмѣсячной Лидіей (которую сама и кормила), что не имѣла возможности войти во всѣ подробности своего положенія, и потому какъ-то охотно предоставляла другимъ распоряжаться въ домѣ вмѣсто себя.

Часа черезъ полтора привели въ домъ какого-то незнакомаго человѣка. Онъ былъ весь мокрый, рассказывалъ, что бѣжалъ отъ преслѣдованія лезгинъ, что спасся отъ нихъ перебравшись вплавь черезъ Алазань, выдавалъ себя за сигнахскаго духанщика (*) и просилъ ночлега въ цинондалекомъ домѣ. Просьбу его не смѣли исполнить безъ позволенія княгини. Княгиня дозволила: но черезъ нѣсколько времени замѣтила, что онъ во дворѣ заряжаетъ ружье; это возбудило въ ней подозрѣніе, и она немедленно снабдила троихъ изъ остававшихся еще въ домѣ людей (**), ружьями, порохомъ и пулями, приказавъ имъ ни на одно мгновеніе не остав-

(*) То-есть содержатели мелочной лавки.

(**) Бондаря Давида Батіа-швили, садовника Адама Чичіа-швили и столяра Соломона Чичіа-швили.

лять сигналамъ духанщика безъ зоркаго присмотра, а въ случаѣ какого-нибудь подозрительнаго или злоумышленнаго съ его стороны поступка, убить его.

Во время этихъ распоряженій, прибылъ изъ Шильдъ милиціонеръ съ извѣстной уже намъ запиской отъ князя Давида. Записка эта, конечно, успокоила цинондальскихъ жительницъ за участь князя, но еще болѣе успокоила она ихъ за ихъ собственную безопасность. По прочтеніи записки, кто-то изъ нихъ сказала: «Хорошо, что мы не ушли въ лѣсъ: вотъ теперь поспѣемъ и въ Телавъ». Прочіе подумали то же самое. Но такъ-какъ на всякій случай не мѣшало спросить совѣта у князя, то княгиня Варвара Ильинична и написала ему записку, въ которой спрашивала о степени опасности и о томъ, куда имъ ѣхать. Читатели, конечно, хорошо помнятъ и эту записку, на которую князь уже не имѣлъ времени отвѣчать.

Въ ожиданіи отвѣта князя, княгини продолжали мѣшкать и оставаться дома. Впрочемъ, съ вечера же онѣ посылали въ Телавъ за почтовыми лошадьми, но получили отвѣтъ, что лошади не могутъ быть присланы ранѣе завтрашняго утра. Это обстоятельство тоже не слишкомъ встревожило княгинь, которыхъ болѣе всего обнадеживала близость лѣса, гдѣ, по увѣренію ихъ, можно было скрыться въ полчаса сто разъ. Лѣсъ этотъ былъ такъ густъ, что въ прежнее время чащею своею всегда представлялъ большія затрудненія искателямъ или искательницамъ грибовъ, и не выпускалъ изъ себя никого иначе, какъ съ разорваннымъ платьемъ.

Съ наступленіемъ ночи нужно было, однакожъ, принять какія-нибудь предосторожности. Княгиня Анна Ильинична призвала тѣхъ же троихъ людей, которыхъ прежде вооружила для присмотра за подозрительнымъ духанщикомъ: одному изъ нихъ приказала караулить на высокой сушильнѣ, бывшей у воротъ; другому поручила продолжать присмотръ за духанщикомъ, прежде обезоруживъ его; третьяго послала она на бельведеръ, съ котораго можно было слышать конскій топотъ даже за Алазанью, и на которомъ, чрезъ нѣсколько времени, все семейство было найдено горцами...

Вскорѣ послѣ этихъ распоряженій, все семейство предалось спокойному сну. Княгиня Анна Ильинична легла позже всѣхъ и, быть-можетъ, волнуемая предчувствіемъ, долго не засыпала. Она обходила караульныхъ и заставала ихъ на мѣстахъ; но зная, что всѣ болѣе хищническія нападенія дѣлаются обыкновенно ночью, а не днемъ, княгиня къ утру немного успокоилась и заснула съ

мыслью, что съ разсвѣтомъ и днемъ ничего подобнаго случиться не можетъ. На зарѣ со двора раздался выстрѣлъ... Это былъ предательскій сигналъ мнимаго духанщика, котораго, вопреки приказанію княгини, не обезоружили съ вечера. Во второй разъ не были исполнены распоряженія княгини — и это привело къ гибели весь домъ.

Сигналъ предателя, безъ-сомнѣнія, бывшаго лазутчикомъ горцевъ, увѣдомлялъ ихъ, что Цинондалы беззащитны, что можно безнаказанно прійти и ограбить ихъ... По выстрѣлу, весь домъ поднялся на ноги. Ни духанщика, ни людей, разставленныхъ съ вечера на караулъ, уже не нашли ни во дворѣ, ни въ саду, ни на указанныхъ имъ мѣстахъ. Княгиня, по несчастью, утомленная безпокойною ночью, еще спала и ничего этого не слышала. Служанки всѣ были испуганы и растеряны, не будили княгини и боялись ей сказать о приближеніи хищниковъ, медленно одѣвальныхъ, поили ихъ чаемъ... Кромѣ-того, тотъ, кто знакомъ съ Цинондалами и ихъ мѣстностью, вѣроятно, помнить, что въ самомъ небольшомъ разстояніи отъ дома есть купа густыхъ деревьевъ, называемая *кондольскимъ деревомъ съ образомъ*: оно-то и дало прибѣжище хищникамъ на ночь, и они, какъ должно полагать, проведя тамъ ночь, оттуда, уже незамѣченные, пустились къ цинондальскому дому, и ихъ можно было усмотрѣть только въ пятиминутномъ разстояніи отъ дома. Между-тѣмъ, встала княгиня и начала торопить всѣхъ къ отъѣзду; было уже семь часовъ. Въ это самое время пріѣхалъ съ почтовыми лошадьми изъ Телава г. Горличенко, тамошній уѣздный врачъ и домашній докторъ семейства князя Чавчавадзе (*). По прибытіи лошадей, въ ту жь минуту стали запрягать ихъ въ дорожный экипажъ. Деньги, брильянты и нѣкоторыя драгоценныя вещи поспѣшно уложили въ экипажныя сумки и ящики. Княгиня Анна Ильинична стояла на балконѣ и нетерпѣливо торопила женщинъ, таскавшихъ и укладывавшихъ въ экипажъ разныя вещи. Было уже восемь часовъ, какъ вдругъ со двора раздался голосъ проживавшаго въ домѣ, отстав-

(*) Пріѣздъ г. Горличенко въ Цинондалы, въ такое время, когда явная опасность угрожала всей окрестной странѣ, составляетъ замѣчательную черту благороднаго самоотверженія. При вторженіи лезгинъ въ цинондальскій домъ, г. Горличенко выстрѣломъ изъ пистолета повалилъ перваго попавшагося ему въ дверяхъ горца и, выбѣжавъ въ садъ, успѣлъ найти спасеніе.

наго штабс-капитана Егора Оедоровича Ахвердова. Онъ закричалъ *modianъ* (идуть!), и этотъ крикъ оцѣпенилъ ужасомъ всѣхъ его услышавшихъ (*). Люди отъ экипажа бросились въ разныя стороны. Княгиня съ балкона поспѣшила въ комнаты, собрала всѣхъ, бывшихъ въ домѣ, и приказала идти въ верхъ, по лѣстницѣ, ведущей на бельведеръ. Мѣра эта была принята не для спасенія, которое ни въ какомъ случаѣ уже не казалось возможнымъ, но для того, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ встрѣтить и раздѣлить одинаковую участь.

Когда всѣ были уже наверху, появился какой-то неизвѣстный крестьянинъ, съ пилою. Онъ предложилъ княгинямъ защищать ихъ и совѣтовалъ подпилить лѣстницу, что и принялся немедленно исполнять; но княгиня Анна Ильинична, почитая бесполезною защиту одного человѣка противъ несметной толпы, а уничтоженіе лѣстницы считая мѣрою, которая могла бы повести за собою только поджогъ бельведера хищниками, настоятельно приказала крестьянину перестать пилить лѣстницу и совѣтовала ему самому спастись и взять съ собою мальчика (сына Василия Месхіева), который до этой минуты не хотѣлъ покидать господъ своихъ. Крестьянинъ взялъ мальчика, и они скрылись.

Женщины и дѣти остались однѣ на бельведерѣ. Невыразимый испугъ и отчаяніе овладѣли всѣми, кромѣ княгини Анны Ильиничны и княгини Варвары Ильиничны. Первая изъ нихъ прежде всего обращается къ Французенкѣ, г-жѣ Дрансѣ, съ слѣдующими словами : «*Madame Drancey ! quelle fatale destinde vous reunit à nous en ce moment ! Pardonnez moi d'en avoir dtd plus ou moins la cause(**)!..*» Въ то же время княгиня опасается, чтобъ крикъ дѣтей не привлекъ вниманіе хищниковъ, уже наполнившихъ нижній этажъ дома. Она старается уговорить ихъ, а младшей своей малюткѣ, четырехмѣсячной Лидіи, даетъ сосать грудь свою.

(*) Возвѣстивъ страшную новость, больной и безоружный г. Ахвердовъ бросился въ садъ искать спасенія, добѣжавъ до крайнихъ деревьевъ сада , растущихъ наклонно надъ рѣкой Чобахура , взлѣзъ на одно изъ деревьевъ, которое подъ тяжестью его отклонилось въ сторону и, повиснувъ такимъ-образомъ на вѣтвяхъ, въ Зи-ти-саженной высотѣ надъ водою, онъ пробылъ въ этомъ положеніи цѣлыя сутки, и тѣмъ спасся отъ гибели и отъ плѣна.

(**) То-есть: «Г-жа Дрансѣ! Какой роковой случай соединяетъ васъ съ нами въ такую минуту ! Простите мнѣ , если я болѣе или менѣе была тому причиной!...»

Княгиня Варвара Ильинична также не лишается присутствія духа. Она боится только одного: быть свидѣтельницей гибели кого-нибудь изъ бывшихъ съ нею, и поэтому рѣшается умереть прежде всѣхъ; съ этой цѣлью она приближается къ дверямъ и, обратившись къ нимъ лицомъ, смѣло ожидаетъ появленія враговъ. Рядомъ съ нею становится княжна Нина Баратова. Въ это самое время княгиня Анна Ильинична, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, опускается на колѣни, спиною къ двери, *чтобъ не видѣть удара, когда его занесутъ надъ ея головою*, а остальные лица всѣ группируются въ одну тѣсную толпу, стоя также на колѣняхъ и прижимаясь другъ къ другу.

Въ такомъ положеніи все семейство оставалось около часа, по возможности сохраняя молчаніе.

Этотъ часъ былъ необходимъ хищникамъ, чтобъ обшарить двадцать-двѣ комнаты нижнихъ этажей. Но каковъ былъ этотъ часъ для беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, пріютившихся въ бельведерѣ!.. Съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца прислушивались онѣ къ доходившимъ до нихъ звукамъ : то были звуки шропливой бѣготни, отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей, отпираемыхъ и ломаемыхъ ящиковъ, разбиваемыхъ стеколъ... Иногда какъ-то странно звучали клавиши Фортепьяно, вѣроятно, подвергавшіяся испытанію или любопытству дикарей...

Медленность хищниковъ, предавшихся исключительно грабежу, нѣсколько даже ободряетъ несчастныхъ: имъ приходитъ на мысль попытаться найти хоть кому-нибудь спасеніе въ бѣгствѣ. Княгиня Варвара Ильинична смѣло отворяетъ дверь и спускается по лѣстницѣ на площадку втораго этажа, чтобъ посмотреть, нельзя ли оттуда спустить черезъ окно хоть старшихъ дѣтей, Саломе и Марію, которыя со двора могли бъ какъ-нибудь убѣжать въ лѣсъ; но рекогносцировка княгини убѣждаетъ ее въ несбыточности этого плана: чрезъ нижнюю лѣстницу она видитъ много народа, занятаго разбиваніемъ дверей въ кабинетъ князя Давида, и возвращается въ бельведеръ. Вскорѣ послѣ нея рѣшается спуститься съ лѣстницы княгиня Тинія Орбеліани—и уже не возвращается (*).

(*) Престарѣлая княгиня Тинія сама хорошенько не помнитъ, что въ это время сбилось съ нею Кажется, что, завидѣвъ горцевъ, она, въ безсознательномъ испугѣ, искала безопасности въ какомъ-то чуланѣ, гдѣ, по особенному счастью, дѣйствительно нашла спасеніе.

Одна изъ служанокъ запираетъ дверь на крючокъ и тѣмъ еще на нѣсколько минутъ продолжаетъ мученія страшнаго ожиданія.

Княгиня Анна Ильинична молится и прислушивается.

Вотъ, наконецъ, идутъ...

Идутъ легкою и скорою поступью. Двое или трое вошли по лѣсенкѣ... Но сначала они отправились въ сосѣднюю комнатку бельведера и начали бросать оттуда, черезъ окно, внизъ подушки и матрацы, обыкновенно хранившіеся здѣсь на случай пріѣзда гостей. Исполнивъ это, хищники какъ-будто удаляются... Они сходятъ обратно внизъ по лѣсенкѣ... Можетъ-быть, они не заглянуть въ Комнату трепещущихъ заключенницъ... Можетъ-быть!.. Напрасная надежда! Они взбираются снова на лѣсенку... Но только ихъ уже не двое и не трое, а болѣе. Они приближаются къ запертой двери, колеблуть ее, но несильно и не рѣшительно, такъ-что слабая дверь имъ не уступаетъ... Они какъ-будто опасаются встрѣтить вооруженную засаду...

Наконецъ, вотъ кто-то сильнѣе и рѣшительнѣе рванулъ дверь, и она отворилась. Толпа хищниковъ останавливается на порогѣ и... раздражается громкимъ хохотомъ, который можно объяснить только тѣмъ, что хищники обрадованы и размѣшены встрѣчею беззащитной толпы женщинъ и дѣтей тамъ, гдѣ они, быть-можетъ, ожидали найти засаду... На этотъ неожиданный, дикій, радостный и вмѣстѣ ироническій хохотъ, испуганныя дѣти отвѣчаютъ страшнымъ визгомъ и плачемъ. Княгиня Анна Ильинична, съ ребенкомъ у груди, поднимается на ноги и готова уже лицомъ къ лицу встрѣтить смерть... Въ это самое время княгиню Варвару Ильиничну довольно-осторожно сводятъ съ лѣстницы... Вслѣдъ за княгиней Варварой Ильиничной и всѣ прочія заключенницы дѣлаются *плѣнницами*. Ихъ безъ разбора хватаютъ рослые и сильные чеченцы (какъ оказалось впослѣдствіи; то были не лезгины, а чеченцы) и толпою кидаются на лѣстницу. Лѣстница, снизу подпиленная, рушится подъ тяжестью похитителей и похищенныхъ. Всѣ кучею падаютъ внизъ, ушибаются, давятъ другъ друга. Ребенокъ выпадаетъ изъ рукъ княгини Анны Ильиничны, откатывается въ сторону, и она сробственными глазами видитъ, какъ одинъ изъ чеченцевъ наступаетъ на него ногою... Нѣсколько оиравившись отъ паденія, похитители торопятся снова завладѣть каждый своею жертвою. Со второй лѣстницы уже не несутъ и не влекутъ, а скатываютъ ихъ всѣхъ, какъ съ наклонной плоскости. Раздается слово «ханша», и всѣ бросаются къ

княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ, оспариваютъ ее другъ у друга, кричать, обнажаютъ шашки и дерутся... Княгиня достается тому, кто первый завладѣлъ ею еще въ бельведерѣ.

Но здѣсь похищенные распредѣляются между похитителями, и каждое изъ похищенныхъ лицъ слѣдуетъ своей особой участи, отличающейся непохожими другъ на друга случайностями. Поэтому и рассказъ долженъ раздѣлиться на отдѣльные эпизоды, слѣдуя поочередно за каждымъ изъ главныхъ лицъ драмы. Но этимъ займутся слѣдующія главы рассказа.

IV.

Послѣдующіе эпизоды похищенія и возвращенія хищниковъ изъ-за Алазани.—Засада у горы Концхи.

Было уже сказано, что, въ моментъ похищенія, княгиня Варвара Ильинична Орбеліани стояла впереди всѣхъ, у дверей бельведера, и что горцы прежде всѣхъ ее повели съ лѣстницы. Поэтому и мы послѣдуемъ за нею прежде, чѣмъ за прочими жертвами хищническаго нападенія.

Одинъ изъ первыхъ чеченцевъ, взошедшихъ по лѣстницѣ на бельведеръ, приблизился къ княгинѣ Варварѣ Ильиничнѣ и хотѣлъ взять ее за талію. Княгиня инстинктивно отстранилась отъ этого насильственного объятія. Тогда чеченецъ, кое-какъ порусски и кое-какъ погрузински, торопливо объяснилъ княгинѣ, что ей бояться нѣчего. Княгиня, съ своей стороны, объяснила, что она желала бы по-крайней-мѣрѣ быть взята вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ; чеченецъ отказалъ въ этомъ несчастной матери и, прекративъ дальнѣйшій разговоръ, взялъ ее за руку и повелъ съ лѣстницы. Со второй лѣстницы онъ уже не вель, а несъ на рукахъ свою плѣнницу, перенесъ ее черезъ весь дворъ и посадилъ у колодца.

Здѣсь онъ оставилъ княгиню, чтобъ присоединиться къ прочимъ грабителямъ дома, но, уходя, запретилъ ей трогаться съ мѣста и совѣтовалъ прятаться отъ его товарищей, чтобъ не потерпѣть отъ нихъ обиды. Предостереженіе это со стороны чеченца конечно было не что иное, какъ боязнь, чтобъ кто-нибудь изъ его товарищей не завладѣлъ его живою и обѣщавшею хорошій выкупъ добычею въ то время, пока онъ будетъ продолжать грабежъ въ домѣ.

Тѣмъ не менѣе, однакожь , такая попечительность со стороны дикаря ободрила княгиню такъ , что она рѣшилась потребовать, чтобы ей принесли ея сына. Чеченецъ общалъ и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени княгинѣ дѣйствительно принесли ребенка, но это была Лидія, младшая дочь княгини Анны Ильиничны.

Съ малютки тутъ же сорвали одѣяльце и пеленки , имѣвшія на себѣ кружева, и потому, вѣроятно, показавшіяся слишкомъ роскошными.

Княгиня взяла на руки маленькую племянницу и оставалась съ нею у колодца до-тѣхъ-поръ , пока другой горецъ не пришелъ и не взялъ малютки, сказавъ , что ее требуетъ къ себѣ мать, то-есть княгиня Анна Ильинична.

Похититель же княгини Орбеліани долго не возвращался, оставляя ее въ страшномъ положеніи свидѣтельницы всѣхъ сценъ грабежа и опустошенія.

Изъ за-своего колодца княгиня видѣла, какъ вывели изъ дому, а потомъ посадили на лошадей и вывели за ворота г-жу Дрансѣ, дѣтей и одну изъ нянюшекъ; она видѣла, какъ навьючивалось и вывозилось домашнее имущество, какъ поджигали домъ. . . Сестры своей княгиня въ это время не видѣла , вѣроятно, потому, что княгиню Анну Ильиничну вывели со двора пѣшкомъ, а не на лошади, и, слѣдовательно, легко было ея не замѣтить посреди конной толпы.

Когда почти вся толпа уже выѣхала со двора , очередь дошла до княгини Варвары Ильиничны. Къ ней возвратился ея похититель съ четырьмя товарищами и предложилъ ей сѣсть на лошадь.

Лошадь и сѣдло были прекрасныя, и княгиня выѣхала такъ удобно и спокойно, какъ только это было возможно безъ привычки къ мужскому сѣдлу и съ чувствами, похожими на отчаяніе въ душѣ.

Одежда княгини, состоявшая изъ чернаго (траурнаго) суконнаго платья, осталась на ней нетронутою.

Переѣздъ до р. Кизисхеви совершился довольно-медленно, но благополучно. Въ это время похититель и проводники княгини успѣли дать ей понять ., что они знаютъ, ктѣ она, и знали ея мужа, когда онъ былъ въ плѣну у Шамиля. Горцы прибавляли, что онъ былъ храбрый *джигитъ*, то-есть молодецъ , и тѣмъ заслужилъ ихъ уваженіе.

До переправы ѣхали растянутою, разбросанною толпою. Кня-

гиню везли позади всѣхъ, и оттого она не могла видѣть никого изъ своихъ домашнихъ. Только спускаясь къ рѣчкѣ Кизисхеви, видѣла она вдали розовое платьѣ кормилицы своего сына, и это нѣсколько ее успокоило : она была увѣрена , что съ кормилицею ѣдетъ и ея маленькій Георгій.

За рѣкою шествіе продолжалось въ прежнемъ безпорядкѣ и разбродѣ, до самаго того мѣста , гдѣ возвращавшуюся изъ Циндалъ толпу ожидала засада подъ начальствомъ капитана Хитровѣ, то-есть до горы Концхи. Здѣсь хищники соединились въ одну массу для дружнаго бѣгства отъ неожиданно-встрѣтившейся имъ опасности...

Но прежде, чѣмъ будетъ описано это мгновеніе , необходимо возвратиться къ другимъ плѣнницамъ и посмотрѣть , что досталось каждой изъ нихъ на долю со времени похищенія до минуты приближенія ихъ къ засадѣ , то-есть съ 8 часовъ утра до 6 часовъ вечера. (*)

Возвратимся на бельведеръ.

Въ то самое мгновеніе , когда взяли и повлекли съ лѣстницы княгиню Варвару Ильиничну, а за нею и княгиню Анну Ильиничну , г-жа Дрансѣ стояла на колѣняхъ и закрывала себѣ лицо руками, ничего не видя, что вокругъ нея дѣлалось, и только слыша крики, вопли дѣтей и т. п.

Черезъ нѣсколько мгновеній она почувствовала себя на рукахъ горца съ обнаженной и обритой головою, съ краснымъ лицомъ, съ отвратительнымъ запахомъ (**).

Горецъ, показавшійся чудовищемъ испуганной Французенкѣ, понесъ ее съ лѣстницы, которая подъ ними обрушилась. На нижней площадкѣ со всѣхъ упавшихъ , ушибленныхъ и полумертвыхъ отъ страха женщинъ (со всѣхъ, за исключеніемъ княгини Орбеліани и княжны Баратовой) была болѣе или менѣе оборвана бывшая на нихъ одежда.

Г-жа Дрансѣ въ этомъ отношеніи потерпѣла не менѣе другихъ. Безжалостные и безстыдные грабители, торопившіеся захва-

(*) А, можетъ-быть, и позже, если принять въ соображеніе, что кн. Чавчавадзе только въ пять часовъ вечера отрядилъ капитана Хитровѣ къ горѣ Концхи.

(**) Je me sens prendre par un homme ii la t6te nue el raseé, ;) la figure rouge, sentant je ne sais plus quoi... Je me sens porter par ce monstre...

тить все , что только было возможно, разорвали все ея платье, и цѣлымъ остались на ней только рубашка, корсетъ и обувь (*). Въ такомъ положеніи вынесли ее на дворъ, посадили на порогъ старой прачечной и заставили держать въ-поводу двухъ лошадей, пока сами ходили доканчивать расхищеніе дома. Г-жа Дрансѣ всегда боялась лошадей, но въ эту минуту поняла, что нужно было повиноваться.

Въ то же время какой-то горець, въ чалмѣ (вѣроятно, мюридъ) , отогналъ отъ нея чеченца, перенесшаго ее съ бельведера, и приставилъ къ ней стражу изъ своихъ нукеровъ.

Оставаясь на указанномъ ей мѣстѣ , г-жа Дрансѣ не видѣла никого изъ прочихъ соучастницъ бѣдствія. Но въ это время она успѣла прійти въ самосознаніе и привести въ порядокъ свои мысли и ощущенія. Отчаяніе очень-скоро замѣнилось надеждою въ душѣ Француженки.

Это доказывается тѣмъ , что , по собственному ея показанію, первую мысль ея въ это время была слѣдующая: «Я вспомнила мою старушку-мать и моего десятилѣтняго сына, оставшихся во Франціи, и сказала себѣ, что мнѣ нужно только какихъ-нибудь три года, чтобъ успѣть научить Французскому языку одного изъ этихъ чудовищъ, чтобъ заставить его понять меня и помочь мнѣ возвратиться на милую родину» (**).

Часа черезъ полтора, тотъ же чалмоносный мюридъ приблизился къ обнадеживавшей уже себя Француженкѣ и , приказавъ ей сѣсть на лошадь, позади одного изъ своихъ нукеровъ, отправился съ нею вслѣдъ за остальной толпою...

Нукерь, за которымъ сидѣла Француженка, пригласилъ ее держаться покрѣпче за его поясъ, что она и не замедлила сдѣлать, замѣтивъ при этомъ, что чеченцы вообще сильны, ловки и статны...

Такимъ-образомъ доѣхали до переправы черезъ Кизисхеви. Скучная одежда г-жи Дрансѣ была совершенно-вымочена при этомъ случаѣ.

(*) ...ne me laissant rien excepté la chemise, ton corset et mes bottines de Paris...

(**) ...Ma première pensée était h ta vieille mère et è ton enfant, gargon de dix ans, et je me suis dit, qu'il faut que j'emploie tout-au plus trois ans pour faire apprendre la langue frangaise è un de ces monstres, pour me faire comprendre et m'aider à me sauver, afin de re voir ta cière patrie...

За рѣкою остановились на полчаса, и проводникъ г-жи Дрансѣ, вѣроятно, желавшій предохранить ее отъ сырости, одѣлъ ее своей буркою, а потомъ предложилъ ей горсть муки, которую онъ вынулъ у себя изъ кармана. Г-жа Дрансѣ отказалась отъ этой жалкой и грязной нищи.

Дальнѣйшее шествіе ея совершалось посреди стада быковъ, безпрестанно тѣснившихъ ея лошадей.

Было и неудобно и опасно; но надо было все переносить съ терпѣніемъ.

Стадо, посреди котораго слѣдовала Французенка, повели, какъ кажется, другою дорогою, то-есть не у подошвы горы Концхи, потому-что г-жа Дрансѣ не помнитъ никакой засады, никакой встрѣчи съ русскими.

Но горцы часто опасались преслѣдованія; въ нѣсколькихъ мѣстахъ пути они ускоряли ходъ стада и пускались почти вскачь...

Возвращаясь снова на бельведеръ, намъ остается прослѣдить приключенія княжны Баратовой и княгини А. И. Чавчавадзе.

На бельведерѣ княжна Баратова, какъ ужъ и было сказано, стояла возлѣ княгини В. П. Орбеліани.

Когда княгиню увели внизъ по лѣстницѣ, княжну Баратову взялъ какой-то очень-молоденькій горецъ, лѣтъ шестнадцати или семнадцати. Этотъ юный похититель, если судить по его щеголеватому костюму и вооруженію, принадлежалъ къ какому-нибудь знатному чеченскому роду. Но онъ не надѣялся на свои силы: княжна была исполнена жизни и цвѣтущаго здоровья; она могла отбиться отъ безбородаго хищника. Поэтому онъ поспѣшилъ прежде всего связать ей руки, позади спины, крѣпкой веревкой, а потомъ ужъ повелъ внизъ по лѣстницѣ свою плѣнницу.

Во дворѣ онъ далъ ей особую лошадь и оставилъ въ неприкосновенности весь, бывшій на княжнѣ, грузинскій костюмъ, пышность котораго, по всей вѣроятности, внушала ему болѣе уваженія, чѣмъ корысти или жадности.

Прочіе горцы, вѣроятно, также изъ особаго уваженія къ своему юному товарищу-армистократу, не покушались отбивать у него плѣнницу.

При переправѣ черезъ Алазань, княжна упала съ лошади въ воду, но ее вытащили за веревку, которою были связаны ея локти и которая только по ту сторону рѣки была развязана вслѣдствіе приказанія какого-то наiba.

Этотъ же самый наибъ, по просьбѣ княгини Орбеліани, рас-

порядился, чтобъ при молодой княжнѣ постоянно находились другія плѣнницы изъ грузинокъ, что и было постоянно исполняемо на всемъ пути до Похальской Башни , хотя молодой похититель княжны тоже ни на минуту не оставлялъ ея.

Слѣдуя такимъ образомъ за толпою, княжна, вмѣстѣ со всѣми, приближалась къ засадѣ у горы Концхи...

Но здѣсь мы должны въ послѣдній разъ вернуться назадъ, чтобъ разсказать о судьбѣ княгини А. И. Чавчавадзе, на долю которой съ самаго начала выпало наибольшее количество тяжкихъ впечатлѣній и поистинѣ самыхъ бѣдственныхъ, но въ то же время и самыхъ разнообразныхъ случайностей.

Мы разстались съ княгиней Анной Ильиничной въ ту минуту, когда , послѣ кровавой драки между похитителями , спорившими за нее, съ мыслью о большемъ за нее выкупѣ, какъ за хозяйку дома , за ханшу, какъ они тутъ ее называли , она снова досталась первому, взявшему ее съ бельведера, такому же чалмоносному мюриду, какимъ была взята и княгиня Орбеліани.

Первымъ послѣдствіемъ борьбы хищниковъ было то , что княгиня увидѣла себя почти безъ всякой одежды. Съ нея было нолоскутьямъ оборвано ея кисейное платье ; за платьемъ послѣдовало и все прочее, и наконецъ княгиня, подобно несчастной г-жѣ Дрансѣ, осталась лишь въ корсетѣ и рубашкѣ.

Стыдливость женщины была , однакожь , нѣсколько пощажена особеннымъ случаемъ : по счастью , изъ косы княгини выпалъ гребень , и длинные , прекрасные еще въ то время ея волосы, упавъ на грудь, плечи и спину, прикрыли ихъ собою, какъ платкомъ или мантилей (*).

Одна изъ ту^уей княгини также упала съ ноги ея и затерялась въ суматохѣ, и это незначительное обстоятельство впослѣдствіи значительно увеличило страданія плѣнницы.

Мюридъ , окончательно-завладѣвшій княгинею , сначала помѣстилъ ее въ разбитой уже и разграбленной гардеробной, а самъ ушелъ для продолженія грабежа.

Здѣсь княгиня наступила на гвоздь той самой ногою , которая оставалась безъ туФли, и сдѣлала себѣ довольно-глубокую рану.

(*) Длинные , густые и прекрасные эти волосы впослѣдствіи сдѣлались рѣдки отъ душевныхъ и **Физическихъ** страданій восьмимѣсячнаго плѣна.

Чрезъ нѣсколько времени *мюридь возвратился въ гардеробную и вывелъ оттуда княгиню на средину двора , посадилъ ее тамъ на землю и окружилъ нѣсколькими лошадьми, чтобъ сколько возможно закрыть свою добычу отъ завистливыхъ взоровъ своихъ товарищей.

Самъ же онъ въ это время прельстился брильянтовыми серьгами княгини и хотѣлъ вырвать ихъ изъ ушей: но княгиня употребила всѣ свои усилія , чтобъ защитить уши и серьги , и выразила, какъ могла, своему похитителю, что онъ получить серьги, если только отыщеть и принесетъ! , къ ней ея труднаго ребенка.

Горець отправился въ поискъ и вскорѣ принесъ маленькую Лидію, которую нашель и взялъ у княгини Варвары Ильиничны.

На малюткѣ была уже только одна рубашечка... Но радость княгини была велика, и брильянтова серьга были съ удовольствіемъ отданы горцу.

Чрезъ нѣсколько времени подошли другіе горцы и привели съ собою переводчика , говорившаго порусски. Чрезъ него спрашивали княгиню, не спрятаны ли гдѣ-нибудь деньги?

— Ничего нѣтъ спрятаннаго, отвѣчала княгиня:—ищите, вамъ никто не мѣшаетъ: а что найдете, никто у васъ не отниметъ.

— Гдѣ мужъ твой? спросили опять горцы.

— Онъ военный, и на службѣ, отвѣчала княгиня:—а гдѣ онъ теперь — я и сама не знаю.

Княгиня отвѣчала такимъ образомъ для того, чтобъ ей не могли сказать , что мужъ ея убитъ. Она не перенесла бы этого извѣстія, еслибъ даже и невпоинѣ ему повѣрила.

Вслѣдъ затѣмъ княгиня просила привести остальныхъ четверыхъ дѣтей своихъ. Горцы не повѣрили, чтобъ у такой молодой женщины могло быть пятеро дѣтей (*). Однакожь они привели къ княгинѣ всѣхъ ея дѣтей, исключая старшей, Саломе, которую не могли отыскать въ толпѣ.

Княгиня попросила нить. Ей принесли воды въ кокосовомъ ящикѣ , всегда стоявшемъ на столѣ въ гостиной. Когда княгиня поднесла къ губамъ этотъ странный сосудъ , на рукахъ ея увидѣли кольца и перстни, и тотчасъ же сорвали ихъ съ пальцевъ,

(*) Вѣроятно, потому не повѣрили, что у нихъ, въ горахъ, женщины, отъ чрезмѣрныхъ **Физическихъ** трудовъ, рано старѣются, и женщина, имѣющая пятерыхъ дѣтей, никогда не имѣетъ моложавой наружности.

въ томъ числѣ и обручальное. Мюридь, похититель княгини, не замѣтилъ этого поступка своихъ товарищей.

Вскорѣ отъ княгини увели всѣхъ ей дѣтей, кромѣ грудной Лидіи, объяснивъ при этомъ , чрезъ того же переводчика, что всѣ дѣти будутъ невредимы , что ихъ отведутъ къ Шамилю и что, поэтому, княгиня можетъ быть совершенно за нихъ покойна.

Эти увѣренія и въ-самомъ-дѣлѣ нѣсколько успокоили княгиню.

Вслѣдъ затѣмъ поднялись и стали собираться въ путь. Мюридь предложилъ княгинѣ сѣсть на лошадь ; но княгиня не могла взлѣзть на сѣдло, имѣя на рукахъ ребенка ; отдать же его, хоть на короткое время, кому-нибудь изъ чеченцевъ, боялась, и потому она предпочла идти пѣшкомъ.

Ходьба была трудна: песокъ и мелкіе камешки вмѣстѣ съ чулкомъ забивались въ рану ноги и причиняли нестерпимую боль. Княгиня поневолѣ отставала и тѣмъ навлекала на себя хотя и неслишкомъ-жестокіе , но тѣмъ неменѣе чувствительные и унижительные удары плети своего похитителя...

Эти страданія продолжались до переправы черезъ рѣку Кизисхеви.

Черезъ бродъ княгиня продолжала идти пѣшкомъ , съ ребенкомъ на рукахъ. Ее окружали и тѣснили конные всадники. Въ одномъ мѣстѣ брода оказалась значительная глубина. Княгиня погружилась въ воду до груди, потеряла равновѣсіе и была унесена теченіемъ.

Чеченцы успѣли выхватить ребенка изъ рукъ матери, а вскорѣ и сама княгиня была вытащена на противоположный берегъ безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ новаго, сильнаго испуга и совершенной влажности остававшейся на ней одежды.

На другомъ берегу рѣки княгиню , полуживую , совершенно-мокрую, мюридь посадилъ къ себѣ на сѣдло, и, видя, что у самой у нея не было никакой силы держаться , правую ея руку заткнулъ себѣ напередъ за ременный поясъ, крѣпко стянувъ его, чтобъ не вырвалась рука изъ-за пояса и чтобъ не упала его жертва.

Ребенка мюридь взялъ къ себѣ на руки.

Черезъ часъ хищники съ своими плѣнницами прибыли въ деревню Кандолы и мимоходомъ подожгли ее. За деревнею остановились для кратковременнаго отдыха.

Тутъ княгиня видѣла въ толпѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ горничныхъ дѣвушекъ. Одна изъ нихъ, Василиса (русская), приблизи-

..ось къ княгинѣ, держа на рукахъ сына ея, Александра (одного года и четырехъ мѣсяцевъ) , и сообщила ей , что онъ остается безъ кормилицы , которая , вѣроятно , идетъ съ другой толпою. Мюридь , понявъ въ чемъ дѣло , вытащилъ изъ своего кармана кусокъ сахару (конечно, взятаго изъ Цинондаля) и далъ его княгинѣ, чтобъ она передала сыну...

Вскорѣ приблизился къ княгинѣ какой-то человекъ въ темной чухѣ съ галунами, въ красной шапкѣ съ бѣлой чалмою вокругъ. Онъ обратился къ княгинѣ съ вопросомъ на хорошемъ русскомъ языкѣ:

— Кто вы, и вашъ ли ломъ сожженъ къ Цинондаляхъ'?

Княгиня назвала себя и отвѣчала утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ незнакомецъ: — не опасайтесь за себя: вы всѣ будете невредимы. Шамиль приказалъ, чтобъ никого изъ плѣнныхъ не обижали; если же отъ кого-нибудь изъ нихъ будетъ принесена жалоба , то слетитъ голова съ плечъ обидчика.

Княгиня, думалъ видѣть предъ собою человека съ вліяніемъ на своихъ единоземцевъ , попросила его приказать выдать ей ея платье. Незнакомецъ принялся немедленно отдавать какія-то приказанія, но его не послушали , и желаніе княгини осталось безъ исполненія.

Затѣмъ тронулись въ путь прежнимъ порядкомъ. До А л а з а ни былъ еще одинъ приваль. Здѣсь мюридь , похититель княгини, самъ подаль ей маленькую Лидію , чтобъ княгиня покормила ее грудью.

Въ то же время подошла и Василиса съ Александромъ , кричавшимъ и плакавшимъ въ разлукѣ съ своей кормилицей.

Василиса предложила княгинѣ покормить и Александра , но мальчикъ не взялъ незнакомой ему груди матери и продолжалъ раздирать ея сердце жалобнымъ крикомъ.

Выло отъ чего дойдти до послѣднихъ границъ отчаянія...

Но княгиня скорѣ была развлечена другимъ возмутительнымъ зрѣлищемъ : невдалекѣ отъ нея нѣсколько хищниковъ занялись сниманіемъ ризъ съ иконъ , похищенныхъ ими изъ цинондельскаго дома.

Одинъ изъ грабителей показалъ княгинѣ какую-то грузинскую книгу и сдѣлалъ видъ, что хочетъ разрубить ее.

Онъ желалъ этимъ оскорбить княгиню, предполагая, что книга, попавшаяся ему—изъ священныхъ книгъ, и что, потому, вѣроят-

но , княгинѣ будетъ больно видѣть ее разрубленною. Княгинѣ-христіанкѣ въ полномъ значеніи этого слова , да и всѣмъ раздѣлявшимъ съ нею постигшую ихъ участь, конечно, больно и тяжело было видѣть поруганіе святыни. Она сама въ эту минуту горячо молилась , чтобъ Богъ далъ ей силу и крѣпость претерпѣть все до конца.

Тутъ подошелъ опять мюридъ въ красной шапкѣ и заговорилъ порусски съ княгинею (*):

— Вѣроятно , вамъ хорошо извѣстно , сказала онъ: — каково укрѣпленъ Телавъ и можетъ ли быть успѣшно наше нападеніе на этотъ городъ?

— Я совѣтую вамъ идти туда, потому-что увѣрена, что никто изъ васъ оттуда не воротится , отвѣчала княгиня , хотя и знала, что въ Телавѣ не было почти никакой обѣроны.

Незнакомецъ прибѣгнулъ къ разнымъ , то лстивымъ , то угрожающимъ убѣжденіямъ , и въ-заключеніе вдругъ перешелъ къ вопросу:

— А сколько можетъ быть теперь войска въ Телавѣ?

Княгиня не задумавшись отвѣчала:

— Тамъ долженъ быть казаній полкъ, роты четыре пѣхоты и гарнизонъ въ крѣпости!... Вы хорошо сдѣлали бы, еслибъ сходили туда...

— Мы ѣ пойдемъ!^") .заклучилъ незнакомецъ, и отошелъ отъ княгини съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

Между-тѣмъ поднялись съ привала.

Василиса отправилась съ маленькимъ Александромъ.

Лидія, завернутая въ какой-то кучерской армякъ, осталась на рукахъ у княгини , которая попрежнему помѣстилась на лошадь позади своего похитителя.

На пути къ Алазани встрѣтилась княгинѣ другая женщина изъ ся служанокъ , прачка Варвара (полька) ; она сидѣла на лошади и держала на рукахъ четвертое дитя княгини, двухлѣтнюю Тамару.

Встрѣтившіяся успѣли обмѣняться нѣсколькими словами:

— Что, Варвара, ты не боишься? спросила княгиня.

— Нѣтъ , княгиня ; у насъ хорошій проводникъ : онъ давалъ * (**)

(") Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ изъ армянъ.

(**) П однакожъ, никто даже не приближался къ Тедаву, хотя тамъ далеко не было тѣхъ войскъ., которыми княгиня пугала своего собесѣдника,

княжнѣ кушать, отвѣчала преданная женщина, болѣе помышлявшая о своей маленькой госпожѣ, чѣмъ о себѣ самой.

Впродолженіе пути мюридъ, везшій княгиню, досталъ какой-то платокъ и хотѣлъ имъ завернуть ей лицо. Впослѣдствіи княгиня узнала, что у горцевъ всѣ женщины порядочнаго происхожденія не путешествуютъ иначе, какъ съ закрытыми лицами, и поняла намѣреніе своего мюрида; но въ то время она видѣла въ этомъ что-то опасное и не согласилась обернуть себѣ лицо платкомъ: чтобъ всякую опасность встрѣтить прямыми глазами... На бельведерѣ она не такъ разсуждала; но опасность и страданія съ тѣхъ-поръ уже успѣли прихитить къ себѣ душу страдальцы..

Вскорѣ пошелъ дождь и продолжался до самой переправы черезъ Алазань.

Во время переправы (вбродъ) ребенка взяли у княгини и возвратили снова только на другомъ берегу рѣки.

Здѣсь мюридъ хотѣлъ снять съ сѣдла свою плѣнницу для отдохновенія. Но всѣ члены княгини какъ отекли и онѣмѣли, что она была не въ-состояніи сойти съ лошади и потому предпочла остаться въ прежнемъ положеніи.

За Алазанью княгиня обогнала свою дворовую дѣвочку, 14-тилѣтнюю ЕвФроспнью. Она ѣхала въ бурнусѣ и въ соломенной Фуражкѣ маленькаго князя Александра и горько плакала о томъ, что горцы считали ее за генеральскую дочь.

Далѣе попадались чеченцы въ странныхъ костюмахъ: одинъ были завернуты въ женскіе платки или платья; на другихъ, сверхъ папахъ, были надѣты дѣтскія шляпки. Все это для княгини

...было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

Нѣкоторые изъ хищниковъ ѣхали съ вилками, другіе съ серебряными ложками въ рукахъ или за поясомъ.

Около этого же времени княгиня издала видѣла свою сестру, княгиню Варвару Ильиничну.

Она ѣхала въ своемъ суконномъ черномъ платьѣ, но съ непокрытой головою.

Немного далѣе встрѣтилась Дареджана Гамгрелидзе, ѣхавшая на арбѣ вмѣстѣ съ другими домашними женщинами.

Дареджана подошла къ княгинѣ и сказала ей, что видѣла сына Шамиля (Кази-Магому) и просила его, чтобъ княгинѣ дали особую лошадь, и что Кази-Магома обѣщаль это исполнить.

— Берегите себя, княгиня! прибавила Дареджяна:— вы нужны дѣтямъ ; не боитесь, усиокомвайте и ободрите себя ; а вотъ я такъ чувствую, что не перенесу своего положенія: если не убьютъ, такъ умру сама.

Бѣдная женщина какъ-будто предчувствовала , что вскорѣ постигнетъ ее страшная гибель (*)...

Другая женщина, Нина, бывшая вмѣстѣ съ Дареджаной, предлагала полуобнаженной княгинѣ свою ваточную юбку; но княгиня отказалась отъ предложенія преданной женщины, сказавъ ей, что княгинѣ легче будетъ достать для себя все нужное , чѣмъ служанкѣ... Здѣсь подъѣхала княгиня Варвара Ильинична, и сестры соединились. Княгиня Чавчавадзе, чувствуя , что силы ея оставляютъ и голосъ пропалъ, ожидала, что она должна скоро умереть и просила сестру свою взять Лидію; но проводникъ княгини Орбелиани не позволилъ ей этого сдѣлать, говоря, что княгиня Варвара Ильинична не можетъ кормить и ребенокъ умереть съ голоду.

Такимъ образомъ , многочисленный поѣздъ хищниковъ и плѣнныхъ приближался къ горѣ Концхи. Толпа болѣе-и-болѣе стягивалась въ одну сплошную массу, примѣняясь къ требованіямъ съеживающейся мѣстности. Можно достовѣрно сказать, что почти всѣ плѣнные въ это время были недалеко другъ отъ друга, хотя и не всегда могли одна другую видѣть.

Княгиня Орбелиани ѣхала очень-близко позади княгини Анны Ильиничны.

Поѣздъ сталъ огибать Концехскую Гору, какъ вдругъ всѣ были приведены въ замѣшательство громомъ пушечнаго и ружейнаго залпа, и въ то же время осыпаны ядрами, картечью и пулями.

То была засада капитана Хитрово.

Чеченцы съ своей добычею шарахнулись въ сторону и, круто поворотивъ назадъ, помчались во весь опоръ.

Они рассчитывали дальнимъ объѣздомъ обогнуть засаду; но батальный огонь изъ русскихъ ружей преслѣдовалъ скачущихъ.

Мюридъ , державшій за сѣдломъ своимъ княгиню Анну Ильиничну, опередилъ почти всѣхъ. Сильная лошадь его скакала быстре птицы...

(*) Испугъ чрезвычайно-сильно и страшно подѣйствовалъ на Дареджану Гамгрелидзе : еще будучи на бельведерѣ , она совершенно почернѣла, распухла и такъ растерялась , что, въ замѣшательствѣ, снимала съ пальцевъ кольца и выбрасывала ихъ за окно.

Княгиня , будучи лишена употребленія правой руки , которая была крѣпко захвачена тугимъ поясомъ ея похитителя, а въ другой рукѣ держа своего труднаго ребенка, въ эти мгновенія молила Бога только о томъ, чтобъ русская пуля настигла ее и положила конецъ настоящимъ и ожидаемымъ страданіямъ. И это легко могло бы случиться , потому-что ядра , картечь и пули съ визгомъ проносились вблизи княгини. Она даже видѣла, какъ подъ однимъ чеченцемъ лошадь была разорвана пополамъ русскимъ ядромъ... Но желанная смерть миновала княгиню и сберегла ее для гораздо-ужаснѣйшаго...

Оглянувшись назадъ, она видитъ за собою скачущую лошадь безъ сѣдока, съ развѣвающимся на сѣдлѣ чернымъ платьемъ.

Съ отчаяніемъ она представляетъ себѣ, что это черное платье— платье ея сестры, вѣроятно, упавшей съ лошади и, можетъ-быть, уже убитой (*).

Подъ вліяніемъ новаго, сильнаго испуга и отчаянія, утомленная чрезвычайно-быстрой ѣздой въ самомъ неловкомъ положеніи позади скачущаго горца, княгиня чувствуетъ, что послѣднія силы готовы ее оставить.

Единственная рука , въ которой она могла держать своего ребенка , нѣмѣетъ болѣе-и-болѣе ; вырвать другую руку изъ-за пояса чеченца нѣтъ никакой возможности...

Княгиня готова выронить, дитя свое изъ онѣмѣвшей руки...

Вотъ уже сама-собою опускается внизъ рука, а съ нею и илечущее дитя...

Но чеченецъ скачетъ быстрѣе-и-быстрѣе...

Вотъ уже только за одну ножку держитъ несчастная мать своего младенца. Рука ея нѣмѣетъ и ослабѣваетъ (олѣе-и-болѣе...

Младенецъ, повиснувъ внизъ головой , раскачивается и бьется то о стремя, то о ноги скачущей лошади.

Но чеченецъ не останавливается , не слышитъ моленій своей жертвы.

Еще мгновеніе — и безсильные пальцы сами-собою разгибаются па рукѣ матери, и ребенокъ съ крикомъ падаетъ на землю...

Позади, черезъ трупъ упавшаго младенца, скачетъ толпа хищниковъ , испуганныхъ засадою и убѣгающихъ отъ преслѣдованія.

(*) Впослѣдствіи оказалось , что это было темное каленкорное платье одной изъ служанокъ, упавшей съ лошади, но потомъ спасшейся отъ гибели.

Но никто изъ нихъ не ушелъ бы отъ бывшаго въ засадѣ отряда, еслибъ капитанъ Хитрово не захотѣлъ пощадить кровь невинныхъ.

Онъ прекратилъ свой огонь , когда увидѣлъ , что испуганныя плѣнницы гибнуть подъ ударами своихъ похитителей. Такъ погибла Дареджана Гамгрелидзе и многія другія. Такъ непременно погли бы и всѣ прочія , еслибъ горцамъ былъ совершенно прегражденъ путь къ спасенію,

V.

Отъ горы Концхи до Нохальской Башни.

Горцы , съ уцѣлѣвшими плѣнниками , успѣли миновать гору Концхи и вскорѣ вѣхали въ лѣсъ.

Лѣсъ былъ густъ, но для горцевъ это не было препятствіемъ: боясь преслѣдованія , они продолжали съ возможной поспѣшностью пробираться сквозь чащу, рубили передъ собою сучья и вѣтви, и не ѣхали по прямому направленію, а безпрестанно сворачивали въ стороны, или отыскивая знакомыхъ тропинокъ, или, быть-можетъ , желая скрыть слѣдъ своего пути отъ преслѣдователей.

При такомъ положеніи убѣгавшей хищнической партіи, она, а съ нею и плѣнницы; естественно должны были снова раздѣлиться на особыя небольшія партіи, и, слѣдовательно, отсюда снова каждому изъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа начали встрѣчаться на пути особыя случайности до-тѣхъ-иоръ, пока всѣ плѣнницы опять не соединились вмѣстѣ; а это было уже на другой день, съ приближеніемъ ихъ къ Нохальской Башнѣ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли княгиню В. И. Орбеліани недалеко отъ засады, ѣдущею позади сестры своей.

Здѣсь она видѣла, съ какимъ трудомъ княгиня Анна Ильинична удерживала въ одной рукѣ свою маленькую Лидію. При этомъ зрѣлищѣ въ первый разъ посѣтили княгиню слезы: перенеся безъ слезъ такъ много собственныхъ страданій, она теперь не могла перенести страданій сестры и заплакала...

Въ то же время глядя на ребенка сестры, она еще болѣе встревожилась о судьбѣ собственнаго своего малютки, Георгія, который съ самаго утра былъ отлученъ отъ матери.

Засаду у горы Концхи княгиня миновала съ своимъ проводникомъ, мюридомъ, довольно-благополучно, и, къ-счастью, не ви-

дѣла страшной гибели своей маленькой племянницы; но за-то, въ это же время она была свидѣтельницею другаго, почти столько же ужаснаго эпизода.

На глазахъ ея упала съ лошади Василиса, державшая на рукахъ Александра, сына княгини Анны Ильиничны. Какой-то чеченецъ схватилъ упавшую за руку и повлекъ на землѣ. Василиса, защищаясь отъ чеченца, могла бы въ эту минуту позабыть о малюткѣ, еслибъ княгиня Варвара Ильинична не ободряла и не умоляла ея не разставаться съ ребенкомъ... Но въ это самое время княгиню закрываютъ буркой и погоняютъ ея лошадь. Она уѣзжаетъ, не зная, что сдѣлалось съ Василисой и маленькимъ Александромъ Чавчавадзе.

Вѣхавъ въ лѣсъ, княгиня до самой ночи продолжала путь, отдѣлившись съ своимъ похитителемъ и его нукерами отъ остальной толпы.

При наступленіи ночи, еще до восхода луны, проводники княгини сдѣлали приваль, то-есть спѣшились и уѣлись на землѣ, пригласивъ и княгиню послѣдовать ихъ примѣру. Для нея разостлали бурку, а сами немедленно принялись что-то закусывать.

Мюридь предложилъ княгинѣ яблоко, говоря : «вы, грузины, привыкли ѣсть всякій день, такъ и ты, пожалуй, проголодаешься: возьми!»

Но княгиня, несмотря на все изнуреніе силъ, не чувствовала охоты раздѣлить ужинъ съ хищниками и отказалась отъ яблока.

Скоро возшла луна. Проводники княгини поднялись, сѣли на лошадей, посадили и свою плѣнницу и поѣхали далѣе.

На какомъ-то очень-крутомъ спускѣ всѣ трое съ чрезвычайной осторожностью помогали княгинѣ спускаться съ горы, придерживая ея лошадь.

Второй приваль былъ рано поутру, 3-го іюля, на берегу какой-то рѣки.

Сюда привели и г-жу Дрансѣ, измученную, избитую, почти безъ всякой одежды. Несчастная француженка вытерпѣла свою долю страданій въ этотъ короткій промежутокъ времени.

Хотя она, вмѣстѣ со стадомъ воловъ и буйоловъ, слѣдовала своей особой дорогою, но къ ночи очутилась въ томъ же самомъ лѣсу, гдѣ были и прочія плѣнницы. Большую часть пути она сдѣлала пѣшкомъ. Путь былъ не короткій и утомительный; но когда она замедляла шаги, изнемогая отъ усталости, тогда плетъ мюрида возбуждала новыя силы въ бѣдной женщинѣ.

Первый ударъ чеченской нагайки вызвалъ наружу все негодованіе, всю гордость женщины. Она обратилась къ своему оскорбителю и на энергическомъ своемъ нарѣчїи высказала ему—увы! совершенно-бесполезные упреки.

Очень-понятно, что слова ея не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на чеченца и что жестокіе удары его плети не переставали падать на обнаженные плечи Француженки всякій разъ, какъ только она замедляла шаги свои. Позднѣе, когда на небѣ показалась луна, г-жа Дрансѣ заклинала своихъ похитителей этимъ небеснымъ свѣтиломъ, въ томъ предположеніи, что они, какъ мусульмане, питаютъ къ лунѣ особое уваженіе, но и это убѣжденіе было недѣйствительно по той весьма-простой причинѣ, что горецъ не понималъ языка своей плѣнницы.

Ночное свое отдохновеніе г-жа Дрансѣ совершила въ лѣсу, въ обществѣ горцевъ и буйволовъ. Похититель ея очень-удобно разлегся на буркѣ; но когда онъ пригласилъ къ отдохновенію и свою плѣнницу, она отвѣчала ему (пофранцузски же), что не привыкла принимать отъ незнакомыхъ подобныя приглашенія, и предпочла сосѣдство отдыхавшаго вблизи буйвола, спина котораго и сдѣлалась ея кратковременнымъ изголовьемъ.

Послѣ часоваго отдыха, путники поднялись и снова стали пробираться со стадомъ по пустому лѣсу.

Г-жа Дрансѣ снова перенесла много утомленія и ударовъ; но па зарѣ, какъ мы видѣли, присоединилась къ маленькой партіи княгини В. И. Орбеліани.

Вскорѣ послѣ г-жи Дрансѣ, сюда же, на привалъ княгини Варвары Ильиничны, принесли всю изрубленную няньку дѣтей княгини Анны Ильиничны, Александру Яковлевну. Ей жестоко досталось у горы Концхи. Зная понаслышкѣ объ искусствѣ горцевъ перевязывать раны, княгиня обратилась къ мюриду съ просьбою осмотрѣть раны этой несчастной женщины. Онъ не отказался, осмотрѣлъ и сказалъ, что никакой опасности нѣтъ, что надо только перевязать голову.

Въ то же время онъ занялся у огня приготовленіемъ чая и предлагалъ напиться княгинѣ; когда же княгиня отказалась отъ чая и попросила, чтобъ, вмѣсто нея, дали израненной нянюшкѣ, чеченецъ отказался и грубо отвѣчалъ, что она не княгиня и что потому ей грѣхъ пить чай.

Нельзя было не удивляться смѣси какой-то услужливости съ самой грубой жестокостью въ этихъ дикаряхъ. Безпрестанно пред-

ставились разительныя тому доказательства. Такт., напимѣрь, поднимаясь въ путь съ послѣдняго привала, мюридъ предоставилъ княгинѣ всѣ возможныя удобства для продолженія путешествія ! ВТ. то же время жестоко побилъ больную няньку за то только, что она не могла идти пѣшкомъ и княгиня просила дать ей лошадь.

Не успѣвъ въ своей просьбѣ, княгиня Варвара Ильинична забыла собственную усталость и до самой Нохальской Башни то вела и поддерживала раненую, то несла ее, то сажала на свою собственную лошадь. Въ этомъ, къ счастью, никто княгинѣ не препятствовалъ.

Замѣчательно , что, оказывая истинно-христіанскую помощь страждущей, княгиня въ это самое время пришла къ грустному раздумью:

«Зачѣмъ во мнѣ остается столько силы?» съ сожалѣніемъ спрашивала она себя : «не-уже-ли длятого, чтобъ умѣть перенести всѣ ужасы плѣна? И не лучше ли было бы скорѣе изнемочь подъ бременемъ несчастій!...»

Странная несправедливость человѣческаго сердца !

Отъ утренняго привала повели, вмѣстѣ съ партіей княгини Варвары Ильиничны, замѣчательныхъ плѣнниковъ. Это было незнакомое ей семейство простыхъ грузинъ, состоявшее изъ старухи-матери и двоихъ ея сыновей, изъ которыхъ одинъ, пятилѣтній, висѣлъ у нея на шеѣ, а другой, двѣнадцатилѣтній, шелъ впереди, съ связанными руками. Послѣдній до того былъ озлобленъ, что безпрерывно и неумоимо бранилъ то погрузински, то потатарски своего провожатаго, коннаго горца, ѣхавшаго рядомъ. Брань мальчика выводила горца изъ терпѣнія; удары нагайки сыпались на неугомоннаго маленькаго плѣнника; плечи его, буквально, были изорваны ударами; старуха-мать умоляла сына угомониться ; но ничто на него не дѣйствовало : мальчикъ продолжалъ браниться нѣсколько часовъ сряду. Истекая кровью и изнемогая отъ утомленія, съ нѣмою на губахъ, плѣнникъ просилъ развязать ему руки длятого, чтобъ онъ могъ хоть укусить проводника своего...

Удивляясь необычайной энергіи мальчика, княгиня Варвара Ильинична еще болѣе удивлялась неумоимости и самоотверженію его старой матери.

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ эта женщина не переставала то усмирять сына, то молить чеченца (неиошімѣвшаго ея) о снисхожденіи къ строптивости мальчика, то бѣгать къ каждому

встрѣчавшемуся ручью и черпать горстями водѣ, чтобъ донести нѣсколько капель и освѣжить ими запекшіяся губы пли окровавленные плечи сына. Она не замѣчала, что и нея самой кровь выступала изъ ногъ, раздираемыхъ каменьями и колючими растеніями, и не чувствовала тяжести бывшаго на ея шеѣ другаго ребѣнка.

Прибывъ къ слѣдующему привалу, старая грузинка и тутъ не подумала объ отдыхѣ: вся измученная, изнеможенная, она еще полѣзла на крутую скалу, чтобъ достать оттуда какое-то растеніе въ видѣ лопушника; скользила, падала, но достала; потомъ сбѣгала къ ручью, намочила листья и приложила ихъ къ язвинамъ сына.

Нельзя было долго смотрѣть на этихъ людей... Но зрѣлище было наставительно... Оно какъ-бы остерегало отъ безполезнаго ропота.

Обращаясь къ остальнымъ циндальскимъ плѣнникамъ, почти ничего нельзя сказать о приключеніяхъ княжны Баратовой въ этотъ промежутокъ времени.

Путешествіе молодой дѣвушки и первый ея ночлегъ въ лѣсу не ознаменовались ничѣмъ особенно-замѣчательнымъ, кромѣ того, что, при встрѣчѣ съ русской засадой Хитрово, княжна Баратова скакала во всю конскую прыть, поддерживаемая двумя чеченцами, ѣхавшими съ нею рядомъ на двухъ лошадяхъ; въ такомъ ужасномъ и тяжкомъ бѣгѣ княжна падала то на ту, то на другую сторону, но все-таки удерживалась, какъ могла, на лошади. Затѣмъ она постоянно ѣхала въ-сопровожденіи нѣсколькихъ циндальскихъ служанокъ (между прочими, тутъ была дѣвушка князей Кобуловыхъ, сосѣдей по имѣнію) и своего молодого похитителя, обращавшагося съ ней всегда съ уваженіемъ. Болѣе всего княжну беспокоило отсутствіе княгини Варвары Ильиничны.

Въ лѣсу, на привалѣ, чеченцы дали княжнѣ коверъ (похищенный изъ комнаты И. А. Грибоѣдовой), а сами поодаль развели огонь и принялись печь для себя хлѣбъ. Предлагали хлѣба и плѣнницамъ, но ни одна изъ нихъ не могла принять пищи, точно также, какъ ни одна не могла сомкнуть глазъ до самаго утра. Княжна воспользовалась только огнемъ, разведеннымъ горцами, чтобъ обсушить одежду, промокшую на ней при переправахъ черезъ рѣки.

На другой день, проѣзжая по лѣсу, княжна слышала позади себя голосъ княгини Варвары Ильиничны, которая кого-то спрашивала: не видѣлъ ли кто-нибудь княжны?

Но княжна, слышавшая этотъ вопросъ и обрадованная имъ, все-таки не видѣла княгини: ихъ раздѣляла лѣсная чаща.

Къ Похальской Байтѣ княжна пріѣхала ранѣе княгини Варвары Ильиничны. Здѣсь она должна была разстаться съ своимъ юнымъ похитителемъ и проводникомъ.

Желая вознаградить его за безкорыстное и почтительное съ нею обращеніе, княжна сняла съ себя золотыя маленькіе часы съ цѣпью и подарила ихъ молодому чеченцу.

Между-тѣмъ съ княгиней Анной Ильиничной Чавчавадзе въ тотъ же промежутокъ времени происходило слѣдующее:

Потерявъ дочь у горы Концхи, она была быстро увлечена впередъ всадникомъ, позади котораго сидѣла на лошади. Въ лѣсу ее посадили на особую лошадь, чтобъ дать возможность свободнѣе и скорѣе слѣдовать за партіей въ лѣсной чащѣ; но это было къ худшему. Почти не будучи въ состояніи держаться одна на сѣдлѣ, отъ слабости и изнеможенія, княгиня упала съ лошади при первомъ встрѣтившемся ей препятствіи, то-есть отъ первой вѣтки, за которую она зацѣпилась. Лошадь, уронившая съ себя княгиню, ушла. Княгиню подняли и посадили на другую лошадь, обратившую на себя вниманіе княгини своею бѣлой мастью.

Дальнѣйшее странствованіе продолжалось извилинами, потомъ у - что горцы все еще боялись преслѣдованія русо (то-есть русскихъ) и часто проходили въ такой чащѣ, что нужно было прорубать себѣ путь шашками и кинжалами. Дорога шла постоянно въ гору и въ гору. Гдѣ-то на полугорѣ проводники княгини сдѣлали первый привалъ. У срубленнаго дерева положили конскій потникъ и посадили на него свою плѣнницу, а сами расположились у ногъ ея, окруживъ себя лошадьми. Нѣкоторые стали есть мясо и хлѣбъ, предлагая и княгинѣ раздѣлить съ ними ихъ трапезу; но княгиня просила только воды. Ей принесли небольшой кожаный мѣхъ (бурдюкъ) и напоили сквозь пустой пороховой патронтъ, приложенный къ отверстию бурдюка,

Затѣмъ, очень-скоро чеченцы заснули, вѣроятно, тоже утомленные продолжительнымъ бѣгствомъ отъ преслѣдованія, котораго не было, но котораго они долго опасались.

Княгиня осталась одна съ своими страданіями и съ своимъ раздумьемъ, которому въ первый разъ она могла теперь свободно отдаться. Но эти минуты полнаго сознанія своего бѣдствія, по собственному свидѣтельству княгини, были едва-ли не самыми ужаснѣйшими мгновеніями въ-теченіе всего ея плѣна!

Обращеніе ко всему совершившемуся, гадательная оцѣнка страшнаго будущаго, живая боль, живое чувствованіе настоящихъ Физическихъ страданій, мысль о только-что пережитой потерѣ ребенка. неизвѣстность о судьбѣ мужа и дѣтей, одиночество посреди дикаго лѣса, въ сосѣдствѣ съ еще болѣе-днкими виновниками всѣхъ этихъ бѣдствій—вотъ то простое, холодное перечисленіе невыразимыхъ ощущений, въ которомъ только и можетъ быть выражена мѣра страданій женщины, жены, матери и просвѣщенной христіанки, въ первыя минуты ея самосознанія!... Всякія другія описанія были бы ничтожны и недостаточны для выраженія этихъ страданій. Вѣра и религія болѣе всего въ эти ужасные дни подкрѣпляли плѣнницу.

Чтобъ не разбиться, не умереть въ такія минуты отъ тяжести собственныхъ ощущений, нужно было, по-крайней-мѣрѣ, избавиться хоть отъ одиночества. Нужно было встрѣтить хоть ничтожное утѣшеніе человѣческаго участія_____

Это утѣшеніе было послано страдальцѣ.

Невдалекѣ отъ нея послышался въ темнотѣ голосъ кормилицы маленькаго Георгія Орбеліани. Кормилица была русская и порусски /улила и уговаривала плачущаго малюжку.

Княгиня прислушивается и думаетъ: «Ну, слава Богу, хоть тотъ живъ! Что-то съ остальными?»

Черезъ нѣсколько минутъ княгиня снова слышитъ:—«Нѣтъ ли тутъ кого изъ христіанъ? Подайте голосъ, я прійду; а то я здѣсь одна одиныхонька».

Это былъ голосъ служанки Нины, женщины лѣтъ сорока, той самой, которая поутру, увидѣвъ княгиню мокрую и безъ одежды, предлагала ей свою ваточную юбку.

Княгиня узнала се, откликнулась и назвала себя. Нина приблизилась и сѣла возлѣ княгини. Чеченцы крѣпко спали. Огня вблизи не было, и въ лѣсу чувствовалась свѣжесть. Нина обняла княгиню и осталась въ этомъ положеніи, чтобъ отогрѣть ее, еще несовсѣмъ-просохшую послѣ паденія въ воду. Впрочемъ, это было напрасно: княгиня не чувствовала холода потому, что вся горѣла лихорадочнымъ жаромъ. По если бесполезны были старанія Нины согрѣть госпожу свою, то не было бесполезно самое присутствіе этой преданной женщины для нѣкотораго утѣшенія княгини. Госпожа и служанка, уравненные и сближенные несчастіемъ, долго бесѣдовали посреди темнаго и глухаго лѣса, окруженные спящими врагами. Между-прочимъ, здѣсь Нина расска-

зала княгинѣ, что она *послѣдняя* была выведена изъ цинондальскаго дома, что горцы, приложивъ кинжалъ къ ея горлу, водили ее по всему дому и требовали, чтобъ она показывала, гдѣ что спрятано, въ чемъ она имъ отказала, зная, что спрятаннаго ничего не было.

Такъ провела княгиня Анна Ильинична первую ночь плѣна, ни на минуту не сомкнувъ глазъ для отдохновенія, -которое такъ нужно было бы ея изнуреннымъ силамъ.

На другой день, то-есть 5-го іюля, на разсвѣтъ, поднялись и пошли далѣе. Княгиня помнить, что путешествіе прямо началось съ подъема на осыпавшуюся подъ ногами значительную земляную крутизну. Въѣхать на нее верхомъ на лошади не было никакой возможности; поэтому всѣ шли пѣшкомъ, цѣпляясь руками за кусты и деревья. Нина, и еще другая, молодая дѣвушка, грузинка Катерина (служанка Кобуловыхъ), присоединившаяся поутру къ ихъ партіи, сопровождали княгиню и помогали ей взбираться на крутизну; но, несмотря на ихъ помощь, княгиня скоро потеряла послѣднія силы и упала въ изнеможеніи. Тогда какой-то горецъ приложилъ остріе кинжала къ груди ея и угрожалъ заколотъ, если она не поднимется, чтобъ продолжать шествіе. Угроза, однако, не произвела никакого дѣйствія на княгиню, до того изнуренную, что ей въ эту минуту смерть показалась бы даже облегченіемъ. Видя безуспѣшность своей жестокой попытки, горецъ вложилъ въ ножны кинжалъ, поднялъ княгиню къ себѣ на плечо и понесъ ее на гору... Утомляясь подъ ношею, онъ передавалъ ее другимъ своимъ товарищамъ, и такимъ образомъ они долго чередовались, не торопясь и уже не опасаясь преслѣдованія.

На горѣ, покрытой прекрасною муравой, для княгини сдѣлали приваль, не останавливая прочихъ плѣнныхъ, которые и прошли далѣе.

Здѣсь къ княгинѣ иодошіа, щипля траву, лошадь безъ сѣдока, но навьюченная ковравыми мѣшками. Изъ одного мѣшка торчала маленькая дѣтская нога, обутая во Французскій башмачокъ. Княгиня ужаснулась, предположивъ, что это нога которой-нибудь изъ дочерей ея. По просьбѣ испуганной матери развязали мѣшокъ, и дѣйствительно нашли въ немъ Тамару, четвертую дочь княгини, къ-счастію, совершенно-невредимую. Оказалось, что дѣвочку привязали къ сѣдлу, чтобъ она не упала, а мѣшокъ былъ ядѣтъ на нее д.тя-того, чтобъ лѣсные сучья не оцарапали ей

лица; но горцы, такимъ-образомъ устроившіе маленькую Тамару, не подумали, что лошадь на каждомъ шагу могла раздавить дѣвочку, прижавъ ее къ стволу дерева, или опустившись на землю повалиться, какъ это часто дѣлають усталыя лошади. О томъ же, что дѣвочка могла задохнуться отъ недостатка воздуха, или изнуриться отъ крика и страха — и говорить нечего.

Несчастнаго двухлѣтнаго ребенка вынули изъ мѣшка и посадили съ княгинею на ея бѣлую лошадь ; но не надолго: вскорѣ снова ее взяли у матери и отдали какому-то чеченцу. Тамара кричала, плакала, но княгиня была даже рада, что при ней не оставили дочери : она боялась потерять и эту, какъ потеряла Лидію.

У какого-то озера чеченцы остановились снова, минутъ на десять, чтобъ совершить утренній *намазъ* (молитву). Здѣсь княгиня встрѣтила Элѣ, шестилѣтнаго двороваго мальчика изъ Цинон-далъ. Малютка безпечно ѣхалъ одинъ на лошади и передразнивалъ молившихся чеченцевъ. Княгиня спросила его, не видѣли онъ дѣтей ея, и была обрадована отвѣтомъ мальчика, который сказалъ, что онъ цѣлую ночь былъ вмѣстѣ съ Саломе, старшею дочерью княгини.

Дальнѣйшій путь продолжался все влѣво-и-влѣво, и проходилъ лугами съ превосходными травами. Видя изнуреніе княгини Анны Ильиничны, горцы довольно-часто останавливались для отдыха. На слѣдующемъ привалѣ расположилась большая партія. Горцы зарѣзали жеребенка и принялись его жарить себѣ на заварѣ. Княгиня оставалась съ служанкой Кобуловыхъ и гдѣ-то невдалекѣ отъ себя слышала голосъ своей дочери Таморы, которая о чемъ-то спрашивала свою тѣтку, княгиню Варвару Ильиничну, и получала отъ нея отвѣты. «Слава Богу, и эти живы !» подумала про-себя княгиня съ глубокою признательностью къ Провидѣнію.

Здѣсь же, на привалѣ, лихорадка княгини обнаружилась сильнымъ ознобомъ, вслѣдствіе чего, и по странному стеченію случайностей, ее прикрыли тѣмъ самымъ армякомъ, въ который была завернута ея маленькая Лидія до минуты своего паденія изъ рукъ матери. Видъ армяка вызвалъ у княгини слезы — первыя слезы со времени похищенія—и княгиня не удерживала ихъ, чувствуя, что ими облегчается боль ея душевныхъ страданій. Послѣ слезъ явилась даже въ душѣ несчастной матери надежда, что, можетъ-быть, какимъ-нибудь счастливымъ случаемъ, ея Лидія миновала гибели.

Между-тѣмъ, толпа прочихъ плѣнниковъ снова прошла мимо, впередъ, что заставило бывшую при княгинѣ дѣвушку Кобуловыхъ опасаться, чтобъ не отстать отъ *своихъ*. Опасеніе было, однакожь, напрасно: горцы скоро кончили свой завтракъ и снова повели княгиню и ея спутницу далѣе, лѣсомъ и кустарниками, на которыхъ княгиня замѣтила какіе-то очень-красивые и незнакомые ей бѣлые цвѣты.

На пути встрѣтился опять тотъ армянинъ, въ красивой чухѣ и красномъ папахѣ, который хорошо объяснялся порусски и уже беспокоилъ княгиню своими разспросами о Телавѣ. Онъ и здѣсь не приминувъ огорчить ее непріятнымъ разговоромъ, какъ-бы находя въ томъ особенное удовольствіе.

р — Княгиня! вы, говорятъ, потеряли своего ребенка? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала княгиня.

— Зачѣмъ же вы его бросили ? Горцы говорятъ, что вы сами его бросили...

— Какъ вамъ не совѣстно говорить это! возразила княгиня съ негодованіемъ и въ короткихъ словахъ объяснила истину событія.

Тогда армянинъ принялся расточать бесполезныя и холодныя утѣшенія, а потомъ вдругъ объявилъ :

— А знаете ли вы, что и мужъ вашъ тоже въ плѣну?

— Этого не можетъ быть! съ твердостью отвѣчала княгиня, хотя сердце ея замерло..

— Почему же не можетъ быть ? съ улыбкой продолжалъ армянинъ.

— Потому-что мужъ мой никогда не отдался бы живой въ руки враговъ, заключила княгиня, и тѣмъ прекратила невыносимый для себя разговоръ.

Далѣе до самой Похальской Башни не встрѣтилось ничего особенно-замѣчательнаго, если не считать нѣсколькихъ новыхъ трудностей и Физическихъ страданій, перенесенныхъ въ пути. Такъ, напримѣръ, много страдала княгиня, взбираясь пѣшкомъ на одну, почти отвѣсную, каменную крутизну. Она не чувствовала опухшихъ и одеревенѣлыхъ ногъ своихъ и какъ-то безсознательно преодолевала безчисленные подъемы и спуски, которыми была усѣяна вся послѣдняя часть пути до Похали.

Приближаясь къ Башнѣ, плѣнницы слышали выстрѣлы. Имъ объяснили, что это войско Шамиля знаменуетъ свою радость о счастливомъ окончаніи набѣга. Подойдя еще ближе , плѣнницы

увидѣли на горѣ множество палатокъ : это былъ лезгинскій лагерь; а у самыхъ воротъ башни виднѣлась палатка Шамиля.

VI.

Похальскля Башня.

Плѣнницамъ предстоялъ еще одинъ, послѣдній, по очень-трудный подъемъ на гору, гдѣ стояла Похальская Башня и былъ расположенъ лезгинскій лагерь. Преодоливъ послѣднюю трудность, онѣ очутились посреди лагеря и замѣтили большую разницу между нарушностью лезгинъ и своихъ похитителей чеченцевъ. Чеченцы отличались ростомъ, статностью, красотой, богатствомъ одежды и вооруженія; лезгины же были приземисты, широкоплечи, некрасивы, бѣдно одѣты, но вооружены хорошо, чрезвычайно-грубы, даже свирѣпы на видъ. По выраженію г-жи Дрансѣ, «*c'étaient des gens durs...*» Очевидно, они составляли массу войска, тогда-какъ чеченцы принадлежали, такъ-сказать, къ избранному классу, къ аристократіи Шамилевыхъ скопищъ (*) и, по всей вѣроятности, были употребляемы имамомъ для отважнѣйшихъ и опаснѣйшихъ предпріятій.

Въ то время, какъ княгиня Варвара Ильинична, княжна Баратова, г-жа Дрансѣ и почти всѣ прочія плѣнницы были уяю введены въ Похальскую Башню, княгиня Анна Ильинична съ своею спутницей (служанкою Кобуловыхъ) только-что подходила къ лезгинскому лагерю, гдѣ проводники ея немедленно скрылись въ толпѣ, вѣроятно, опасаясь отвѣтственности за потерю дочери княгини, и оставили плѣнницъ, совершенно одиѣхъ, на жертву всеобщаго любопытства. Положеніе было до крайности неловкое. Вскорѣ, однакожь, подошли какіе-то чеченцы и сказали княгинѣ, чтобъ она шла въ палатку Шамиля. Княгиня отказалась на-отрѣзъ отъ этого приглашенія: ее смущалъ костюмъ ея, о которомъ прежде другихъ, болѣе-тягостныхъ лишеній и страданій, некогда было и

(*) Слово *аристократія* должно быть понимаемо только въ относительномъ значеніи, такъ-какъ аристократическое начало совершенно-чуждо общественному устройству Чечни, Дагестана и вообще жителямъ такъ-называемаго *лѣваго фланта* Кавказскихъ Горъ, въ противоположность съ черкесами (АДИГЕ) и вообще жителями *праваго фланга* и черноморскаго побережья. Эту разницу необходимо помнить при дальнѣйшемъ чтеніи настоящаго разсказа.

думать, но въ которомъ теперь она никакъ не могла рѣшиться показать себя Шамилю, или его приближеннымъ. Въ то же время княгиня услышала изъ окна башни голосъ одной изъ взятыхъ въ Цинондалахъ дѣвочекъ, которая узнала госпожу свою и звала ее въ башню, а вслѣдъ затѣмъ выбѣжали изъ дверей башни на встрѣчу княгинѣ князь Иванъ Чавчавадзе (*), несчастный командиръ малочисленнаго похальскаго гарнизона, взятый въ плѣнъ съ остаткомъ гарнизона, послѣ продолжительной и отчаянной защиты вѣреннаго ему поста, съ самымъ ничтожнымъ гарнизономъ, въ 30-ть человекъ вооруженныхъ крестьянъ, противъ огромнаго шамилева скопища.

Князь Иванъ встрѣтилъ княгиню съ видомъ совершеннаго замѣшательства и отчаянія. Блѣдный, почти-безжизненный, онъ могъ произнести лишь нѣсколько краткихъ, отрывистыхъ Фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «Это вы?.. Это вы, княгиня?.. Ахъ!.. Несчастье!.. Пожалуйте въ башню.. Тамъ вы успокоитесь...» и т. п.

Княгиня за нимъ послѣдовала, мимо закрытой со всѣхъ сторонъ палатки Шамиля, стоявшей у самыхъ воротъ или дверей башни.

По свидѣтельству княгини В. И. Орбелиани (которая уже находилась въ башнѣ, когда князь Иванъ привелъ туда сестру ея), невыразимо-грустно было впечатлѣніе, произведенное вошедшею княгиней Анной Ильиничной на всѣхъ, встрѣтившихъ ее въ башнѣ— въ такомъ странномъ была она положеніи!..

Почти въ одной, и то разорванной, рубашкѣ; съ грудью, распухшею отъ прилива молока; съ распущенными и запутанными волосами, въ которые вплелись колючія растенія; съ запекшеюся кровью на плечахъ, съ окровавленными и опухшими ногами, почти лишенными кожи, вошла княгиня Анна Ильинична въ комнату Похальской Башни, шатаясь и дрожа отъ изнеможенія, которое доходило до того, что она не могла выпить болѣе одного глотка воды изъ стакана, поданнаго ей по ея требованію.

Прочія плѣнницы и дѣти были въ несравненно-лучшемъ положеніи, хотя тоже представляли неутѣшительное зрѣлище.

До непроходимой тѣсноты наполняли онѣ комнату, сидя и лежа на полу(**). Съ трудомъ можно было пройти между ними. Всѣ

(*) Дальній родственникъ князя Давида.

(**) Это было въ нижнемъ этажѣ башни. Въ среднемъ помѣщались плѣнные мужчины, а верхній, вмѣстѣ съ крышею, былъ сбитъ пушками Шамиля.

онѣ плакали, стенали; дѣти кричали. Нѣкоторыя изъ простолюдинокъ въ какой-то экстазѣ вопили на-распѣвъ тутъ же импровизируемыя жалобы , въ которыхъ было много поэзіи , раздиравшей душу. Чтобъ понять эти импровизации и всю ихъ надрывающую силу, надо быть знакому съ живописнымъ и богатымъ гиперболическими выраженіями грузинскимъ языкомъ , заимствовавшимъ у Востока множество трогательныхъ метафоръ и цвѣтистыхъ преувеличеній.

Жалобы, произносимыя на-распѣвъ плѣнными простолюдинками, на этотъ разъ заключали въ себѣ сѣтованія о плѣненныхъ княгиняхъ и были почти такого содержанія : «До чего мы дожили! Цвѣтъ и свѣтъ нашей Кахетіи въ рукахъ у ненавистныхъ «лезгинъ ! Мы о себѣ не думаемъ. Мы должны только молиться «о княгиняхъ и ихъ дѣтяхъ ! Въ нихъ погибла краса и надежда «Кахетіи», и т. п.

Это свидѣтельство народной любви , выраженное въ такихъ искреннихъ жалобахъ , съ тою потрясающею силой , какую словамъ способны придать только соотвѣтственные имъ звуки пѣсни, не могло не растрогать до глубины души плѣнницъ, къ которымъ оно было обращено. Княгини плакали навзрыдь.

Онѣ были утѣшены только при видѣ дѣтей своихъ. Княгиня Варвара Ильинична нашла здѣсь своего Георгія и принялась съ нимъ нянчиться. Княгиня Анна Ильинична увидѣла спящихъ на полу двухъ дочерей , Марію и Тамару. Для совершеннаго ея успокоенія недоставало лишь двухъ другихъ, Саломе и Александра, которые еще не прибыли въ башню.

Въ числѣ плѣнницъ тутъ же нашли нянюшку Александру Яковлеву, изрубленную у Концевской Горы. На ней было шесть ранъ, нанесенныхъ шашками. Княгини помогли бѣдной женщинѣ улечься поспоконѣе и, какъ умѣли, старались утѣшить ее.

Въ это время къ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ подошла плѣнная дѣвушка, изъ простыхъ грузинокъ, и, держа на рукахъ младенца, обратилась къ княгинѣ съ слѣдующею просьбою:

— У насъ , княгиня , чеченцы убили мать , и сестра моя, вотъ эта четырехмѣсячная дѣвочка , осталась безъ всякой пищи; она въ эти полторы сутки переходила изъ рукъ въ руки и непремѣнно должна умереть съ голоду, если вы надъ нею не сжалитесь: покормите ее вашей грудью, княгиня!

Княгиня съ удовольствіемъ исполнила желаніе дѣвушки. Младенецъ съ жадностью утолил свой голодъ и спокойно заснулъ.

Въ то же время княгиня почувствовала въ груди значительное облегченіе отъ боли, причиняемой избыткомъ молока, и невольно подумала, что Провидѣніе, въ-замѣнъ погибшей дочери пославшее посторонняго младенца, быть-можетъ, спасало ее въ эту минуту отъ опасности, сопряженной съ избыткомъ и очень-возможнымъ разливомъ молока...

При этомъ случаѣ нельзя воздержаться отъ замѣчанія, что какъ теперь, такъ и вообще въ-теченіе всего несчастья, перенесеннаго плѣнницами, во всѣхъ случаяхъ видится явное покровительство высшей невидимой Силы, недопускающее несчастныхъ женщинъ и дѣтей до *крайнихъ предѣловъ* бѣдствія. Безъ малѣйшаго усилія воображенія, читатель видитъ и будетъ постоянно видѣть, что самыя бѣдственные случаи могли бы быть еще бѣдственнѣе, что въ самомъ несчастій было еще много счастья, въ самомъ испытаніи много милости!..

Вскорѣ пріѣхала и вошла въ башню Василиса съ маленькимъ княземъ Александромъ. Княгиня Анна Ильинична увидѣла своего сына въ отчаянномъ положеніи. Онъ былъ безъ чувствъ и безъ движенія; руки и ноги его свѣшивались и раскачивались; голова была закинута назадъ; дѣсны стиснуты, глаза закрыты. Оказалось, что малютка отъ самыхъ Цинондаль ѣхалъ безъ кормилицы и оставался почти безъ всякой пищи; что кусокъ сахара, данный ему чеченцемъ на одномъ изъ первыхъ приваловъ, скоро выпалъ изъ рукъ ребенка; что Василиса могла утолять его голодь только водою, да одинъ разъ давала ему лѣсныхъ орѣховъ, которые прежде жевала, чтобъ сколько-нибудь сдѣлать эту пищу годною для малютки.

Плѣнницы немедленно принялись приводить Александра въ чувство. Княгиня Анна Ильинична нацѣдила немного своего молока въ какой-то сосудъ и съ величайшимъ трудомъ влила нѣсколько капель сквозь сжатые дѣсны сына. Проглотивъ ихъ, ребенокъ очнулся, мало-по-малу сталъ оживляться, и вскорѣ спокойно заснулъ.

Это оживленіе своего сына княгиня Чавчавадзе называетъ *чудеснымъ воскрешеніемъ* и приписываетъ чему-то непонятному, сверхъестественному — такъ оно было неожиданно!

Въ сумерки плѣнницамъ принесли ужинъ, состоявшій изъ жареной баранины, хлѣба и воды. Княгиня Варвара Ильинична, непринимавшая никакой пищи двои сутки, не могла и здѣсь принудить себя съѣсть хоть что-нибудь. Княгиня Анна Пльниич-

на взяла небольшой кусокъ хлѣба , но не могла проглотить его. Голодь спой утолили только г-жа Дрансѣ , нѣсколько уже успокоившаяся, и княжна Баратова , которая менѣе другихъ перенесла страданій , а здѣсь , въ башнѣ , пріобрѣла даіе нѣкоторую бодрость вслѣдствіе того , что нѣкоторыя изъ плѣнницъ утѣшили ее мыслью , что она , вѣроятно , недолго будетъ въ плѣну, что Шамиль узнаетъ о бѣдномъ состояніи родныхъ ея и отпустить за незначительный выкупъ (*).

Черезъ нѣсколько времени пріѣхала съ своимъ проводникомъ старшая дочь княгини Анны Ильиничны , шестилѣтняя Саломе. Она очень обрадовалась свиданію съ матерью , много болтала и рассказывала, говорила, что встрѣтила княгиню въ лѣсу и спрашивала ее про.Лидиньку, но что княгиня ничего ей не отвѣчала.

Дѣтей покормили и уложили спать.

Взрослыя также легли какъ могли и гдѣ умѣстились.

Княгиня Анна Ильинична не помнитъ , спала ли она въ эту ночь. Кажется, что обѣ сестры-плѣнницы оставались въ какомъ-то полузабытій, безпрестанно просыпаясь то отъ неуспокоеннаго душевнаго волненія, то отъ жара и духоты въ комнатѣ.

6-го іюля поутру всѣ были пробуждены звуками духовой музыки. Оказалось , что музыканты Шамиля , что-то въ родѣ русскихъ горнистовъ , играли утреннюю зорю. Исполненіе было довольно-стройное , а мотивъ имѣлъ сходство съ какнмъ-то знакомымъ маршемъ.

Въ башнѣ всѣ поднялись на ноги.

Вскорѣ вошли въ комнату князь Иванъ Чавчавадзе, слуга его Семень и урядникъ Потаповъ. «Мы плѣнные» сказалъ князь: «но объ этомъ теперь долго будетъ рассказывать; расскажем послѣ; а теперь мы пришли объявить вамъ пріятную вѣсть: мы просили Шамиля позволить намъ провожать васъ въ переходѣ до мѣста, то-есть до Даргы-Веденнб, куда поведутъ васъ, и Шамиль разрѣшилъ намъ это.

Плѣнницы дѣйствительно были весьма обрадованы этимъ извѣстіемъ. Возможность имѣть при себѣ близкихъ людей , христіанъ и едипоземцевъ , во время предстоявшаго длиннаго и труднаго

(*) Отецъ княжны весьма-небогатый человѣкъ, одержимый параличомъ. Матери и братьевъ у нея нѣтъ. Изъ двухъ сестеръ ея одна живетъ у дальнихъ родныхъ, а другая въ воспитательномъ заведеніи Общества Св. Нины, въ Тифлисѣ.

пути, конечно, было великимъ утѣшеніемъ и благодареніемъ Гро-видѣнія , тѣмъ болѣе , что отъ Похальской Башни проводниками плѣнницъ были уже не чеченцы, а лезгины—племя гораздо-болѣе грубое, хищное и суровое.

Едва-только плѣнницы успѣли выслушать пріятную для нихъ новость, какъ отворились двери и въ комнату вошли: сынъ Шамиля , Кази-Магома , или , какъ произносятъ нѣкоторые горцы, Кази-Махмагъ, и съ нимъ нѣсколько человѣкъ наибовъ , то-есть военачальниковъ и приближенныхъ Шамиля. Нѣкоторые изъ нихъ хорошо говорили порусски. Кази-Махматъ спросилъ: гдѣ княгиня Чавчавадзе? Ему указали княгиню, которая въ это время сидѣла на полу, окруженная толпою другихъ плѣнницъ. Наибы спросили о здоровьѣ, совѣтовали покориться волѣ Божіей, толковали что-то о судьбѣ и увѣряли , что нѣтъ худа безъ добра. Княгиня отвѣчала, что напрасно беспокоятся утѣшать, что она уже перенесла все, самое тяжкое, а потому, вѣроятно, будетъ въ-состояніи перенести и все то , что ей предстоитъ въ будущемъ ; наконецъ, что она надѣется на защиту Шамиля.

Послѣ этого наибы принялись объяснять мнимую цѣль нападенія на Цинондалы. Они не стыдились говорить , что цѣль эта состояла въ привлеченіи кахетинскихъ князей и народа къ покорности Шамилю (какъ-будто грабежомъ и поджогами можно привлечь кого-нибудь!), потомъ они увѣряли, что многіе кахетинскіе князья уже обращались къ Шамилю съ покорными письмами. Княгиня выразила рѣшительное недовѣріе. Тогда наибы не постыдились свою ложь подкрѣплять новыми увѣреніями, и въ доказательство показали нѣсколько бумагъ , исписанныхъ погрузински, повторяя , что это и есть тѣ письма, о которыхъ они говорили. Княгиня взяла въ руки мнимыя письма и сейчасъ же узнала въ нихъ листы, выданные изъ счетныхъ книгъ сельскихъ кахетинскихъ моуравовъ (управителей имѣній).

— Это не письма, а хозяйственные счета, съ усмѣшкой сказала она, возвращая бумаги наибамъ.

— Почему ты знаешь? былъ простодушный вопросъ наибовъ, вѣроятно , предполагавшихъ , что княгиня не умѣетъ читать погрузински .

— Потому-что вижу, отвѣчала княгиня.

Смущенные посѣтителы ушли , доложили обо всемъ Шамилю (какъ это оказалось впоследствии) и получили отъ него приказаніе никогда болѣе не беспокоить плѣнницъ никакими предложе-

ніями. Въ то же время Шамиль прислалъ княгинямъ приказаніе, чтобъ онѣ написали письмо къ своимъ или къ кому пожелаютъ, въ Тифлисъ. Принесли туземную чернилицу—шелковую корпію, пропитанную чернилами, деревянное перо и клочокъ бумаги. Княгиня Анна Ильинична не могла писать отъ волненія неусокоившагося еще негодованія на горцевъ и ихъ странную послѣднюю выходку. Поэтому принялась за письмо княгиня Варвара Ильинична. Она обращалась къ командующему войсками и начальнику гражданскаго управленія на Кавказѣ и за Кавказомъ, генералу-отъ-кавалеріи И. А. Реаду, и писала слѣдующее:

«Генераль!

«Мы и всѣ наши взяты въ плѣнъ; мы живы, но во всемъ «нуждаемся; помогите намъ и дайте знать всѣмъ роднымъ. Адресъ нашъ: въ Даргы-Веденно, въ домѣ Шамиля».

Письмо это подписала княгиня Анна Ильинична.

Къ князю Давиду ни жена его, ни сестра не писали ничего: онѣ боялись, что кто-нибудь изъ горцевъ скажетъ имъ: «да что вы къ нему пишете? Его нѣтъ въ-живыхъ»...

Посланные отъ Шамиля взяли письмо и ушли.

Затѣмъ плѣнницамъ принесли завтракъ: баранины и хлѣба, какъ и наканунѣ. Княгиня Варвара Ильинична опять ни до чего не прикоснулась, но княгиня Чавчавадзе въ первый разъ ѣла съ нѣкоторымъ апетитомъ. Прочія тоже подкрѣпили свои силы.

Во время завтрака явился какой-то человѣкъ съ бѣлой чалмою на папахѣ, въ чухѣ, съ довольно-красивою, но отталкивающею наружностью; въ немъ узнали мюрида, похитителя и проводника г-жи Дрансѣ. Онъ просилъ княгиню Чавчавадзе встать и идти къ Шамилю, объясняя, что Шамиль хочетъ говорить съ нею. Но княгиня возражала, что она удивляется, почему Шамиль не желалъ ее видѣть тогда, когда имѣлъ много интереснаго сообщить ей, и сдѣлалъ это черезъ своего сына и наибова; а теперь, когда все уже переговорено, желаетъ лично съ нею видѣться! Въ заключеніе княгиня прибавила, что она не вѣритъ этому приглашенію.

— Если вы боитесь, то возьмите сестру, настаивалъ мюридъ.

— Не пойду и не позволю идти сестрѣ, рѣзко отвѣчала княгиня.—Я уяже сказала, что въ этой одеждѣ я не могу показаться никому изъ вашихъ начальниковъ.

Озадаченный рѣшительными и рѣзкими^ отвѣтами княгини, мюридъ молча отвернулся и вышелъ. Вообще Должно замѣтить, что

рѣшимость и смѣлость въ отвѣтахъ плѣнницъ были для горцевъ явленіемъ необыкновеннымъ и дѣйствовали на нихъ самымъ благопріятнымъ для плѣнницъ образомъ. Сначала это озадачивало дикарей , привыкшихъ встрѣчать въ своихъ женщинахъ только раболѣпное повиновеніе , а потомъ внушало имъ что-то похожее на уваженіе.

Послѣ ухода мюрида , пришли другіе какіе-то приближенные Шамиля и предложили плѣнницамъ , отрядивъ изъ среды себя кого-нибудь по собственному ихъ желанію , послать въ палатку Шамиля, чтобъ взять оттуда изъ награбленныхъ вещей все , что окажется нужнымъ для пополненія одежды плѣнницъ. Княгини обратились къ своимъ служанкамъ и вызывали желающихъ идти къ Шамилю. Вызвалась прачка Варвара (полька) и смѣло отправилась. По показанію ея, она ходила въ самую палатку Шамиля, видѣла его самого и около него двухъ часовыхъ съ ружьями , а поодаль, кругомъ палатки—кучи разныхъ узловъ съ вещами. Шамиль приказалъ отдать Варварѣ первый узелъ, какой ей попадется подъ-руку; она взяла какой былъ побольше другихъ и принесла къ своимъ господамъ.

Въ узлѣ оказались слѣдующія вещи : шелковая блуза темнаго цвѣта; катиба (*) (уже безъ пуговиць и безъ жемчужнаго шитья), нѣсколько чулокъ и башмаки — всѣ на одну ногу. Къ-сожалѣнію, не было дѣтскихъ башмаковъ , и маленькая Марія , вторая дочь княгини Чавчавадзе, должна была оставаться безъ обуви до дома муллы.

Добытыя вещи были распределены между плѣнницами сообразно съ ихъ надобностями.

Костюмъ княгини Анны Ильиничны вышелъ довольно-фантастическій и красивый. Волосы ея, кое-какъ приглаженные, улеглись подъ ярко-пестрый бумажный платокъ; станъ очень-прплчно и удобно прикрылся темной шелковой блузой, а сверху была надѣта красивая шубка, или катиба, изъ малиноваго бархата.

По окончаніи туалета, плѣнницы увидѣли черезъ дверь плѣнныхъ грузинъ, выведенныхъ изъ втораго этажа башни. Ихъ разстроенныя, изнуренныя горемъ лица выражали что-то особенное, вызывавшее невольныя слезы у женщинъ.

(*) *Кпшибп*—очень-красивая туземная шубка, обыкновенно бархатная и вышитая у ворота жемчугомъ, а по краямъ вся отороченная кунѣмъ или соболѣмъ мѣхомъ.

Плѣнники и плѣнницы взаимно утѣшали и ободряли другъ друга ; но вскорѣ приблизились лезгины и приказали готовиться въ путь, а черезъ нѣсколько минутъ и началось новое странствованіе едва-отдохнувшихъ плѣнницъ, странствованіе, которое должно было продлиться еще 22 дня.

УН.

Отъ Иохальской Башни до аула Дидб.

Съ начала пути отъ Иохальской Башни, князь Иванъ Чавчавадзе уступилъ свою лошадь княгинѣ Айнѣ Ильиничнѣ ; но вскорѣ проводники пересадили княгиню на другую лошадь, некрасивую, но удивительно-спокойную, на которой сидѣть было ловко и удобно. Передъ отъездомъ всѣ плѣнные были поименно переписаны, и каждому данъ былъ особый проводникъ. Княгиня Анна Ильинична, сопровождаемая княземъ Иваномъ Чавчавадзе , опередила всю толпу своихъ спутниковъ, но, остановившись и оглянувшись назадъ, увидѣла сестру свою, княгиню Орбеліани, еще у воротъ башни, гдѣ она чего-то дожидалась, сидя верхомъ на лошади. Впослѣдствіи оказалось, что она , вмѣстѣ съ другими , была на-время остановлена для какой-то новой поголовной повѣрки плѣнныхъ , причемъ ее переспрашивали объ именахъ : ея , княгини Анны Ильиничны и прочихъ плѣнницъ , взятыхъ въ Цинон-далахъ...

Наконецъ весь поѣздъ двинулся , въ сопровожденіи лезгинъ, а не чеченцевъ, какъ это было до Похальской Башни.

Было уже прежде замѣчено, что лезгины , въ-сравненіи съ чеченцами, то же самое, что чернорабочіе въ-сравненіи съ классомъ привилегированнымъ. Грубость этихъ людей не замедлила вскорѣ высказаться. Одинъ изъ нихъ за что-то поссорился съ кормилицей маленькаго Георгія Орбеліани и разсвирѣпѣлъ до того, что хотѣлъ убить ребенка, что и исполнилъ бы непременно , еслибъ князь П. Чавчавадзе не вступился въ дѣло и не выхватилъ ребенка изъ рукъ лезгина. Дѣло кое-какъ уладилось; но послѣ этого князю Чавчавадзе связали по локтямъ руки.

Впродолженіе нѣкотораго времени вся партія шла въ глубокомъ ущельи, между двухъ значительныхъ высотъ. Потомъ всѣмъ плѣннымъ, за исключеніемъ княгини Анны Ильиничны, приказано было спѣшиться, чтобъ удобнѣе подниматься на какую-то ка-

менную гору. При подъемѣ, княгиня съ трудомъ держалась на своей лошади; еще съ большимъ трудомъ тащилась кормилица маленькаго Александра, потому-что, кромѣ своего вскормленника, она должна была нести на рукахъ еще и Тамару. Къ-счастью, тутъ же шли нѣкоторые изъ плѣнныхъ похальскихъ милиціонеровъ и могли помогать бѣдной женщинѣ, обремененной двойною ношей.

За труднымъ подъемомъ, какъ и всегда, послѣдовалъ столько же трудный спускъ; но этотъ спускъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что весь былъ покрытъ нерастаявшимъ снѣгомъ—явленіе, поразительное, но не рѣдкое въ горахъ, гдѣ часто, на одной сторонѣ высоты зеленѣетъ южная растительность, тогда-какъ на другой (почти-всегда на сѣверной) остается снѣгъ до іюля.

На снѣжной покатости княгиню Анну Ильиничну сняли съ лошади и повели подъ-руки, что не мѣшало ея ногамъ проваливаться на поларшина въ глубину снѣжнаго пути; то же самое было и съ прочими плѣнниками. Маленькая Тамара, вѣроятно, боясь паденія, сильно расплакалась и тѣмъ заставила лезгинъ отнять Александра у его кормилицы и отдать его на руки князю И. Чавчавадзе, который, при всемъ желаніи нести малютку, весьма былъ этимъ затрудненъ, такъ-какъ руки его, связанные по локтямъ, не были совершенно свободны. Кое-какъ онъ, однакожъ, управился съ своей ношею.

Спустившись по снѣжному спуску, путники направились вдоль берега какой-то рѣки. Здѣсь княгиня Чавчавадзе была испугана паденіемъ кормилицы ея сына, вѣхавшей съ Тамарой. Подъ кормилицей перевернулось сѣдло, но она упала довольно-счастливо, не сдѣлавъ вреда ни себѣ, ни бывшему на рукахъ ея ребенку.

Вскорѣ снова начался подъемъ, тянувшійся спиралью и длившійся неменѣе пяти часовъ. Будучи впереди всѣхъ, княгиня Анна Ильинична не могла видѣть никого изъ своихъ спутницъ до тѣхъ-поръ, пока, достигнувъ вершины подъема, не остановилась для отдыха и для ожиданія остальныхъ путниковъ. Отсюда княгиня видѣла всѣхъ цинондальскихъ плѣнницъ: онѣ шли пѣшкомъ, держась за хвосты лошадей. Когда всѣ собрались на горѣ, княгиня В. И. Орбеліани рассказала сестрѣ своей о приключеніи съ ея маленькой Тамарой. Разставшись какъ-то съ кормилицей Александра, малютка неутѣшно плакала, крикомъ своимъ вывела изъ терпѣнія лезгинъ, и они, посадивъ ее на землю, бросили одну на полугорѣ. Къ-счастью, на плачущую и покинутую малютку наѣхала княгиня Варвара Ильинична съ нѣсколькими ми-

лиціонерами, и одинъ изъ нихъ поднялъ и понесъ на рукахъ покинутую дѣвочку. Вообще великимъ счастьемъ для плѣнницъ было то, что онѣ были сопровождаемы плѣнными милиціонерами. Во множествѣ случаевъ эти люди оказали безпомощнымъ женщинамъ неоцѣненные услуги.

Далѣе княгиня Анна Ильинична поѣхала впереди другихъ и не безъ труда пробиралась по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ, тѣмъ болѣе, что путь снова сталъ подниматься въ гору. Вскорѣ княгиню догналъ князь И. Чавчавадзе, державшій на рукахъ маленькаго Александра. У малютки на губахъ лежалъ еще нерастаявшій кусокъ снѣга.

— Цѣлый день его несу, сказалъ князь: — и бесполезно ожидаю его кормилицы; но она идетъ гдѣ-то позади, и я вынужденъ давать ребенку снѣгу, чтобъ только хоть успокоить его... Не прогнѣвайтесь, княгиня, если даже и уроню его: вы видите, что я не вполнѣ владѣю руками.

Княгиня обратилась къ проводнику съ просьбою, чтобъ позволили ей сомою взять и везти ея сына; но тотъ отказалъ подъ предлогомъ, что княгиня, при переписи плѣнныхъ, была записана одна, а не съ сыномъ (*). Къ-счастью, тутъ подоспѣли нѣкоторыя изъ женщинъ, и между ними были кормилица, несшая Тамару, и прачка Варвара. Княгиня приказала кормилицѣ передать Тамару Варварѣ, а самой взять Александра съ рукъ утомленнаго князя И. Чавчавадзе. Кормилица исполнила это, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразила, что сама она изнемогла отъ ходьбы и легко можетъ уронить Александра. Княгиня попросила, чтобъ кормилицѣ дали особую лошадь. Лезгины засуетились, зашумѣли, стали отнимать лошадей другъ у друга, а между тѣмъ княгиню утнали впередъ, и она не видѣла, чѣмъ все это кончилось, и получила ли кормилица лошадь для продолженія тяжкаго пути.

Между-тѣмъ стало вечерѣть. Утомленіе овладѣвало всѣми: ѣхали шагомъ, но долго не останавливались для отдыха. Наконецъ, на берегу какой-то рѣки, проводникъ княгини Анны Ильиничны объявилъ, что настало время для давноже.таннаго привала, и, снявъ княгиню съ лошади, предложилъ ей сѣсть на траву, а самъ принялся молиться.

При этомъ случаѣ, также какъ и впослѣдствіи, княгиня имѣ-

(*) Плѣнницамъ было не трудно объясняться съ лезгинами, потому-что весьма-многіе изъ нихъ знали порусски или погрузински.

ла возможность замѣтить, что лезгины и чеченцы вообще очень-уеердны въ молитвѣ и , предаваясь ей , какъ-будто забываютъ обо всемъ, что ихъ окружаетъ.

Чрезъ нѣсколько времени къ привалу княгини приблизилась жена кизис-хевскаго дьячка, молодая женщина , прекрасная собою, и тоже сошла съ лошади, чтобъ присѣсть на траву. Проводникъ ея о чемъ-то поговорилъ съ проводникомъ княгини и принялся скликать отсталыхъ. Тутъ подъѣхала г-жа Дрансѣ. Плѣнницы обмѣнялись привѣтствіями и при этомъ случаѣ обѣ замѣтили, что чувства страха и испуга уже совершенно покинули ихъ и замѣнились какимъ-то притупленіемъ всѣхъ чувствъ. Разставаясь снова для продолженія странствованія, княгиня и гвернатка ея дѣтей обмѣнялись слѣдующими Фразами:

— Я чувствую, сказала княгиня: — что не доѣду до мѣста нашего назначенія; если я умру въ дорогѣ, сберегите дѣтей и облегчите ихъ положеніе.

— Вы можете быть увѣрены, что я сдѣлаю для нихъ все, что только будетъ отъ меня зависѣть , отвѣчала съ искренностью француженка , которая сама была знакома съ чувствами матери, и онѣ разстались.

Лезгинамъ хотѣлось попасть на ночлегъ въ ближайшій аулъ, а потому они скоро подняли плѣнницъ съ привала и , несмотря на густыя сумерки , повели ихъ далѣе. По спуску съ высокой горы княгиня должна была идти пѣшкомъ. Проводникъ очень-осторожно и очень-тихо сводилъ ее съ горы и въ то же время вель лошадей. Подъ горой очутилась рѣка, а за рѣкой невдалекѣ показались огни нѣсколькихъ ауловъ. Для переправы черезъ рѣку, лезгинъ посадилъ княгиню на лошадь, а самъ помѣстился сзади, за сѣдломъ ея , и такимъ образомъ переѣхали вбродъ неширокую, впрочемъ, рѣку. Здѣсь ихъ догнала , быстро скача верхомъ на лошади , какая-то дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Княгиня спросила, не видѣла ли она прочихъ цинондальскихъ плѣнныхъ. Дѣвочка отвѣчала, что всѣ они ѣдутъ позади.

Посреди ночи доѣхали до одного изъ ауловъ , лѣпившихся и разбросанныхъ по горѣ. Проходя мимо саклей , княгиня Анна Ильинична почти изъ каждой слышала окликъ на грузинскомъ языкѣ: то были голоса плѣнныхъ , ранѣ приведенныхъ въ аулъ и уже размѣщенныхъ по саклямъ. Они спрашивали: «откуда вы?» Княгиня имъ отвѣчала, что изъ Цинондаль.

На ночлегъ княгиню привели въ *бу Платник** (*). Помѣщеніе это раздѣлялось плетнемъ на три отдѣленія: въ первомъ находился скоть, во второмъ расположились проводники-лезгины и тотчасъ же развели на земляномъ полу огонь и принялись готовить себѣ кушанье; въ третье была введена княгиня и нашла здѣсь князя И. Чавчавадзе, шесть милиціонеровъ и женщинъ, какъ цинондальскихъ, такъ и совершенно-незнакомыхъ. На вопросъ княгини о дѣтяхъ князь П. Чавчадзе отвѣчалъ, что онъ ихъ не видѣлъ, что ихъ повели другою, ближайшею дорогою.

Размѣстившись, какъ было можно, въ своемъ мрачномъ, душномъ и нечистомъ пристанищѣ, плѣнницы долго не думали объ успокоеніи, потому-что ожидали другихъ, оставшихъ плѣнницъ. Въ полночь, около буйлятника слышались голоса и шумъ, а черезъ минуту вошла княжна Баратова съ маленькой Маріей Чавчавадзе (которая до того постоянно находилась при княжнѣ), и въ то же время привели израненную нянюшку.

«Здѣсь ли тѣтка Варвара Ильинична?» спросила, входя въ помѣщеніе плѣнныхъ, княжна Баратова, на которой плѣнницы съ величайшимъ изумленіемъ увидѣли въ неприкосновенности не только весь костюмъ ея, но даже кольца и перстни на пальцахъ и цѣнныя булабочки въ *тавсакрави* (**).

Княжнѣ отвѣчали, что княгиня Орбеліани еще не пріѣхала.

Освоившись съ темнотою буйлятника, княжна Баратова узнала всѣхъ, съ кѣмъ она здѣсь встрѣтилась, и присоединилась къ княгинѣ Чавчавадзе, чтобъ вмѣстѣ съ нею раздѣлить безпокойство ожиданія.

Безпокойство это было столько же сильно и живо, какъ и то, которое чувствовала княгиня въ первую ночь послѣ похищенія. Бя не покидала мысль о сестрѣ и о дѣтяхъ; она безпрестанно думала: гдѣ они? что съ ними? и каждый порывъ вѣтра или шумъ за плетнемъ заставлялъ ее судорожно вздрагивать. Такими тревожными ощущеніями княгиня и молодая ея родственница замѣнили въ эту ночь сонъ, столь необходимый для нихъ обѣихъ; но ожиданія были напрасны. Не сомкнувъ глазъ до самаго разсвѣта, плѣнницы все-таки не дождались своихъ близкихъ.

(*) Такъ за Кавказомъ называются помѣщенія для буйволовъ и прочаго домашняго скота.

(**) Такъ-называетсял очеш.-красивая головная повязка, носимая, въ видѣ обруча, замужними и незамужними грузинками.

7-го іюля, утромъ, имъ было позволено выйти на свѣжій воздухъ. Тутъ онѣ были окружены множествомъ женщинъ изъ разныхъ кахетинскихъ селеній, и, между прочими, замѣтили одну армянку, жену откупщика Антонова. Эта женщина была взята вмѣстѣ съ четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ самому старшему было только пять лѣтъ. Всѣхъ ихъ поочередно тащила на себѣ несчастная мать, а иногда всѣхъ младшихъ несла вдругъ въ одно время.

Знакомясь между собою, женщины вскорѣ увидѣли въ кругу своемъ какое-то новое лицо: это былъ незнакомый чеченецъ, по имени Нишка. Онъ хорошо говорилъ порусски, отыскалъ въ толпѣ княгиню Анну Ильиничну и, обратясь къ ней, объявилъ, что ему приказано встрѣтить здѣсь плѣнницъ, приготовить имъ завтракъ и провожать ихъ до аула Дидо.

Выслушавъ чеченца, княгиня сказала ему, что все это очень хорошо, но что гораздо-важнѣе для ея спокойствія узнать о судьбѣ разлученныхъ съ нею дѣтей и сестры.

— Не беспокойтесь, отвѣчалъ Нишка:—я уже послалъ узнавать о нихъ и ожидаю отвѣта. Когда же мы выйдемъ изъ аула, я сведу васъ съ ними на дорогѣ.

Дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ человекъ, котораго Нишка называлъ своимъ посланнымъ, и донесъ Нишкѣ, что всѣ *цинондсийскіе* сидятъ и отдыхаютъ на дорогѣ, по которой и княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ предстояло слѣдовать.

Княгиня несовсѣмъ этому повѣрила, думая, что ее хотятъ только успокоить, чтобъ расположить къ принятію приготовленной для нея пищи; однако, несмотря на сомнѣніе, она рѣшилась подкрѣпить свои силы и приступила къ завтраку, который на этотъ разъ былъ роскошнѣе многихъ прежнихъ и послѣдующихъ: онъ состоялъ изъ теплаго кипяченаго молока, свѣжаго горскаго сыра и мягкихъ *лавашей* (*).

Послѣ завтрака всѣ поднялись въ дальнѣйшій путь. Всѣ, собственно принадлежавшіе къ семейству Чавчавадзе, получили здѣсь особыхъ лошадей; князь Иванъ ѣхалъ на собственной своей, взятой имъ въ башнѣ, но оставался съ перевязанными за спиною локтями (**). Позади его привязали къ сѣдлу маленькую Марію.

(*) То-есть хлѣбовъ, приготовленныхъ въ видѣ плоскихъ лепѣшекъ различной толщины и различныхъ размѣровъ.

(**) Руки князя Ив. Чавчавадзе были развязаны не прежде, какъ по прибытіи его въ аулъ Дидо.

Лошадь князя, неуправляемая своимъ сѣдокомъ и непривычная ни къ горнымъ дорогамъ, ни къ дикой и разнообразной природѣ этихъ мѣстъ, безпрестанно пугалась или обрывалась на крутизнахъ. Это обстоятельство было причиной новыхъ и непрерывныхъ тревогъ для княгини Анны Ильиничны, боявшейся, чтобъ лошадь князя Ивана не упала и не задавила собою ребенка, привязаннаго къ сѣдлу его. Опасенія матери дѣйствительно не замедлили оправдаться. Въ одномъ мѣстѣ пути пришлось перебираться по руслу рѣки, которая вдругъ представилась въ видѣ небольшого, но стремительнаго водопада. Нужно было взбираться вверхъ противъ паденія этого каскада. Плѣнницы, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, благополучно совершили этотъ страшный переходъ; но лошадь князя Ив. Чавчавадзе не хотѣла идти по камнямъ, обливаемымъ шумными волнами и пѣной каскада. Она начала бить и кончила тѣмъ, что сбросила съ себя сѣдока и привязанную къ сѣдлу малютку. Княгиня бросилась къ дочери, но, къ счастью, Марья не пострадала отъ своего паденія : она отдѣлалась лишь ушибомъ локтя и размѣшила княгиню тѣмъ, что разсердилась на генерала Р., котораго при этомъ случаѣ вспомнила потому, что въ его саіу, въ Тифлисѣ, съ мѣсяцъ назадъ, она больно ушибла тотъ же самый локоть, убѣгая отъ шутиваго преслѣдованія генерала.

Отъ аула, въ которомъ плѣнницы провели тревожную послѣднюю ночь, къ ихъ поѣзду прибавилась многочисленная партія плѣнныхъ кахетинцевъ изъ разныхъ селеній. Отъ этого шествіе сдѣлалось нѣсколько-медленнѣе и приняло сценъ-оригинальную фizioномію. Между множествомъ самыхъ странныхъ сценъ и картинъ, княгиня Анна Ильинична въ-особенности помнитъ несчастныхъ маленькихъ дѣтей, запряганныхъ въ мѣшки, которыя болтались по обѣимъ бокамъ ословъ, навьюченныхъ ими. Еще помнитъ княгиня то непріятное и грустное впечатлѣніе, какое производили на нее лезгинскіе трофеи—отрѣзанныя ими и привязанныя къ высокимъ палкамъ человѣческія руки...

Но болѣе всего вниманіе княгини въ это время было обращено на троихъ плѣнныхъ дѣтей какого-то кахетинскаго священника. Старшій изъ нихъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, былъ раненъ въ голову и, отъ потери крови, поблѣднѣлъ и ослабѣлъ, до такой степени, что, казалось, долженъ былъ изнемочь и умереть въ каждомъ шагѣ. Несмотря на это, онъ не оставлялъ маленькой сестры своей и несъ ее на рукахъ до-тѣхъ-поръ, пока, наконецъ,

не упалъ съ совершенномъ безсиліи. Тогда, обратясь къ брату, двѣнадцатилѣтнему мальчику, умирающій передалъ ему сестру и завѣщалъ не отдавать ея никому и тащить на себѣ до послѣдней возможности.

Вообще, въ большой картинѣ этого народнаго бѣдствія много было отдѣльных эпизодовъ истиннаго героизма со стороны христіанъ-плѣнниковъ. Но были также и сцены невообразимаго варварства со стороны проводниковъ-мусульманъ. На протяженіи описываемаго перехода, княжна Баратова видѣла собственными глазами, какъ одного плѣннаго ребѣнка, трехъ или четырехъ лѣтъ, плакавшаго о разлученной съ нимъ матери и нехотѣвшаго смирно сидѣть за сѣдломъ своего похитителя, лезгинъ взялъ за ноги, ударилъ головою о скалу и очень-равнодушно бросилъ въ пропасть.

Продолжая свое медленное шествіе, плѣнницы приблизились къ прекрасной сосновой рошѣ, гдѣ, между великолѣпными деревьями, недалеко отъ опушки, увидѣли отдыхающую другую партію плѣнныхъ. Тутъ, къ совершенной радости княгини Анны Ильиничны и ея спутницы, были *всѣ цинопдалисцѣ*.

Княгинѣ помогли сойти съ лошади, и она очутилась въ кругу близкихъ и дорогихъ ея сердцу. Тутъ же снова подали ей, чтобы покормить молокомъ изъ своей груди, ту маленькую дѣвочку, которая еще въ Похальской Башнѣ спасла княгиню отъ разлива молока, и снова, накормивъ сначала ее (случайно), а потомъ своего Александра, княгиня почувствовала въ груди значительное облегченіе.

Дѣвочка, случайная питомица княгини, была дочь какого-то священника, и, потерявъ мать, путешествовала теперь, подъ присмотромъ старшей своей сестры, на ослѣ, въ одной изъ тѣхъ переметныхъ сумокъ, въ которыхъ помѣщались и многія другія дѣти, и которыя возбуждали за судьбу дѣтей такое сильное опасеніе въ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ и сестрѣ ея.

Объимъ партіямъ, соединившимся у опушки сосноваго лѣса, весьма-похожаго на расчищенный паркъ, было позволено отдохнуть, вслѣдствіе чего онѣ и расположились здѣсь многочисленными отдѣльными группами. Здѣсь же княгиня Анна Ильинична узнала и о послѣднихъ приключеніяхъ сестры своей.

Княгиня Варвара Ильинична отъ Похальской Башни поѣхала позади сестры своей и только изрѣдка видѣла ее издали. Всѣ дѣти княгини Чавчавадзе (за исключеніемъ Маріи, бывшей на попеченіяхъ княжны Баратовой, а потомъ при матери) были съ

княгиней Варварой Ильиничной. Ночевали онѣ въ лѣсу, посреди болота, чрезвычайно страдая отъ сырости и холода; дѣти были уложены на буркахъ, но взрослымъ не оставалось ничего болѣе, какъ расположиться безъ всякихъ подстилокъ на болотистой лѣсной почвѣ. Отъ такого ночлега княгиня Варвара Ильинична вскорѣ почувствовала лихорадку, а къ разсвѣту изнемогла до того, что, отправившись къ одной ложбинѣ, въ которой сохранился снѣгъ, она, за четыре шага до цѣли, должна была отказаться отъ мысли утолить свою жажду снѣгомъ; ноги ея подкосились, и она упала, не дойдя до ложбины. Здѣсь должно припомнить, что до настоящаго дня (7-го числа) княгиня ни разу порядочно не удовлетворяла своего голода.

Кромѣ сырости, холода и лихорадки, княгинѣ Варварѣ Ильиничнѣ было еще суждено на ночлегѣ вытерпѣть одну очень-непріятную сцену. Какая-то старая кахетинская простолюдинка позавидовала, что лезгины, наконецъ, сжалились надъ княгиней и дали ей конскій потникъ, чтобъ подостлать подъ себя на сырую землю. Старуха негодовала на такое предпочтеніе въ пользу княгини, осыпала ее упреками и ругательствами, говорила, что «князьмъ вездѣ лучше, чѣмъ простымъ людямъ», и дошла до такой дерзости, что старалась силою вытащить изъ-подъ княгини потникъ, нисколько, впрочемъ, незащищавшій ея отъ влажности болотистаго ложа.

На разсвѣтѣ, часа въ четыре, продрогшія и почти неотдохнувшія женщины и дѣти поднялись и послѣдовали далѣе. На пути до привала у сосноваго лѣса (гдѣ, поутру, была ихъ встрѣча съ княгиней Мавчавадзе и княжной Баратовой) княгиня Варвара Ильинична не помнитъ ничего особенно-замѣчательнаго, если не считать одной, довольно-пріятной встрѣчи: какой-то незнакомый чело-вѣкъ съ связанными руками, изъ числа плѣнныхъ, при встрѣчѣ съ княгиней, узналъ ее и, въ разговорѣ, выказалъ совершенное знаніе обстоятельствъ покойнаго мужа княгини и всѣхъ родныхъ ея. Этотъ разговоръ навелъ княгиню на грустныя, но въ то же время и пріятныя воспоминанія, а за воспоминаніями послѣдовали слезы, много-облегчившія ея душу. Дѣтямъ незнакомецъ далъ кумели (*), и они питались этимъ снадобьемъ до самаго привала

(*) Мука, которую смачиваютъ водою, мнутъ въ рукахъ и ѣдятъ по-большей-части въ дорогѣ, за неимѣніемъ другой пищи. Это что-то въ родѣ толокна.

у опушки сосноваго лѣса, гдѣ ихъ ожидала лучшая нища : княгиня Анна Ильинична и князь Ив. Чавчавадзе привезли сюда порядочный кусокъ хлѣба и кость баранины, украдкою взятые ими съ послѣдняго ихъ ночлега въ буйлятникѣ. Княгиня В. И. Орбелиани тоже, наконецъ, утолила здѣсь свой голодь и распредѣлила хлѣбъ и баранину между всѣми дѣтьми и ближайшими женщинами. По собственному своему апетиту она чувствовала, что раздастъ слишкомъ-незначительныя порціи; но что жъ оставалось ей дѣлать? гдѣ было взять большаго?...

Послѣ скуднаго завтрака, но довольно-продолжительнаго отдыха, плѣнники и плѣнницы снова были принуждены продолжать утомительное шествіе. Каждый приваль былъ ими оставляемъ съ величайшею неохотою, съ какимъ-то болѣзненнымъ отвращеніемъ къ неизбѣжнымъ новымъ трудностямъ, ожидавшимъ ихъ впереди. Но необходимость была сильнѣе всего, и нужно было ей покоряться. Впрочемъ, на этотъ разъ они оставили свой прекрасный, тѣнистый пріютъ у сосноваго лѣса, съ надеждою на хорошій ночлегъ въ аулѣ Дидо, который былъ уже недалеко. На пути къ этому аулу плѣнницы не потерпѣли никакихъ новыхъ бѣдствій; но за-то были свидѣтельницами чужаго бѣдствія, трогательнаго и вмѣстѣ умилительнаго. На половинѣ дороги до Дидо къ нимъ присоединилась новая партія плѣнныхъ кахетинскихъ поселянъ изъ разныхъ деревень. Къ этой партіи принадлежалъ одинъ армянскій священникъ, шедшій вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Сыновья и дочери вели и поддерживали почтеннаго старца, когда онъ самъ лишался силъ для продолженія пути. Но часто помощь преданной семьи дѣлалась недостаточна ; священникъ останавливался и падалъ отъ изнеможенія. Тогда жестокіе проводники безпощадно били его нагайками, не уважая ни лѣтъ его, ни слабости, ни **Физической** невозможности идти съ израненной и опухшей ногою, которая у него истекала кровью и оставалась безъ перевязки... но ни одной жалобы, ни одного упрека не производилъ христіанскій пастырь. Оправдывая свое пастырское назначеніе, онъ терпѣливо переносилъ всѣ страданія и всѣ униженія, и еще научалъ другихъ терпѣнію и покорности; «Христосъ больше терпѣлъ за грѣхи наши» громко говорилъ онъ всѣмъ, его окружавшимъ: «не-уже-ли же мы не захотимъ потерпѣть за собственные наши прегрѣшенія?..»

Примѣръ и христіанская рѣчь старца могущественно дѣйствовали на прочихъ плѣнниковъ... По-крайней-мѣрѣ для несчастныхъ

героинь нашего разсказа этотъ примѣръ и эти поученія были елеемъ цѣлебнымъ и успокоительнымъ.

Къ Дидо наши путники стали приближаться только къ печеру, пройдя почти весь этотъ день безъ отдыха и безъ пищи. Они удивлялись ненонятной неутимости и воздержности своихъ проводниковъ-лезгинъ : эти люди почти ничего не ѣли во всю дорогу ; нарвутъ какихъ-нибудь лѣсныхъ цвѣтовъ, или наберутъ луговой травы — и довольствуются этой пищей въ-теченіе цѣлыхъ дней.

Передъ самымъ ауломъ Дидо нужно было спускаться со страшной крутизны , къ рѣкѣ, сверкавшей внизу своими свѣтлыми струями. На берегу рѣки плѣнницы повстрѣчали дидойскихъ женщинъ. Эти дикарки съ жаднымъ любопытствомъ бросились къ княжнѣ Баратовой разсматривать ея грузинскій костюмъ и такъ столпились, что непременно столкнули бы ее въ рѣку, еслибъ не были разогнаны проводниками плѣнницъ.

Въ самомъ Дидо плѣнные были очень-дурно приняты: стекавшійся со всѣхъ сторонъ народъ бросалъ въ нихъ палками и камнями, и никто изъ домохозяевъ не хотѣлъ пустить ихъ къ себѣ на ночлегъ.

Многоточие

VIII.

Лулъ Дидо и дальнѣйшій путь до неизвѣстнаго аула,
прозваннаго плѣнницами «Ауломъ Сыра».

Наконецъ, однако, нашелся въ негостепріимномъ аулѣ пріютъ для нашихъ плѣнницъ: то былъ домъ какой-то странной, истинно-горской постройки. Начать съ того, что во дворѣ дома являлась высокая гора, на которую нужно было взлѣзть, чтобъ ужъ съ нея попасть прямо въ дверь втораго этажа. Потомъ представлялась не мѣньшая странность : изъ комнаты втораго этажа, по небольшой, но очень-крутой лѣстницѣ нужно было подняться до какого-то подъѣмнаго трапа, и сквозь эту лазейку пролѣзть на плоскую крышу, до половины прикрытую навѣсомъ, а до половины ничѣмъ неприкрытую. Вотъ здѣсь-то и размѣстились плѣнницы и плѣнники: первыя, подъ навѣсомъ около небольшого домашняго пчельника, а вторые на открытой части кровли. J)

Вскорѣ по прибытіи плѣнницъ явился къ нимъ какой-то мулла и объяснилъ, что онъ когда-то былъ въ плѣну у русскихъ, но былъ обмѣненъ на бывшаго въ то же время въ плѣну у Шамиля

мужа княгини Варвары Ильиничны, князя Илью Орбеліани. Это обстоятельство, какъ увѣрялъ мулла, внушало ему признательность къ Фамиліи Орбеліани, вслѣдствіе чего онъ просилъ у Шамиля позволенія сопровождать теперь плѣнницъ до самаго Веденъба, на что и получилъ согласіе имама.

Помѣщеніе плѣнницъ подъ навѣсомъ, на открытомъ и чистомъ воздухѣ, было бы вполне-удобно для отдыха, еслибъ изъ близстоящихъ ульевъ не вылетали пчелы и не тревожили, въ-особенности дѣтей, которыя боялись ихъ не безъ основанія, потому-что нѣкоторыя изъ нихъ были даже ужалены. Это обстоятельство долго не давало покоя и взрослымъ: нужно было успокоить дѣтей и оградить ихъ отъ дальнѣйшаго нападенія летучихъ враговъ. Другое обстоятельство, еще сильнѣе подѣйствовавшее на плѣнницъ, и особенно на княгиню Анну Ильиничну, было слѣдующее: дѣти, долго не засыпая, обращались къ ней съ разспросами : *зачѣмъ мы здѣсь?* да *зачѣмъ папа не съ нами?* да *гдѣ Лидинька?* и т. п. Эти дѣтскіе толки надрывали душу матери и волновали ее, съ одной стороны, воспоминаніями обо всѣхъ недавнихъ подробностяхъ ея несчастія, а съ другой—мучительными недоумѣніями о судьбѣ мужа и потерянной дочери (*)... Душевные мученія княгини на этотъ разъ выразились совершеннымъ упадкомъ всегда-свойственной ей энергіи, безнадежностью и, наконецъ, молчаливою, мрачною задумчивостью. Она даже не сохранила никакого воспоминанія о своемъ пребываніи въ Дидѣ, такъ-что всю эту часть разсказа мы должны были заимствовать изъ воспоминаній княгини Варвары Ильиничны, и это можетъ быть принято за лучшее доказательство сильнаго душевнаго упадка княгини Чавчавадзе, потому-что до того времени и послѣ, воспоминанія ея и показанія были постоянно самыми ясными и самыми полными.

Что касается до княгини Орбеліани, то она и здѣсь невольно повторила свои сѣтованія о томъ, что болѣе, чѣмъ сестра, имѣла силъ для перенесенія своего горестнаго положенія : она желала бы подѣлиться ими съ сестрою и страдала оттого, что не могла этого сдѣлать, а утѣшить и успокоить не умѣла.

Утѣшителемъ, впрочемъ, явился новый ихъ знакомецъ, мулла, котораго впослѣдствіи плѣнницы прозвали *благодѣтельнымъ муллою*.

(*) Княгиня еще не была вполне увѣрена въ гибели ея Лидіи, да не кому было сказать ей объ этомъ съ достовѣрностью.

за многія съ его стороны доказательства участія и состраданія къ ихъ участи. Старикъ уговаривалъ ихъ не горевать и угощать разными горскими яствами, а, въ довершеніе всѣхъ своихъ попеченій, далъ плѣнницамъ слово, что ихъ не р. злучать до самага Веденно.

Сонъ очень-поздно посѣтилъ плѣнницъ.

8-го іюля, то-есть, на другой день поутру, привели князя Вагнадзе, также плѣннаго, а около полудня всѣ поднялись изъ Дидо въ дальнѣйшее странствованіе, причемъ, наконецъ, были развязаны руки князю Ив. Чавчавадзе.

Передъ отправленіемъ, однакожь, не обошлось безъ непріятности. Для Нины, той самой служанки, которая жертвовала для княгини Анны Ильиничны своей одеждой, а потомъ, ночью, въ лѣсу, такъ много способствовала къ утѣшенію госпожи своей, для этой самой женщины не достало лошади. Благодарѣтельный мулла общалъ, что ей дадутъ лошадь черезъ часъ послѣ отъѣзда прочихъ плѣнницъ, и что она догонитъ ихъ. Но этотъ часъ показался княгинямъ какъ-то подозрителенъ, хотя онѣ и не могли понять, какая выгода была горцамъ удерживать въ Дидо пожилую и дагке некрасивую женщину, простолюдинку, за которую они не могли ожидать и большаго выкупа. Княгини упрашивали муллу не отлучать отъ нихъ Нины, но мулла остался непреклоненъ и продолжалъ общать, что она ихъ догонитъ. Нужно было уступить, и княгини съ грустнымъ предчувствіемъ оставили въ Дидо преданную свою служанку. Предчувствіе ихъ оправдалось : онѣ съ тѣхъ-пору не видали Нины, которая оставалась въ плѣну, и даже неизвѣстно, въ какомъ именно аулѣ.

Дорога изъ Дидо шла въ гору узкой тропинкой, безпрестанно обсыпавшейся. Это заставляло княгинь бояться за дѣтей, которыя легко могли бы обвалиться съ тропинки въ кручу. Саломе, привязанная къ сѣдлу, ѣхала одна на своей лошади; отъ боязни и отъ боли въ ногахъ, для которыхъ слишкомъ-жестко и широко было лезгинское сѣдло, дѣвочка не переставала кричать и плакать. Проводникъ ея, которому, вѣроятно, наскучилъ крикъ, снялъ ее съ лошади и, посадивъ на землю, отправился далѣе. Эта сцена совершилась позади всего поѣзда, а потому покинутая Саломе легко могла бы остаться навсегда тамъ, гдѣ ее оставили ; но, къ счастью, княгиня Варвара Ильинична замѣтила свою племянницу и съумѣла настоять, чтобъ ее опять посадили на лошадь. То же самое случилось наканунѣ съ Тамарой, которая точно также была спасена княгиней Варварой Ильиничной.

Черезъ нѣсколько времени, еще болѣе опасный случай угрожалъ маленькому Георгію Орбеліани. Кормилица, съ малюткой на рукахъ, ѣхала одна по рыхлой и обсыпавшейся тропинкѣ. Вдругъ лошадь ея поскользнулась и полетѣла въ кручу... Къ-счастью, обрывъ въ этомъ мѣстѣ не превышалъ двухъ сажень глубины, а кормилица успѣла уцѣпиться за деревья и, держа въ подолѣ своего платья мальчика, а подолъ придерживая зубами, благополучно выкарабкалась на дорогу. Лошадь также вытащили невредимою.

Этой послѣдней сцены не видѣла княгиня Варвара Ильинична и тѣмъ была избавлена отъ новаго страшнаго потрясенія, отъ новаго испуга матери за жизнь сына.

Къ вечеру путники прибыли въ какой-то аулъ, гдѣ, въ первый разъ на всемъ пути, встрѣтили нѣкоторое радушіе и гостепріимство со стороны жителей, и въ первый же разъ нашли очень-красивыхъ женщинъ. Костюмъ этихъ женщинъ былъ весьма-живописенъ и въ-особенности отличался головнымъ уборомъ, который состоялъ изъ небольшихъ шапочекъ, разукрашенныхъ металлическими кольцами, монетами и другими блестящими бездѣлками. Прекрасныя и привѣтливыя горянки, встрѣтившія плѣнницъ въ своемъ аулѣ, окружили ихъ съ участіемъ и немедленно оказали всю возможную помощь заболѣвшей здѣсь кормилицѣ маленькаго Георгія Орбеліани. Въ то же время вышелъ на встрѣчу княгинямъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, **пожилой** и почтеннаго вида человекъ. Онъ сказалъ плѣнницамъ, что знавалъ князя Александра Чавчавадзе (отца князя Давида), спросилъ, изъ той ли онѣ **Фамиліи**, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пригласилъ и повелъ плѣнницъ въ свой домъ. Тутъ опять соединились всѣ собственно *цинондальскге*, и гостепріимный хозяинъ щедро угостилъ ихъ всѣхъ свѣжимъ сыромъ, молокомъ и прекраснымъ хлѣбомъ. Не довольствуясь угощеніемъ, онъ не скупился и на слова утѣшенія, которыя произносилъ не холодно, а съ замѣтнымъ чувствомъ. Между-прочимъ, онъ увѣрялъ плѣнницъ, что, по всей вѣроятности, заключеніе ихъ продлится не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и тутъ же съ удовольствіемъ принялся перевязывать раны нянюшки, Александры Яковлевны. Такая благонамѣренность старика была очень-пріятна его случайнымъ посѣтительницамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ встрѣтили подобное обхожденіе въ первый разъ со времени своего бѣдственнаго странствованія.

9-го іюля, поутру, плѣнные вышли изъ гостепріимнаго аула. Дорога имъ лежала черезъ горы, то голыя и каменистыя, то лѣ-

сиетя. Въ послѣднихъ часто встрѣчались снѣжные обвалы, скатившіеся весною съ высотъ и нерастаявшіе до іюля мѣсяца. Иногда приходилось пробираться прямо чрезъ эти снѣжныя массы; при этомъ лошади глубоко проваливались, и потому всѣ плѣнники и проводники должны были идти пѣшкомъ, чтобъ не подвергнуться участи, постигшей здѣсь старшую дочь священника: она провалилась въ глубину обвала и насилу была оттуда вытащена (*). Пѣшеходное странствованіе въ-особенности было трудно для княгини Анны Ильиничны: раненая нога ея отъ ходьбы страшно разболѣлась и распухла. На одномъ изъ длинныхъ и чрезвычайно-крутыхъ спусковъ, княгиня почувствовала головокруженіе и не могла идти далѣе. Князь Вагнадзе и урядникъ Потаповъ понесли ее на рукахъ.

Вообще очень-нелегко описать однообразныя, но тѣмъ не менѣе трудныя и многочисленныя побѣды, которыя нашимъ путешественникамъ нужно было въ этотъ день одержать надъ природою. Кто знакомъ съ природою Чечни и Дагестана, тотъ пойметъ, чего эти побѣды стоили въ-особенности слабымъ женщинамъ... Для прочихъ же нашихъ читателей достаточно будетъ сказать, что переходъ 9-го іюля былъ, по свидѣтельству нашихъ плѣнницъ, самый изнурительный изъ всѣхъ, какъ по трудности самой дороги, такъ и потому, что плѣнные шли безъ остановки цѣлый день. Къ вечеру остановились они у какой-то рѣчки, видѣли невдалекѣ аулы и думали, что здѣсь будетъ ихъ ночлегъ; но оказалось, что остановка была сдѣлана лишь длятого, чтобъ дожидаться отставшихъ, и что ближніе аулы не были назначены для вождѣннаго отдохновенія. Собравшись у рѣчки, вся партія пошла далѣе, берегомъ. Отсюда было позволено Варварѣ нести на рукахъ маленькую Тамару, но лошади имъ не дали. Вообще лезгины чрезвычайно жалѣли и берегли лошадей.

Рѣчка, путеводившая странниковъ, постоянно извивалась въ своемъ теченіи, а потому часто приходилось имъ то переходить ее вбродъ, то опять слѣдовать по берегу: все это только увеличивало всеобщее утомленіе.

Поздно вечеромъ опять на короткое время остановились, чтобъ дожидаться отсталыхъ, и здѣсь княгиня В. И. Орбеліани была снова встревожена отсутствіемъ своего сына и его кормилицы:

(*) Чогырехмѣсячная сестра ея, питавшаяся молокомъ княгини Чавчавадзе, ѣхала въ мѣшкѣ, на особой лошади.

они были въ числѣ отсталыхъ и долго не присоединялись къ прочимъ плѣнникамъ.

Слѣдуя далѣе, вскорѣ приблизились къ послѣднему, но *страшному*, по своей высотѣ и крутизнѣ, подъему. Взирались на него не прямо, но безконечными зигзагами, и вершины достигли тогда, когда, казалось, совершенное безсиліе готово было овладѣть всѣми отъ перваго до послѣдняго.

На вершинѣ всѣ соединились у мечети, которой существованіе въ аулѣ свидѣтельствовало о его величинѣ и многолюдствѣ. Дѣйствительно, вскорѣ очень-многолюдная толпа собралась около партіи нашихъ плѣнныхъ. Любопытство горцевъ при этомъ случаѣ доходило до самой грубой дерзости. Они не только тѣснили и толкали утомленныхъ плѣнницъ, но даже безъ церемоніи ощупывали ихъ одежду и поворачивали имъ головы, чтобъ посмотреть въ лицо. Этотъ непріятный осмотръ продолжался бы неизвѣстно до какого времени, еслибъ *благодѣтельный мулла* (дѣйствительно сопровождавшій плѣнницъ отъ Дидо) не ограждалъ ихъ отъ наглаго любопытства своихъ единоплеменниковъ и не повелѣ, наконецъ, къ какому-то дому, рѣзко-отличавшемуся отъ другихъ большимъ балкономъ, окрашеннымъ въ яркую красную краску (*). Въ домъ было введено до восьмидесяти человекъ плѣнныхъ обоого пола. Женщины помѣстились въ одной, но очень-большой комнатѣ, гдѣ стоялъ большой каминъ, но не было оконъ: они замѣнялись дверью, сквозь которую воздухъ и свѣтъ проходили съ балкона. На балконѣ помѣстились мужчины.

Здѣсь наши плѣнницы прожили отъ 9-го до 16-го іюля, то есть почти цѣлую недѣлю. Характеристическія случайности этой недѣли заслуживаютъ подробнаго описанія наравнѣ съ разсказанными случайностями томительнаго странствованія.

Помѣщеніе ихъ въ *сырномъ* домѣ (*maison à fromage*; мы вскорѣ увидимъ, почему былъ такъ названъ плѣнницами ихъ временный пріютъ въ неизвѣстномъ аулѣ) было до-крайности неудобно. Балконъ ихъ дома составлялъ изъ себя навѣсъ надъ помѣщеніемъ лошадей, ословъ и буйволовъ. Отъ этого самыя удушливыя испаренія, поднимавшіяся снизу, постоянно заражали атмосферу балкона, а оттуда проникали въ комнату чрезъ единственную дверь, которую даже нельзя было и затворять, такъ-какъ она замѣняла собою окна, и безъ нея въ комнатѣ было бы совершенно мрачно.

(*) Какъ это увидѣли плѣнницы на другое утро, при дневномъ свѣтѣ.

Кромѣ духоты и зловонія , здѣсь еще было много неудобствъ отъ тѣсноты, которую легко себѣ объяснить, если вспомнимъ, что въ одной комнатѣ помѣщалось 80 человѣкъ.

Наконецъ дурная пища, какую здѣсь нашли плѣнницы, довершила ихъ бѣдственное положеніе: имъ давали только *хѣнкаль*, то-есть вареное въ водѣ, грязное и невкусное тѣсто, которое даже, дѣти ѣли не иначе, какъ съ отвращеніемъ.

Изъ душевной комнаты никого не выпускали. Только мужчинъ посылали по два раза въ день за водою. Отъ дурной пищи, тѣсноты, недостатка движенія и чистаго воздуха и, наконецъ, отъ неизбѣжной при такихъ условіяхъ неопрятности, вскорѣ заболѣли всѣ заключенницы (*). Дѣти, кромѣ того, не знали куда дѣваться отъ неопрятнѣйшихъ изъ насѣкомыхъ. Чтобы сколько-нибудь избавить ихъ отъ этого несчастія, нужно было остричь имъ волосы, всегда бывшіе для княгинь, какъ и для всякой матери , предметомъ особенно-нѣжныхъ попеченій. Но чѣмъ было произвести эту операцію? Княгинямъ принесли огромныя, тупыя, зазубренныя ножницы, которыми горцы стригутъ своихъ овецъ... Надо было хоть ими воспользоваться; но легко себѣ представить, съ какими чувствами каждая мать рѣшалась этимъ безобразнымъ орудіемъ уничтожать на прекрасныхъ головкахъ дѣтей ихъ лучшее украшеніе!...

Въ такихъ обстоятельствахъ были истинно-драгоцѣнны услуги князя Ив. Чавчавадзе. У него еще оставались деньги, зашитыя въ шапкѣ, и онъ покупалъ на нихъ провізію для цинондальскихъ плѣнницъ: хлѣбъ , куръ, яйца, кислое молоко. Эга улучшенная пища, добываемая, впрочемъ, изрѣдка и въ весьма-маломъ количествѣ, освѣжала и подкрѣпляла силы нашихъ плѣнницъ. Когда же у князя Чавчавадзе всѣ деньги истощились, тогда онъ доставалъ куръ или молоко въ обмѣнъ за золотыя галуны своей черкески. Но скоро и это средство истощилось. Тогда явился на помощь плѣнницамъ Семень, имеретинъ , слуга князя Ивана. Разумѣется, безъ вѣдома господъ, онъ очень-ловко воровала, у горцевъ разные съѣстные припасы и приносилъ ихъ плѣнницамъ, для которыхъ оставались таинственными источники такихъ роскошныхъ приношеній.

Здѣсь (не хотѣлось бы упоминать, но нельзя и умолчать) въ первый разъ проявились между прислугою княгинь чувства эгои-

(*) Болѣзнью, похожею на холеру въ легкой степени.

стическія , которыя можно извинить только тѣмъ , что нѣ людяхъ, неразвитыхъ требованіями чувственной стороны, часто заглушаются другія, болѣе-возвышенныя внушенія : всякій разъ, когда случалась у плѣнныхъ провизія, князь Ив. Чавчавадзе раздѣлялъ ее между *всѣми*, наблюдая при дѣлѣхъ всевозможное равенство и безпристрастіе. Но, не смотря ни на что, всякій разъ слышался отъ кого-нибудь ропотъ; всякій разъ являлись довольно-грубыя жалобы на скудость раздаваемыхъ порцій : недовольныя руководствовались только голосомъ желудка, и не хотѣли понимать, что неоткуда было взять большаго количества провизіи.

Тяжкая жизнь плѣнницъ въ *сырномъ домѣ* не обошлась безъ траги-комическаго происшествія , которое и подало имъ поводъ назвать здѣшне свое помѣщеніе *сырнымъ домомъ*.

Однажды, вечеромъ, старикъ, хозяинъ дома, вбѣгаетъ съ обнаженнымъ кинжаломъ въ комнату плѣнницъ, размахиваетъ своимъ оружіемъ и, въ величайшемъ гнѣвѣ, громко произноситъ нѣсколько разъ:

— Гдѣ мой сыръ? Убью того, у кого онъ найдется!

Плѣнницы поняли, что у горца похищенъ кружокъ сыра, и что онъ теперь хочетъ отыскать и наказать похитителя. Всѣ бывшіе въ комнатѣ страшно перепугались за себя и за своихъ ближнихъ: за себя потому, что къ каждому изъ нихъ могъ быть подброшенъ украденный сыръ, а за другихъ потому, что то же самое могло случиться и съ каждымъ изъ бывшихъ въ комнатѣ. Всѣ были готовы подозрѣвать другъ друга ; каждый сталъ осматривать себя и сосѣда. Наконецъ, послѣ тщетныхъ поисковъ, князь Ив. Чавчавадзе посовѣтовалъ разсвирѣпѣвшему домохозяину воротиться къ себѣ и поискать хорошенько въ другой разъ, въ своемъ отдѣленіи. Старикъ ушелъ, а плѣнницы стали умолять всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ сознаться въ похищеніи сыра, возвратить или подкинуть его , если онъ дѣйствительно кѣмъ-либо похищенъ , и не навлекать жестокаго мшенія на невинныхъ въ преступленіи. Говорили, обыскивали другъ друга, но виноватаго не оказалось. Это всѣхъ повергло въ отчаяніе. Всѣ съ сердечнымъ трепетомъ ожидали вторичнаго появленія грознаго, старика. Онъ вскорѣ пришелъ опять; но, къ величайшей и всеобщей радости, объявилъ, что драгоценная его пропажа отыскалась гдѣ-то подъ лѣстницей.

Въ этотъ же день, поутру, случилось другое, не столь патетическое, но довольно-характеристическое происшествіе. Приходитъ домохозяинъ и вызываетъ княгинь Анну Ильиничну и Варвару

Ильиничну, прося ихъ послѣдовать за нимъ внизъ, во дворъ, къ воротамъ, гдѣ, по его словамъ, ожидается какой-то неизвѣстный человѣкъ и желаетъ непременно видѣться съ плѣнницами. Княгини сошли внизъ и у воротъ • дѣйствительно нашли незнакомца, который объявилъ имъ, что онъ грузинъ, былъ когда-то крѣпостнымъ человѣкомъ князей Челокаевыхъ, но уже давно находится въ плѣну, живетъ у какого-то татарина-купца и съ товарами его разбѣзжаетъ по ауламъ.

— Но чего же тебѣ нужно отъ насъ? спросила его княгиня.

— Я узналъ, что вы попали въ плѣнъ; вѣроятно, вы нуждаетесь въ деньгахъ : такъ вотъ не хотите ли взять у меня рублей двадцать или тридцать на дорожные расходы ? Отдадите послѣ, когда будете въ состояніи.

Предложеніе незнакомца весьма тронуло княгинь и расположило ихъ въ его пользу. Дѣйствительно , терпя нужду и уже не разъ прибѣгнувъ къ обмѣну разныхъ частей своей одежды на какія-нибудь луковицы, княгини были готовы съ благодарностью принять предложеніе незнакомца, и только затруднялись однимъ вопросомъ : какимъ образомъ, гдѣ, и когда найдутъ онъ случай расплатиться съ своимъ заимодавцемъ ?

— Вы дадите мнѣ расписку, а съ распиской мы васъ вездѣ отыщемъ.

Эти слова совершенно измѣнили взглядъ плѣнницъ на одолженіе, имъ предлагаемое. Онѣ усомнились въ чистотѣ намѣреній торговца, увидѣли въ нихъ корысть или, быть-можетъ, даже какое-нибудь предательство. Подозрѣнія эти были усилены еще тѣмъ, что грузинъ требовалъ, чтобъ расписка была написана на незнакомомъ имъ татарскомъ языкѣ (такой-то далъ такимъ-то столько изъ денегъ своего хозяина, такого то), а княгини должны были подписать эту татарскую грамоту. Богъ-знаетъ, что могло быть въ ней написано ! Притомъ же, принимать одолженіе , которое сопровождалось недовѣрчивостью со стороны одолжавшаго , княгинямъ не хотѣлось. Онѣ поблаго арили незнакомца и, отказавшись отъ его услугъ, возвратились въ свою душную комнату.

Вскорѣ послѣ этихъ происшествій плѣнники и плѣнницы покинули *сырный домъ*. Выходя изъ пороть, они встрѣтили другую партію плѣнныхъ, весьма-многочисленную. Эта толпа была въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Изъ среды ея раздавались вопли, стenanія и поистинѣ страшныя проклятія , доходившія даже до богохульства.

IX.

Отъ Сырнаго Дома до Большаго Аула, или до второй продолжительной остановки.

При отправленіи, 17 іюля, въ дальнѣйшій путь, плѣнники замѣтили, что проводники ихъ смѣнились; явились все новыя лица, и притомъ уже не лезгивы, а снова чеченцы.

Первый переходъ былъ очень-длинень и утомителень, но это отчасти вознаграждалось новизною и разнообразіемъ живописныхъ видовъ страны, несравненно-болѣе оживленной и населенной, чѣмъ всѣ тѣ мѣстности, которыя уже были пройдены плѣнными. Аулы, одинъ другаго живописнѣе, встрѣчались безпрестанно. Рѣка, по берегу которой пролегаль путь, часто образовывала изъ себя превосходные каскады, а около вечера открылся прекрасный, тѣнистый сосновый лѣсъ, напомнившій нашимъ плѣнницамъ очаровательные лѣса прохладнаго Боржомъ (*).

Только-что вѣхали въ этотъ лѣсъ наши утомленные путешественники, какъ со всѣхъ сторонъ услышали ружейную стрѣльбу: этимъ знаменовали ихъ проводники свою радость о вступленіи въ границы родной земли...

Здѣсь же, въ лѣсу, всѣ расположились отдыхать. Отсюда же показывали плѣнницамъ владѣнія *Кази-Махмата* (сына и наслѣдника Шамиля) и аулъ, въ которомъ онъ постоянно живетъ (**).

Вскорѣ къ отдыхавшей группѣ плѣнныхъ подѣхали какіе-то молодые люди, грязно-одѣтые и нисколько непривлекательные. Они съ любопытствомъ осматривали плѣнницъ. Оказалось, что это были сыновья ближайшаго мѣстнаго начальника, или наиба.

По выходѣ изъ лѣса, плѣнные спустились съ горы къ рѣкѣ и здѣсь въ первый разъ увидѣли обработанные сады и прекрасные виноградники. На пути встрѣчались великолѣпныя деревья грецкого орѣшника.

Между-тѣмъ, пошелъ дождь и заставилъ подумать о какомъ-нибудь пріютѣ. На дорогѣ встрѣтился маленькій необитаемый домикъ, стоявшій у самаго берега рѣки: въ немъ-то и пріютились

(*) Боржомъ—ущелье Горійскаго Уѣзда, извѣстное своими минеральными водами и бывшее любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ главнокомандовавшихъ на Кавказѣ: Головина и князя Воронцова.

(**) Это, вѣроятно, аулъ Каратай, такъ-какъ Кази-Махматъ оттуда управляетъ своими семью нанбствами. См. III ч. гл. 2.

плѣнницы, уже успѣвшія порядочно промокнуть отъ дождя. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, онѣ, а за ними и всѣ прочіе, перебрались пѣшкомъ чрезъ рѣку по зыбкому плетенному мостику; мостикъ упирался въ другой маленькій домикъ, точно такой же, какой былъ только-что оставленъ плѣнницами (*). Отъ переправы дорога пошла въ глинистую гору, сдѣлавшуюся чрезвычайно-скользкою отъ недавняго дождя. Плѣнницы, почти всѣ пѣшія, едва могли взбираться, скользили, падали и вязли въ глину. Лошадь князя Ивана Чавчавадзе, которую онъ еще въ *сырномъ* аулѣ уступилъ раненой нянюшкѣ Александрѣ Яковлевнѣ, не хотѣла идти въ гору и угрожала сбить съ себя больную женщину. Тогда княгиня Анна Ильинична помѣнялась съ ней лошадыю, уступивъ свою, кроткую и спокойную, и пересѣвъ на капризную и пугливую. Но, по показанію княгини, это не было съ ея стороны великодушіемъ, потому-что за себя она не боялась : возлѣ нея постоянно были проводники изъ милиціонеровъ, или даже самъ князь Ив. Чавчавадзе вѣлъ подъ уздцы ея лошадь, тогда-какъ нянюшка по-большей-части ѣхала одна и гораздо-болѣе нуждалась въ спокойствіи. Притомъ же за жизнь княгини строго должны были отвѣчать провожавшіе ее чеченцы, и слѣдовательно, не допустили бы ее до явной опасности.

На полуторѣ вдругъ сдѣлалась тревога между чеченцами : они поспѣшно вынули изъ чехловъ свои винтовки и окружили плѣнницъ и плѣнниковъ. Долгое время шествіе продолжалось съ замѣтнымъ безпокойствомъ со стороны горцевъ. Плѣнницы также не могли быть спокойны : онѣ не понимали причины внезапнаго усиленія бдительности своихъ проводниковъ и не безъ страха ожидали, чѣмъ все это кончится. Горцы успокоились и вложили въ чехлы свои винтовки только тогда, когда, миновавъ одинъ узкій поворотъ, вся партія выѣхала на болѣе-открытое мѣсто. Тут, объяснилось безпокойство чеченцевъ : они были предупреждены, что у поворота ожидается ихъ засада, что горцы изъ ближнихъ ауловъ намѣревались отбить у нихъ плѣнныхъ, съ той, вѣроятно, цѣлю, чтобъ впослѣдствіи воспользоваться выгодами выкупа. Въ-

(*) Всѣ эти *мѣстные* подробности, конечно, не интересны для читателей, слѣдящихъ *только* за судьбою героини нашего повѣствованія ; но эти, повидному излишнія, подробности болѣе или менѣе характеризуютъ край, почти намъ неизвѣстный; и потому мы рѣшились не выпускать ихъ изъ разсказа.

роятно, извѣстіе, полученное чеченцами объ этой засадѣ, было ложно, или, можетъ-быть, засада еще не успѣла состояться, только плѣнные прошли благополучно весь переходъ этого дня, и никакого *новаго* похищенія не было. Но, во всякомъ случаѣ, заслуживается замѣчанія это обстоятельство, какъ характеризующее хищные нравы страны и въ то же время показывающее, какъ мало, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подвластные Шамиля уважаютъ даже *e/o* собственность.

Миновавъ нѣсколько горныхъ высотъ, плѣнники прошли прекрасными садами и пашнями до какого-то аула, гдѣ и были помѣщены *на мельницѣ*. Это была небольшая, душная комната, съ примыкавшимъ къ ней навѣсомъ, подъ которымъ на землѣ была разбросана солома. Мужчины уступили комнату женщинамъ, а сами расположились на соломѣ подъ навѣсомъ; но какъ гѣмъ, такъ и другимъ было одинаково-неудобно отъ крайней тѣсноты. Къ тѣснотѣ прибавился еще голодъ, и плѣнники, долго, но тщетно ожидавшіе пищи, были вынуждены мѣнять крючки отъ своихъ платьевъ — на луковицы, чтобъ хоть чѣмъ-нибудь утолить голодъ. Но черезъ нѣсколько времени явился *благодѣтельный* мулла и принесъ имъ кислаго молока, хлѣба, яблоковъ и абрикосовъ—ужинъ роскошный и неожиданный...

Ночлегъ на мельницѣ ознаменовался только нестерпимой духотой, которая была причиной всеобщей безсонницы, да еще однимъ, довольно-замѣчательнымъ поступкомъ урядника Потапова. Отважный милиціонеръ, узнавъ, что отъ аула недалеко русское укрѣпленіе *Андреевское*, рѣшился попытать счастья въ бѣгство и даже успѣлъ навести справки о дорогѣ къ укрѣпленію. Онъ ожидалъ, чтобъ только наступила темная полночь и покрѣпче заснули усталые проводники-чеченцы. Но совсѣмъ ужъ рѣшившись на смѣлое предпріятіе, и даже не встрѣчая никакихъ препятствій Для его исполненія, Потаповъ вдругъ сообразилъ, что бѣгство его повлечетъ за собою новыя притѣсненія плѣнникамъ со стороны ихъ проводниковъ, и рѣшился остаться.

Съ разсвѣтомъ мельница была оставлена и плѣнныхъ погнали далѣе. Сдѣлавъ одно доброе дѣло, урядникъ Потаповъ вскорѣ рѣшился и на другое: онъ сжалился надъ участію подрядчицы Антоновой и обременилъ себя двумя изъ четверыхъ ея дѣтей; привязавъ ихъ къ сѣдлу своему, онъ заботился о малюткахъ съ примѣрной нѣжностью. Положеніе маленькихъ князей и княжень тоже весьма улучшилось на пути отъ послѣдняго ночлега; они

были размѣщены слѣдующимъ образомъ: Тамара ѣхала съ Семёномъ, слугою князя Ив. Чавчавадзе; Александръ на рукахъ у своей кормилицы; Саломе и Марія у двоихъ мулъ, которые очень удобно ѣхали подъ зонтиками; наконецъ маленькій Георгій Орбеліани также очень-удобно былъ привязанъ, въ мѣшкѣ, къ груди своей кормилицы.

Дорога плѣнницамъ открылась прелестная; она шла по берегу ирригой и свѣтлой рѣки, подъ навѣсомъ изъ превосходныхъ деревьевъ, составлявшихъ какъ-бы нарочно-насажденную, тѣнистую аллею, которая предохраняла путниковъ отъ неимоверно-сильнаго, истинно-палящаго зноя, какого наши плѣнницы не испытывали даже на своей знойной родинѣ. Красоты окрестностей поражали и занимали плѣнницъ, несмотря даже на ихъ душевныя и Физическія страданія. Только княгиня В. И. Орбеліани не была въ состояніи любоваться дивной панорамой безпрестанно-развертывавшихся картинъ природы: княгиня занемогла съ самаго утра и едва могла держаться на лошади.

Около полудня чеченцы сдѣлали приваль близъ какого-то отдѣльнаго, небольшого домика, стоявшаго подъ навѣсомъ, и, дождавшись здѣсь всѣхъ отсталыхъ, дали часа три отдыха своимъ плѣнницамъ. Къ привалу собралось множество народа изъ ближняго аула, и тутъ произошло весьма-характеристическое, совершенно-морское происшествіе. Изъ толпы народа выступила одна старуха и съ ожесточеніемъ бросилась на князя Ив. Чавчавадзе. Она вцѣпилась въ князя и старалась задушить его, говоря, что у нея былъ точно такой же молодой сынъ, что этотъ сынъ убить и не *отомщенъ* въ послѣднемъ набѣгѣ Шамиля на Кахетію и что, поэтому она, какъ мать, должна теперь отмстить за смерть сына смертью перваго попавшагося ей на глаза христіанина. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы борьба разсвирѣпѣвшей старухи съ молодымъ и сильнымъ княземъ Иваномъ, еслибъ княгиня В. И. Орбеліани не вмѣшалась въ дѣло и не объяснила чеченкѣ, что сынъ ея уже *отомщенъ*, потому-что мужъ княгини тоже недавно убить въ сраженіи съ мусульманами. Эти слова видимо подѣйствовали на старуху: она оставила въ покоѣ князя Чавчавадзе и мало-по-малу сама успокоилась.

Послѣ хорошаго трехчасоваго отдохновенія, опять началось путешествованіе, и началось прямо съ подъема на чрезвычайно-крутую каменную гору. Лошади едва лѣпились по утесамъ и часто были принуждены дѣлать такіе прыжки съ камня па камень, которые

показались бы невѣроятными незнающимъ всѣхъ достоинствъ лошади здѣшной горской породы. Послѣ одного изъ такихъ прыжковъ лошадь княгини Анны Ильиничны оторвала себѣ подкову вмѣстѣ съ копытомъ, и княгиня должна была слѣзть съ несчастнаго животнаго и продолжать путь пѣшкомъ. Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ пути и всѣ прочіе, принадлежавшіе къ поѣзду, также были принуждены спѣшиться, потому-что дорога проходила подъ низкимъ навѣсомъ скалы, съ одной стороны надвинувшейся къ дорогѣ; съ другой стороны дорога ничѣмъ не была ограждена отъ обрыва въ глубокую пропасть, на днѣ которой клокотала по уступамъ рѣка.

Опасный этотъ путь, тянувшійся, по-крайней-мѣрѣ, на полверсты, по всѣмъ признакамъ былъ искусственный, а не естественный. Это было не что иное, какъ *тоннель*, или высѣченное въ видѣ жолоба, вдавшееся въ бокъ горы полуверстное углубленіе, которое и составляло дорогу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безъ этой замѣчательной, можно-сказать, троподитической дороги, не было бы никакого сообщенія.

Весьма-жаль, что какъ этой замѣчательной мѣстности, такъ и почти всѣхъ, пройденныхъ плѣнниками, невозможно ни опредѣлить географически, ни даже назвать по имени; а отъ этого нельзя опредѣлить и того маршрута, которому слѣдовали плѣнники.

До того ли имъ было, чтобъ разузнавать или помнить названіе проходимыхъ ими мѣстностей? Да еслибъ онѣ ихъ и запомнили, то и въ такомъ случаѣ все-таки очень-трудно было бы съ точностью опредѣлить путь ихъ слѣдованія, потому-что путь этотъ былъ не прямой: проводники очевидно вели ихъ не по ближайшему направленію, а по значительнѣйшимъ ауламъ, находящимся внутри страны, и представлявшимъ наиболѣе способовъ! для помѣщенія и продовольствія многолюдной партіи.

Вдоль замѣчательнаго *тоннеля* плѣнники шли какъ по балкону, висящему надъ пропастью, и шли неменѣе получаса. Выбравшись снова на открытую долину, онѣ увидѣли передъ собою мѣста, столь изумительныя по красотѣ и величію, что позабыли на-время и о своемъ плѣнѣ, и о своихъ страданіяхъ, и невольно предались созерцанію. По единогласному ихъ показанію, ничего подобнаго не встрѣчали еще онѣ на Кавказѣ, гдѣ такъ много живописныхъ мѣстностей!

Здѣсь плѣнные снова сѣли на лошадей, а изувѣченную лошадь княгини Анны Ильиничны горцы замѣнили весьма-смирнымъ на-

теромъ (*). Проѣхавъ нѣсколько времени по черной, какъ уголь, и топкой землѣ, переѣхали вбродъ довольно широкую рѣку, и тутъ чуть-чуть не случилось новое трагическое происшествіе. Дорога по ту сторону рѣки начиналась низкимъ и тѣснымъ проходомъ между берегомъ и нависшею надъ нимъ скалою. Кормилица Георгія Орбеліани, проѣзжая въ этомъ проходѣ, зацѣпилась сѣдломъ за скалу и, не будучи въ силахъ остановить свою лошадь, непременно должна была раздавить о скалу ребенка. Испуганная женщина вскрикнула и совершенно потерялась... Но, къ-счастью, вблизи шель одинъ изъ милиціонеровъ: онъ быстро выхватилъ ребенка изъ мѣшка, въ которомъ онъ былъ привязанъ къ груди кормилицы, а кормилица успѣла спрыгнуть съ сѣдла, и такимъ образомъ сперва лошадь, а за нею женщина съ ребенкомъ благополучно прошли въ тѣснинѣ.

Княгиня Варвара Ильинична, къ-счастью, не была свидѣтельницей опасности, угрожавшей ея сыну: она была гдѣ-то позади, въ числѣ отсталыхъ, да и постоянно отставала-потому, что ѣхала совсѣмъ больная, часто чувствовала дурноту и должна была безпрестанно сходить съ лошади, чтобъ хоть по нѣскольку минутъ отдыхать на травѣ.

Дорога шла то съ горы, то на гору. На одну изъ этихъ горъ нужно было взбираться по уступамъ, въ видѣ натуральной каменной лѣстницы. Здѣсь раненую нянюшку заставили спѣшиться, увѣряя, что она слишкомъ-тяжела для лошади, взбирающейся на такую высокую и крутую гору.

На вершинѣ горы остановились для отдыха, впрочемъ, ненадолго, такъ-что не всѣ изъ отсталыхъ успѣли даже и собраться къ привалу. Между-прочимъ, здѣсь сказали княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ, что въ одинъ ближній аулъ недавно привезена плѣнная дѣвочка четырехъ или пяти мѣсяцевъ. Княгиня вообразила, что это ея Лидія, какимъ-нибудь чудомъ спасенная и увезенная горцами съ мѣста ея паденія, и просила благодѣтельного муллу распорядиться, чтобъ послали въ аулъ разузнать о дѣвочкѣ. Мулла обѣщалъ исполнить желаніе княгини, но не прежде, какъ по приѣздѣ на ночлегъ, который былъ назначенъ въ слѣдующемъ аулѣ, въ домѣ какого-то другого муллы. Аулъ былъ недалеко, и наши странники дошли до своего ночлега еще засвѣтло, не встрѣчая болѣе никакихъ препятствій и непріятностей, кромѣ довольно-

(*) Такъ на Кавказѣ называются лошаки.

хлопотливой переправы черезъ рѣку, протекавшую у аула, причемъ конные, переправлявшіеся вплавь, были порядочно вымочены, а пѣшіе безпрестанно рисковали обрушиться въ воду, проходя по зыблющимся бревнамъ, переброшеннымъ съ одного берега на другой.

Въ аулѣ собрались всѣ; не было только Саломе и Маріи. Довольно-долго прождавъ ихъ, княгини встревожились и встревожили всѣхъ своихъ спутниковъ. Но всеобщая тревога ни къ чему не послужила бы, и дѣти вѣроятно были бы потеряны навсегда, еслибъ урядникъ Потаповъ и при этомъ случаѣ не отличился не только самоотверженіемъ, но и замѣчательнымъ удалствомъ: выпросивъ у благодѣтельнаго муллы позволеніе взять съ собой нѣсколько проводниковъ изъ туземцевъ, онъ отправился въ поискъ за пропавшими маленькими княжнами, успѣлъ по горячимъ слѣдамъ найти ихъ похитителей (дѣти были украдены жителями одного изъ ближнихъ къ дорогѣ ауловъ) и благополучно привезъ въ аулъ, гдѣ ихъ ожидали встревоженные княгини.

Происшествіе это, разумѣется, сдѣлало то, что нашимъ плѣнницамъ опять была ночь не въ ночь, потому-что онѣ провели ее безъ сна, въ страхѣ и ожиданіи; и если сосчитать всѣ тѣ ночи, которыя слабыми и изнѣженными женщинами были проводимы, послѣ неимовѣрныхъ дневныхъ трудовъ, постоянно такимъ же образомъ и притомъ почти сряду одну ночь послѣ другой, то поистинѣ невозможно не изумиться, какъ не потеряли онѣ досихъ-поръ послѣднихъ искръ слабо-теплившейся въ нихъ жизни!

Путру, однакожъ, опять нужно было подниматься, чтобъ опять протомиться цѣлыя сутки въ изнурительномъ странствованіи, начинавшемъ походить на безконечность. Плѣнницы поднялись, но, передъ отправленіемъ, ихъ ожидало еще огорченіе. До-сихъ-поръ онѣ имѣли по-крайней-мѣрѣ то утѣшеніе, что всѣ шли вмѣстѣ, болѣе или менѣе неразлучно. Но здѣсь слугъ отдѣлили отъ ихъ господъ и объявили княгинямъ, что онѣ могутъ выбрать и взять съ собою одну или двухъ женщинъ, но что всѣ прочія должны быть оставлены въ аулѣ. Предоставленный княгинямъ выборъ чрезвычайно затруднилъ ихъ. Какъ было рѣшиться избрать одну и оставить другую, когда всѣ одинаково были привязаны къ княгинямъ и всѣ успѣли обнаружить одинаковую имъ преданность въ общемъ несчастіи! Оставалось руководствоваться необходимостью. Княгини взяли кормилицъ Александра и Георгія и еще одну 13-лѣтнюю дѣвочку, которая, по самой молодости своей,

конечно, потерпѣла бы болѣе всѣхъ, еслибъ была оставлена одна посреди непріязненнаго и безчеловѣчнаго населенія. Но предположеніе въ пользу трехъ счастливицъ взбунтовало всѣхъ прочихъ служанокъ. Онѣ начали громко выражать свое неудовольствіе на такую, по ихъ мнѣнію, несправедливость, и кончили отчаянными слезами и криками. Князю Ив. Чавчавадзе удалось, однакожъ, при пособіи благодѣтельнаго муллы, склонить проводниковъ взять съ собою всѣхъ безъ исключенія, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобъ прислуга продолжала путешествіе *пѣшкомъ*. Разумѣется, что такое условіе не встрѣтило противорѣчія: всѣ были рады идти *пѣшкомъ*, лишь бы только не разлучаться.

Дальнѣйшее путешествіе было изъ числа самыхъ тягостныхъ. Хотя въ-теченіе цѣлаго дня не было никакого особеннаго приключенія, но за-то въ-теченіе же цѣлаго дня шель проливной дождь, безпощадно-мочившій всѣхъ нашихъ странниковъ. Кромѣ-того, дорога была хуже всякаго описанія: приходилось то утопать въ грязи по колѣни, то перескакивать черезъ узкіе, но обрывистые потоки —однимъ словомъ, испытывать всѣ самыя разнообразныя и утомительныя *мелочныя непріятности* путешествія, какія только можно испытать въ дикой горной странѣ. Ко всему этому надобно прибавить еще и то, что переходъ на этотъ разъ продолжался цѣлый день безъ малѣйшаго отдыха, и только къ вечеру наши плѣнники остановились въ *Большомъ Ауль (*)*.

Х.

Продолжительная остановка въ Большомъ Ауль и переходъ до Вкденей (Даргы - Ведений), мѣстопребыванія

Ш а м и л я.

Большой Ауль былъ расположенъ на скалѣ высокой каменистой горы, а потому проникнуть въ него можно было не иначе, какъ поднявшись по крутымъ тропинкамъ, пробитымъ въ камнѣ, съ уступами въ родѣ лѣстницъ. Такія же каменные лѣстницы встрѣчались и между домами или саклями аула. По всѣмъ этимъ подѣлкамъ и переходамъ привезли плѣнницъ къ дому мѣстнаго муллы и, помѣстивъ ихъ въ верхнемъ этажѣ, заперли двери входа, бывшія внизу. Кромѣ плѣнницъ, здѣсь были помѣщены князь Ив.

(*) Ауль этотъ названъ такимъ-образомъ плѣнниками, но незнанію настоящаго его имени, и для отличія отъ другихъ ауловъ, ими проіденныхъ.

Чавчавадзе, князь Вагнадзе и ихъ милиціонеры. Другіе плѣнные, какъ это было и на прежнихъ ночлегахъ, были расположены особо, по саклямъ аула, и при этомъ, къ величайшему огорченію княгини Анны Ильиничны, отъ нея отлучили и куда-то увели дочь священника съ маленькой ея сестрой, которую кормила княгиня во время всего путешествія.

Помѣщеніе плѣнныхъ раздѣлялось на четыре, довольно-порядочныя комнаты, изъ которыхъ одну заняли княгини и ихъ семейства, другую — бывшія съ ними женщины, третью — князья Чавчавадзе и Вагнадзе съ милиціонерами, а въ четвертой помѣстился благодѣтельный мулла, который, впрочемъ, на другой же день уѣхалъ въ Даргы-Веденно, къ Шамилю.

Передъ отъѣздомъ благодѣтельный мулла сказалъ имъ, что здѣсь они останутся впредь до его возвращенія изъ Веденно; и дѣйствительно, всѣ наши плѣнники и плѣнницы около двухъ недѣль жили въ Большомъ Аулѣ. Жизнь ихъ здѣсь была тихая, ничѣмъ почти нетревожимая, и потому, сравнительно, пріятная. Онѣ отдохнули отъ своего страшнаго путешествія и совершенно собрались бы съ силами, еслибъ могли пользоваться хоть нѣскольکو-болѣе изысканною пищею. Но въ пищѣ, какъ и прежде, плѣнницы часто встрѣчали и здѣсь тотъ же недостатокъ. За галуны съ одежды милиціонеровъ онѣ вымѣнивали иногда нѣсколько молока или хлѣба; иногда же на плоскую кровлю, на которую вела дверь изъ комнаты плѣнницъ, жители аула бросали имъ Фрукты преимущественно сливы и абрикосы. Одинъ разъ плѣнницы достали даже кусокъ мыла, отдавъ за него бусы, еще уцѣлѣвшія на шеѣ одной изъ кормилицъ. Это пріобрѣтеніе было истинной драгоценностью, потому-что позволяло княгинямъ омыть дѣтей, да и самимъ хоть сколько-нибудь уничтожить на себѣ слѣды пыли и грязи, оставленные на нихъ продолжительнымъ путешествіемъ и неопрятными ночлегами.

Большую часть времени плѣнницы проводили на плоской кровлѣ, наблюдая оттуда за ежедневною жизнью аула. Такимъ-образомъ довелось имъ увидѣть много замѣчательнаго; и изъ того, что сохранилось въ ихъ памяти, заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующій эпизодъ, совершенно-запечатлѣнный мѣстнымъ колоритомъ. Очень-недалеко отъ кровли, на которой любили сидѣть плѣнницы, была въ землѣ яма, которой настоящее назначеніе долго оставалось для нихъ непонятной загадкой. По однажды онѣ увидѣли, какъ привели къ ямѣ и спихнули въ нее женщину, еще

молодую и красивую, и какъ, потомъ, опустили туда же люльку съ груднымъ ребенкомъ. На разспросы княгини объ этой сценѣ имъ объяснили, что женщина убила, изъ мести, убійцу своего мужа, и за это посажена въ яму на три мѣсяца, послѣ чего будетъ освобождена, но немедленно выдана замужъ за перваго, кто пожелаетъ взять ее въ жены.

Кромѣ этого, плѣнницы узнали при настоящемъ случаѣ, что во владѣніяхъ Шамяля ни одна женщина не смѣетъ вдовѣть болѣе трехъ мѣсяцевъ, но, по истеченіи этого срока, непременно должна найти себѣ мужа, въ чемъ, по причинѣ распространенной здѣсь полигаміи, рѣдко встрѣчаются затрудненія, особенно если овдовѣвшая женщина молода и неочень-некрасива собою. Цѣль такого узаконенія, вѣроятно, заключается въ желаніи ускорить прогрессию народонаселенія въ странахъ, гдѣ множество народа ежегодно истребляется непрестанной войною и бѣдностью.

Вскорѣ послѣ заключенія въ яму несчастной женщины, были посажены въ другую, такую же яму, двое изъ плѣнныхъ кахетинскихъ милиціонеровъ. Княгинямъ сказали, что это наказаніе постигло плѣнниковъ вслѣдствіе неудавшагося ихъ намѣренія бѣжать изъ аула въ то время, когда ихъ, по обыкновенію, посылали изъ дома муллы за водою. Такъ-какъ это было сдѣлано по распоряженію муллы-домохозяина, то княгини и обратились къ нему съ просьбою объ освобожденіи милиціонеровъ. Домохозяинъ согласился ихъ выпустить изъ ямы, но, желая за это получить хоть какую-нибудь взятку, заставилъ кахетинцевъ работать нѣсколько дней на своемъ полѣ.

Въ отсутствіе благодѣтельнаго муллы, плѣнницы перенесли много лишеній. Болѣе всего пострадалъ маленькій князь Александръ, такъ-что весьма-серьезно заболѣлъ въ это время; а когда, наконецъ, возвратился добрый мулла, ребенокъ изумилъ и растрогалъ старика своей худобою и слабостью. Старикъ вынулъ изъ кармана монету въ 30 коп. серебромъ и хотѣлъ предложить ее въ даръ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ, но въ то же время не рѣшался на это, опасаясь оскорбить ея гордость. Не зная, какъ поступить, онъ подбросилъ монету ребѣнку, а княгинѣ сказалъ съ трогательнымъ замѣшательствомъ: «Не оскорбляйтесь... пріймите... Взгляните на сына... на эти деньги вы купите хоть курицу для его супа»... Всѣ присутствовавшіе были до слезъ тронуты простодушной добротой чеченца, да и у него самого нѣсколько слезъ покатилося по усамъ и бородѣ.

Изъ денегъ муллы пять копеекъ дѣйствительно было употреблено на покупку курицы, но, другая бѣда — не въ чемъ было сварить ее : никто изъ правовѣрныхъ не хотѣлъ дать своей посуды христіанамъ. Благодѣтельный мулла устранилъ и это затрудненіе: онъ у кого-то досталъ горшокъ, впрочемъ, непрежде, какъ обязавшись вымыть посудину *семь разъ* послѣ употребленія ея нечистыми *гяурами*. Но на этомъ еще не остановились услуги старика : услышавъ отъ плѣнницъ жалобы на дурное качество добываемаго ими хлѣба, онъ привелъ къ нимъ двухъ женщинъ и приказалъ имъ сложить для плѣнницъ печь на плоской кровлѣ, смежной съ ихъ комнатою. Печь была очень-скоро готова, и плѣнницы сами начали готовить для себя хлѣбъ. Черезъ нѣскольکو времени мулла опять нашелъ средство оказать имъ новую услугу: онъ гдѣ-то досталъ нѣсколько красныхъ сафьянныхъ кожъ и принесъ плѣнницамъ, чтобъ онѣ скроили и сшили для себя *чевяки*, то-есть, башмаки по туземному образцу, и не явились бы къ Шамилю безъ обуви.

Всѣ эти поступки благодѣтельнаго муллы никакъ нельзя было приписать какому-либо постороннему вліянію, ни даже внушенію Шамиля—нѣтъ, они очевидно проистекали изъ благодарной и добродѣтельной души стараго мусульманина, и оттого еще болѣшую цѣну получали въ мнѣніи о немъ признательныхъ плѣнницъ.

Шитье башмаковъ, однакожъ, весьма затруднило нашихъ дамъ, совсѣмъ-незнакомыхъ съ этимъ дѣломъ. Князь Ив. Чавчавадзе успѣлъ кое-какъ сдѣлать выкройку, но еще оставалось главное—шитье, и недоставало необходимыхъ для того инструментовъ, то-есть иголки, нитокъ ит. п. Тогда, съ позволенія благодѣтельнаго муллы, княжна Баратова отправилась къ мѣстной башмачницѣ за помощью. По возвращеніи, княжна рассказывала, что нашла у этой чеченской ремесленницы прекрасное помѣщеніе и убранство (по болѣшей части состоявшее изъ цинондальскихъ вещей, тарелокъ и т. п.), что сама хозяйка была очень-богато одѣта, и что по всему было видно, какъ прибыльно въ Чечнѣ башмачное ремесло. Получивъ отъ башмачницы урокъ въ ея мастерствѣ и всѣ нужныя пособія, княжна сильно подвинула впередъ шитье чевяковъ, и княгини усердно занялись этой работою.

Между-тѣмъ, пришло извѣстіе о возвращеніи Шамиля въ Ведений *изъ экспедиціи*. Благодѣтельный мулла объявилъ плѣнницамъ, что завтра выступятъ онѣ изъ аула въ *последнее*, на этотъ разъ, путешествіе. Въ то же время, провинившіеся милиціонеры

окончили урочную работу па поляхъ домозяина, и онъ иыразиль полное свое удовольствіе тѣмъ, что зарѣзалъ и изжариль цѣлаго быка для угощенія всѣхъ плѣнныхъ, помѣщавшихся въ его домѣ. Обѣдъ былъ великолѣпный, и наши плѣнницы могли еще взять съ собой порядочный запасъ мяса и хлѣба на дорогу.

Пъзъ Большаго Аула всѣ безъ исключенія выѣхали верхомъ на добрыхъ лошадахъ. Дорога шла между садовъ и съ каждымъ шагомъ впередъ дѣлалась лучше и живописнѣе. Взорамъ плѣнницъ то представлялась рѣка , игриво-прыгавшая по порогамъ, то являлись горы, съ вершины до подошвы покрытыя зеленою и превосходными цвѣтами, какихъ княгинямъ не удавалось видѣть и въ оранжереяхъ. Здѣсь онѣ замѣтили много стадъ чрезвычайно-красиваго, но не рослаго рогатаго скота. Аулы слѣдовали за аулами, но ни одинъ изъ нихъ не былъ расположенъ въ долинахъ, а, напротивъ, всѣ лѣпились на каменныхъ крутизнахъ, и это дало поводъ служанкамъ княгинь замѣтить, что «еслибъ горцы были не черти , то не могли бы ягить на такихъ скалахъ, «не свернувъ себѣ шеи».

Первый переѣздъ былъ довольно-продолжительный, а для привала, остановились на открытомъ мѣстѣ, гдѣ невозможно было ничѣмъ защититъ себя отъ лучей истинно-палящаго солнца. Княгини пожелали болѣе-прохладнаго пріюта, и благодѣтельный мулла поспѣшилъ исполнить ихъ желаніе. Онъ повелъ ихъ къ берегу близъ протекавшей рѣки ; берегъ оканчивался отвѣснымъ обрывомъ въ сажень высоты; но это не остановило муллу ловко спрыгнуть съ обрыва на какой-то камень и помочь княгинямъ спуститься туда же вслѣдъ за собою. Съ большаго камня , на которомъ очутились плѣнницы, онѣ увидѣли въ обрывистомъ берегу углубленіе, въ видѣ просторнаго грота. Въ этомъ , совершенно-прохладномъ пріютѣ , плѣнницы прекрасно отдохнули, наслаждаясь превосходнымъ видомъ , открывавшимся имъ изъ грота на противоположный берегъ рѣки, усѣянный садами и аулами. Вблизи же грота нашли онѣ множество самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ и нарвали ихъ для дѣтей.

Мысль ли о скоромъ окончаніи тягостнаго путешествія , вліяніе ли времени и хорошаго отдохновенія въ Большомъ Аулѣ, созерцаніе ли великолѣпной природы, или , можетъ-быть, всѣ эти причины вмѣстѣ, сдѣлали то, что плѣнницы чувствовали ужъ гораздо-менѣе душевнаго безпокойства , чѣмъ при началѣ и впродолженіе путешествія. Страданія ихъ теперъ готовы были перейти

ти въ чувство покорности передъ участію , ниспосланной имъ Провидѣніемъ, а на будущее смотрѣли онѣ столько же со страхомъ, сколько и съ надеждою, представляя себѣ Шамиля, какъ врага суроваго, но въ то же время не безразсуднаго и не совершенно-безжалостнаго,

Что касается собственно до княгини Анны Ильиничны, то бод-рость и нѣкоторое душевное спокойствіе ея обусловливались здѣсь еще двумя обстоятельствами : она на послѣднемъ привалѣ имѣла радость опять встрѣтить маленькую свою вскормленную, дочь священника (*), а въ Веденій надѣялась найти потерянную Лидію.

Съ такими чувствами и мыслями плѣнницы оканчивали свое слишкомъ-четырехнедѣльное странствованіе. Но до Веденій еще оставалось пути болѣе, чѣмъ на цѣлыя сутки, и какъ ни велико наше желаніе поскорѣе довести до мѣста злополучныхъ плѣнницъ, мы должны обуздать свое нетерпѣніе и съ прежнею подробностью изобразить всѣ обстоятельства ихъ послѣднихъ переходовъ.

(Отдохнувъ въ прохладномъ гротѣ, княгини присоединились къ прочимъ плѣннымъ и поѣхали далѣе, по очень-ровной и гладкой дорогѣ, которая нѣсколько разъ пересѣкалась небольшими и не-глубокими рѣчками, и наконецъ приводила къ узкому ущелью. Ущелье это образовывалось отъ сближенія между собою двухъ огромныхъ горъ, покрытыхъ зеленью, а на одной изъ горъ, на самой вершинѣ, плѣнницы не могли не полюбоваться исполинскимъ деревомъ совершенно-одинокимъ на недоступной высотѣ и какъ-будто царствовавшимъ оттуда надъ всею окрестностью. По ущелью протекала рѣка, или, вѣрнѣе, потокъ, къ которому горы тѣснились все ближе-и-ближе, такъ-что ущелье превращалось наконецъ въ узкій корридоръ, по которому пришлось ѣхать не менѣе получа.

Миновавъ эту длинную тѣснину, плѣнницы выѣхали на откры-тое мѣсто , съ котораго являлась передъ ними пространная, изобильная зеленью мѣстность, а невдалекѣ — знаменитый аулъ *Анди*, или, какъ его называютъ русскіе, *Андѣя*. Не доѣзжая до аула, плѣнницы встрѣтили нѣсколько женщинъ : онѣ шли за во-дою, неся на головахъ, или за спиною, очень-большіе кувшины изъ бѣлой жести. Княгини сохранили въ памяти костюмъ андій-скихъ жительницъ, женъ мѣстнаго *наиба* , какъ это объяснилось

(*) Здѣсь рассказали княгинѣ, что пропадавшую дѣвочку кормила какая-то лезгинка, попреки горскимъ обычаямъ. Благодарственный мулла что-то подарилъ за это доброй женщинѣ.

впослѣдствіи. Рубашки и шаравары были на нихъ" изъ самой толстой *бязи*; съ головы до ногъ опускались *чадры* изъ бѣлаго толстаго миткаля; лица были обернуты небольшимъ кускомъ холста, съ выдерганною рѣдью противъ глазъ. По этому простому костюму никакъ нельзя было предположить, чтобъ встрѣченныя плѣнницами женщины были *наибши*, и притомъ *наибши* такого аула, который въ цѣлой Чечнѣ и во всемъ Дагестанѣ считается *гнѣздомъ* горской *аристократіи* (*)! Но такова вообще простота въ этихъ странахъ, истощенныхъ разорительной войною.

Въ *Лиди* привели плѣнныхъ уже въ сумерки и всѣхъ вмѣстѣ помѣстили въ саклѣ объ одной комнатѣ, похожей на просторный сарай, не столько, однакожь, просторный, чтобъ въ немъ плѣнные не чувствовали значительной тѣсноты. Чтобъ пособить этому неудобству, нашимъ плѣнницамъ было позволено выйти на плоскую кровлю сакли. Здѣсь онѣ отдохнули и подкрѣпили себя неприветливымъ ужиномъ (**), а потомъ оставались еще нѣсколько времени, чтобъ полюбоваться превосходною ночью и яркимъ луннымъ освѣщеніемъ аула. Тутъ же, на крышѣ, одинъ изъ милиціонеровъ принялся играть на *чунгури*(***), и плѣнницы не безъ грустнаго удовольствія внимали простымъ звукамъ, какъ голосу потерянной родины.

Богъ знаетъ, какими судьбами сохранилась *чунгури* у своего обладателя, но только звуки ея, какъ кажется, очень понравились андійскимъ женщинамъ, потому-что онѣ собрались огромной толпою и, въ молчаніи, окружили саклю, отъ которой далеко разносилось въ ночной тишинѣ унылое брѣнчанье плѣннаго чунгуриста.

Но окончаніи этого концерта, плѣнницы расположились на ночлегъ, заперевъ прежде внѣшнія двери. Благодѣтельный мулла съ милиціонерами помѣстились особо, кажется, на крышѣ. Но,

(*) То-есть аристократіи по богатству или зажиточности. Мы ужъ говорили выше, что въ Чечнѣ и Дагестанѣ нельзя понимать это слово въ другомъ значеніи.

(**) Ужинъ былъ принесенъ доброхотными андійскими *наибшамн*, которыя были очень-довольны аппетитомъ княгинь и ихъ дѣтей, но чрезвычайно обидѣлись, когда княгини, утоливъ свой голодъ, передали остатки кушанья своимъ служанкамъ. «Мы принесли кушанье для княгинь, а не для *рабынь*», сказали гордые *наибши*, и удалились съ видомъ негодованія. Княгини очень жалѣли, что нечаянно отплатили оскорбленіемъ за услугу.

(***) Народный музыкальный инструментъ въ Грузіи, нѣчто въ родѣ маленькой гитары, съ металлическими струнами.

видно , и въ эту послѣднюю ночь путешествія княгинямъ не было суждено предаться полному отдохновенію; онѣ не спали почти до утра вслѣдствіе вотъ какого новаго приключенія:

Когда уже всѣ женщины улеглись, а многія изъ нихъ и заснули, съ легкимъ скрипомъ отворилась дверь, повидимому запертая съ вечера. Лунный свѣтъ проникъ въ темную комнату, и въ то же время обрисовалась какая-то черная Фигура. Княгиня Анна Ильинична первая замѣтила это неожиданное явленіе и громко окликнула посѣтителя. Отвѣта не было; но на крикъ княгини всѣ въ домѣ поднялись на ноги. Незванный гость исчезъ, но ненадолго: его захватили во дворѣ и обличили въ намѣреніи что-нибудь украсть на ночлегѣ плѣнницъ. На шумъ явился и благодѣтельный мулла и, по просьбѣ перепуганныхъ служанокъ и раздосадованныхъ милиціонеровъ, тутъ же распорядился произвести расправу надъ воромъ: невдалекѣ отъ дома его подвергли исправительному тѣлесному наказанію.

Вся эта исторія длилась почти цѣлую ночь , и потому наши плѣнницы могли спокойно заснуть только на разсвѣтѣ.

Поутру благодѣтельный мулла поднималъ всѣхъ для сборовъ въ дальнѣйшій путь, а двумъ княгинямъ и княжнѣ Баратовой принесъ по темному Фуляровому покрывалу, объясняя, что женщинамъ высокаго происхожденія нехорошо въ этой сторонѣ путешествовать съ незакрытыми лицами.

На пути плѣнницамъ показали, въ сторонѣ отъ дороги, мѣсто стараго *Даргѣ*, бывшаго, десять лѣтъ назадъ, резиденціей Шамиля, но въ 1845 году разореннаго русскими войсками подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго, князя М. С. Воронцова. На мѣстѣ когда-то недоступнаго и грознаго аула теперь видѣли плѣнницы только груды камней, разбросанныхъ по песчаному склону горы.

Немного не доѣзжая до этого мѣста, благодѣтельный мулла вручилъ плѣнницамъ неизвѣстно кѣмъ доставленное изъ Темир-Хан-Шуры письмо отъ князя Джорджадзе (*). Письмо было написано порусски и погрузински, и чрезвычайно обрадовало плѣнницъ: это была первая вѣсть отъ *своихъ*! Князь Джорджадзе въ письмѣ къ княгинямъ освѣдомлялся живы ли, здоровы ли онѣ, не нужно ли имъ чего, и просилъ, чтобъ онѣ исходатайствовали ему у Шамиля разрѣшеніе продолжать съ ними переписку и посылать имъ, что онѣ пожелаютъ.

По прочтеніи письма, плѣнницы должны были возвратить его благодѣтельному муллѣ, такъ-какъ онъ почиталъ за лучшее лично представить письмо Шамилю и даже скрыть отъ него, что плѣнницамъ оно уже было показано. Добрый старикъ помнилъ запрещеніе имама входить плѣнницамъ въ какія бы то ни было письменныя сношенія , но, по добротѣ сердца, нарушилъ приказъ, и теперь опасался за это отвѣтственности. Плѣнницы успокоили его обѣщаніемъ сохранить дѣло въ тайнѣ.

До Даргы-Веденнѣ было уже недалеко. Плѣнницы ѣхали подъ вуалями, закрывавшими ихъ лица. Имъ приходило въ голову подозрѣніе , не затѣмъ ли заставили ихъ покрыться , чтобъ не видѣть, а увидѣвъ не запомнить мѣстностей, бывшихъ на ближайшей дорогѣ къ резиденціи Шамиля, и отъ этого подозрѣнія еще сильнѣе подстрекалось ихъ любопытство. Онѣ внимательно всматривались во все , встрѣчавшееся на дорогѣ и по сторонамъ ея, а вуали не слишкомъ имъ въ томъ препятствовали : сквозь рѣдкую ткань Фуляра все было видно довольно-явственно, но только въ темномъ цвѣтѣ. Впрочемъ, ничего особенно-замѣчательнаго не довелось имъ замѣтить. Онѣ запомнили только множество переправъ черезъ рѣки и рѣчки, а потомъ лѣсъ, густой и мрачный, со множествомъ перепутывавшихся тропинокъ. Особенныхъ происшествій съ плѣнницами тоже не было, и только съ г-жею Дрансѣ случилось маленькое приключеніе. Она попросила пить; благодѣтельный мулла поспѣшилъ услужить ей и, приблизившись верхомъ на лошади, подалъ ей кожаный мѣшокъ, въ родѣ табачнаго кисета, съ шелковымъ снуркомъ для держанія , наполненный водою; самый мѣшокъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Французенкѣ показалось, что пить изъ такого сосуда неудобно, и что, притомъ, руки у муллы, поднимавшаго къ устамъ ея тотъ мѣшечекъ, были несовсѣмъ-чисты... Сидя на лошади и боясь приближенія лошади муллы, который самъ подносилъ ей мягкій сосудъ, держа его за снурокъ , она , вмѣсто-того, чтобъ осторожно пить, вздумала сама схватить мѣшокъ и тогда вся вода выплеснулась изъ мѣшечка и буквально окатила съ ногъ до головы некстати-прихотливую Французенку. Всѣ, видѣвшіе эту сцену, не могли удержаться отъ смѣха; не смѣялись только обиженный мулла да сконфуженная г-жа Дрансѣ. Она не знала, чтѣ ей дѣлать съ мокрой своей одеждой, и въ-особенности горевала, что въ такомъ невыгодномъ видѣ представится Шамилю... Но, къ утѣшенію Французенки , вскорѣ та же судьба постигла и всѣхъ ея спутницъ:

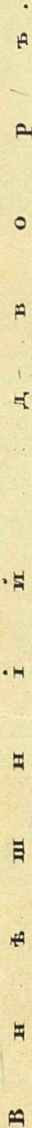
загремѣлъ громъ и полился проливной дождь. Всѣ были промо-
чены до нитки , хотя мулла и позаботился укрыть кого чухой,
кого ковромъ или буркой.

Подъ густой завѣсой ливня плѣнницы приближались къ Даргы-
Веденно р къ дождю вскорѣ прибавились еще и сумерки насту-
пившаго вечера , и потому-то плѣнницы не могли хорошенъко
различить и понять, чтò окружало знаменитый аулъ Шамиля. Онѣ
видѣли только сначала нѣсколько заборовъ, вѣроятно, загоны для
скота, потомъ ровъ, валъ и ворота, наподобіе тѣхъ, какія встрѣ-
чаются на Кавказѣ въ казачьихъ станицахъ, и наконецъ нѣсколь-
ко крышъ, обличавшихъ мѣстность самого аула.

Не доѣзжая еще до воротъ , плѣнницы встрѣтили нѣсколько
всадниковъ со значками на длинныхъ древкахъ , а впереди ихъ
мальчика лѣтъ . четырнадцати. Это былъ младшій сынъ Шамиля
отъ первой (уже умершей) жены. Впослѣдствіи плѣнницы узнали,
что его зовутъ *Махматъ-Шаби*, а теперь не могли не обратить
вниманія на поразительную красоту мальчика , которую онѣ за-
мѣтили даже и сквозь дождевую завѣсу. Затѣмъ онѣ безпрепят-
ственно въѣхали въ аулъ и были привезены къ какому-то боль-
шому сараю, въ которомъ собрались и всѣ прочіе плѣнные. От-
сюда собственно-циондалѣскихъ плѣнницъ повели къ дому Ша-
миля. Князь Ив. Чавчавадзе, идя пѣшкомъ, велъ лошадь княгини
Анны Ильиничны; прочіе слѣдовали позади. Но когда приблизи-
лись къ воротамъ дома, двое чеченцевъ бросились къ княгинѣ
Аннѣ Ильиничнѣ : одинъ изъ нихъ взялъ подъ уздцы лошадь
княгини, а другой удержалъ князя Ивана; княгиня взглянула на
своего родственника и замѣтила на лицѣ его неимовѣрную блѣд-
ность : онъ былъ встревоженъ за княгиню, которая съ этой ми-
нуты оставалась одна и безпомощная, посреди чуждаго и непри-
язненного міра... Они простились грустными взглядами, и княги-
ня въѣхала въ ворота перваго или *внѣшняго* двора. Оглянувшись
назадъ, она увидѣла за собою только одну княжну Баратову съ ма-
ленькою Тамарой, и въ эту минуту почувствовала, что и сама она,
какъ князь Иванъ, готова поблѣднѣть отъ неописаннаго душевнаго
волненія... Но возврата ужъ быть не могло!... Отворились вторыя
ворота, и двѣ одинокія плѣнницы въѣхали во второй или *внутрен-
ній* дворъ, то-есть собственно такъ-называемый сераль Шамиля...

Это было вечеромъ въ пятницу, 30-го іюля.

Составленный глазомерно Фёдоровым А. П. Чавчавадзе в 1855 году

Площадь
Внутренняго двора

ЦНИИ. У ШАМИЛЯ.

Правдивая повѣсть о восьмимѣсячномъ и шестидневномъ (въ 1854 — 1855 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ : покойнаго генерал-майора князя *Орбелиани* и подполковника князя *Чавчавадзе*, основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи.

Часть вторая.

I.

СЕРАЛЬ И ЕГО ОБЫЧНЫЕ ОБИТАТЕЛИ.—ПЕРВЫЕ ДНИ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Душевное волненіе, при вступленіи въ сераль Шамиля (*), со стороны княгини Чавчавадзе было совершенно-естественно; но страхъ ея за свое одиночество ничѣмъ не оправдался, потому-что, въѣхавъ съ княжной Баратовой въ первыя ворота, наши плѣнницы встрѣтили во дворѣ множество народа. Онѣ замѣтили одного мужчину, высокаго роста, въ бѣломъ ахалукѣ, стоявшаго на балконѣ. Впослѣдствіи они узнали, что это былъ самъ Шамиль, но въ это время и сумерки и внутреннее смятеніе не позволили имъ хорошенько разглядѣть всѣхъ, къ которымъ онѣ были окружены.

Если читатель потрудится взглянуть на планъ шамилева сераля, то онъ увидить на рисункѣ двѣ стрѣлки : одну прямую, а другую изогнутую и замѣтитъ, что обѣ онѣ идутъ отъ воротъ къ одной изъ комнатъ большаго четырехъугольнаго строенія. Стрѣлки эти указываютъ направленіе пути плѣнницъ отъ воротъ къ комнатѣ, для нихъ предназначенной. Затѣмъ онѣ въѣхали во внутренній дворъ, то-есть, во вторыя ворота. Приблизившись къ галереѣ, которая составляетъ какъ-бы крыльцо передъ комнатою, предназначенною для плѣнницъ, и идетъ вокругъ всего сераля, княгиня и княжна были сняты съ своихъ усталыхъ коней нѣсколькими женщинами, которыя и ввели ихъ въ печальное мѣсто предстоявшаго имъ

(*) *Сераль* не должно смѣшивать съ *гаре.иомъ*: сераль — жилище семейства мусульманина, его внутренній дворъ, и больше ничего,
ч. II.

семимѣсячнаго заключенія. Толпа женщинъ за ними послѣдовала со двора. Нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, служанки, принялись раздѣвать и разувать плѣнницъ. Въ это время пріѣхала во дворъ и вошла въ комнату княгиня Варвара Ильинична. Около нея, также весьма-услужливо засуетились женщины, между которыми тотчасъ же обратила на себя вниманіе княгиня дѣвочка лѣтъ тринадцати, бѣлокурая, съ выразительнымъ лицомъ и прищуренными глазами. Это была *Нанисѣтъ*, дочь Шамиля. Еслибъ княгини прежде видѣли Шамиля, то ни на минуту не затруднились бы узнать дочь по ея сходству съ отцомъ, и особенно по этимъ каримъ, прищуреннымъ глазамъ, которые составляютъ отличительную Фамильную черту Шамиля и всѣхъ дѣтей его(*). Черезъ нѣсколько времени вошли въ комнату двѣ женщины, одѣтыя въ длинныя рубашки сверхъ шальваръ: то были жены Шамиля. Одна изъ нихъ, маленькая, худая, рябая, съ закривленнымъ орлинымъ носомъ, съ карими глазами, съ хитрой и недоброю улыбкой на тонкихъ губахъ, называлась *Зайдеть* и, повидимому, была не старѣе двадцати-четырехъ лѣтъ. Некрасивая, но чрезвычайно-выразительная ея наружность, соединенная съ ловкостью и даже граціей во всѣхъ движеніяхъ, обличала туземное происхожденіе, и плѣнницы дѣйствительно вскорѣ узнали, что *Зайдеть* была татарка, дочь Джемаль-Эддина, воспитателя Шамиля и его наставника, чело-вѣка съ огромнымъ вліяніемъ на народъ и на Шамиля, и съ сильнымъ голосомъ въ народномъ совѣтѣ. Другая была та самая моздокская армянка, о которой плѣнницы еще въ дорогѣ слышали такъ много хорошаго. Это была женщина лѣтъ за тридцать; высокая, бѣлая, полная, очень-свѣжая, хорошенькая, съ выраженіемъ довольно-простоватымъ, но добрымъ и располагающимъ. Имя ея *Шуанѣтъ*. Съ первой минуты плѣнницы почувствовали къ ней нѣкоторое довѣріе и, вслѣдствіе этого, тугъ же обратились къ ней черезъ переводчицу, съ вопросомъ: «привезутъ ли сюда дѣтей и прочихъ плѣнницъ?» Шуанѣтъ, тоже черезъ переводчицу, отвѣчала, что привезутъ всѣхъ, но что Шамиль желаетъ, чтобъ княгини прежде сами размѣстились и осмотрѣлись, а потомъ ужъ выбрали изъ своихъ, кого пожелаютъ, для помѣщенія вмѣстѣ съ собою.

Вскорѣ прибыли двѣ кормилицы, съ двумя грудными мальчи-

о Поэтому и па силуэтѣ Шамиля, приложенномъ къ этому сочиненію, онъ изображень съ прищуреннымъ глазомъ.

нами: Александромъ и Георгіемъ, а за ними Саломе съ Василисой и г-жа Дрансё съ Marie.

Всѣ усьлись, разумѣется, на полу, и тотчасъ же были окружены множествомъ любопытныхъ, женщинъ и дѣтей. На всѣхъ были толстыя синія рубашки, а на женщинахъ головныя покрывала, или, какъ ихъ называютъ въ Грузіи, *легшей*, но не газовыя, какъ въ Грузіи, а бѣлыя и толстыя полотняныя.

Между любопытными княгини замѣтили очень-стройную и прекрасно-сложенную женщину лѣтъ семнадцати или восемнадцати. Она была въ пестромъ ситцевомъ ахалухѣ, темной рубашкѣ и красныхъ шальварахъ; вмѣсто вуаля, или *legami*, на головѣ ея былъ большой черный шелковый платокъ. Лицо ея отличалось бѣлизною, носъ былъ небольшой, тонкій, немножко-вздернутый (*retroussé*), ротъ довольно-большой, но зубы ослѣпительно-бѣлые, а губы самага живаго розоваго цвѣта; изъ всего этого составлялась весьма-привлекательная наружность, которую прекрасные, большіе сѣрые глаза озаряли выраженіемъ доброты и живой; пылкой души. Это была *Аминетъ*, кистинка, третья жена Шамиля.

Различныя впечатлѣнія, съ первой встрѣчи оставленныя въ княгиняхъ разнохарактерными фizioноміями трехъ женъ Шамиля, не измѣнились и въ послѣдствіи, а, напротивъ, были оправданы всѣмъ тѣмъ, въ чемъ проявились характеры этихъ женщинъ въ теченіе семимѣсячнаго съ ними знакомства нашихъ плѣнницъ. Ихъ хорошія стороны и недостатки, можно сказать, были судьбою княгинь; ихъ поведеніемъ обуславливались минуты горя и радости, отчаянія и надежды въ продолжительномъ томленіи заключенницъ.

Княгини поняли это съ перваго дня и старались, съ помощью женской проницательности, изучить женъ своего повелителя. Это было нетрудно; но, повторяемъ, первыя заключенія, составленныя княгинями о характерахъ этихъ женщинъ, совершенно оправдались въ послѣдствіи.

Вскорѣ двѣ старшія жены вышли изъ комнаты и вернулись съ разными угощеніями; тутъ были: чай, медъ, сыръ, пшеничный хлѣбъ и, къ великому удивленію плѣнницъ, прекрасные конфекты, какіе на Кавказѣ можно достать только въ Тифлисѣ, во французскомъ магазинѣ Толлѣ. Дѣти чрезвычайно обрадовались угощенію, особенно же чаю. Маленькая Тамара начала плясать и до-того 'расшалилась, что ее насилу могли уложить спать. Между-тѣмъ, вечеръ сильно подвинулся къ ночи; посѣтительницы княгинь ма-

ло-по-малу разошлись, а наконец и *хоз нѣти дома* оставили ихъ. Прощаясь съ ними, княгиня Чавчавадзе обратилась къ Шуанѣтъ (армянкѣ), съ просьбою объ отъѣздѣ маленькой Лидіи, которую княгиня все еще надѣялась найти. Но Шуанѣтъ лаконически отвѣчала княгинѣ: «обратитесь къ старшей».

Княгиня, почитавшая Шуанѣту *старшею*, потому-что она и по возрасту была старѣе другихъ женъ Шамиля, теперь узнала, что на самомъ-то дѣлѣ старшею въ сералѣ считалась Зайдѣтъ, которая этимъ была обязана своему *высокому* происхожденію. Но чѣмъ обуславливалось это старшинство, и какія на-самомъ-дѣлѣ были отношенія женъ къ Шамилю и между собою — все это княгини узнали только впоследствии.

Оставшись однѣ, плѣнницы стали приготовляться къ ночлегу, но прежде позаботились разсмотрѣть свое помѣщеніе. Это была комната длиною въ двадцать-шесть, а шириною въ двѣнадцать башмачныхъ подошвъ (которыми впоследствии плѣнницы измѣряли свою комнату), что, приблизительно, равнялось десяти шагамъ длины и пяти ширины. Значительная часть этого тѣснаго пространства была еще занята очень-большимъ каминомъ. Внѣшній воздухъ могъ сообщаться комнатѣ только черезъ дверь и единственное четырехугольное маленькое окно, величиною въ четверть аршина. Мебели не было никакой. Полъ былъ устланъ бѣлыми войлоками и простыми горскими коврами. На два съ половиною аршина отъ пола, по стѣнамъ тянулись полки, на которыхъ плѣнницы нашли три тюфяка, два одѣяла и двѣ подушки, набитыя шерстью и хлопками, и несовершенно-чистыя, также какъ и воздухъ въ комнатѣ.

Когда заснули дѣти, а взрослые приготовлялись имъ послѣдовать, вдругъ отворилась дверь, и къ нимъ вошла Зайдѣтъ, *стартап* жена Шамиля, а съ нею его казначей, *Хаджіо*, человекъ лѣтъ пятидесяти, съ доброй, но глуповатой Физіономіей. Послѣдній несъ голову сахару и погребецъ, въ которомъ княгини нашли чай, стаканы и все, что обыкновенно бываетъ въ погребцахъ; кромѣ-того, Хаджіо передалъ имъ записку, объяснившую, что всѣ эти дары посылались княгиней Ниной Эрнстовой (сестрою генерала Л. Меликова), изъ Закаталъ. Плѣнницы были очень обрадованы этимъ *вторымъ* голосомъ съ родной стороны; но начало записки сперва нѣсколько огорчило ихъ; оно заключалось въ словахъ: «я очень рада, что вы въ Веденяхъ»...—«Есть чему радоваться!» подумали княгини, но потомъ, прочтя далѣе, онѣ уви-

дѣли, что писавшая записку хотѣла выразить свою радость, что плѣнницы попали не въ какой-нибудь глухой и отдаленный аулъ, а въ Веденнѣ, подѣ ближайшій присмотрѣ самого Шамиля. Еще далѣе, въ запискѣ слѣдовали изъясненія искренняго сожалѣнія генерала Меликова о несчастіи, постигшемъ княгиню, и эти изъясненія были горячо и прекрасно выражены.

Хаджіо, уходя, объяснилъ княгинямъ, что, для перваго раза, имъ было позволено получить письмо на грузинскомъ языкѣ, но что на будущее время Шамиль приказалъ переписываться не иначе, какъ иорусски, потому-что грамотныхъ переводчиковъ-грузинъ у нихъ здѣсь не имѣется.

Затѣмъ посягители окончательно оставили плѣнницъ.

На другой день, часовъ въ девять поутру, имъ принесли завтракъ, состоявшій изъ бараньяго сыра, масла, луку, разварной баранины и пшеничнаго хлѣба, у котораго верхняя корка была покрыта толстымъ слоемъ сала: это ужъ такой здѣсь *адатъ*, то-есть, обычай; но съ такимъ обычаемъ ни княгини, ни дѣти ихъ не могли свыкнуться во все время своего плѣна; онѣ всегда срѣзывали верхнюю корку, а самый хлѣбъ промывали, выжимали и сушили до-тѣхъ-поръ, пока не уничтожался непріятный запахъ сала.

Въ это же утро прибыли въ сераль многія другія плѣнницы и, между ними, дочь священника съ своей маленькой сестрою, которую княгиня Анна Ильинична во время дороги кормила своей грудью. Молодая дѣвушка хотѣла видѣть княгиню, чтобъ она хлопотала о кормилицѣ для дѣвочки, такъ-какъ здѣсь уже не позволили самой княгинѣ кормить ее, подѣ предлогомъ, что это не ея, а чужой ребенокъ. Княгиня не знала, къ кому обратиться съ просьбою; но въ числѣ любопытныхъ случилась одна татарка, по имени *Хан-аіа*, маленькое, толстое и^акъ оказалось, очень-доброе созданіе, бывшее женою Лобазана, одного изъ сторожей серала и походнаго повара Шамиля. Эта женщина, узнавъ о желаніи княгини, тотчасъ побѣжала къ шамлевымъ женамъ и выхлопотала кормилицу для дѣвочки, въ которой плѣнницы принимали участіе.

Кое-какъ прошелъ день, а вечеромъ явился казначей Хаджіо и объявилъ плѣнницамъ, что сейчасъ прійдетъ къ нимъ Шамиль для личныхъ переговоровъ. Дѣйствительно, вскорѣ пришелъ Шамиль, но не переступилъ за порогъ комнаты, а помѣстился внѣ ея, у отворенной двери, на галереѣ, куда ему принесли, для си-

дѣнья, что-то въ родѣ деревяннаго табурета. Рядомъ съ нимъ стали у двери Хаджіо и русскій переводчикъ, по имени *Индрисъ* (вѣроятно, прежде бывшій Андрей !)

Плѣнницы оставались внутри комнаты, и бесѣда началась черезъ дверь и черезъ переводчика.

Шамиль спросилъ о здоровья.

— Устали съ дороги, но, слава Богу, здоровы, отвѣчали плѣнницы.

— Я самъ удивляюсь, что вы всѣ дошли сюда благополучно, и вижу въ этомъ явное доказательство, что Богъ сохранилъ васъ для исполненія давнишняго моего намѣренія: выручить сына, находящагося у русскихъ. Теперь я пришелъ сказать, чтобъ вы были спокойны, что васъ здѣсь никто обижать не будетъ, что съ вами будутъ поступать, какъ съ членами моего семейства, но только въ такомъ случаѣ, если вы будете строго исполнять мое требованіе, а именно: не писать и не предпринимать ничего безъ моего вѣдома. Если же вы попытаетесь войти въ какія бы то ни было тайныя сношенія съ вашими, и если ваши будутъ писать къ-вамъ что-либо недолжное, то я не пожалѣю васъ, не пощажу даже дѣтей вашихъ, а уничтожу васъ всѣхъ такъ, какъ я уничтожилъ десятерыхъ русскихъ плѣнныхъ офицеровъ за то, что они получили записку, запеченную въ хлѣбъ: хитрость ихъ была открыта, и я всѣмъ имъ приказалъ отрубить головы. Еще можетъ для васъ служить примѣромъ одна молодая дѣвушка, графиня, которая должна была выйти замужъ въ Ставрополѣ, но была захвачена въ плѣнъ моими людьми. Эта дѣвушка давно могла бы быть выкуплена, но я, несмотря ни на какія предложенія ея родныхъ, до-сихъ-поръ оставляю ее въ неволѣ, потому-что недоволенъ ея строптивостью и неповиновеніемъ ("). То же самое можетъ случиться и съ вами. Берегитесь...

Шамиль кончилъ длинную свою рѣчь и ожидалъ отвѣта; но плѣнницы не знали, которой изъ нихъ рѣшиться отвѣчать. Княгиня Анна Пльинична не хотѣла говорить ни слова, потому-что чувствовала въ себѣ негодованіе на Шамиля за его недостойныя угрозы. «Говори ты» сказала она сестрѣ. II княгиня Варвара Ильинична поднялась съ пола, приблизилась къ дверямъ и отвѣчала:

(*) Но свѣдѣніямъ, собраннымъ княгинями впослѣдствіи, никакой ставропольской гра-мши въ плѣну у Шамиля не было, и потому рассказъ его о ней должно считать дипломатическимъ вымысломъ.

— Намъ не нужны угрозы; мы и безъ того ничего не сдѣлаемъ противнаго Шамилю. Ни званіе, ни воспитаніе наше не позволяютъ намъ лгать; стало-быть, вы вполне можете положиться на наше честное слово. Что жъ касается до писемъ, какія будутъ присылаемы къ намъ, то за ихъ содержаніе мы отвѣчать не можемъ.

На это Шамиль отвѣчалъ:

— Очень-хорошо; но не забывайте, что вы невольницы Шамиля.

Тѣмъ кончилась аудіенція. Шамиль всталъ и ушелъ; казначей

унесъ за нимъ стулъ; плѣнницы вздохнули свободнѣе...

Вскорѣ по уходѣ Шамиля, увели изъ комнаты княгинь всѣхъ прочихъ плѣнницъ, приходившихъ видѣться съ княгинями; а нѣсколько позже приходили старшія жены и общали похлопотать, чтобъ плѣнныхъ служанокъ помѣстили тутъ же, въ тѣсной комнатѣ княгинь: щюго желали сами княгини, боясь, чтобъ ихъ женщины не затерялись въ какихъ-нибудь дальнихъ аулахъ.

На слѣдующее утро, вмѣстѣ съ утреннимъ завтракомъ, явились въ комнату плѣнницъ дочери Шамиля: *Написѣтъ*, та самая тринадцатилѣтняя дѣвочка, которую княгини уже видѣли по прибытіи въ сераль; *Патиматъ*, лѣтъ десяти, и очень-похожая на старшую сестру (обѣ онѣ были единокровныя и единоутробныя сестры Джемаль-Эддина, Кази-Махмата и Махмата Шаби, трехъ сыновей Шамиля отъ умершей первой жены), и наконецъ *Нажабатъ*, дочь Зайдеты, шестилѣтняя дѣвочка, превосходящая старшихъ сестеръ красотою, но за то совершенно-кривоногая, что, однакожь, не мѣшало ей лазить по крышамъ и заборамъ съ истинно-кошачьимъ проворствомъ.

Дѣти не замедлили между собой познакомиться и, какъ дѣти, тотчасъ же отправились во дворъ бѣгать.

День до самаго вечера прошелъ вѣ разныхъ знакомствахъ и рекомендаціяхъ, давшихъ нашимъ плѣнницамъ возможность узнать почти всѣхъ обычныхъ жителей и жителейницъ сераля, а намъ случай познакомиться съ ними и нашихъ читателей.

Кромѣ поименованныхъ уже лицъ, въ сералѣ постоянно бывала *Бахтумъ*, мачиха Зайдеты и жена Джемаль-Эддина (воспитателя Шамиля, въ честь котораго то же имя было дано и старшему сыну имама, одному изъ главныхъ героевъ настоящаго разсказа). Бахтумъ не старѣе тридцати-пяти лѣтъ и отличается замѣчательной красотою. При ней находится семнадцатилѣтняя дочь ея, *Баба*, добрая дѣвушка, скоро-выучпвшаяся у плѣнницъ говорить

машъ
Эдд
на у
Р. 1839.6
Джамаль
Как ма
она мо
на род
В 1841.
Написѣ
а в 1844
Махм
Шаби
то же
сынъ
дава
перва
маша

ногрузинки и доставлявшая имъ, въ послѣдствіи, если не всегда вѣрныя, то всегда утѣшительныя извѣстія; очень-хорошенькая, но, къ-несчастью, съ бѣльмомъ на глазу. Въ особомъ отдѣленіи серала, вмѣстѣ съ старшими дочерьми Шамиля, живетъ *Баху*, мать умершей жены его и, слѣдовательно, родная бабка всѣхъ его старшихъ сыновей и дочерей, старая, но еще далеко-недряхлая женщина, такъ-что иногда сама печетъ хлѣбъ для всего семейства; не злая и ничѣмъ особенно неотличающаяся. Кистинка *Нана*, мать третьей жены Шамиля, миловидной Аминеты, очень-худая и блѣдная женщина, уже немолодая и постоянно-отправляющая обязанности кухарки. *Хаджи-Ребилъ*, татарка, воспитательница дочерей Шамиля, не молодая и неблагонамѣренная женщина, также бывала въ сералѣ. *Зайнабъ*, жена Юнуса, приближенного Шамиля, женщина среднихъ лѣтъ, съ открытымъ, добрымъ лицомъ и съ неизмѣнной улыбкой на губахъ, и *Илѣта*, жена казначея Хаджію, постоянно-державшая своего мужа подъ башмакомъ.

Изъ мужской половины населенія серала необходимо назвать *Махмата-Шаби*, третьяго сына Шамиля, четырнадцатилѣтнго мальчика, чрезвычайно-красиваго и столько же живаго и шаловливаго; *Салима*, когда-то взятаго въ плѣнъ съ береговъ Кахетинской Алазани, а теперь оруженосца и тѣлохранителя Шамиля, весьма-преданнаго ему, и очень-способнаго и храбраго челоуѣка, замѣчательнаго еще тѣмъ, что Шамиль, желая навсегда и покрѣпче привязать его къ своей особѣ, женилъ его на плѣнной тушинкѣ *Тамарѣ*, которая гораздо-старше Салима, но любить его безъ памяти и служить Шамилю самымъ вѣрнымъ за мужа ручательствомъ, потому-что, изъ любви къ мужу, и вѣчно страшась потерять его, готова донести имаму о малѣйшемъ замыслѣ своего сожителя, еслибъ онъ когдѣ-нибудь рѣшился на бѣгство. Впрочемъ, Салимъ до-сихъ-иоръ и не покушался бѣжать изъ своей давнишней неволи: онъ не рѣшился бы оставить дѣтей, которыхъ любилъ очень-нѣжно и которыхъ у него было много.

Наконецъ назовемъ *Аабазана* и *Бек-мирзу*. Первый изъ нихъ походный поваръ Шамиля (честь не малая и должность почетная) и мужъ услужливой Хан-агй, съ которою мы уже мимоходомъ познакомились, а второй лезгинъ тоже одинъ изъ преданнѣйшихъ слугъ Шамиля; оба весьма-добрые люди.

Конечно, не въ первые дни по прибытіи въ сераль плѣнницы познакомились со всѣми этими лицами (и множествомъ другихъ

второстепенной важности (*) ; но мы поспѣшили перечислить ихъ теперь съ тою цѣлью, чтобъ сразу показать читателямъ всѣхъ *дѣйствующихъ* лицъ дальнѣйшаго разсказа , какъ это обыкновенно дѣлается драматическими писателями. То же самое мы сдѣлаемъ и по отношенію къ *мѣсту дѣйствія* , то-есть къ подробному описанію шамилева серала, хотя и сераль наши плѣнницы узнали гораздо-позже, и притомъ не вдругъ , а постепенно.

Такимъ-образомъ мы значительно облегчимъ и себя и читателей въ дальнѣйшемъ слѣдованіи за приключеніями нашихъ героинь.

Сераль, или внутренній дворъ Шамиля, состоитъ изъ большаго продолговатаго четырехугольника, почти-пустаго внутри, и сплошь-застроеннаго по краямъ. Площадь внутренняго двора приблизительно заключаетъ въ себѣ около 50-ти квадратныхъ шаговъ , если считать отъ *забора* до двухъэтажнаго Флигеля. Отъ Флигеля до окружающихъ его съ трехъ сторонъ строеній по 12-ти шаговъ во всѣ стороны. Флигель этотъ, окруженный, какъ и всѣ надворныя строенія, узкимъ, на столбикахъ, навѣсомъ, въ родѣ галереи, имѣетъ три комнаты, въ которыхъ чаще всего пребываетъ самъ Шамиль. Отъ Флигеля въ двѣ стороны проведены по землѣ доски (къ отдѣленіямъ женъ: татарки и кистинки), служащія подмостками на случай грязи. Здѣсь сосредочивается собственно-домашняя жизнь Шамиля. Политическая же , если можно такъ выразиться, или дѣловая жизнь его проходитъ въ кабинетъ , въ *старомъ* кабинетѣ, расположенномъ сейчасъ направо отъ воротъ. Тутъ имамъ принимаетъ посѣтителей, поучается, творить судъ и отдаетъ распоряженія по управленію гражданскому и военному. *Новый* кабинетъ, что налѣво отъ воротъ , только-что отстроень или, лучше сказать, пристроень къ деревянному полукруглому двухъэтажному помѣщенію казны, и плѣнницамъ еще не было извѣстно специальное его назначеніе. Возлѣ стараго кабинета довольно-большая комната для пріѣзжихъ набовъ и другихъ почетныхъ гостей. Здѣсь они спятъ , здѣсь же и обѣдаютъ. Пзъ

(*) Въ составѣ этого множества надо замѣтить большое количество дѣвушекъ, плѣнныхъ и туземныхъ, не свыше шестнадцати лѣтъ. Онѣ до шестнадцати лѣтъ остаются въ услуженіи у шамилева семейства, а достигнувъ этого возраста, выдаются непременно замужъ, доставаясь, какъ-бы въ награду тѣмъ изъ мюридовъ, которыхъ Шамиль хочетъ удостоить своей особенной милости.

этой комнаты два маленькія окна: одно во внутренній, а другое во внѣшній дворъ ; чрезъ послѣднее иногда имамъ обращается къ народу, собираемому при такихъ случаяхъ на внѣшнемъ дворѣ, а черезъ первое носятъ со двора и подаютъ гостямъ кушанье. Шагахъ въ 12-ти отъ этой *пріемной* комнаты во дворѣ воздвигнуть сплошной заборъ, котораго единственное назначеніе препятствовать взорамъ гостей проникать во внутренность двора и тѣмъ ограждать его жительницъ отъ посторонней нескромности. Наши плѣнницы назвали эту перегородку *ревнивымъ заборомъ*—и весьма-основательно! Остальныя помѣщенія съ полной ясностью изображены на планѣ, приложенномъ къ этому повѣствованію, и потому мы можемъ уволить себя отъ подробнѣйшаго ихъ описанія. Прибавимъ только, что каждая комната имѣетъ по одному окну и по одной двери ; всѣ эти окна и двери выходятъ на галерею, окружающую весь сераль, а потому между комнатами непосредственного сообщенія не имѣется; только въ окнахъ комнатъ Шамиля и его женъ есть рамы съ крошечными стеклами; въ каждой комнатѣ стоитъ по камину ; надъ Флигелемъ Шамиля возведена сушильня для провѣтриванія баранины и говядины, и всѣ эти строенія деревянные.

II.

Подозрительное участіе. — Лекарка — Сближеніе плѣнницъ съ женами Шамиля. — Посылка. — Посѣтитель. — Письмо. — Бесѣды на галерей. — Бюллетень. — Роли трехъ женъ Шамиля.

На слѣдующее, то-есть уже третье утро , встрѣченное плѣнницами въ сералѣ Шамиля, въ комнатку ихъ пришли опять старшія его жены и объявили, что Шамиль разослалъ по всѣмъ своимъ владѣніямъ нарочныхъ съ приказаніемъ отыскивать потерянное дитя княгини Анны Ильиничны , и доставить въ Веденні) всѣхъ грудныхъ младенцевъ, которые будутъ найдены безъ матерей, равно какъ и пропавшую женщину Нину.

Плѣнницы изъявили благодарность за такое распоряженіе.

Вслѣдъ затѣмъ жены сообщили еще два извѣстія : что служанки княгинь будутъ къ нимъ приближены и что Шамиль желаетъ видѣть дѣтей своихъ плѣнницъ.

Дѣти немедленно отправились къ Шамилю и возвратились совершенно-счастливыя. они были щедро надѣлены Фруктами и кон

Фектами. Жены имама, сопровождавшія дѣтей , рассказали , что повелитель ихъ нашелъ маленькаго Александра очень-слабымъ и предлагаетъ прислать для него лекарку, если на это будетъ согласна княгиня Анна Ильинична. Княгиня согласилась, и на другой же день явилась лекарка, простая горская женщина. Она намазала на тряпку какого-то густаго состава и этотъ пластырь приложила ребенку на желудокъ; потомъ приказала зарѣзать барана и на ночь завернуть ребенка въ свѣжую и теплую баранью шкуру. Уходя , она приказала повторять это ежедневно. Александръ дѣйствительно сталъ поправляться, хотя и медленно. Но, къ-несчастью, въ это же время у него стали прорѣзываться зубы, и появленіе каждаго новаго зуба сопровождалось такими припадками , которые заставляли княгиню отчаиваться за жизнь ребенка.

Шамиль самъ слѣдилъ за ходомъ болѣзни Александра и ежедневно требовалъ его къ себѣ... Княгини увѣрены, что это дѣлалось безъ всякихъ эгоистическихъ видовъ, но не стали бы спорить и съ тѣмъ , кто утверждалъ бы , что въ этомъ вниманіи Шамиля къ больному сыну княгини Чавчавадзе проявлялось эгоистическое желаніе сберечь мальчика, чтобъ имѣть возможность *на сына* вымѣнять *сына* , а за остальныхъ взять деньги... Последнее предположеніе получаетъ особую вѣроятность отъ собственныхъ отзывовъ Шамиля, который часто, не скрываясь , выражалъ ту же самую мысль при разныхъ случаяхъ.

Но Александръ не переставалъ хворать. Должно полагать, что главною причиною его упорнаго нездоровья было неудобство въ помѣщеніи. Со времени присоединенія къ княгинямъ ихъ служанокъ, тѣсная ихъ комнатка сдѣлалась еще тѣснѣе. На пространствѣ какихъ-нибудь двухъ квадратныхъ саженъ помѣщалось двадцать-два человѣка ! Отъ этого по ночамъ часто невозможно было спать отъ духоты. Ребенка выносили на галерею, но и тутъ онъ спалъ только у кого-нибудь на рукахъ.

Въ слѣдующіе дни плѣнницы были , иопрежнему, довольно-часто посѣщаемы старшими женами Шамиля. Онѣ стали приходить безъ церемоніи и безъ всякой другой цѣли , кромѣ желанія посидѣть и поболтать. Бесѣды эти происходили при посредствѣ двухъ переводчицъ, шестнадцатилѣтней дѣвушки, грузинки, взятой въ плѣнъ еще дитятею, и съ-тѣхъ-поръ почти позабывшей родное свое нарѣчіе, и тушинки, женщины лѣтъ тридцати-пяти, которая хотя и была взята взрослою, но, какъ тушинка, тоже не-

вполнѣ владѣла разговорнымъ грузинскимъ языкомъ. Однако, при помощи этихъ женщинъ, собесѣдницы понимали другъ друга. Разговоры ихъ были всегда характеристическіе, то-есть хорошо-рисовавііе душевныя качества двухъ старшихъ обитательницъ серала. Шуанетъ разспрашивала болѣе о мужѣ и о семейныхъ обстоятельствахъ княгинь, тогда-какъ Зайдеть никогда не пропускала случая освѣдомиться о ихъ состояніи, нисколько не скрывая желанія узнать, какой можетъ быть предложенъ выкупъ за плѣнницъ со стороны ихъ родственниковъ. Подобные разспросы, однакожъ, ни къ чему ея не приводили, потому что княгини совершенно-справедливо отзывались на нихъ увѣреніемъ , что , по разграбленіи Цинондалъ, онѣ лишились всего своего состоянія.

— Но, можетъ-быть, у васъ гдѣ-нибудь зарыты деньги ? настаивала Зайдеть.

— Нѣтъ ничего зарытаго, да у насъ и не зарываютъ, хладнокровно отвѣчали плѣнницы , и тѣмъ обыкновенно оканчивали непріятный для нихъ разговоръ.

Нельзя было не расположиться душою къ той изъ двухъ женщинъ, которая не отягощала и не возмущала плѣнницъ никакими подобными разспросами. Шуанетъ въ первое время вообще была видимо-осторожна и болѣе молчала, чѣмъ говорила, какъ-бы для-того , чтобъ лучше изучить нашихъ плѣнницъ. Впрочемъ, эта осторожность не всѣмъ имъ нравилась. Княгиня Варвара Ильинична видѣла въ Шуанетѣ скрытность, а г-жа Дрансѣ прямо подозревала ее въ коварствѣ. Сравнивая Шуанетъ и Зайдеть, Француженка отдавала преимущество послѣдней: elle a Гзіг distingud, говаривала она, хваля ее; но княгиня Анна Ильинична была на сторонѣ Шуанетъ, и не ошибалась , какъ мы увидимъ впоследствии.

Такъ прошло недѣли двѣ. Въ этотъ промежутокъ времени къ Шамилю пріѣзжали наобы и Даніэль-султанъ (*). Они останавливались и жили нѣсколько сутокъ въ комнатахъ для гостей, расположенной возлѣ стараго кабинета Шамиля. Имъ прислуживали Лабазанъ, Бей-Мирза и Салимъ, съ которыми мы уже нѣсколько познакомили читателей. Эти люди , во время пребыванія гостей

0 Бывшій владѣтель Элнсуйскаго Ханства п генерал-майоръ русской службы, впоследствии передавшійся Шамилю , имѣющій въ горахъ большой вѣсъ, но, какъ слышно, совершенно-неиспользуемый ЦІНСЯ довѣріемъ подозрительнаго Шамиля.

въ сералѣ, носили имъ кушанье , а возвращаясь , всегда передавали нѣсколько лакомыхъ кусковъ княгининымъ служанкамъ, которыя всегда ожидали этого на галереѣ.

Жизнь княгинь (имъ было даже запрещено выходить и на галерею) потекла въ тягостномъ однообразіи терпѣнія и смутныхъ надеждъ. . . Какъ вдругъ, однажды поутру , имъ объявили, что на ихъ имя получены вещи отъ ро. ныхъ. Это была великая радость, не столько о полученіи самыхъ вещей, сколько о томъ, что снова достигло до нихъ хоть что-нибудь съ родной стороны. Всякая посылка оттуда олицетворялась для бѣдныхъ страдальцевъ въ живые образы потерянныхъ друзей , или превращалась въ цѣлый хоръ живительныхъ воспоминаній...

Вещи, однакожь, были доставлены плѣнницамъ только въ сумерки: цѣлый день наполнился пріятными ожиданіями. Но нельзя выразить словами, что почувствовали княгини при видѣ самой посылки. Каждая изъ нихъ выразила свой восторгъ посвоему: кто плакалъ, кто молился, кто прыгаль... И чему же онѣ такъ обрадовались? Тутъ были сущія бездѣлицы: чулки, мыло, гребешки, башмаки, полотенца и т. п. Но отъ этихъ бездѣлицъ повѣяло на несчастныхъ всею прежнею ихъ жизнью , всѣмъ ихъ потеряннымъ счастьемъ...

Когда миновало первое увлеченіе радости, плѣнницы захотѣли узнать, кто именно такъ порадовалъ ихъ ; но при посылкѣ не было никакого письма. Тутъ недоумѣнія, толки, предположенія... Наконецъ кто-то увидѣлъ на уголкѣ одного изъ присланныхъ носовыхъ платковъ вышитыя буквы L. N., и загадка разгадана. Нетрудно было понять , что Французскія буквы означали Louis Nicolay. Обрадованныя плѣнницы и дѣти всѣ хоромъ закричали и сто разъ повторили имя своего родственника, и ужь, конечно, онѣ, бывшій виновникомъ столь сильной радости, никакъ не могъ бы предположить, что доставить ее такимъ незначительнымъ подаркомъ... Но тухъ дѣло было не въ значительности подарка, а въ неоцѣненной важности воспоминанія...

Дѣтское восхищеніе плѣнницъ возбудило удивленіе въ обитателяхъ сераля. Зайдѣтъ и другія татарки впослѣдствіи спрашивали о причинѣ ихъ шумной радости, но , получивъ объясненіе , не вѣрили ему, нотому-что не понимали, какъ можно такъ радоваться *ничтожной*, по ихъ мнѣнію, посылкѣ...

Между ветцами, присланными барономъ Николаи , плѣнницы

нашли книгу: «Imitation de J6sus Christ» и чрезвычайно ей обрадовались.

Черезъ недѣлю по полученіи посылки, плѣнницъ извѣстили о пріѣздѣ къ нимъ человѣка изъ Кахетіи. Кто? откуда? спрашивали княгини, но не могли добиться отвѣта до-тѣхъ-поръ, пока, на другой уже день, къ дверямъ ихъ комнаты не подвели Николая, крѣпостного человѣка одной изъ сестеръ князя Давида Александровича Чавчавадзе, княгини Е. А. Дадіанъ (*).

Свиданіе плѣнницъ съ Николаемъ продолжалось минутъ съ десять и происходило слѣдующимъ образомъ : ни ихъ, ни его не подпускали близко къ дверямъ; онѣ оставались въ своей комнатѣ, а Николай стоялъ на дворѣ, передъ галереей, въ кругу людей, слушавшихъ и вникавшихъ въ ихъ разговоръ, конечно, съ тѣмъ, чтобъ послѣ обо всемъ донести Шамилю. Поэтому Николай говорилъ немного ; онѣ только обнадежили плѣнницъ извѣстіемъ, что о нихъ будутъ хлопотать, и обрадовали положительнымъ свѣдѣніемъ о томъ, что князь Давидъ живъ, здоровъ, и находится въ Тифлисѣ. Съ своей стороны, плѣнницы передали Николаю, чтобъ онѣ просили хлопотать прежде всего объ освобожденіи дѣтей и больныхъ. Затѣмъ надо было разстаться, и разставанье не обошлось безъ слезъ... Удаляясь, Николай выразилъ удивленіе о необыкновенной худобѣ всѣхъ плѣнницъ, и сказалъ , что онѣ съ трудомъ узнали ихъ.

Здѣсь мимоходомъ должно замѣтить , что черезъ два дня по возвращеніи вѣрнаго слуги изъ Веденно въ ХасаФ-Юртъ, было послано первое письмо отъ князя Давида къ Шамилю , и тѣмъ начались переговоры, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано въ свое время.

Между-тѣмъ Николай былъ еще оставленъ въ Веденно, чтобъ получить отъ плѣнницъ отвѣтъ на письмо, привезенное имъ отъ баронессы С. А. Николаи (**). Письмо это было вручено плѣнницамъ чрезъ казначея Хаджію послѣ свиданія ихъ съ Николаемъ и, вѣроятно , по предварительномъ прочтеніи Шамилю. Съ трепетной радостью прочитали княгини письмо; въ немъ были

(*) Николай добровольно вызвался сходить провѣдать плѣнныхъ княгинь, и за этотъ, конечно, опасный подвигъ , въ послѣдствіи получилъ свободу отъ своей владѣтельницы.

(*) Урожденной княжны Чавчавадзе, младшей изъ трехъ сестеръ князя Давида.

извѣстія, что князь Давидъ здоровъ, что онъ у нихъ, въ Тифлисъ (то-есть въ домѣ барона А. П. Николаи, старшаго брата генерал-майора Л. П. Николаи), что вмѣстѣ съ нимъ и баронесса собирается на-дняхъ въ ХасаФ-Юртъ, что въ Москву дали знать роднымъ о несчастіи княгини, но что отъ отца ихъ (престарѣлаго царевича Ильи Георгіевича) скрыли это событіе, и т. под.

Наши читатели уже знаютъ, что царевичъ умеръ ранѣе, чѣмъ въ Москву пришло извѣстіе о событіи въ Кахетіи; но родственница княгини не увѣдомляла ихъ о кончинѣ отца, конечно, съ той цѣлью, чтобъ не поразить ихъ, уже и безъ того столько страдавшихъ въ плѣну, новымъ ударомъ... Для этого-то и было сказано, что отъ царевича скрываютъ извѣстіе о плѣнѣ дочери и внучатъ его... Но этотъ невинный и даже благонамѣренный обманъ навлекъ на плѣнницъ нѣсколько важныхъ непріятностей, которыя въ послѣдствіи заставили ихъ думать, что лучше было бы имъ прямо узнать о смерти отца... Казначей и Зайдѣтъ явились къ княгинямъ съ упреками въ томъ, что будто-бы онѣ обманываютъ Шамиля. «Зачѣмъ вамъ совѣтуютъ скрывать имя отцамъ говорили они, «если вы не хотите насъ обманывать?» Плѣнницы увѣрили, что въ письмѣ нѣтъ никакихъ подобныхъ совѣтовъ, что тамъ только извѣщаютъ, что *отъ отца ихъ скрыли* несчастіе, ихъ постигшее, что это сдѣлали съ цѣлью избавить стараго человѣка отъ печали, которая могла бы приблизить его къ могилѣ, и что, наконецъ, вѣроятно, Шамилю дурно перевели письмо, ими полученное.

Но увѣренія княгини были напрасны: онѣ были осыпаны упреками и даже угрозами. Тогда плѣнницы потребовали, чтобъ письмо было вторично переведено Шамилю, и притомъ не Индрисомъ, а какимъ-нибудь другимъ переводчикомъ. Казначей отвѣчалъ, что это напрасно, что переводъ письма былъ вѣренъ, потому-что Индрисъ переводчикъ хорошій.

Княгини ожидали серьёзныхъ послѣдствій отъ навлеченнаго на нихъ подозрѣнія, и потому сильно опечалились неимѣніемъ возможности оправдаться.

Тогда въ первый разъ явилась къ нимъ на помощь долго-скрываемая доброта Шуанеты. Она взяла несчастное письмо и отправилась къ мужу. Въ тотъ же день Шамиль потребовалъ другаго переводчика (карабагскаго армянина Шах-Аббаса) и приказалъ ему перевести письмо. Этотъ вторичный переводъ вполне оправдалъ княгини, но за-то нажилъ имъ мститель-

наго врага въ лицѣ Индриса, который послѣ этого случаи по-лучилъ выговоръ и былъ удаленъ отъ переговоровъ. Индрисъ оправдывался тѣмъ, что письмо было неразборчиво написано, но никакія оправданія не могли возвратить ему прежней полной довѣренности его повелителя, и озлобленный перебѣжчика, за-таилъ мечь противъ плѣнницъ. За-то съ какою радостью ис-поднялъ онъ впослѣдствіи свою обязанность, когда ему поручали передавать имъ грозныя велѣнія народнаго совѣта, и когда Шах-Аббасъ, но добротѣ души, отклонялъ отъ себя эти порученія!... Впрочемъ, все это мы увидимъ впослѣдствіи, а теперь повторимъ здѣсь замѣчаніе плѣнницъ о *народномъ совѣтѣ*.

Учрежденіе это совсѣмъ не такъ ничтожно, какъ полагали бы-тъ, которые по-наслышкѣ знаютъ о деспотизмѣ Шамиля. Луч-шимъ тому доказательствомъ можетъ служить описываемое собы-тіе, во все продолженіе котораго Шамиль *не имѣлъ власти* умень-шить *денежныхъ* требованій за плѣнницъ, хотя самъ не желалъ ничего болѣе, какъ только возвращенія своего сына; народъ, а не онъ настаивалъ о миллионѣ, и только настойчивое и рѣши-тельное поведеніе князя Д. Чавчавадзе могло помочь Шамилю склонить свой *народный совѣтъ* къ уступкѣ; да и тутъ полно-властный имамъ Чечни и Дагестана былъ принужденъ прибѣг-нуть къ святошеству и разнымъ хитростямъ, безъ которыхъ не надѣялся успѣшно подѣйствовать на свой народъ, и которыя ды-вскорѣ разоблачимъ передъ нашими читателями.

Возвращаясь къ прерванному разсказу, мы съ удовольствіемъ находимъ нашихъ плѣнницъ въ болѣе-отрадномъ положеніи, чѣмъ прежде. Послѣ исторіи съ письмомъ, всѣ онѣ получили большое довѣріе къ Шуанетѣ и уже не расходились между собою въ мнѣ-ніяхъ объ этой женщинѣ. Съ своей стороны, и Шуанетъ болѣе-и-болѣе выражала свое расположеніе къ плѣнницамъ. Она чаще-и-чаще стала посѣщать ихъ, тогда-какъ Зайдеть приходила рѣже-и-рѣже. Вскорѣ Шуанетъ оказала и вторую услугу княгинямъ: она выхлопотала имъ позволеніе выходить изъ душевой ком-наты на галерею, съ тѣмъ, въпрочемъ, условіемъ, чтобъ никогда не попадаться на глаза Шамилю. Кажется, что это условіе было изобреѣтено близорукой ревностью Зайдёты безъ всякаго основа-нія... Но, какъ бы то ни было, плѣнницы строго исполняли пред-писанное имъ правило, и выходили на галерею только по вече-рамъ, когда Шамиль, совершивъ вечернюю молитву, уже заклю-чался въ свою комнату.

На галереѣ для плѣнница, поставили скамеечку у самыхъ зверей ихъ комнаты, и здѣсь-то, но вечерамъ, предавались онѣ наслажденію дышать свѣжимъ воздухомъ, котораго были лишены въ-теченіе дня. Сюда приходили къ нимъ на бесѣду жены и дѣти Шамиля, а иногда и прислуга и просто любопытные... Но чаще другихъ здѣсь проводила свои вечера съ плѣнницами прекрасная Шуанѣтъ. Она уже давно рѣшилась говорить съ ними на русскомъ языкѣ, хотя и съ трудомъ на немъ объяснялась. Это, очевидно, было дѣлаемо съ той цѣлью, чтобъ избавиться отъ свидѣтеля въ лицѣ переводчицы.

Въ бесѣдахъ своихъ съ княгинями, Шуанѣтъ объясняла имъ нравы и обычаи сераля, рассказывала о своемъ плѣнѣ, о братьяхъ, которые прежде къ ней ѣздили, но которымъ впослѣдствіи это запрещено подъ предлогомъ, будто русское правительство тому противится (*), о своей прежней жизни, о замужствѣ за Шамиля, но болѣе всего о восторженной своей любви къ нему.

Повторимъ, что эти поистинѣ-отрадные бесѣды обыкновенно совершались поздними вечерами, когда Шамиль отужинаетъ, совершить послѣдній намазъ и уйдетъ къ себѣ, и при этомъ случаѣ прослѣдимъ распредѣленіе часовъ Шамиля и домашнія его обыкновенія.

Просыпается онъ часу въ шестомъ; въ семь часовъ пьетъ чай, обыкновенно съ молокомъ и сдобными булками. Все это приготовляетъ и подаетъ ему Шуанѣтъ. До обѣда занимается одинъ, или принимаетъ своихъ приближенныхъ. Обѣдаетъ въ часъ пополудни. Кушанья, обыкновенно самыя простыя и незатѣйливыя, подаются ему обѣими женами, то-есть Шуанетой и Зайдетой. До ужина опять занимается. Ужинаетъ въ девять часовъ; спать ложится въ одиннадцать. По пятницамъ ходитъ въ мечеть.

Изъ этого бюллетеня, между-прочимъ, видно, что третья жена Шамиля, семнадцатилѣтняя красавица, кистинка Аминѣтъ, какъ-будто удалена отъ непосредственного участія въ услугахъ своему повелителю...

Дѣйствительно, Аминѣтъ — болѣе прихоть, чѣмъ жена или подруга Шамиля. Трудно опредѣлить настоящія чувства его къ ней, но на дѣлѣ, въ ежедневной жизни сераля, она постоянно является какъ-будто на второмъ планѣ. Несмотря на это, Аминѣтъ все-

(*) См. въ приложеніяхъ къ 111 части *Рассказъ моздокскаго армянина* и т. д.

таки едва-ли не болѣе любима Шамилемъ , чѣмъ старшая его жена, Зайдѣтъ ... Плѣнницы имѣли много случаевъ убѣдиться, что *старшею* считается Зайдѣтъ единственно потому, что она дочь старшаго, или почетнѣйшаго изъ приближенныхъ Шамиля. Легко можетъ быть, что, со стороны Шамиля, связь съ Зайдетою была нѣчто похожее на наши *браті по расчету*. Черезъ нея, можетъ-быть , онъ хотѣлъ тѣснѣе сблизиться съ отцомъ ея , Джемаль-Эдиномъ , сильнымъ по своему вліянію на народъ и въ то же время , возвысивъ до себя дочь его , воздать ему долгъ признательности, какъ своему воспитателю и учителю...

Но *царицею сердца*, безспорно, должно признать Шуанѣтъ... Нужды нѣтъ, что всѣмъ домою, всѣмъ хозяйствомъ серала депотически управляетъ скупая и тщеславная Зайдѣтъ... Шуанѣтъ съ удовольствіемъ уступаетъ ей всѣ эти мелочныя заботы, чтобъ самой имѣть болѣе времени заниматься главнымъ : искусствомъ постоянно нравиться своему владыкѣ и постоянно удерживать за собою нѣжнѣйшія чувствованія его сердца. По расчетъ Шуанѣты вѣрнѣе. Въ то время , когда Зай ётъ , грязная и растрѣпанная, гремитъ ключами посреди безчисленныхъ владѣній своей скупой домовитости , и всѣмъ существомъ своимъ погружена въ мелочи обширнаго хозяйства , Шуанѣтъ не занимается ничѣмъ , кромѣ красоты своей, ничего не придумываетъ, кромѣ новыхъ и всегда новыхъ средствъ для развлеченія или утѣшенія мужа , котораго она любить глубоко и искренно... Немудрено послѣ этого рѣшить, которая изъ двухъ для него милѣе и привлекательнѣе...

А Аминѣтъ?

Аминѣтъ еще пока не въ силахъ бороться съ такими соперницами: она еще слишкомъ-молода... Но молодость такой порокъ, который иногда лучше всякаго достоинства , да притомъ же и проходить безъ особеннаго затрудненія .. Соперницы это понимаютъ и задумываются о своемъ будущемъ...

III.

Два рода любви. — Горе Зайдеты. — Первые переговоры и нелѣпыя убѣжденія. — Поступки старшихъ женъ. — Исторія Аминеты.

Однажды вечеромъ плѣнницы, по обыкновенію, вышли на галерею посидѣть на своей завѣтной скамеечкѣ и отдохнуть , при

лунѣ , отъ жаркаго лѣтнаго дня (это было еще въ августѣ) ; къ нимъ подѣли старшія жены Шамя , и между собесѣдниками послѣдоваль такой разговоръ:

— Вотъ сегодня, начала Зайдѣть: — говорила намъ одна женщина , что сынъ ея участвовалъ въ набѣгѣ на Кахетію и былъ въ нашемъ домѣ, а послѣ того рассказываль, что они были удивлены богатствомъ и роскошью и не хотѣли вѣрить, чтобъ все это богатство принадлежало одному человѣку.

— Да, отвѣчали княгини: — все это было наше; но мы всего разомъ лишились и , право, не будемъ сожалѣть о потерянномъ, если Богъ поможетъ намъ возвратиться къ роднымъ...

— Какъ? подхватила Зайдѣть: — такъ вы, стало-быть, надѣетесь получить все, что потеряли?

Княгиня Анна Ильинична поняла всю мѣру жадности Зайдѣты, но удержалась отъ выраженіи негодованія и спокойно отвѣчала:

— Я не получу и четверти того, что имѣла; но не буду объ этомъ сожалѣть, потому-что буду жить вмѣстѣ съ дѣтьми и мужемъ.

— Да, вы счастливы? У васъ въ семействѣ всегда одна жена, а вотъ у насъ такъ...

Тутъ Шуанѣтъ, горячася, прервала Зайдѣту:

— Это правда ! сказала она порусски: — здѣсь такой законъ; но я ему охотно покоряюсь , потому-что Шамиль такъ справедливъ и благороденъ , такъ хорошо съ нами обращается , что мы не имѣемъ никакого права жаловаться ; а кто это дѣлаеть , тотъ не умѣетъ цѣнить его. Онъ никакого различія не дѣлаеть между нами.

Шуанѣтъ хитрила : она очень-хорошо знала , что она настоящая жена своего повелителя, а Зайдѣтъ только экономка.

Затѣмъ она продолжала:

— Дѣтей нашихъ онъ любить всѣхъ равно. Я была прежде въ Россіи , и хотя была еще очень-молода, однако ужъ кое-что понимала. Я изъ большаго семейства, видѣла многихъ и слышала многое... И что жъ? Увѣряю васъ, что Шамиль хотъ и татаринъ, но, право, лучше инога христіанина.

Княгини съ величайшимъ любопытствомъ внимали этимъ прямымъ , чистымъ проявленіямъ двухъ совершенно-противоположныхъ натуръ, изъ которыхъ одна ограничивалась самымъ узкимъ эгоизмомъ, другая возвышалась до всеоблагораживающей любви...

Въ быту серала часто встрѣчались подобные разговоры, или сцены, всегда представлявшіе живѣйшій интересъ нашимъ нлѣн-

нцамъ и всегда выказывавшія имъ Зайдѣту и Шуанѣту въ полномъ разоблаченіи ихъ душевныхъ качествъ , какъ день и ночь несходныхъ между собою.

Ночь, напримѣръ, сцена, или даже цѣлое происшествіе, немнѣе-характеристическое:

На другой день послѣ только-что описаннаго разговора , княгини замѣтили, что въ одномъ изъ угловъ внутренняго двора что-то строится (Это былъ новый кабинетъ Шамиля около его казначейства См на планѣ, влѣво отъ воротъ). Зайдѣтъ сказала, что это помѣщеніе для нихъ, тоестъ для плѣнницъ, и пригласила ихъ сходить посмотрѣть на постройку. Княгини отправились вмѣстѣ съ своей путеводительницей. Но тутъ Зайдѣтъ таинственно отвѣла въ сторону княгиню Аннѣ Ильиничну и еще таинственнѣе спросила ее черезъ свою переводчицу (дѣвочку лѣтъ тринадцати):

— Могу ли я съ тобой быть откровенна?

— Я никому не передамъ , что отъ тебя услышу , отвѣчала княгиня.

— Послушай! Я больная женщина; вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ страдаю послѣ первыхъ родовъ и едва-ли буду еще имѣть дѣтей, а отъ этого съ каждымъ днемъ мое положеніе становится хуже; Шуанѣтъ совершенно завладѣла Шамилемъ...

При этихъ словахъ княгиня поразилась въ душѣ.

Зайдѣтъ продолжала :

— Но еслибъ у меня родился сынъ , то Шамиль сталъ бы больше любить меня...

Княгиня подумала: «Эта тоже любить, но любить потатарски, для одной себя , тогда-какъ Шуанѣтъ дорожа добрая слава Шамиля; она любить его для него, и готова возненавидѣть всякаго, кто хоть немного-дурно отозвался бы о повелителѣ ея сердца.

— Что мнѣ въ томъ, что здѣсь отдають мнѣ всѣ почести, какъ старшей? продолжала Зайдѣтъ: — я чувствую, я вижу, что въ-сущности первенствуетъ Шуанѣтъ... А какъ помочь горю? Есть одно средство; я уже тебѣ о немъ сказала: мнѣ надо имѣть еще дѣтей...

— Но чѣмъ же я тутъ могу помочь тебѣ ? съ любопытствомъ спросила княгиня.

— А вотъ чѣмъ : я много лечилась , но никакія лекарства не помогли; наконецъ мнѣ присовѣтовали выписать доктора изъ Россіи. Скажи , что ты больна и что тебѣ нуженъ русскій докторъ:

Шамиль тотчасъ пошлетъ къ нашимъ , а наши для тебя не откажутъ.

— Нѣтъ , Зайдѣтъ , откажутъ ; да и ни одинъ докторъ не согласится сюда пріѣхать , изъ опасенія , чтобъ не погибнуть или не остаться здѣсь навсегда.

— Ну, такъ потребуй лекарства; напиши, что ты больна моею болѣзною.

Княгиня согласилась, и дѣло уладилось. За лекарствами , по письму княгини , послали въ ХасаФ-Юртъ , и это повторялось нѣсколько разъ. Зайдѣтъ тайно лечилась , и во все время , пока выписывались лекарства, была чрезвычайно-добра и милостива къ плѣнницамъ: увеличила ихъ обѣденныя порціи, чаще давала фруктовъ и не говорила никакихъ непріятностей... И этого уже было довольно отъ Зайдёты ! Но вскорѣ миновали всѣ эти милости. Неизвѣстно, въ какой степени помогло ей леченіе, но только княгини замѣтили , что хорошее обращеніе ея съ ними кончилось какъ-разъ вмѣстѣ съ леченіемъ : порціи опять понемногу сократились , о Фруктахъ не было и помину, а при первомъ представившемся случаѣ жадная татарка выказалась во всемъ своемъ душевномъ безобразіи.

Вотъ этотъ случай :

Изъ ХасаФ-Юрта пріѣхалъ Мухаммедъ съ письмами отъ князя Д. А. Чавчавадзе къ Шамилю и къ княгинямъ С"). Содержаніе этого перваго посланія къ Шамилю читатели увидятъ въ первой главѣ третьей части нашего разсказа. Изъ письма же, адресованнаго плѣнницамъ, онѣ узнали, что князь Давидъ въ ХасаФ-Юртѣ, откуда и послалъ довѣренныхъ людей для начала переговоровъ съ Шамилемъ. Письмо болѣе ничего не заключало и оканчивалось ободреніями. На другой день плѣнницъ вызвали на галерею, гдѣ онѣ и помѣстились на скамеечкѣ. Тутъ представили имъ Мухаммеда, съ братомъ его, Хаджи, и буртунайскаго пятисотеннаго, Хассана, какъ людей довѣренныхъ въ дѣлѣ о выкупѣ. Они сказали княгинямъ о намѣреніи Шамиля требовать за пхъ освобожденіе пять милліоновъ рублей серебромъ , и спросили , есть (*)

(*) Мухаммедъ—житель мирной деревни Андреевской (близъ Хасад—Юрта), п Хассанъ, пя шеоіенный буртумаискій, были избраны генерал-майоромъ барономъ Николаи, какъ люди ловкіе н сметливые, для первоначальныхъ переговоровъ о выкупѣ плѣнницъ.

ли возможность со стороны ихъ родственниковъ исполнить такое требованіе.

Княгини отвѣчали, что такой суммы у всѣхъ ихъ родственниковъ вмѣстѣ никогда не было и не будетъ.

— Однакожъ, приблизительно, сколько они могутъ дать за васъ? спросили повѣренные.

— Не знаемъ... Думаемъ, что ничего или очень-мало.

Послѣ такого отвѣта казначей Хаджіо, Зайдѣтъ и другіе приближенные Шамиля, бывшіе вмѣстѣ съ повѣренными, принялись доказывать княгинямъ, что за нихъ могутъ заплатить много; спорили, доказывали, но, разумѣется, не пришли ни къ какому результату. Эти споры, убѣжденія и доказательства продолжались на другой и на третій день. Между прочими, болѣе или менѣе нелѣпыми убѣжденіями, было одно очень-оригинальное: княгинямъ принесли листокъ «Русскаго Инвалида» (*) (отъ 6-го или отъ 9-го августа), въ которомъ, между иностранными извѣстіями, сообщалось о какой-то многомиллионной суммѣ, кому-то уплаченной по приказанію англійской королевы Викторіи. При этомъ Хаджіо сказалъ: «Вы видите, что существуютъ же на свѣтѣ такіе суммы; если англійская королева имѣетъ миллионы, то почему же не имѣтъ ихъ русской царицѣ?»...

— Конечно, русская императрица можетъ имѣтъ и гораздо болѣе пяти миллионновъ, но вѣдь вы взяли въ плѣнъ не ее, а насъ, отвѣчали княгини, внутренне смѣясь и вмѣстѣ досадуя на невѣжество своихъ мучителей.

Отвѣтъ понравился простяку Хаджіо; онъ улынулся и хотѣлъ прервать бесполезный разговоръ; но тутъ вмѣшалась Зайдѣтъ.

— У васъ въ домѣ, сказала она, обращаясь къ княгинѣ В. И. Орбеліанп:—захвачены бумаги, между которыми есть векселя на имя твоего умершаго мужа. Потребуйте, гю-крайней-мѣрѣ, для насъ деньги по этимъ векселямъ.

— Деньги эти, по нашимъ законамъ, принадлежать наследнику моего мужа, то-есть моему сыну Георгію, и потому ихъ не выдаютъ намъ ранѣе совершеннолѣтія Георгія, отвѣчала княгиня Варвара Ильинична.

(*) «Русскій Инвалидъ» и газета «Кавказъ», не извѣстно какими путями, постоянно получаютъ въ Зеденнб. Шамилю читаетъ эти газеты переводчикъ Шах-Аббасъ. Впослѣдствіи присылали ихъ и плѣнницамъ.

— А! если такъ, то сынъ твой доживетъ здѣсь до совершеннѣйшаго , воскликнула Зайдѣтъ , видимо обрадованная, что нашла въ своей изобрѣтательной жадности хорошій отвѣтъ на возраженіе княгини.

Эта злобная выходка озадачила и опечалила всѣхъ плѣнницъ. Княгиня Варвара Ильинична заплакала.

— Что жъ ты плачешь? Твой Георгій мальчикъ здоровый: онъ и въ горахъ выростетъ , продолжала жестокая женщина, какъ-бы забавляясь чужимъ огорченіемъ.

Княгини не находили отвѣта, да и не желали продолжать разговора.

Въ тотъ же день, вечеромъ, опять были приведены къ княгинямъ повѣренные , а пришедшіе съ ними Хаджіо и другіе предложили плѣнницамъ написать къ князю Давиду письмо , съ изложеніемъ требованій Шамиля и съ просьбою выполнить ихъ. Княгини написали письмо ; его понесли Шамилю и возвратили назадъ, сказавъ, что оно не понравилось. Написали другое—это было одобрено и отослано съ повѣренными, то-есть съ Мухаммедомъ и Хассаномъ.

Вслѣдъ за тѣмъ произошла опять одна изъ тѣхъ сценъ, которыми такъ часто плѣнницы были обязаны Зайдѣтъ, и въ которыхъ всегда Шуанѣтъ являлась какъ какая-то благодѣтельная *ея*. Зайдѣтъ возобновила разговоръ о *пяти милліонахъ* и въ заключеніе взяла находившуюся съ плѣнницами пятилѣтнюю дѣвочку Тэклу и отвела ее въ отдѣленіе тещи и дочерей Шамиля, какъ-бы въ отмщеніе за несговорчивость княгинь. Дѣвочку стали ласкать и внушать ей, что *здѣсь* она будетъ счастливѣе, чѣмъ въ Кахетіи, что здѣсь будетъ всѣмъ *равная*, а тамъ ее сдѣлаютъ служанкой. Разумѣется, дѣвочка ничего не понимала и только плакала. Княгини были возмущены этимъ насиліемъ , въ которомъ, кромѣ оскорбленія для себя , онѣ видѣли страшную для дѣвочки будущность , и наконецъ не хотѣли уступить исламу христіанскую душу маленькой плѣнницы. Онѣ явно и громко возстали противъ такой несправедливости и позволили себѣ упрекнуть въ ней Шамиля. Тогда Зайдѣтъ вышла изъ себя и закричала на плѣнницъ:

— Какъ смѣете вы возставать противъ имама ? Онъ святой человѣкъ, а вы его рабы и невольницы!

Эти слова перевела княгинямъ Шуанѣтъ и тотчасъ же поспѣшила прибавить порусски : «не говорите никогда дурно о Ша-

милѣ : вы поживете здѣсь и увидите , что онѣ человѣкъ добрый и справедливый ; но онѣ долженъ же показать людямъ, взявшимъ васъ, и потому имѣющимъ на васъ всѣ права, что онѣ хлопочетъ о ихъ выгодахъ. Притомъ же неосторожно съ вашей стороны говорить такъ смѣло при людяхъ, которые могутъ понять и передать ваши слова въ другомъ смыслѣ».

Княгини успокоились и съ этой минуты ужъ окончательно расположились къ Шуанѣтъ. Неосторожность ихъ не имѣла , одна-кожъ, никакихъ послѣдствій : ихъ, но всей вѣроятности , устранила Шуанѣтъ.

Слѣдующіе дни плѣнницы проводили безъ особенныхъ приключеній , въ однообразномъ ожиданіи отвѣта отъ князя Давида на письма, посланныя къ нему съ Хассаномъ и Мухаммедомъ. Но въ это время съ ними начала понемногу сближаться младшая жена Шамяля, Аминѣтъ, и княгини не безъ удовольствія изучали эту замѣчательную дикарку.

Долго Аминѣтъ какъ-будто уклонялась отъ сближенія съ княгинями. Онѣ только встрѣчали ее мимоходомъ или видѣли издали, въ комнатѣ Шуанѣтъ, вмѣстѣ съ которой она часто работала или пѣла, и пѣла очень-пріятнымъ голосомъ свои полузабытыя кистинскія пѣсни ; иногда же находили ее въ кругу дѣтей, съ которыми она вѣзпуски бѣгала, прыгала или лазила на крышу, откуда, порой , очень-долго и очень-задумчиво смотрѣла въ даль, быть-можетъ, въ сторону своей родины. Но наконецъ мало-помалу Аминѣтъ получила охоту бесѣдовать съ плѣнницами и незамѣтно сблизилась съ ними. Это дитя природы выказало нѣтъ ницамъ много ума, но еще болѣе чувства, нѣжности и какого то ребяческаго простосердечія, привлекательнаго и иногда трогательнаго. Аминѣтъ понимала свое положеніе , но покорялась ему съ безпечностью; никому не завидовала и никого, кромѣ Зайдѣтъ, не ненавидѣла, да и той всегда прощала съ истиннымъ великодушіемъ. Однажды , когда въ комнатѣ плѣнницъ не было старшихъ женъ Шамяля, вотъ что рассказала она имъ о своемъ положеніи :

— Я всѣмъ обязана Шамялю. Въ плѣнъ я была взята маленькая, и привезли меня прямо къ нему въ домъ. Мы были почти однихъ лѣтъ съ его сыномъ , Кази-Махматомъ , играли и росли неразлучно, и мнѣ было недурно, хоть я и не переставала думать, что когда-нибудь возвращусь на родину къ сестрамъ и матери. Но когда я выросла, эта надежда навсегда рушилась, по-

тому-что Шамиль взялъ меня къ себѣ въ жены. Тогда я стала хлопотать о томъ , чтобъ ко мнѣ по-крайней-мѣрѣ привезли мать мою изъ Кистетіи. Шамиль согласился и исполнилъ мое желаніе. Кази-Махмата тоже вскорѣ женили и послали въ свое наибство. Я осталась одна... то-есть не одна, потому-что здѣсь очень-много народа , но только я ни съ кѣмъ ужъ не могла такъ сблизиться, какъ мы были отъ самага дѣтства близки съ Кази-Махматомъ... Зайдету я не люблю , а она скупая, ревнивая, злая женщина во всѣхъ отношеніяхъ. Всего ей мало. Весь домъ поручень ей, но никто ей не угодить ; на всѣхъ она жалуется. Шуацету люблю; да и кто же ея не любить? она всѣмъ дѣлаетъ добро ; сама не вмѣшивается ни въ хозяйство , ни въ домашнія дразги , а хлопотать и ходатайствовать готова за всѣхъ. Но и съ нею дружбы у насъ нѣтъ : она гораздо-старше меня , и мы какъ-то не во всемъ сходимся. А Написетъ слишкомъ-молода для меня. Такъ вотъ я все больше и живу сама съ собою...

— А мужъ? а Шамиль? спросили княгини. -

— Шамиль? Я какъ-то все еще не привыкну къ нему , буд-то все чего-то боюсь при немъ... вздохнувъ, заключила Аминѣтъ.

Откровенность прекрасной кнстинки очень-многое изъ жизни сераля разясняла княгинямъ, а во многомъ утверждала ихъ собственныя догадки и заключенія.

Въ другой разъ Аминѣтъ рассказывала плѣнницамъ о нравахъ, обрядахъ и обычаяхъ народа, посреди котораго ей суждено вести свою невеселую жизнь. Такимъ-образомъ княгини могли бы сообщить и намъ много любопытнаго о тамошнихъ свадьбахъ, похоронахъ и т. л., но, къ-сожалѣнію, наши плѣнницы не удержали въ своей памяти рассказовъ Аминѣты съ тѣми подробностями, которыя необходимы для вѣрнаго и интереснаго ихъ описанія.

IV.

Роды въ сераль. — Приѣздъ Кази-Махмата. — Новости. — Второй приѣздъ Мухаммеда. — Домашнія происшествія. — Приѣздъ Захара. — Обрядъ именованія и праздникъ байрама. — Свиданіе съ плѣнниками. — Продѣлки съ казначеемъ и нѣсколько размысленій автора.

29-го августа заболѣла Шуаиѣтъ, а 30-го у нея родилась дочь. Шамиль нѣсколько разъ навѣщаль свою любимицу, иногда вхо-

диль къ ней въ комнату, иногда же только подходиль къ дверямъ, и черезъ двери спрашиваль о здоровьи. Аминѣтъ не отходила отъ больной; но Зайдѣтъ навѣщала ее рѣдко и негодовала на то, что Шамиль *слишкомъ* о ней беспокоился. Шамиль дѣйствительно былъ встревоженъ положеніемъ Шуанеты, которое послѣ родовъ приняло опасный оборотъ. Ныло время, когда и всѣ въ домѣ, и даже Зайдѣтъ, раздѣляли безпокойство Шамиля за Шуанету. Въ общей суматохѣ, Зайдѣтъ однажды прибѣжала въ комнату плѣнницъ и очень-важно имъ объявила :

— Увась, вѣроятно, есть какія-нибудь *нехорошія* вещи, которыя вредять намъ : часы, напримѣръ, или что-нибудь подобное. Поэтому не выходите на галерею до-тѣхъ-поръ, пока не поправится Шуанѣтъ...

Это суевѣрное наставленіе было не совсѣмъ такъ нелѣпо, какъ сначала показалось плѣнницамъ. Онѣ скоро догадались, что въ немъ скрывается прежнее опасеніе Зайдеты, а именно, чтобъ Шамиль, часто ходившій мимо нихъ въ комнату Шуанеты, какъ-нибудь не увидѣлъ ихъ поближе и не получилъ къ нимъ болѣе расположенія, чѣмъ сколько слѣдовало по расчетамъ Зайдеты.

Плѣнницы покорились безразсудной волѣ и снова заперли себя на нѣсколько дней въ душевной комнатѣ.

Въ это время по сералю разнесся слухъ, что пріѣхаль Кази-Махматъ. Со внѣшняго двора доносились до плѣнницъ звуки привѣтственныхъ выстрѣловъ. Внутри серали все пришло въ восторгъ, выражавшійся шумомъ, бѣготней и всеобщимъ движеніемъ. Служанки княгинь побѣжали къ воротамъ и, возвратясь, рассказывали, что на первомъ или внѣшнемъ дворѣ толпа народа окружила пріѣзжаго и цаловала полы его одежды. Но вотъ отворились ворота, и Кази-Махматъ, верхомъ, вѣхаль во внутренній дворъ. Онъ направился прежде всего къ отдѣленію своей бабушки, Баху, остановилъ коня у ея галереи, спѣшилъ и побѣжалъ въ комнаты. Черезъ минуту вѣхаль въ ворота его слуга, молодой мальчикъ, съ вьюкомъ. Впослѣдствіи княгини узнали, что этотъ мальчикъ, любимецъ Кази-Махмата, былъ изъ плѣнныхъ, родомъ армянинъ, а звали его *Муслинь*.

Княгини еще въ Похальской Башнѣ имѣли случай видѣть Кази-Махмата; но въ то время имъ было не до того, чтобъ обратить особенное вниманіе на *наслѣдница* Шамиля. Теперь же онѣ имѣли возможность хорошо разсмотрѣть его. Это былъ молодой человѣкъ около двадцати лѣтъ, бѣлокурый, рябоватый, съ крупными и слиш-

комъ-рѣзкими чертами лица , но высокій , тонкій , стройный и очень-ловкій. Онъ, какъ мингрельцы , сопровождаетъ всѣ свои слова нѣсколько-изысканными жестами, но эти ненатуральныя движенія идутъ къ нему, потому-что въ нихъ у него проявляется много природной граціи.

Пока Муслінь развѣчивалъ лошадей и ставилъ ихъ на конюшню, Кази-Махматъ вышелъ отъ бабушки и, повстрѣчавъ казначея, вмѣстѣ съ нимъ отправился къ отцу. Пробывъ тамъ недолго, онъ прошелъ черезъ дворъ къ дверямъ Шуанеты и освѣдомился о ея здоровьи , а оттуда опять воротился въ отдѣленіе бабушки и сестеръ, гдѣ и оставался до вечера; вечеромъ снова пошелъ къ отцу и, вмѣстѣ съ нимъ, ходилъ молиться въ мечеть (*).

Во время ихъ отсутствія, Аминѣтъ, очень-довольная и веселая, прибѣжала къ плѣнницамъ и пригласила ихъ послушать, какъ поютъ люди Кази-Махмата. Княгини вышли на галерею, сѣли на скамеечку и слушали отсюда горскихъ пѣвцовъ, которые расположились въ комнатѣ Махмата-Шаби и голосили хоромъ *Ля-илляхй-иль-алла* — единственную, позволенную мюридамъ пѣсню. Напѣвъ ихъ былъ гораздо-пріятнѣе, чѣмъ мѣстный, который княгини слышали почти каждый день, и которому вскорѣ научились дѣти княгини Анны Ильиничны, такъ-что не забыли его и до-сихъ-поръ. Занимательно видѣть и слышать этихъ малютокъ-христіанокъ, когда онѣ затягиваютъ хоромъ священный припѣвъ злѣйшихъ враговъ христіанства.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Кази-Махмата пріѣхалъ тестъ его, Даніэль, султанъ элисуискій, и съ нимъ нѣсколько наивовъ. Они обыкновенно составляли *верховный совѣтъ* Шамиля и на этотъ разъ съѣхались именно для совѣщаній. Салимъ, прислуживавшій имъ, передалъ плѣнницамъ, что дѣло идетъ о нихъ, но въ чемъ именно состоятъ совѣщанія—сказать не могъ, потому-что и самъ не зналъ хорошенько. Съ пріѣздомъ Даніэль-султана , княгини узнали, что такъ-какъ во время нападенія на Кахетію, князь Д. А.

(*) Въ мечеть они обыкновенно ходили по пятницамъ. Въ это время Шамиль всегда надѣваетъ на себя все бѣлое, или все синее, или все зеленое (исключая чалмы) ; а жены его бѣгаютъ къ *ревнивому* забору, чтобъ оттуда, черезъ щель, посмотреть на его торжественный выходъ на молитву. Когда же онъ уйдетъ, тогда Шуанѣтъ принимается убирать его спальню, а Аминѣтъ встряхиваетъ ковры и производитъ уборку кабинета.

Чнвчавадзе защищаль Шильды , то Шамиль на его счетъ отзы-
вался почтительно и говорилъ, что онъ и во врагахъ высоко цѣ-
нить храбрость. На этомъ основаніи Салимъ увѣрялъ княгинь,
что теперь съ ними , вѣроятно , будутъ еще лучше обращаться.
Но это предположеніе ничѣмъ не подтвердилось впослѣдствіи.

Вскорѣ вторично пріѣхалъ Мухаммедъ изъ ХзсаФ-Юрта. Ему
было приказано видѣть всѣхъ плѣнницъ и отдать имъ письма и
десять рублей денегъ (*). Плѣнницъ вывели во дворъ, чтобъ по-
казать Мухаммеду. Онъ и переводчикъ Шах-Аббасъ были пора-
жены перемѣною, замѣченною ими теперь въ плѣнницахъ—такъ
онъ снова похудѣли и измѣнились!

Письмо князя Давида заключало въ себѣ извѣщеніе, что онъ
дѣятельно хлопочетъ о сынѣ Шамиля (Джемаль-Эддинѣ), но что
до-сихъ-норъ надежды на успѣхъ мало.

Кромѣ этого, было еще отъ князя письмо (*второе*) къ Шами-
лю (**) и нѣсколько писемъ къ княгинямъ отъ ихъ родственни-
ковъ. Въ этихъ послѣднихъ были утѣшенія , доказательства го-
рячаго участія, и ничего особенно-замѣчательнаго.

Жизнь плѣнницъ потекла прежнимъ порядкомъ, разнообразясь
лишь неважными *домашними* происшествіями. Такъ, напримѣръ,
въ ночь съ 10-го на 11-е сентября, одна изъ бывшихъ съ кня-
гинями женщинъ , взятая въ плѣнъ въ-состолиии беременности,
почувствовала приближеніе родовъ. Кухарка, находившаяся при
плѣнницахъ, побѣжала разбудить Зайдѣтъ. Зайдѣтъ явилась не-
медленно съ своей переводчицей, приказала дать постель для ро-
дильницы и послала за повивальной бабкой (изъ плѣнныхъ гру-
зинокъ). Родильница долго страдала. На разсвѣтѣ прибѣжала
Аминѣтъ (она никогда не ходила , а всегда бѣгала), узнала въ
чемъ дѣло, тотчасъ же отправилась къ Шуанетѣ и привела баб-
ку-татарку, которая за нѣсколько дней повивала дитя Шуанеты.
Въ полдень родился прелестный мальчикъ, и въ то же время во
дворѣ раздался выстрѣлъ : горцы радовались рожденію *мальчика*,
считая это хорошимъ предзнаменованіемъ для дома. Въ тотъ же

(*) Болѣе десяти рублей послать было бы неблагораз\мно , да и
безполезно, потому-что *большія* деньги по всей вѣроятности, не до-
м.ніи бы по назначенію.

(**) Содержаніе этого письма изложено въ первой главѣ *третьей*
части нашего разсказа.

день зарѣзали и изжарили жирнаго барана и прислали его плѣнницамъ.

На другой день плѣнницы увидѣли Шуанѣтъ. Она выдержала десяти-дневный карантинъ и посѣтила своихъ случайныхъ пріятельницъ. Княгини въ этотъ разъ изумились красотѣ своей гостыи : она немножко похудѣла и поблѣднѣла , но эта худоба и блѣдность неимовѣрно шли къ ней , дѣлая ее томною и, какъ у насъ говорятъ, интересною. Псѣ плѣнницы въ одинъ голосъ поздравили съ этимъ Шуанету; Зайдѣтъ, слышавшая поздравленія , сжала свои тонкія губы , вѣроятно, ужъ не отъ удовольствія, а Шуанѣтъ немножко смутилась и сказала:

— Но ребенокъ мой очень-дурень : такой маленькій , худенькій... Шамиль хочетъ, чтобъ я сама его кормила (*), но у меня нѣтъ молока. Чтò тутъ дѣлать? Я измучилась ; не сплю по ночамъ отъ безпокойства...

— Если такъ, то ты должна взять кормилицу, замѣтили княгини.

— *Вті домъ нѣ намъ ни одна не пойдеть*, а въ чужіе люди я отдать ребенка не хочу.

— Будутъ его носить къ себѣ.

— Да, если онъ будетъ здоровъ, а заболѣтъ, такъ я ужъ его не увижу. Вы, вѣдь, знаете, что *изъ серали мы выходитъ не можемъ ни подъ какимъ предлогомъ*.

Послѣ этого разговора Шуанѣтъ оставила княгинь весьма-озабоченная; но вскорѣ онѣ узнали, что дѣло ея устроилось: она взяла въ кормилицы *Хан-иѣу* (жену Лабазана), и татарка стала кормить ребенка ночью, а Шуанѣтъ днемъ.

Всѣ эти мелочныя подробности быта въ сералѣ очень интересовали нашихъ плѣнницъ своей новизною и оригинальностью; но вскорѣ имъ сдѣлалось не до наблюдений : захворала княгиня Анна Ильинична. Тѣща Шамиля, старушка *Баху*, пришла вмѣстѣ со старшими женами навѣстить больную. Онѣ положили совѣтомъ удалить отъ княгинь половину ихъ многочисленной прислуги, чтобъ черезъ это убавить тѣсноту въ комнатѣ и сдѣлать ее менѣе-душною. Но служанки испугались такого распоряженія: онѣ боялись *затеряться* въ аулѣ, и потому со слезами и рыданіями

(*) Это желаніе Шамиля объяснялось интригами Зайдѣтъ, которая хотѣла, чтобъ у Шуанеты *подолье* не было дѣтей съ этого времени.

стали умолять, чтобъ ихъ не разлучали съ княгинями. Княгини сами присоединились къ нимъ и упросили оставить всѣхъ по-прежнему.

Около этого времени прїѣзжалъ въ Веденно *Захаръ*, человекъ князя Гр. Орбеліани (*). Умѣя говорить почеченски, онъ успѣлъ испросить себѣ позволеніе посѣтить княгинь. Его допустили. Онъ видѣлъ страшную тѣсноту, въ которой жили плѣнницы, и дурную пищу, которою ихъ кормили. Въ письмахъ, привезенныхъ Захаромъ отъ родныхъ плѣнницъ, были обыкновенныя ободренія, подавалась сомнительная надежда—и болѣе ничего.

Вечеромъ того же дня княгинямъ сказали, что князь Давидъ предлагаетъ за нихъ Шамилю четыре *азаріи*. Княгини не понимали этого слова и потому остались въ прежней неизвѣстности относительно своего выкупа (**).

Захаръ уѣхалъ съ отвѣтными письмами отъ плѣнницъ и отъ Шамиля.

Для плѣнницъ снова наступили дни грустныхъ ожиданій и мелочныхъ развлеченій : то развлекалъ ихъ обрядъ именованія новорожденной дочери Шуанеты, то были онѣ свидѣтельницами мусульманскаго праздника *баірама*, то утѣшались дѣтской наивностью Аминѣты, то участвовали въ важномъ событіи : въ прогулкѣ, единственной во все время ихъ заключенія, прогулкѣ по аулу, и т. д.

Но расскажем все это попорядку.

Именованіе дочки Шуанеты сопровождалось нѣкоторой торжественностью. Съ утра въ сераль прибыли почетныя дамы аула, то-есть *наибши*, или жены наибовъ. Онѣ собрались въ комнатѣ Шуанеты. Потомъ казначей Хаджіо прочиталъ надъ дѣвочкой какія-то молитвы изъ Курана и наименовалъ ее *Сакде-п)ок*. Затѣмъ начался женскій пиръ: наибши и жительницы сераля ѣли баранину, рисъ и разныя сласти. Плѣнницы, разумеется, въ пиру не участвовали, но за-то имѣли честь при-

(*) Генерал-лейтенанта, командующаго войсками въ Прикаспійскомъ Краѣ и Дагестанѣ, и роднаго брата покойнаго мужа княгини Варвары Ильиничны.

(**) Вѣроятно, лезгинская *азарія* равняется нашимъ 10,000, потому что князь Давидъ предлагалъ 40,000, и Лезгины называли эту сумму *четырьмя* азаріями.

нимать посѣщенія *наибшъ*, которыя смотрѣли на княгинь съ видомъ необычайнаго любопытства.

Приближался великій праздникъ байрама. Къ празднику пріѣхалъ и Кази-Махматъ, который послѣ перваго пріѣзда оставался недолго. Въ этотъ разъ наслѣдникъ дагестанскаго имама жилъ въ Веденнѣ гораздо-долѣе, но, къ-сожалѣнію, опять пріѣхалъ безъ жены, о которой плѣнницы слышали много хорошаго. Онъ занимался верховой ѣздой, или упражнялъ молодыхъ юношей въ стрѣльбѣ и джигитовкѣ, разумѣется, не на внутреннемъ дворѣ, а въ аулѣ. Это были, вѣроятно, чеченскіе манѣвры.

Во все время пребыванія Кази-Махмата въ сералѣ, княгини не могли налюбоваться Аминѣтой — тамъ была она постоянно весела, игрива и счастлива. Причину угадать нетрудно: она ежедневно видѣлась съ другомъ своего дѣтства... Какъ-то утромъ ходила она къ старой Баху, гдѣ останавливался и жилъ Кази-Махматъ, пробыла тамъ довольно-долго и воротилась съ работой, за которую принялась съ величайшимъ восхищеніемъ. Оказалось, что Кази-Махматъ далъ ей починить свои желтые *чевяки* (башмаки) и кое-что изъ своей одежды. Въ другой разъ, въ отсутствіе Шамиля, она пріѣзжала за княгинями и потихоньку повела ихъ въ кабинетъ его. Со страхомъ и трепетомъ рѣшились княгини на это похождение, но любопытство превозмогло всѣ опасенія. Въ комнатѣ Шамиля княгини видѣли прекрасные ковры и много книгъ, а Аминѣтъ показала имъ два пистолета въ грузинской серебряной оправѣ и въ суконныхъ чехлахъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ. Болѣе ничего замѣчательнаго не было. Аминѣтъ унесла одинъ чехоль, въ комнатѣ плѣнницъ сняла съ него узоръ и выкройку, отнесла на свое мѣсто, и въ тотъ же день принялась за шитье и вышиванье. Она готовила чехлы въ подарокъ Кази-Махмату... Но впослѣдствіи эта любезность оказалась почему-то неудобною для исполненія, и великолѣпные чехлы были отосланы къ брату...

Наступилъ день *байрама*. Во дворъ привели множество быковъ и барановъ. Жители сераля столпились на срединѣ двора, въ своихъ лучшихъ одеждахъ. Наконецъ вышелъ Шамиль и, торжественно приблизившись къ народу, прочиталъ молитву и самъ зарѣзалъ одного барана. Это было сигналомъ страшной рѣзни, за которую съ замѣтной охотой принялись его приближенные. Море крови разлилось по большой площади двора. Но вскорѣ все это было мгновенно прибрано и очищено. Мясо, посоливъ,

развѣсили на крышѣ Флигеля. Тутъ особенно Зайдѣтъ была въ своей сферѣ.

Пиръ происходилъ на другомъ, *внѣшнемъ* дворѣ. Мясо поглощалось въ огромномъ количествѣ, но вина, разумѣется, не было: его замѣняли медъ, сыта и буза. Плѣнникамъ тоже принесли пропасть мяса- варенаго, жаренаго и даже сыраго, которое онѣ должны были варить въ своемъ каминѣ (*).

Въ этотъ день были приглашены на обѣдъ даже и плѣнники. Изъ нихъ, простолюдиновъ угощали на дворѣ, а князья обѣдали въ комнатѣ для гостей, въ той самой, изъ которой окно выходило на внутреннй дворъ, и которая иначе называлась *кунацкою* (то-есть дружескою, отъ слова *кунакъ* — другъ). Одинъ изъ слугъ сказалъ княгинямъ: «Ваши грузины обѣдаютъ въ кунцкой; если хотите, можете ихъ видѣть». Княгини поспѣшили къ окну(**); сердце въ нихъ сильно билось отъ страха: что если узнають Шамиль или Зайдѣтъ? Но страхъ покорился любопытству и участію къ товарищамъ несчастія, и княгини привѣтствовали ихъ черезъ окно:

— Вы живы? Всѣ живы? спросили онѣ.

— И вы живы? Слава Богу! Слава Богу! Мы часто о васъ слышимъ, но не знаемъ, справедливы ли слухи, отвѣчали обрадованные плѣнники. Тѣмъ и кончилось свиданіе, которое продолжать было бы слишкомъ-опасно. Пожелавъ другъ другу всего лучшаго, плѣнники и плѣнницы разошлись.

Возвращаясь къ себѣ въ комнату, княгини съ состраданіемъ говорили о перемѣнѣ, найденной ими въ физіономіяхъ князя И. Чавчавадзе и князя Вачнадзе: первый изъ нихъ страшно похудѣлъ, а второй обросъ густою бородою. Вѣроятно и плѣнники нашли не болѣе-утѣшительную перемѣну въ княгиняхъ.

Послѣ байрама прошло еще нѣсколько времени безъ всякаго

(*) Кромѣ скудной пищи, доставлявшейся княгинямъ отъ Зайдеты, онѣ покупали, когда могли, для себя особую провизію и приготавливали ее въ томъ же каминѣ. За курицу платили онѣ обыкновенно по 10 коп. сер.

(**) Когда въ *кунацкую* пріѣзжали какіе-нибудь наибы, то Зайдѣтъ и Шуанетъ точно такъ же подкрадывались къ крутому окну, чтобы посмотрѣть на пріѣзжихъ. Аминетъ и Написетъ слѣдовали тому же примѣру.

улучшенія въ положеніи плѣнницъ. Зайдѣтъ попрежнему мучила ихъ то голодомъ, то непріятными разговорами ; Шуанѣтъ и Аминѣтъ попрежнему приходили съ словами дружбы и расположенія. Аминѣтъ особенно подружилась съ княжной Баратовой, и иногда вмѣстѣ съ нею проказничала такъ, что княгини смѣялись отъ души ихъ шалостямъ и въ эти минуты забывали о своемъ грустномъ положеніи. Въ-особенности занимательны были продѣлки княжны съ простякомъ и святошей Хаджію. Пользуясь его особеннымъ къ ней расположеніемъ , княжна позволяла себѣ жестокія съ нимъ шутки : она какъ-то узнала , что всякій добрый мюридъ долженъ всего болѣе избѣгать прикосновенія къ *нечистой* женщинѣ, то-есть къ женщинѣ христіанкѣ ; если же съ мюридомъ случится подобное несчастье, то, по закону, онъ долженъ семь разъ совершить омовеніе послѣ каждаго такого оскверненія. На этомъ основаніи (и, вѣроятно, по наущенію Аминѣты) княжна заставляла почтеннаго казначея разъ по двадцати въ день совершать омовеніе: завидѣвъ его гдѣ бы то ни было, она подкрадывалась къ старику и прикасалась къ нему рукою. Старикъ смущался, плевалъ, приходилъ въ ярость, но все-таки отправлялся мыться. Кончилось тѣмъ, что онъ сталъ бояться княжны какъ огня , околицами обходилъ тѣ мѣста, откуда могъ ожидать ея появленія, озирался во всѣ стороны и былъ въ постоянномъ , очень-забавномъ страхѣ. Несмотря на это, онъ ежедневно являлся къ плѣнницамъ узнать, о ихъ здоровьи. Впрочемъ, это дѣлалъ онъ по приказанію Шамиля и, слѣдовательно, боязнь встрѣтить княжну превозмогалась въ немъ болѣе-сильнымъ опасеніемъ: подвергнуться гнѣву своего повелителя.

При этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на ту разницу, которую мы встрѣчаемъ между нынѣшнимъ домашнимъ бытомъ и домашними нравами Шамиля, и тѣми нравами , какіе мы встрѣчали лѣтъ 10 или 12 назадъ. Невозможно не замѣтить значительнаго смягченія. Какимъ образомъ произошло оно — это другой вопросъ , который мы не беремся разяснять. Быть-можетъ, собственная зрѣлость Шамиля, быть-можетъ, вліяніе на него женщины, какова была и есть Шуанѣтъ, быть-можетъ, наконецъ, невидимое, такъ-сказать, *вѣяніе* духа просвѣщенной жизни , который проникаетъ далее и въ недоступные вертепы закоснѣлаго, невѣжественнаго изуверства были причинами замѣченнаго нами явленія , но не замѣтить его невозможно всякому , кто читалъ хоть, напримѣръ, ужасающій рассказъ рус-

снаго офицера (*), бывшаго въ плѣну у Шамили въ 1842 году. Гляньте вы этого предводителя изувѣровъ въ болѣе или менѣе человѣческомъ образѣ, слышите отъ него человѣческія рѣчи. Вокругъ него встрѣчаете людей добрыхъ, несовершенно-подавленныхъ деспотизмомъ, и даже, что всего удивительнѣе, не только преданныхъ ему по побужденію Фанатизма, но любящихъ его искренно и нѣжно, какъ человѣка.

Ничего подобнаго только за двѣнадцать лѣтъ назадъ!...

Если существуютъ какія-нибудь добрыя вліянія на этихъ людей и на эту страну закоснѣлаго варварства, то, изъ любви къ человѣчеству, нельзя не молить Провидѣніе, чтобы оно сохранило и усилило эти вліянія. Но Провидѣніе, быть можетъ, уже само печется объ этомъ. Быть-можетъ, не безъ великой и мудрой цѣли вкоренило оно въ душу изувѣра-отца желаніе возвратить къ себѣ сына, просвѣщеннаго русскимъ образованіемъ; быть-можетъ, возвращеніе этого юнаго представителя просвѣщенія, совершившееся такъ странно и такъ неожиданно, послужить новымъ и сильнымъ двигателемъ ко всему лучшему для народа, омраченнаго невѣжествомъ; быть-можетъ... Но воздержимся отъ утѣшительныхъ предположеній, предоставимъ будущее тому, кто имъ располагаетъ, и возвратимся къ... увы! еще къ грустному настоящему...

У.

Свои непріятели. — Прогулка. — Походъ. — Портретъ Шамиля. — За чашкой чая. — Подарки и обиженная Аминѣтъ. — Махмать-Шаби. — Приѣздъ Оскара. — Возвращеніе изъ похода. — Письма. — Индрисъ. — Свиданіе съ Оскаромъ.

Княгини терпѣли много непріятнаго отъ своихъ служанокъ, которымъ онѣ такъ охотно жертвовали и своими удобствами и своимъ спокойствіемъ. Эти женщины позволяли себѣ иногда несправедливыя и даже грубыя сѣтованія, а иногда общему дѣлу освобожденія вредили своею неосторожностью въ разговорахъ.

(*) Это разсказъ покойнаго князя И. Орбеліани, который мы помѣстили въ отрывкахъ, въ концѣ этого повѣствованія, въ третьемъ приложеніи.

Разскажемъ случай, въ которомъ ихъ безразсудство и неделикатность проявились рѣзкимъ образомъ.

Кромѣ той плѣнной служанки , которая недавно родила мальчика, въ общей комнатѣ плѣнницъ была еще другая , также въ положеніи беременности , захваченная горцами. Эта женщина приближалась къ сроку родовъ и начала хлопотать, чтобы ее отпустили на [Юдину, довольно-умно придумавъ предлогъ, которымъ она хотѣла въ свою пользу подѣйствовать на скупую Зайдѣть. Она говорила ей, что роды всегда были у нея сопряжены съ тяжелою болѣзнью , что и въ этотъ разъ она будетъ очень-больна и даже , вѣроятно , умереть , а потому никакой выгоды не будетъ Шамилю, если онъ теперь не отпустить ея ; что желаніе ея состоитъ только въ томъ, чтобы умереть на родинѣ , и что , наконецъ, въ залогъ за себя, она готова оставить здѣсь своего шестилѣтняго сына. Зайдѣть склонилась на ея убѣжденія, общала хлопотать , а на другой день торжественно объявила , что беременная служанка оцѣнена въ 1000 реблей серебромъ, и что она можетъ ѣхать домой, если надѣется собрать и прислать эту сумму.

Служанка обезумѣла отъ радости и вообразила, что ей ничего не будетъ легче, какъ собрать и внести за себя требуемую сумму, и тѣмъ выручить сына, оставляемаго заложникомъ. Къ-несчастью, она не умѣла считать, и напрасно внушали ей княгини, что достать 1000 рублей ей , простой женщинѣ, дѣло вовсе не-легкое , что мужъ ея не въ состояніи заплатить и ста рублей... ничто не помогало: безразсудная объясняла слова княгинь нежеланіемъ ихъ, чтобы она освободилась.

— Я отъ васъ , княгиня , этого не ожидала ; да и на что я вамъ? говорила она въ истинномъ отчаяніи.

— Богъ съ тобою ! вразумляли ее княгини : — мы тебя нисколько не удерживаемъ , но только хотимъ, чтобы ты сама себя не обманывала. Му откуда достанешь ты тысячу рублей?

— А Нина Александровна? развѣ она не поможетъ? (*).

— Нина Александровна, вѣроятно, отдастъ все, что имѣетъ, но только для выкупа всѣхъ насъ вмѣстѣ, а не для одной тебя.

— Ну, такъ княгиня Екатерина Александровна {* **}: вѣдь она владѣтельница Мингреліи...

(“) Грибоѣдова, сестра князя Д. А. Чавчавадзе.

(**) Другая сестра князя Давида Александровича.

Княгини не знали , чѣмъ уговорить безразсудную женщину. Онѣ знали, что приближенные Шамиля слушаютъ и записываютъ каждый разговоръ ихъ, и опасались, чтобъ нескромность служанки не повредила въ ихъ дѣлѣ. Опасенія эти оправдались. Шпіоны узнали, что владѣтельница Мингреліи въ родствѣ съ плѣнницами п, на атомъ основаніи , вскорѣ снова заговорили въ сералѣ о пяти милльонахъ за ихъ освобожденіе.

Къ великому огорченію служанокъ, но, конечно, къ-счастью и ихъ и злополучныхъ княгинь, строптивость беременной женщины и неугомонность раненой няньки (для которой такъ много перенесли княгини) наскучили всѣмъ въ сералѣ, и вскорѣ послѣдовало распоряженіе Шамиля переселить всѣхъ служанокъ въ аулъ, оставивъ при княгиняхъ только двухъ кормилицъ , няньку Георгія Орбеліани да одну маленькую дѣвочку, по имени Дарью.

Помѣщеніе княгинь сдѣлалось несравненно-просторнѣе и удобнѣе ; непріятныя и опасныя сцены съ своими служанками не угрожали имъ болѣе; но другая бѣда: княгини стали беспокоиться за судьбу, постигшую изгнанныхъ. Онѣ воображали, что ихъ женщинъ угнетаютъ и подвергаютъ разнымъ лишеніямъ , и безпрестанно о нихъ освѣдомлялись. Поэтому служанкамъ было позволено извѣщать княгинь , а одинъ разъ Шуанѣтъ выхлопотала и княгинямъ позволеніе навѣстить своихъ женщинъ, чтобъ лично убѣдиться въ хорошемъ ихъ содержаніи. Была назначена прогулка въ аулъ. Это случилось въ пріѣздъ Даніэль-султана, когда-то хорошаго-знакомаго отца князя Давида , и потому плѣнницы подозрѣваютъ, что много содѣйствовало ихъ прогулкѣ желаніе султана посмотрѣть на нихъ.

— Плѣнницъ и дѣтей ихъ повели изъ серала въ сопровожденіи дочерей Шамиля и всей домашней прислуги женскаго пола, а у первыхъ воротъ окружили вооруженными людьми, съ вынутыми изъ чехловъ винтовками : это была предосторожность не противъ плѣнницъ, а противъ черни, которая въ аулѣ могла бы чѣмъ-нибудь оскорбить ихъ.

Во время прогулки княгини видѣли немного, иотому-что лица у нихъ были закрыты, да и день подвигался уже къ сумеркамъ. Онѣ замѣтили только очень-большое движеніе на многолюдной улицѣ, да издалека видѣли темный домикъ съ навѣсомъ, гдѣ, какъ говорили ихъ провожатые, заключались плѣнные князья съ своими милиціонерами.

Женщинъ своихъ княгини нашли въ порядочномъ помѣщеніи, успокоились за нихъ , но недолго съ ними оставались : свѣжій воздухъ и движеніе , отъ которыхъ такъ отвыкли заключенницы, скоро утомили ихъ чрезвычайно , и онѣ поспѣшили *домой* , на отдыхъ. Вся прогулка продолжалась не болѣе получаса.

Въ непродолжительномъ времени послѣ прогулки поднялась въ сераль суматоха. Шамиль собирался въ походъ. Но прежде Шамиля долженъ былъ отправиться Кази-Махматъ, во главѣ особаго отряда. Передъ отъѣздомъ его, сборы и хлопоты всполошили весь домъ; но всѣхъ болѣе, кажется, хлопотала Аминѣтъ: она и день и ночь кроила и шила ахалухи для отъѣзжающаго. Наконецъ, наступилъ часъ отъѣзда. Кази-Махматъ изъ сераля выѣхалъ верхомъ, въ бѣлой папахѣ и подъ бѣлой буркой, окрашенной шафраномъ , или другой краской шафраннаго цвѣта. Со внѣшняго двора раздались привѣтственные выстрѣлы; затѣмъ около молодого предводителя развернулось знамя — и отрядъ тронулся съ пѣніемъ : Ля-илляхъ-иль-Алла! Всѣ женщины сераля бѣгали къ забору смотрѣть сквозь щели на эту церемонію.

Въ тотъ же день, вечеромъ, княгиня Анна Ильинична вышла посидѣть на галереѣ (прочія не были къ тому расположены и остались въ комнатѣ) и замѣтила, что возлѣ дверей комнаты Аминѣты кто-то сидитъ на землѣ. Это была сама Аминѣтъ. Княгиня подошла къ ней и замѣтила, что она очень-разстроена.

— О чемъ ты такъ задумалась? спросила она грустящую свою пріятельницу.

— Жду своего брата. Скучно ! У насъ все, кажется, есть, а чего-то все не достаетъ. Зайдѣть обижаетъ... Право, хотѣлось бы уйти отсюда.

— А что , Кази-Махматъ надолго уѣхалъ ? спроси.щ опять княгиня, догадываясь о настоящей причинѣ грусти Аминѣты.

— Шамиль сначала самъ хотѣлъ ѣхать, а потомъ *его* послалъ... Всегда такъ дѣлають , отвѣчала Аминѣтъ и , нахмуривъ брови, премило надула свои розовыя губы. Потомъ она перемѣнила разговоръ, стараясь не говорить о главномъ предметѣ своихъ помысловъ (*); но чувство часто ей измѣняло, и она возвращалась къ прерванному разговору.

(*) Аминѣтъ ужъ успѣла порядочно выучиться погрузииски, часто болтая съ княгинями.

— Теперь опять русскіе стали нападать на насъ. Когда и чѣмъ асе это кончится? Воротятся ли псѣ *наши*? и т. д. Княгиня не могла разсѣять меланхолическаго настроенія дикарки.

Черезъ два дня прискакалъ верхонной, нарочный, отъ Кази-Махмата, и Шамиль сталъ самъ собираться въ походъ. Засуетились старшія жены. Зайдётъ хлопотала съ холодной заботливостью; но Шуаиётъ не скрывала, что она въ отчаяніи.

— Видно, худы наши дѣла, коли самого Шамиля потребовали, говорила она плѣнницамъ (*).

Наконецъ Шамиль совсѣмъ собрался въ путь. Ему подвели къ дверямъ бѣлаго коня, покрытаго малиновымъ чапракомъ. Самъ онъ вышелъ на галерею въ полушубкѣ изъ чернаго мѣха, покрытаго коричневымъ сукномъ. На ногахъ его были цвѣтные чевяки и узкія ноговицы, обшитыя простою тесьмою. Золота и серебра нигдѣ не было видно на его костюмѣ: будучи врагомъ всякой роскоши, онъ не позволялъ себѣ никогда никакихъ цѣнныхъ украшеній. На головѣ его была обвитая бѣлой чалмою папаха съ плоскимъ краснымъ верхомъ, надъ которымъ возвышалось что-то небольшое, черное, въ видѣ кисточки. Сзади отъ чалмы спускался на плечо кусокъ той же бѣлой ткани, изъ которой была сдѣлана и чалма. (См. приложенный портретъ).

Въ этомъ костюмѣ, на прекрасномъ бѣломъ конѣ, Шамиль былъ очень-хорошъ и даже величественъ.

Все его семейство, вся прислуга и дѣти плѣнницъ провожали его до воротъ. Но когда онъ выѣхалъ со двора, ворота затворились, и никто не видѣлъ дальнѣйшаго его шествія.

Послѣ отъѣзда Шамиля, въ жизни плѣнницъ было замѣчательнаго только то, что ихъ стали содержать гораздо-хуже, чѣмъ прежде. Скупая Зайдётъ по три и по четыре дня не отпускала имъ ничего свѣжаго, да и то, что присылала, было невыносимо-дурно и скудно. Къ-тому же еще наступили холода. Изъ маленькаго окна стало холодно и сильно дуло; заложить его чѣмъ-нибудь—значило бы погрузиться въ постоянную темноту (**); за-

(*j) Это было смѣлое движеніе генерал-майора барона Врангеля и полковника (нынѣ генерал-майора) Бакланова за Аргунь, къ гойтекортекимъ высотамъ, 16-го сентября 1854- года.

(**") Было уже сказано, что во ясемъ сералѣ окна заклеены бумагою, и только въ кабинетѣ Шамиля (во Флигелѣ) да въ комнатахъ женъ стекольные рамы.

клеили его бумагою , но все-таки стало темно. Дѣти постоянно плакали; когда ихъ выводили на снѣгъ, то они, не имѣя обуви и ничего теплаго , безпрестанно простужались и болѣли. Такая жизнь продолжалась недѣли двѣ. Дрянной каминъ, когда его топили , распространялъ слишкомъ-сильный жаръ , котораго не могли вытерпѣть ни дѣти , ни взрослые. Къ довершенію всѣхъ этихъ непріятностей , простудилась и занемогла княгиня Варвара Ильинична.

Какъ-то разъ въ это грустное время Шуанѣтъ позвала къ себѣ на чай княгиню Анну Ильиничну. За чаемъ княгиня спросила: не знаетъ ли Шуанѣтъ чего-нибудь о Шамилѣ? нѣтъ ли извѣстій изъ отряда?

— Пока еще ничего нѣтъ вѣрнаго. Меня беспокоитъ этотъ походъ: онъ слишкомъ-продолжителенъ. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ они уѣхали... Шамиль потребовалъ къ себѣ казначея, и онъ завтра ѣдетъ отсюда, грустно отвѣчала Шуанѣтъ.

Во время этой бесѣды пришла Зайдѣтъ, усѣлась и вмѣшалась въ разговоръ. При ней толковали о постороннихъ и незначительныхъ предметахъ. Но Зайдѣтъ свернула на свое.

— Ну что? какъ идетъ ваше дѣло? сказала она (хотя и знала ходъ дѣла лучше самихъ плѣнницъ):—на что вы теперь разчитываете? Поможетъ ли вамъ ваше правительство?

— Выкупъ со стороны правительства — дѣло невозможное. У насъ каждый долженъ самъ заботиться о своемъ семействѣ. И!и пострадали отъ собственной безпечности, сами должны и терпѣть за нее, осторожно отвѣчала княгиня.

— Но Шамиль говорилъ, что вашъ государь долженъ вознаграждать твоего мужа за храбрую защиту Шильды, возразила Зайдѣтъ. (Переводила ея слова Шуанѣтъ.)

Княгиня отвѣчала:

— У пасъ, у русскихъ, есть пословица: «до Бога высоко, а до царя далеко»; да къ-тому жъ въ русской арміи много примѣровъ такой храбрости, какую мужъ мой оказалъ въ Шильдахъ. У насъ замѣчаютъ только трусовъ, а храбрыхъ невозможно всѣхъ и отличить, нотому-что всѣ храбры.

Шуанѣтъ прервала этотъ разговоръ, замѣтивъ, что онъ принимаетъ непріятный для княгини оборотъ.

— Ну, Расскажи про своего мужа, сказала она:—какого онъ нрава? Какъ вы съ нимъ жили?

Княгиня рассказала все, что считала понятнымъ для этихъ

женщинъ паръ; она говорила о своемъ потерянномъ счастьи, о семейномъ согласіи, и вообще старалась приноровиться къ понятіямъ и требованіямъ своихъ слушательницъ. О состояніи своемъ, напримѣръ, она выражалась слѣдующимъ образомъ :

— Наше состояніе заключалось въ земляхъ, произведеніями которыхъ мы жили; къ намъ многіе пріѣзжали, и мы слыли за богатыхъ. Но денегъ у насъ никогда много не бывало.

Княгиня говорила такимъ-образомъ потому, что слушательницы ея не знали, что земля составляетъ большую цѣнность, которую можно обращать въ наличныя деньги. Слова княгини были приняты съ полнымъ довѣріемъ, и наконецъ Шуанѣтъ вздохнула и сказала:

— Не понимаю, чего ищутъ люди! Зачѣмъ они воюють, когда могли бы жить мирно и счастливо съ своими семействами.

Княгиня хорошенько не помнитъ, чѣмъ кончилась эта бесѣда.

Вечеромъ казначей Хаджіо, обходя, по обыкновенію, съ Фонаремъ весь сераль и перекликая всѣхъ, живущихъ въ немъ, сказалъ нашимъ плѣнницамъ, что завтра онъ ѣдетъ къ Шамилю, неизвѣстно на долго ли, и что, окончивъ походъ, Шамиль отправляется по ауламъ *учить пародъ шаріату*.

Плѣнницы, съ своей стороны, сказали, что весьма желали бы скорѣйшаго возвращенія Шамиля, и потому-что, уже нѣсколько дней назадъ, пріѣхали люди изъ ХасаФ-Юрта, ѣздили къ Шамилю, но воротились отъ него безъ всякаго отвѣта и теперь живутъ здѣсь бесполезно. Хаджіо обѣщала доложить объ этомъ Шамилю.

Люди, пріѣхавшіе изъ ХасаФ-Юрта, на этотъ разъ привезли подарки женамъ Шамиля и его тестю, старому Джамаль-Эддину: женамъ по куску атласа, а старику богатая чотки и кисей на чалму гораздо-лучшую, чѣмъ та, что у нихъ носятъ и дѣлаютъ въ Чечнѣ. Всѣ эти дары были первоначально доставлены княгинямъ. Получивъ ихъ, княгини пригласили къ себѣ женъ Шамиля и вручили имъ приношенія. Зайдѣтъ очень обрадовалась, но тутъ же замѣтила, что третій кусокъ, предназначенный для Аминеты, не можетъ быть ей отданъ, потому-что она этого не стоитъ, да цитомъ она и *не настоящая* жена, и т. п. Вслѣдствіе этого рѣшили третій кусокъ атласа раздѣлить на дочерей Шамиля; а такъ-какъ безъ Шамиля ни въ чемъ окончательно распорядиться нельзя, то и положили отнести всѣ три куса въ его комнату и ожидать его возвращенія. Аминетъ жестоко обидѣлась и такъ разсердилась, что дня два не приходила къ плѣнницамъ, а когда, наконецъ, пришла, то растрогала ихъ своими, впрочемъ, совершенно-

справедливыми жалобами на судьбу и на притѣсненія старшихъ жень.

— Уйду отсюда, говорила она:—не хочу здѣсь жить: у всѣхъ много платя и вещей, а у меня ничего!...

— Да ты попроси Шамиля, когда онъ вернется: онъ, вѣрно, тебѣ не откажетъ въ томъ, что принадлежитъ тебѣ, замѣтили княгини.

— Просить? Нѣтъ, я на это неспособна!

Забавна была плѣнницамъ эта бесполезная гордость молодой дикарки, но въ то же время она была такъ благородна, да и такъ шла къ красотѣ ея, что княгини не могли не полюбить еще болѣе Аминету, почти такую же заключенницу въ сералѣ Шамиля, какъ и онѣ сами.

До возвращенія Шамиля ничего замѣчательнаго болѣе не было. Вообще, въ отсутствіе его чувствовался какъ-будто нѣкоторый безпорядокъ въ сералѣ: какъ-будто недоставало устрашающей силы. Этимъ объясняется выше-описанный поступокъ Зайдѣты съ Аминетой; этимъ же должно объяснить шалости Махмата-Шаби, который, ничѣмъ не занимаясь по цѣлымъ днямъ, вымышлялъ безконечныя проказы: то ломалъ замки на дверяхъ у бабушки Баху, то билъ стекла, то бросалъ по двору горящіе головни, одинъ разъ чуть-чуть не причинившія пожара. Унять шаловливаго мальчика никто не могъ, потому-что не было надъ нимъ другой власти, кромѣ отцовской, а Шамиль былъ въ отсутствіи.

Между-тѣмъ въ Веденно пріѣхалъ съ письмами къ Шамилю и плѣнницамъ слуга князя Д. А. Чавчавадзе, Оскаръ, тотъ самый преданный и отважный Оскаръ, который ни на минуту не покидалъ своего господина въ критическіе дни шильдинскаго побоища. Его не допустили до плѣнницъ, а имъ не дали привезенныхъ отъ князя Давида писемъ. Все это оставили впредь до возвращенія Шамиля. Но нѣкоторыя, приходившія къ княгинямъ плѣнныя служанки были такъ неосторожны, что ходили видѣться съ Оскаромъ. Зайдѣтъ, узнавъ объ этомъ, не позволила имъ возвратиться къ княгинямъ, а отослала въ аулъ, къ прочимъ цинондальскимъ женщинамъ.

Наконецъ возвратился Шамиль, но возвратился нерадостно и неторжественно; по его унылому и раздражительному расположенію духа, всѣ въ сералѣ догадывались, что походъ былъ неудаченъ. Такое настроеніе отразилось и на плѣнницахъ. Прежде всего имъ было запрещеніе видѣться съ Оскаромъ, а потомъ приказано имъ сказать, что такъ-какъ имамъ не получилъ удо-

влетворительнаго отвѣта отъ ихъ родныхъ, то всѣ сношенія между ними и плѣнниками отнынѣ прекращаются впредь до получения Шамилемъ *положительныхъ свѣдѣній* о возвращеніи его сына.

На другой день пришелъ къ княгинямъ Индрись и спросилъ ихъ, не могутъ ли онѣ обратиться съ просьбою объ исполненіи условій Шамиля къ кому-либо другому, кромѣ родныхъ своихъ, такъ-какъ родные *уже отказались хлопотать* о ихъ освобожденіи. Княгини отвѣчали, что не имѣютъ, кромѣ родныхъ, никакихъ за себя ходатаевъ. Озлобленный Индрись сказалъ княгинямъ съ видимымъ удовольствіемъ:

— Вы не хотите хлопотать о себѣ, такъ ужъ не мѣняйте, если съ вами будетъ дурно поступлено!

— Напрасно насъ пугаютъ, отвѣчали княгини : — мы ничего не въ состояніи предпринять отсюда; и если не понимаютъ этого лезгины, то какимъ-образомъ ты, прежній русскій солдатъ, до того забылъ русскіе законы, что думаешь, будто возможно поступать противъ желанія или приказанія государя?

Индрись оскорбился этими словами и отвѣчалъ:

— Я вовсе не русскій; я горецъ; но Шамиль посылалъ меня учиться въ Россію.

— Ты можешь это проповѣдывать нашимъ женщинамъ, но мы никогда такому вздору не повѣримъ.

Индрись не зналъ, что возражать, и сказалъ :

— Ну, такъ пишите къ кому хотите!

Княгиня написала къ князю Давиду, къ генерал-лейтенанту князю Григорью Орбеліани и къ Флигель-адъютанту, полковнику барону Л. Николаи. Индрись взялъ письма и понесъ ихъ къ Шамилю, но черезъ нѣсколько минутъ возвратился, отдалъ письма плѣнницамъ и сказалъ:

— Не годятся; пишите другія.

Княгиня Анна Ильинична взяла возвращенныя письма, бросила ихъ въ огонь камина и съ гнѣвомъ сказала :

— Хорошо; но я больше писать не буду.

Тогда княгиня Варвара Ильинична принялась писать и вскорѣ написала другія письма; но и эти были возвращены чрезъ Индриса, съ приказаніемъ написать новыя. Въ это самое время въ комнату плѣнницъ вошли повѣренные въ ихъ дѣла : Хассанъ и Могаммедъ, сѣли на ковры и начали разговоръ:

— Я столько уже разъ ѣздилъ сюда, сказалъ Хассанъ : — а дѣло наше не подвигается.

— Я больной человекъ, прибавилъ Могаммедъ : — ѣзжу сюда съ большимъ трудомъ, но не вижу успѣха; мною и здѣсь и тамъ (то-есть, въ Хасачъ-Юртѣ) недовольны; а все оттого, что ваши родные слабо дѣйствуютъ. Но если они ничего не могутъ сдѣлать, то не можете ли вы сами предпринять что-нибудь въ свою пользу?

Эти слова Могаммеда показались княгинямъ совсѣмъ-недружественными и какъ-будто продиктованными Шамилемъ. Княгиня Анна Ильинична съ неудовольствіемъ отвѣчала Могаммеду:

— Ты, который избранъ барономъ Николай въ наши повѣренныя, ты лучше насъ долженъ знать наши дѣла; зачѣмъ же ты къ намъ обращаешься съ вопросами?

Могаммедъ отвѣчалъ очень-спокойно:

— Сердясь, вы ничему не поможете. Лучше что-нибудь придумайте полезное.

— Я повторяю, что, вѣроятно, наши родные хлопчутъ и, конечно, дадутъ за наше освобожденіе все, что успѣютъ собрать; слѣдовательно, намъ и писать нечего, возразила княгиня Анна Ильинична.

На это двуличныя татары отвѣчали:

— Какъ хотите, пишите или не пишите, намъ все-равно; но только знайте, что сообщенія между вами и нами прекращаются, и вы съ-этихъ-норъ не получите уже никакого извѣстія отъ своихъ.

— Тѣмъ лучше! отвѣчала княгиня Анна Ильинична : — чѣмъ менѣ васъ слушать, тѣмъ менѣ безпокойства.

Хассанъ и Могаммедъ встали и вышли.

Между-тѣмъ княгиня Варвара Ильинична изготовила *третье, исправленное изданіе* требуемыхъ отъ плѣнницъ писемъ. Пндрисъ понесъ ихъ къ Шамилю, но опять возвратился съ отвѣтомъ, что *не годится*, и прибавилъ:

— Пишите къ императрицѣ.

— Мы не осмѣлимся на это, потому-что не имѣемъ никакого права.

— Ну вотъ на этомъ-то я васъ и уличаю въ обманъ Шамиля! радостно воскликнулъ Пндрисъ:—вы обѣщали ни въ чемъ его не обманывать и во всемъ повиноваться; а теперь и обманули и не послушались. Сами на себя пѣняйте, если будете за это наказаны.

— Чѣмъ же мы обманули Шамиля ? спросили озабоченныя плѣнницы.

— А вотъ чѣмъ: вы говорите, что не имѣете права писать къ императрицѣ, а между-тѣмъ, у васъ, въ Цинондалахъ, взяты ваши шифры, доказывающіе, что вы ея Фрейлины; а мы знаемъ, что Фрейлины всегда имѣютъ право обращаться прямо къ императрицѣ.

— Но мы не знаемъ, гдѣ теперь императрица. Она часто ѣздитъ въ теплыя страны, и теперь, можетъ-быть, находится тамъ же, отвѣчали княгини своему мучителю, и потомъ еще долго объясняли ему, что не могутъ и не смѣютъ обратиться къ государынѣ. Индрись какъ-будто убѣдился ихъ доводами и наконецъ сказалъ:

— Если вы не хотите обращаться къ императрицѣ, то напишите хоть къ князю Воронцову.

Плѣнницы не нашли никакихъ предлоговъ къ отказу исполнить это послѣднее ultimatum, и рѣшились писать, подѣ диктовку бѣглаго русскаго солдата, письмо къ бывшему намѣстнику кавказскому, свѣтлѣйшему князю М. С. Воронцову. Онѣ краснѣли и ужасались, слѣдя за выраженіями своего собственнаго письма. Никогда ничто подобное не слилось бы съ пера ихъ безъ помощи человѣка, подобнаго Индрису— такъ пошлы и унизительны были диктуемая имъ выраженія. Но что жъ оставалось имъ дѣлать въ ихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Онѣ повиновались своимъ палачамъ.

Индрись ходилъ показывать письмо Шамилю и на этотъ разъ воротился съ одобреніемъ и самое письмо оставилъ у плѣнницъ; но, уходя отъ нихъ, не могъ отказать себѣ въ злобномъ удовольствіи испугать ихъ служанку, Варвару, занимавшуюся въ это время мытьемъ бѣлья на галереѣ. Индрись подошелъ къ ней и сказалъ :

— Знаешь ли, что? княгини взбунтовались противъ Шамиля и Шамиль приказалъ сейчасъ же всѣмъ имъ отрубить головы!

Легковѣрная Варвара упала безъ чувствъ и нѣсколько часовъ не приходила въ себя, несмотря на горячіе угли и другія домашнія средства, которыя употреблялись для приведенія ея въ память.

Вскорѣ къ княгинямъ пришли Зайдѣтъ, Шуанѣтъ, Хаджи-Рибинь и цѣлая толпа прислужницъ серала.

— Я удивляюсь, начала Зайдѣтъ:—какимъ-образомъ вы, будучи въ плѣну—и у кого же? у Шамиля, такъ рѣшительно отказываетесь исполнять то, что вамъ приказываютъ! Какъ можете вы его не бояться?

На это княгиня Анна Ильинична имѣла неосторожность отвѣчать, что она не боится никого, кромѣ Бога, и этимъ вызвала па себя цѣлую бурю.

— Неслыханная дерзость! кричала Зайдѣтъ.

— Имамъ святой человѣка! еще громче восклицала Хаджи-Ребилъ (воспитательница дочерей Шамиля):—кто осмѣлится прекословить его священнымъ велѣніямъ?

— Можетъ-быть, что онъ и святой, возражала княгиня, не будучи въ-состояніи долѣе себя удерживать:—но онъ не возвратитъ мнѣ моего потеряннаго младенца!

Шумъ поднялся ужасный, но княгиня обратилась къ Шуанѣтъ, бывшей молчаливою свидѣтельницей этой сцены, и сказала ей :

— Скажи этой женщинѣ, чтобъ она ушла отсюда.

Шуанѣтъ вывела Хаджи-Ребилъ изъ комнаты и, возвратившись, обратилась къ плѣнницамъ съ тихимъ увѣщаніемъ быть поспокойнѣе и поосторожнѣе.

— Но къ-чему жъ насъ укоряютъ въ неповиновеніи, когда мы во всемъ повинемся? Отъ насъ требовали писемъ, и мы ихъ написали, замѣтила княгиня Варвара Ильинична.

Шуанѣтъ взяла письмо, оставленное у княгини Индрисомъ, сама отдала его Шамилю, и вслѣдствіе этого, на другой же день имъ было разрѣшено видѣться съ Оскаромъ.

Свиданіе это происходило довольно-страннымъ образомъ.

Плѣнницъ привели къ воротамъ и поставили поодаль; когда ворота отворились, онѣ увидѣли Оскара, также стоящаго въ нѣсколькихъ шагахъ за воротами и окруженнаго мюридами, винтовки которыхъ были обращены на него дулами.

Княгини не могли понять причины такихъ небывалыхъ предосторожностей и спросили Оскара :

— Ты, вѣрно, сдѣлалъ или сказалъ что-нибудь недолжное, что тебя такъ окружили стражею?...

— Ничего недолжнаго не говорилъ и не дѣлалъ, отвѣчалъ Оскаръ (юноша лѣтъ девятнадцати или двадцати, изъ татаръ, взятый мальчикомъ въ домъ князя Чавчавадзе).

По голосу Оскара можно было замѣтить, что онъ оскорбленъ обращеніемъ горцевъ. Княгини обратились къ нему съ вопросами о родныхъ, о ходѣ переговоровъ, и молодой посланецъ объяснилъ имъ, что князь Давидъ давно писалъ о сынѣ Шамиля, но что рѣшительнаго отвѣта нужно ожидать не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць. Потомъ Оскаръ, какъ умѣлъ, ободрялъ и обнадеживалъ

княгинь, и княгини съ особенным!, удовольствіемъ слушали простодушныя убѣжденія своего слуги, болѣе потому, что въ нихъ видѣли онѣ, что онѣ не испугался грозныхъ предосторожностей, какими его окружили. Имъ пріятно было видѣть неустрашимость въ своемъ я человѣкѣ.

Замѣчательно, что Оскаръ невдругъ и даже нескоро узналъ княгинь при свиданіи съ ними—такъ казались онѣ хулы и блѣдны отъ изнуренія силъ и отъ горя, а, можетъ-быть, и оттого, что день былъ пасмурный и скудно озарялъ ихъ своимъ угрюмымъ освѣщеніемъ.

VI.

Домашняя расправа.—Чотки. — Раненый наибъ. — Предложенія и отказы. — Таинственные посѣтители.—Заботливость Шамиля о плѣнницахъ.—Извѣстіе изъ Константинополя.—Вѣсти о Джемаль-Эддинѣ.—Второй походъ.—Землетрясеніе.—Возвращеніе изъ похода. — Шамиль на любовномъ свиданіи.—Пожаръ.—Письмо.—Еще вѣсть о Джемаль - Эддинѣ.

По возвращеніи Шамиля изъ похода, не остались безъ послѣдствій ни шалости Махмата-Шаби, ни исторія съ шелковой матеріей, которою была обижена Аминетъ. Махмать-Шаби былъ посаженъ подъ арестъ въ комнату, бывшую по сосѣдству съ комнатою плѣнницъ (см. на планѣ), и оставался тамъ довольно-долго(*). Относительно же дѣла о шелковыхъ матеріяхъ, Шамиль разсудилъ, что съ Аминетой было поступлено несправедливо, но что, во всякомъ случаѣ, гораздо-лучше всѣмъ тремъ кускамъ атласа оставаться собственно въ распоряженіи его самого, а потому и приказалъ положить ихъ на храненіе въ своемъ кабинетѣ. Въ поступкѣ своемъ съ Аминетой хитрая Зайдеть оправдалась передъ Шамилемъ тѣмъ, что (какъ сказала она ему) она знала, какъ не любить онъ роскоши на своихъ женахъ, и потому хотѣла приберечь атласы для дочерей.

Чотки, присланныя для Джемаль-Эддина, плѣнницы вскорѣ увидѣли на рукѣ Зайдеть. Честный старикъ не хотѣлъ принять отъ плѣнницъ подарка до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлаетъ чего-либо въ

(*) Тѣлесному наказанію дѣти имама подвергаемы быть не могутъ.

пользу ихъ освобожденія. Чотки онъ поручилъ передать Шамилю! по Зайдѣть ими завладѣла, вѣроятно, увѣривъ отца, что Шамиль подарилъ ихъ ей, а Шамиля — что она получила ихъ въ подарокъ отъ отца.

Также, вскорѣ по возвращеніи Шамиля, было привезено въ Веденію тѣло наиба, убитаго въ недавнемъ сраженіи. За возвращеніе тѣла былъ освобожденъ одинъ кахетинскій плѣнникъ, и это дѣло устроилось при посредствѣ княгини Анны Ильиничны, которую просили объ этомъ ходатайствовать у барона Николаи особымъ письмомъ. Въ Веденно были торжественныя похороны, на которыхъ присутствовалъ самъ Шамиль.

Вѣроятно, довольный такимъ содѣйствіемъ княгини, Шамиль приказалъ предложить ей свиданіе съ мужемъ. Княгиню увѣряли, что князю Давиду будетъ позволено пріѣхать въ Веденно и свободно возвратиться въ ХасаФ-Юртъ; но княгиня отклонила это предложеніе, хотя оно было довольно-настоятельно и повторялось не одинъ разъ, то черезъ переводчиковъ или Хаджію, то черезъ Зайдету или Шуанету. Однажды Шуанѣтъ сказала княгинѣ:

— Напрасно отказываешься: Шамиль видитъ, что скучаешь и хочешь тебя утѣшить.

— Я знаю, отвѣчала княгиня:—что посторонній мужчина не можетъ быть допущенъ въ сераль; а видѣться съ мужемъ, кокъ Аминѣтъ видится съ своимъ братомъ, то-есть черезъ заборную щель — Я не ЖСЛЗЮ.

— Для тебя сдѣлають иначе: мужа твоего позовуть въ кабинетъ Шамиля, настаивала Шуанѣтъ.

Но княгиня рѣшительно отказалась; она не хотѣла переиспытать горечь новой разлуки, а притомъ и опасалась, чтобы измѣною не задержали князя въ плѣну.

Въ то же время подобныя предложенія были посылаемы и князю Давиду Александровичу (черезъ Хассана Буртунайскаго); но князь отказался отъ нихъ, говоря, что онъ хлопоталъ бы о разрѣшеніи ѣхать къ своему семейству только въ такомъ случаѣ, еслибы надѣялся черезъ это кончить дѣло и увезти съ собою изъ Веденно жену, ея сестру и дѣтей; но такъ-какъ этого ожидать невозможно, то онъ и предпочитаетъ отказать себѣ въ счастіи свиданія, тѣмъ болѣе, что за нимъ послѣдовала бы новая скорбь при разлуцѣ.

Послѣ разговора княгини съ Шуанстой, никогда уже болѣе не выло рѣчи объ этомъ обстоятельстве.

Прошло еще нѣсколько дней. Однажды, за обѣдомъ, къ плѣнницамъ пришелъ казначей и объявилъ о прїѣздѣ какого-то *неизвѣстнаго*, желающаго ихъ видѣть. Княгини были на этотъ разъ не обрадованы, а встревожены извѣстіемъ о неизвѣстномъ посѣтителѣ: онѣ вообразили, что это долженъ быть князь Давидъ, который, быть-можетъ, склонился на приглашенія Шамиля. Со страхомъ пошли онѣ къ воротамъ, и здѣсь, окруженные людьми серала, выстроенныя въ рядъ, ожидали, когда ворота растворятся. Они растворились и взорамъ плѣнницъ представилось незнакомое лицо, все закутанное въ черномъ. Загадочный посѣтитель и плѣнницы молча посмотрѣли другъ на друга, и ворота затворились. Подобныя сцены повторялись впослѣдствіи нѣсколько разъ, но никогда княгини не могли добиться ни ихъ значенія, ни извѣстій о таинственныхъ лицахъ, для показа которымъ онѣ выводились къ воротамъ серала. Должно полагать, что это были депутаты отъ народа, желавшаго удостовѣриться, берегаются ли еще плѣнницы, а съ ними и ручательство за хорошій выкупъ, на выгоды котораго народъ имѣлъ право.

Слѣдующіе дни были полны разными событіями, болѣе или менѣе интересными.

Махмата-Шаби, за какія-то новыя проказы, отправили въ ученье въ отдаленное наибство.

По случаю наступившихъ холодовъ, по приказанію Шамиля, были вставлены стекла въ окно комнаты плѣнницъ.

Вообще Шамилю никакъ нельзя отказать въ нѣкоторой заботливости о плѣнницахъ. Такъ, напримѣръ, она выразилась въ слѣдующемъ случаѣ: по его же приказанію, въ комнатѣ плѣнницъ передѣлывали каминъ; по окончаніи этой работы, имамъ хотѣлъ лично убѣдиться, такъ ли она исполнена, какъ онѣ приказывалъ, и онѣ отправился въ комнату княгинь, которыхъ на это время вывели въ другую комнату, чтобъ не встрѣтиться съ священной особой имама (близкаго лицебрѣнія его были недостойны христіанки). Осматривая каминъ, Шамиль нашелъ въ немъ стоящій на угольяхъ котелокъ съ водою, въ которой плавало нѣсколько тощихъ луковицъ. Открывъ крышку и увидѣвъ, какая скудная пища готовилась на обѣдъ плѣнницамъ, Шамиль разразился гнѣвомъ, потребовалъ Зайдѣтъ, сдѣлалъ ей строгій выговоръ за скупость и ушелъ весьма-разсерженный, а черезъ полчаса прислать съ Шуанетой чаю, масла, рису и всего, что можно было достать на-скорую-руку. При этомъ Шуанетъ рассказала, что Шамиль

долго укоряль Зайдету, говоря ей : «Развѣ такъ надо кормить плѣнницъ? Какъ осмѣлилась ты не исполнять моей воли?» и т. д.

Но всего интереснѣе въ эти дни было слѣдующее обстоятельство:

Княгини замѣтили необыкновенное движеніе въ сералѣ : женщины суетились и бѣгали ; казначей ходилъ по двору и объявлялъ всякому встрѣчному о какой-то пріятной новости; а черезъ нѣсколько времени со внѣшняго двора слышались безчисленные ружейные выстрѣлы, и самъ Шамиль торжественно отправился за ворота. Вскорѣ плѣнницы узнали, что все это торжество происходило по случаю прибытія въ Веденно посланнаго отъ турецкаго султана съ извѣстіемъ, что султанъ побѣдилъ русскихъ, что пятьдесятъ губерній завоевано у Россіи султанскими войсками, и что Шамилю предлагается титулъ владѣтеля Грузіи (*), если онъ попрежнему будетъ содѣйствовать султану въ войнѣ противъ невѣрныхъ.

Княгини, разумѣется, знали, какъ должно понимать нелѣпую прокламацію турецкаго правительства , успѣвшую пробраться до Чечни, но онѣ остерегались выражать о ней свое мнѣніе; и когда имъ говорили объ этой новости, онѣ отвѣчали : «Тѣмъ хуже для насъ : это можетъ воспрепятствовать нашему освобожденію».

Въ непродолжительномъ времени другая, еще болѣе радостная для Шамиля вѣсть пришла въ Веденно : какой-то горецъ, вѣроятно изъ шпіоновъ Шамиля, привезъ извѣстіе, что сынъ его, Джемаль-Эддинъ, рѣшилъ воротиться къ отцу и уже выѣхалъ изъ Петербурга на Кавказъ.

Шамиль щедро наградилъ вѣстника , но несовсѣмъ ему повѣрилъ. Нуждаясь хоть въ какомъ-нибудь подтвержденіи радостной новости, онъ призвалъ Шах-Аббаса и спросилъ его, что онъ объ этомъ думаетъ. Хитрый армянинъ , понявъ , что отеческое сердце требуетъ утѣшенія , какъ ребенокъ игрушки , отвѣчалъ, что сынъ пріѣдетъ, что въ этомъ уже не можетъ быть сомнѣнія, и что онъ , Шах-Аббасъ, готовъ поручиться въ томъ своей головою.

Шамиль подарилъ Шах-Аббасу превосходную лошадь.

По случаю радостнаго извѣстія, въ сералѣ опять поднялась суматоха, превратившаяся, впрочемъ, весьма-скоро въ хлопоты, по случаю сборовъ Шамиля въ новый походъ.

(*) То-есть титулъ валія Гурджистана. См. въ послѣднемъ приложеніи къ III части,

Отправленіе въ походъ происходило тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и въ первый разъ; но военныя дѣйствія происходили, какъ кажется, очень-недалеко отъ Ведений (*), потому-что даже въ сералѣ были слышны пушечныя выстрѣлы. Можно себѣ представить всеобщую тревогу! Но всѣхъ болѣе беспокоилась Шуанѣтъ : она молилась, постилась и непритворно страдала. Разнесся слухъ, что Шамиль сдѣлалъ распоряженіе, въ случаѣ его неудачи и приближенія русскихъ къ Ведений, прежде всего скрыть его женъ, дѣтей и плѣнницъ. Но этому случаю Зайдѣтъ говорила плѣнницамъ : «Вы, однако, себя не обнадеживайте: если русскіе прійдутъ сюда, чтобъ освободить васъ, то это имъ не удастся, потому-что мы начнемъ съ того, что всѣхъ васъ перерѣжемъ».

Княгини не сомнѣвались въ искренности такого обѣщанія , но хладнокровно отвѣчали :

— Это для насъ не ново; мы приготовились умереть еще тогда, когда насъ брали въ плѣнъ изъ нашего дома ; да для насъ умереть и лучше, чѣмъ оставаться здѣсь навѣки.

Смятеніе въ сералѣ было сильное, но оно еще увеличилось отъ страшнаго землетрясенія , случившагося въ Веденно около этого же времени. Подземные удары были такъ сильны и такъ продолжительны , что, конечно , не устояли бы строенія серала, еслибъ онѣ были повыше, или еслибъ были выстроены изъ камня, а не изъ дерева. Когда миновала бѣда , Зайдѣтъ спрашивала плѣнницъ :

— Бываютъ ли у васъ землетрясенія?

— Бываютъ, но не такія сильныя, отвѣчали княгини.

— Да и у насъ всегда бываютъ слабѣе ; а теперь не знаю чему и приписать такое сильное ! Вѣрно Божіе наказаніе ! продолжала суевѣрная Зайдѣтъ, задумчиво качая головою.

«Именно Божіе наказаніе, за дурное обращеніе съ нами», подумали плѣнницы, но остереглись высказать эту мысль.

Шамиль присылалъ узнать о здоровья своей дочери Нажабать и маленькаго князя Александра Чавчавадзе , которые хворали въ это время. Отъ посланнаго княгиня Анна Ильинична услышала,

(*) Это было дѣло Флигель-адъютанта , полковника (нынѣше генерал-майора Свиты Е. И. В.) барона Николаи подъ Исти-су (3-го октября 1854 г.), стоявшее Шамилю, какъ извѣстно, болѣе 400 чело-
вѣкъ изъ его скопища.

что пѣ экспедиціи противъ Шамиля участвуетъ и мужъ ея, князь Давидъ Александровичъ , командующій будто-бы какими-то *бѣлыми* казаками. Но княгиня не повѣрила этому слуху: она знала, что князь Давидъ не командуетъ никакою отдѣльною частью; по описанію же наружности предводителя *бѣлыхъ* казаковъ узнала командира Моздокскаго Казачьяго Полка, полковника Едлинскаго.

Въ этотъ разъ отсутствіе Шамиля продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ онъ воротился, но какъ? Ночью, безъ стрѣльбы, безъ торжественной встрѣчи и даже безъ всякой свиты, кромѣ лишь одного Салима (*). Въ сералѣ тоже было тихо и ничѣмъ не обнаруживалась радость встрѣчи. Все это давало плѣнницамъ поводъ заключать , что Шамиль или раненъ или сильно разбитъ русскими. Въ послѣднемъ онѣ и не ошиблись: Салимъ рассказывалъ, что они *бѣжали* вдвоемъ съ Шамилемъ и спаслись только тѣмъ, что не были обременены многочисленной свитой. Въ одномъ мѣстѣ, вблизи отъ русской границы, Шамиль обращался къ Салиму съ такими словами : «Я давно замѣчаю , что ты не прочь бы отъ побѣга къ русскимъ, еслибъ была возможность. Вотъ теперь случай удобный : ты можешь меня оставить и бѣжать , не опасаясь преслѣдованія». Но Салимъ остался при Шамилѣ , не желая покинуть своихъ дѣтей {* **).

Вскорѣ послѣ Шамиля прибылъ Кази-Махматъ, котораго тоже не встрѣчали съ прежнею торжественностью. Плѣнницамъ показалось, что онъ хромалъ, но имъ объяснили, что это вслѣдствіе открывшейся старой, а не новой раны. Въ то же время привезли одного раненаго , котораго и положили въ кунацкой комнатѣ. И Кази-Махматъ и раненый гость очень-долго оставались въ сералѣ.

Между-тѣмъ жизнь плѣнницъ стала еще грустнѣе и однообразнѣе по причинѣ продолжительнаго всеобщаго унынія , водворившагося вокругъ нихъ послѣ неудачнаго похода Шамиля, а также вслѣдствіе наступившихъ зимнихъ холодовъ и снѣжныхъ мятелей,

(*) Шамиль воротился изъ втораго похода за два дня до праздника Рождества, то-есть 23-го декабря. Незадолго до него пріѣхалъ Исаакъ Грамовъ, переводчикъ при князѣ Гр. Орбеліанп , и главный повѣренный въ переговорахъ о выкупѣ плѣнницъ. Княгини не видѣли его въ это время, но получили привезенныя имъ письма отъ родныхъ.

(**) Чего не сдѣлалъ счастливый случай, то сдѣлала любовь: вполнѣ Салимъ бѣжалъ , влюбившись въ одну изъ выкупленныхъ плѣнницъ. Объ этомъ будетъ рассказано ниже.

удерживавшихъ плѣнницъ въ ихъ душевной комнатѣ. Изрѣдка приходили къ нимъ жены Шамиля; изрѣдка утѣшала ихъ Аминѣтъ своимъ милымъ простосердечіемъ. Съ пріѣзда Шамиля она уже успѣла поссориться съ Зайдѣтой (опять за атласъ), и говорила княгинямъ, что она очень-рада, что матеріи у Шамиля и никому не достались. Въ другой разъ рассказывала, что она жаловалась на Зайдѣту Кази-Махмату и грозилась убѣжать изъ серала съ своимъ братомъ, если Шамиль за нее не вступится и не уймется Зайдѣты, что Шамиль, вслѣдствіе этого, былъ съ нею ласковѣе обыкновеннаго и даже сказалъ, что если ужъ ей такъ хочется воротиться на родину, то онъ ее удерживать не станетъ. Аминѣтъ радовалась своимъ успѣхамъ, а между-тѣмъ не знала, что братъ ея уже никогда болѣе не навѣститъ ея, что въ это же самое время Шамиль отдалъ приказаніе прекратить его посѣщенія.

Такъ поступали съ Аминѣтой, пользуясь ея пылкостью и простосердечіемъ. Но иногда и она умѣла платить тою же монетой своимъ притѣснителямъ. Вотъ, напримѣръ, какія проказы позволяла она себѣ дѣлать съ самимъ Шамилемъ:

Разъ, позднимъ вечеромъ, княгини рѣшились выйти на галерею, чтобъ посидѣть на своей скамеечкѣ и подышать холоднымъ воздухомъ лунной зимней ночи. Аминѣтъ была съ ними. Вдругъ показался Шамиль. Одѣтый въ бѣлую шубу, онъ шелъ черезъ дворъ изъ своей комнаты къ комнатѣ Аминѣты. Замѣтивъ это и не говоря ни слова, Аминѣтъ спряталась за скамью, на которой сидѣли плѣнницы. Между-тѣмъ Шамиль вышелъ изъ ея комнаты, прошелъ раза два по галереѣ, очевидно, ожидая, что она выйдетъ откуда-нибудь изъ другихъ комнатъ; но, не дождавшись, заперъ ея дверь, взялъ къ себѣ ключъ и спрятался за уголъ дома. Долго стоялъ за угломъ важный святоша, *иламъ* Чечни и Дагестана, уподобляясь простому грѣшному юношѣ, мерзнущему въ ожиданіи любовнаго свиданія. Но онъ караулить напрасно: Аминѣтъ не хотѣла показаться изъ-за скамьи плѣнницъ. Наконецъ, вѣроятно, холодъ и скука напраснаго ожиданія заставили Шамиля подумать о теплой комнатѣ, и онъ воротился въ свой кабинетъ.

Во время всей этой сцены положеніе нашихъ плѣнницъ было чрезвычайно-опасно. Легко себѣ вообразить, какъ жестоко поплатились бы онѣ за укрывательство жены имама, и въ-особенности за то, что были невольными свидѣтельницами его забавнаго ночнаго похождения, еслибъ Шамиль замѣтилъ ихъ на галереѣ! Но, къ-счастью, этого не случилось; а Аминѣтъ чрезъ нѣсколько ми-

нуть выльзла изъ-за скамьи , и съ словами : «А ! онъ сталъ за мною присматривать! Это Зайдётъ, это все Зайдётъ сплетничаютъ... Такъ хорошо же; пусть будетъ правда !» ушла ночевать къ Написётъ.

Плѣнницы опасались, что Аминётъ сильно достанется отъ Шамиля, но на другой день онъ съ удовольствіемъ узнали, что Казимахмать успѣлъ примирить съ нею отца своего.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной сцены , въ комнатѣ плѣнницъ сдѣлался пожаръ. Отъ дурнаго устройства каминной трубы загорѣлась потолочная балка, и плѣнницы , задыхаясь отъ дыма, едва спаслись , выбѣжавъ на галерею. При этомъ случаѣ княгиня В. П. Орбеліани обожгла себѣ руку. Между-тѣмъ поднялась суматоха. Кухарка княгини побѣжала за ворота и призвала людей. Салимъ пришелъ съ топоромъ, и пожаръ былъ потушенъ прежде , чѣмъ успѣлъ принять серьезныя размѣры. На другой день плѣнницы ожидали себѣ выговора, но дѣло обошлось даже и безъ замѣчанія , вѣроятно , потому, что Шамиль богатъ лѣсомъ.

Послѣ долгаго молчанія всѣхъ родныхъ плѣнницъ, около этого же времени получено письмо отъ князя Гр. Орбеліани. Онъ уведомлялъ, что уже давно писали въ Петербургъ о сынѣ Шамиля и что дѣло начинаетъ принимать хорошій оборотъ. Плѣнницамъ дозволили написать, въ отвѣтъ, что онъ живы и здоровы.

Послѣ этого часто пріѣзжали къ Шамилю разные люди съ извѣстіями о его сынѣ. Это были хорошіе шпіоны , и надо было удивляться точности доставляемыхъ ими свѣдѣній. Наконецъ кто-то привезъ извѣстіе, что молодой Джемаль-Эддинъ уже въ Ставрополѣ... Эта новость была встрѣчена торжественной радостью: шумѣли, стрѣляли, поздравляли другъ друга. Но княгини не вѣрили , конечно , и для нихъ пріятному извѣстію до-тѣхъ-поръ, пока не услышали его подтвержденія изъ устъ Могаммеда и Хасана, которые вскорѣ пріѣхали изъ ХасаФ-Юрта и сообщили ту же самую вѣсть, прибавляя, что многіе, посланные отсюда, лично видѣли Джемаль-Эддина въ Ставрополѣ.

Шуанётъ съ шумною радостью прибѣжала поздравить плѣнницъ; но Зайдётъ, явившаяся слѣдомъ за нею, сдѣлала ей замѣчаніе :

— Очень-странно, сказала она: — что ты такъ бѣгаешь и радуешься! И чему тутъ радоваться? Развѣ у Шамиля одинъ сынъ?

Эта новая выходка Зайдёты объяснялась тѣмъ, что она не хотѣла обнаружить передъ плѣнниками, какую высокую цѣну имѣло въ сералѣ извѣстіе о возвращеніи Джемаль-Эддина. Кромѣ-того, ей было досадно, что радуются не о ея кривоногой дочери, которую, кажется, только одну и любила она въ цѣломъ мірѣ.

VII.

Пріѣздъ Грамовъ А.—Исторія Шуанеты.—Первые выкупы.—Самоубійство. — Вѣсти изъ Ставрополя. — Новая обида Аминетъ. — Милльонъ. — Свадьба. — Вѣсти изъ Владикавказъ и Хасаф-Юрта. — Уполномоченные Шамиля и ихъ рассказы о Джемаль-Эддинѣ.—Отеческое чувство.—Хаджи-Рибилъ или возстаніе въ сералѣ.

Исаакъ Грамовъ, лицо, чрезвычайно-важное въ дѣлѣ освобожденія нашихъ плѣнницъ, пріѣхалъ въ Веденій почти въ то же время, какъ и Шамиль, по возвращеніи изъ втораго похода. Гдѣ и какимъ образомъ произошла первая ихъ встрѣча — читатели узнаютъ впоследствии; а теперь, дорожа непрерывностью рассказа о плѣнницахъ, мы только скажемъ, что Грамовъ, по прибытіи въ Веденій, былъ помѣщенъ въ комнатѣ казначея Хаджію.

Въ день праздника Рождества Христова (*) къ Грамову носили сыновей плѣнницъ, маленькаго Георгія Орбеліани и Александра Чавчавадзе; но сами плѣнницы въ этотъ разъ не видѣли уполномоченнаго родныхъ своихъ. Затѣмъ Шамиль отпустилъ Грамова съ письмами и словесными инструкціями, изъ которыхъ главная состояла (по показанію плѣнницъ) въ томъ, чтобы никто болѣе не являлся къ княгинямъ отъ русскихъ до-тѣхъ-поръ, пока Джемаль-Эддинъ не прибудетъ въ Хасаф-Юртъ. Какъ ни прискорбно было плѣнницамъ такое распоряженіе, но оно имѣло для нихъ и свою хорошую сторону: оно избавляло ихъ отъ полученія безпользныхъ писемъ, которыя влекли бы за собою только тревоги и безпокойства.

(*) Плѣнницы не ошиблись во времени наступленія праздника: онѣ считали свои дни отъ 4-го іюля, и въ-теченіе восьмимѣсячнаго плѣна, обсчитались только однимъ днѣмъ: по ихъ счету освобожденіе ихъ выходило 9-го, а на-самомъ-дѣлѣ оно произошло 10-го марта.

По отъѣздѣ Грамова, княгини стали жить попрежнему. Шуанѣтъ , успокоенная возвращеніемъ Шамиля , начала чаще посѣщать ихъ. Возобновились бесѣды , нелишенные интереса для плѣнницъ. Въ этихъ бесѣдахъ Шуанѣтъ окончательно разоблачила свою прекрасную душу и нѣсколько-легкомысленный нравъ. Она часто разспрашивала о европейскомъ образѣ жизни ; говоря о модахъ, припоминала, что въ ея время въ Моздокѣ русскія дамы носили такія-то шляпы и такіе-то салоты , и интересовалась знать, какіе носятъ нынче.

— Вотъ теперь тамъ святки, продолжала Шуанѣтъ:—всѣ веселятся , ѣздятъ другъ къ другу съ поздравленіями по случаю новаго года, наряжаются, а у насъ здѣсь однообразіе... Я помню церкви: въ нихъ можно лучше молиться, чѣмъ въ нашихъ мечетяхъ или простыхъ комнатахъ... Впрочемъ, Богъ вездѣ одинъ...

Какъ-бы въ доказательство искренности послѣднихъ словъ Шуанѣты , она часто присутствовала при молитвѣ плѣнницъ и даже сама молилась иногда въ ихъ присутствіи. Но разговоры о религіи избѣгала , всегда отдѣлываясь отъ нихъ словами : «Богъ у всѣхъ одинъ» и т. п.

А вотъ что разсказывала она княгинямъ о своей біографіи:

— Я была взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ своими родными. Долго мы томились въ неволѣ; но наконецъ родные мои были всѣ освобождены цѣною денежнаго выкупа и моей свободы. Шамиль не отпускалъ только меня; но я согласилась собою пожертвовать для родныхъ. Три года я находилась при первой, уже умершей женѣ Шамиля. Въ это время меня склоняли къ принятію исламизма, но, впрочемъ, не приневоливали. Я долго не соглашалась отказаться отъ своей вѣры ; но когда увидѣла и ближе узнала Шамиля, онъ мнѣ понравился, и тогда , изъ любви къ нему, я рѣшилась на все... тѣмъ болѣе, что, не принявъ исламизма, я не могла бы сдѣлаться женою человѣка, къ которому уже была привязана всей душою. Теперь мнѣ хорошо; но только жаль...

Шуанѣтъ прервала свою рѣчь, какъ-бы совѣстясь докончить ее.

— Чего же жаль? спросили княгини.

— Жаль , что Шамиль не любитъ , чтобъ мы получше наряжались...

Въ этой исповѣди была вся Шуанѣтъ: добрая, любящая и легкомысленная.

Между-тѣмъ начались переговоры о выкупѣ плѣнныхъ, постороннихъ княгинямъ простолюдиновъ. Ни одинъ выкупъ не обо-

шелся безъ непріятностей. Положеніе выкупаемыхъ нарочно дѣлали невыносимымъ, чтобъ заставить ихъ требовать отъ родныхъ своихъ какъ можно болѣе денегъ: ихъ сажали въ яму или морили голодомъ. Но успѣвшимъ сказать, что всѣ эти истязанія изобрѣтались безъ вѣдома Шамиля, скупостью и усердіемъ Зайдёты и казначея Хаджіо, который, при всей добротѣ своей, дѣлался жаднымъ и жестокъ, когда дѣло касалось денегъ.

Дошла очередь до дочери кизисхевскаго священника. За нее, за двухъ ея братьевъ, маленькую сестру и бабушку родные прислали около полуторы тысячи рублей серебромъ. Эта сумма, по всей вѣроятности, была собрана съ величайшими усиліями; но въ сералѣ требовали больше. Молодая дѣвушка упрашивала, молила своихъ тюремщиковъ, представляла имъ, что отца и мать ея убили, что она и сама не знаетъ, откуда и къмъ были присланы деньги за ея выкупъ—все было тщетно. Наконецъ согласились отпустить всѣхъ, но удерживали маленькую сестру. Дѣвушка обратилась къ посредничеству княгини Анны Ильиничны. Княгиня просила похлопотать Шуанѣту. Шуанѣтъ долго хлопотала, просила Шамиля и принесла въ отвѣтъ, что, по ихъ законамъ, дѣти безъ матерей принадлежать имъ, *какъ посланные отъ Бога для просвѣщенія ихъ исламомъ*; но что, въ награду княгинѣ за кормленіе ребенка собственной своей грудью, Шамиль даритъ ей маленькую сироту и отпустить ее на свободу вмѣстѣ съ семействомъ княгини. Дѣвушка успокоилась. Но вскорѣ стали дѣлать ей новыя притѣсненія: просили надбавки. Тогда дѣвушка пришла въ отчаяніе и повѣсилась. Къ-счастью, Лабазанъ успѣлъ спасти ее. Спасенная самоубійца была очень-недовольна услугою Лабазана, обѣщала убить себя непременно, однакожь осталась жить. На шумъ, причиненный этимъ происшествіемъ, прибѣжала жена стараго Джемаль-Эддина, узнала въ чемъ дѣло, и, въ ужасѣ, успѣшила обо всемъ рассказать мужу. Джемаль-Эдинъ доложилъ о происшествіи Шамилю, и Шамиль приказалъ немедленно отпустить несчастную дѣвушку и все ея семейство, исключая маленькой вскормленницы княгини Анны Ильиничны: дѣвочка осталась при княгиняхъ. Послѣ этого, казалось бы, все уже кончено; но нѣтъ. Хаджіо и Зайдётъ, подъ предлогомъ, что отпускаемыхъ плѣнницъ необходимо одѣть и снабдить кое-чѣмъ на дорогу, оставили ихъ еще на три дня въ аулѣ и въ это время придумали потребовать отъ нихъ голову сахара. Несчастныя плѣнницы обѣщали прислать хоть двѣ, лишь-бы поскорѣе вырваться

на волю. Тушинъ, который пришелъ за ними, принесъ съ собою только половину денегъ , опредѣленныхъ за выкупъ ; остальная половина долженствовала быть уплачена на границѣ: поэтому съ освобожденной дѣвушкой и ея семействомъ отправили Салима и нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ всадниковъ для принятія должной суммы. Салимъ самъ вызвался исполнить это порученіе. Княгини давно подозрѣвали его въ сердечномъ расположеніи къ дочери священника , а теперь были увѣрены, что онъ взялся провозить ее не безъ цѣли. Такъ и случилось : Салимъ не возвратился въ горы. Жена его была въ отчаяніи и оглашала весь сераль своими воплями.

Много было примѣровъ , подобныхъ разсказанному. Никто не освободился изъ плѣна безъ величайшихъ затрудненій и неприятностей.

Между-тѣмъ шпионы Шамиля дѣятельно сообщали ему свѣдѣнія о нетерпѣливо-ожидаемомъ сынѣ. Такимъ-образомъ онъ узналъ, что молодой Джемаль-Эддинъ уже двадцать дней живетъ въ Ставрополѣ , ожидая тамъ новаго намѣстника (главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и войсками , къ нему прикомандированными, и намѣстника кавказскаго, генерал-адъютанта генерала-отъ-инфантеріи П. Н. Муравьева). Велѣлъ затѣмъ Шамилю дали знать, что въ Ставрополь прибылъ главнокомандующій, но не князь Воронцовъ, а другой, *не князь, а генераль*.

Нетерпѣливо ожидая болѣе-положительныхъ извѣстій о сынѣ, Шамиль предложилъ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ послать нарочнаго въ ХасаФ-Юртъ за лекарствомъ для маленькаго Александра , который хворалъ въ это время, и написать что-нибудь къ своимъ. Шуанѣтъ при этомъ случаѣ сдѣлала и съ своей стороны порученіе: она желала имѣть на рубашку кусокъ двучичевой шелковой матеріи. Княгиня обо всемъ этомъ написала къ своимъ , и нарочный отправился. Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился съ извѣстіемъ, что Джемаль-Эддинъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Петербурга; но когда будетъ на Кавказѣ—неизвѣстно. Кусокъ двучичевой матеріи также былъ полученъ и весьма понравился Шуанѣтъ, которая не хотѣла воспользоваться имъ одна, а раздѣлила его съ Зайдѣтой. При этомъ раздѣлѣ опять ничего не досталось Аминѣтъ, и опять она перестала ходить къ плѣнницамъ, сердясь на нихъ *за обиду*. Шамиль узналъ о подаркѣ , полученномъ его старшими женами, и былъ этимъ весьма-недоволенъ ; онъ предполагалъ , что шелковая матерія была прислана собственно для

княгинь , и упрекалъ своихъ женъ , замѣчая , что *неделикатно* отнимать у плѣнницъ матерію, изъ которой онѣ могли бы сдѣлать что-нибудь полезное для дѣтей своихъ.

Однажды вечеромъ къ плѣнницамъ зашла Зайдѣтъ. Появленіе ея не предвѣщало никогда ничего добраго. Дѣйствительно, и на этотъ разъ она повела разговоръ, нисколько-неутѣшительный.

— Шуанѣтъ и всѣ тамъ радуются, сказала она : — что Джемаль-Эддинъ возвращается изъ Россіи. Но вы не должны этому радоваться: я навѣрное знаю, что отъ этого ваше дѣло нисколько не подвинется впередъ : совсѣмъ не за васъ Шамиль требуетъ возвращенія сына.

— А за кого же?

— Вопервыхъ, Джемаль-Эддинъ не военноплѣнный, а аманатъ, слѣдовательно, на него нельзя вымѣнивать плѣнныхъ; а вовторыхъ, если ужъ вымѣнять за него плѣнныхъ, то такихъ, которые сами не въ-состояніи внести за себя денежнаго выкупа.

— Хорошо, пусть будетъ такъ; но мы тоже навѣрное знаемъ, что если не за насъ, то ужъ ни за кого не отдадутъ вамъ Джемаль-Эддина, и онъ возвратится въ Петербургъ.

— Пусть возвратится; это не бѣда ; у Шамиля есть дѣти и кромѣ Джемаль-Эддина; Шамиль разстался съ нимъ давно и давно его оплакалъ... А за васъ все-таки меньше миллиона мы не возьмемъ.

— Это значить, что мы всѣ здѣсь умремъ въ неволѣ, потому-что миллиона вы не получите: намъ нѣ откуда взять такой суммы. Намъ смерть не страшна... А, впрочемъ, нѣчего теперь толковать объ этомъ; поговоримъ тогда, когда пріѣдутъ наши уполномоченные. Только знайте , что миллиона вы не получите, да у васъ и сосчитать его никто не съумѣетъ.

— Но мы требуемъ не миллионъ *тумановъ* (*), а только миллионъ рублей.

— Не съумѣете сосчитать и миллионъ *абазовъ* (**)■—такъ великъ у насъ миллионъ!...

Зайдѣтъ ушла, и вскорѣ плѣнницы узнали, что казначей Хаджію уже нѣсколько дней сидитъ въ-заперти и учится считать до миллиона, вмѣсто денегъ употребляя бобы, но что всѣ его старанія не приводятъ къ желанному результату.

(*) *Туманъ* — десять рублей.

(**) *Абазъ* — 20 коп. серебромъ,

Приходитъ Шуантѣтъ и просить плѣнницъ научить ее *по четкамъ* считать до милльона. Княгини отвѣчали, что онѣ и сами не умѣютъ считать до такой большой суммы, потому-что никогда не имѣли и даже не видывали милльона.

— А отчего же я помню, что отца моего звали милльонщикомъ ? Онѣ былъ купецъ, а вы князья и, слѣдовательно, должны быть богаче, чѣмъ купцы.

— Будучи купцомъ, твой отецъ все свое состояніе имѣлъ въ деньгахъ, и потому легко могъ имѣть милльоны; а у насъ, какъ у князей, все состояніе заключалось въ земляхъ, и потому большихъ денегъ никогда не было.

Шуантѣтъ опять не сообразила, что земли можно обращать въ деньги, и потому была совершенно удовлетворена уклончивымъ отвѣтомъ плѣнницъ.

Вскорѣ въ сералѣ случилась свадьба, которую нельзя совершенно преидти молчаніемъ. Выдавали замужъ служанку Шуанѣты. Съ утра ее нарядили, набѣлили, выщипали ей часть бровей (чтобъ подравнять ихъ) и, накрывъ покрываломъ, посадили въ особой комнатѣ. Между-тѣмъ набралось множество женщинъ, принадлежавшихъ къ сералю и приходившихъ изъ аула. Поднялась стряпня, варенье и печенье; набивали сѣномъ тюфякъ, а одѣяло и подушку — шерстью. Прочее приданое состояло изъ нѣсколькихъ жестяныхъ тунгъ (*), двухъ котловъ, сковороды, жестянаго блюда и небольшого сундука съ ахалуками и рубашками. Но самая великолѣпная часть приданого, то-есть самая роскошная одежда была на невѣстѣ. Костюмъ ея заключался въ длинной рубашкѣ изъ клѣтчатоу *бязи*, или сарпинки. Сверху былъ надѣтъ синій ситцевый ахалухъ съ желтымъ кантомъ изъ *канауса* (**); на головѣ же былъ черный бумажный платочекъ и сверху длинное бѣлое покрывало.

Когда стемнѣло, начали собираться гости. Всѣ, кромѣ невѣсты, собрались въ комнату Шуанѣты и усѣлись на полу ужинать. Послѣ ужина невѣсту повели за ворота, къ жениху. На пути она была привѣтствована Шамилемъ, который вышелъ на галерею своего кабинета и прочиталъ надъ невѣстой какую-то молитву.

(*) *Тунга*—сосудъ, мѣроу въ пять бутылокъ.

(**) *Канаусъ* — туземная и персидская шелковая матерія, грубаго издѣлія.

Затѣмъ ее вывели за ворота, и она скрылась. На внѣшнемъ дворѣ раздалось два или три выстрѣла, и тѣмъ кончился обрядъ.

Около этого времени (въ началѣ Февраля) разнесся слухъ, что сынъ Шамиля уже во Владикавказѣ. Шамиль приказалъ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ написать къ мужу письмо, въ которомъ просить ускорить пріѣздъ Джемаль-Эддина въ ХасаФ-Юртъ.

Черезъ шестнадцать дней послѣ отправленія письма, княгиня получила отвѣтъ, въ которомъ заключалось извѣстіе, что Джемаль-Эддинъ уже въ ХасаФ-Юртѣ (*). Великую радость произвело это извѣстіе въ сералѣ. Неизвѣстно, какъ оно было принято Шамилемъ, но, по особенному движенію и ликованію его приближенныхъ, можно было заключить, что таково же было душевное настроеніе и хозяина дома.

Вечеромъ было опять приказано плѣнницамъ писать письма къ роднымъ; но долго княгини были не въ состояніи приняться за письма, потому-что куча народа набилась въ ихъ тѣсную комнатку : всѣ спѣшили поздравить ихъ съ приближеніемъ благополучнаго окончанія ихъ плѣна. Наконецъ явились повѣренные Шамиля, и толпа поздравителей удалилась. Повѣренные отправились въ ХасаФ-Юртъ дѣлать смотръ Джемаль-Эддину и теперь пришли къ плѣнницамъ за письмами. То были : Юнусъ, старикъ, помнившій дѣтство Джемаль-Эддина (тотъ самый мюридъ, который подъ Ахульго, въ 1839 году, передалъ малолѣтняго Джемаль-Эддина генералу Граббе), казначей Хаджію и переводчикъ Шах-Аббасъ. Они дождались писемъ отъ плѣнницъ, взяли ихъ и отправились. Княгиня Анна Ильинична въ письмѣ своемъ къ мужу, между прочимъ, писала, что она желала бы, кромѣ собственно-цинондальскихъ плѣнницъ, включить въ число выкупаемыхъ Нину, неизвѣстно куда исчезнувшую еще на дорогѣ къ Веденно, малютку, которую княгиня кормила своей грудью и которая была подарена ей Шамилемъ, и пятилѣтнюю дѣвочку, Теклу, отнятую у плѣнницъ Зайдѣтой, ту самую, если припомнять наши читатели, которую эта добрая женщина соблазняла остаться въ сералѣ, обѣщая ей равенство и свободу.

(*) Письмо было отправлено 4-го Февраля, а отвѣтъ посланъ изъ ХасаФ-Юрта 17-го и достигъ до Веденно 20-го числа того же мѣсяца. Джемаль-Эддинъ, вмѣстѣ съ кн. Д. А. Чавчавадзе, прибылъ въ ХасаФ-Юртъ 17-го числа, выѣхавъ изъ Владикавказа 15-го.

Повѣренные Шамиля не замедлили возвратиться изъ ХасаФ-Юрта, привезли Шамилю письмо отъ сына и сообщили много пріятнаго. Они рассказывали, что имъ не трудно было узнать въ Джемаль-Эддинѣ дѣйствительнаго сына Шамиля, что Джемаль-Эддинъ обращался съ ними весьма-хорошо и привѣтливо, что онъ свободенъ и находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ Давидомъ, и даже спитъ съ нимъ въ одной комнатѣ, но что одно только имъ не понравилось: онъ, сынъ святѣйшаго имама, въ бытность ихъ въ ХасаФ-Юртѣ, ходилъ на вечеръ къ русскимъ Офицерамъ, и—о ужасъ! танцевалъ тамъ съ женами гяуровъ; они сами это видѣли, скрытно наблюдая за нимъ черезъ окно, съ улицы.

Этотъ рассказъ, какъ и слѣдовало ожидать, всего болѣе возмутилъ Зайдѣту. Посѣтивъ княгиню, она громко сокрушалась, что сынъ Шамиля забылъ Бога, обрусѣлъ, и что добраго ничего не будетъ отъ возвращенія его къ отцу. Княгини защищали Джемаль-Эддина, говорили, что онъ измѣнится, будетъ приноровливаться къ желаніямъ отца и обычаямъ страны. Шуанеть поддерживала увѣренія княгини, но все было напрасно: Зайдѣтъ твердила свое и прибавляла: «Лучше бы требовать не сына, а побольше денегъ», ит. п.

Однажды утромъ Шуанеть зашла къ плѣнницамъ и сообщила имъ, что Шамиль чрезвычайно-счастливъ и веселъ, и сказалъ ей: «Шуанеть, я очень-радъ, что ты несовсѣмъ забыла говорить по-русски; занимай Джемаль-Эддина, когда онъ пріѣдетъ: я тебя его поручаю».

Повѣренные вскорѣ снова отправились въ ХасаФ-Юртъ, но въ этотъ разъ княгини не дали имъ никакихъ писемъ, и вотъ по какимъ причинамъ: имъ было приказано написать къ роднымъ, чтобы они не жалѣли денегъ, если желаютъ когда-нибудь увидѣть освобожденіе плѣнницъ, что эти деньги требуетъ не Шамиль, а народъ, желающій получить никакъ не менѣе милліона. Княгини отказались наотрѣзъ писать подобныя письма, объясняя, что это будетъ только излишняя переписка и бесполезная проволочка времени, что дать милліонъ родные ихъ никогда не будутъ въ состояніи, еслибъ даже продали все свое недвижимое имѣніе, тѣмъ болѣе, что оно опустошено набѣгомъ горцевъ, и теперь за него никто не дастъ даже десятой части требуемой суммы.

Шамилю передали о непослушаніи княгини; но онъ нетолько не изъявилъ негодованія, а еще приказалъ не беспокоить болѣе

плѣнницъ , и взялся самъ продолжать переговоры о ихъ выкупѣ.

По мѣрѣ приближенія къ развязкѣ дѣла, плѣнницъ очевидно щадили и берегли болѣе-и-болѣе; но, несмотря на то, онѣ должны были соблюдать чрезвычайную осторожность въ своихъ поступкахъ и разговорахъ. Малѣйшее отступленіе отъ осторожности тотчасъ влекло за собою непріятности, иногда очень-чувствительныя, а иногда даже и опасныя. Расскажемъ примѣръ.

На другое утро послѣ исторіи съ письмами, въ комнату плѣнницъ зачѣмъ-то зашла служанка и переводчица Зайдеты, а княжна Баратовой вздумалось высказать при ней свое неудовольствіе на Шамиля. Княжна говорила, что Шамиль не оправдалъ своихъ намѣреній, потому-что сначала только и говорилъ о сынѣ , а теперь, когда сынъ почти уже возвратился , онъ опять заговорилъ о миллионѣ. Служанка отвѣчала, что въ этомъ нужно обвинять народъ, а не Шамиля, который совершенно довольствуется возвращеніемъ сына, а деньги требуетъ единственно по настоянію народа и народнаго совѣта.

— Все это очень-хорошо, возразила неосторожно княжна : — но только какое же понятіе будетъ имѣть Джемаль-Эддинъ объ отцѣ, когда узнаетъ о его невѣрности своему слову?...

Служанка продолжала защищать Шамиля и спорить съ княжною. Споръ принялъ рѣзкій оборотъ и кончился тѣмъ, что служанка побѣждала къ Зайдѣтѣ съ донесеніемъ о случившемся.

Зная, что въ подобномъ донесеніи не могло обойтись безъ преувеличенія преступленія, княгиня Анна Ильинична немножко испугалась за послѣдствія и пошла обо всемъ предупредить Шуанѣту.

— Я давно совѣтовала вамъ быть осторожнѣе въ своихъ разговорахъ, сказала Шуанѣтъ, выслушавъ княгиню, и собиралась уже отправиться къ Зайдѣтѣ, какъ вдругъ влетаетъ въ комнату Хаджи-Ребиль (воспитательница дѣтей Шамиля) и, какъ фурія, бросается съ укоризнами на Шуанѣту. Княгиня не понимаетъ ихъ разговора, но видитъ, что Шуанѣтъ измѣнилась въ лицѣ и, въ смущеніи, ничего не отвѣчаетъ. На шумъ прибѣжала Аминѣтъ и тоже остановилась въ ошолбенѣніи. Ярость Хаджи-Ребиль дошла до того, что она даже позволила себѣ толкнуть Шуанѣту. Тогда Шуанѣтъ вдругъ залилась крупными слезами и, обратясь къ княгинѣ, сказала ей порусски :

— Вотъ до чего дожила я! Она упрекаетъ меня самой болѣйшей жертвой , какую только я могла принести Шамилю изъ

любви къ нему: переменной моей религіи!... Она говоритъ, что я вамъ покровительствую оттого, что сама была христіанкой, и что теперь я первая измѣнница Шамилю!...

Княгиня Анна Ильинична не могла не прійти въ справедливое и благородное негодованіе. Она просила Аминѣту перевести обезумѣвшей Хаджи-Ребиль, чтобъ она сейчасъ же вышла вонъ изъ комнаты, и что, въ противномъ случаѣ, княгиня, бывшая свидѣтельницей оскорбленія, нанесеннаго женѣ Шамиля, сама найдетъ время и случай обо всемъ разказать ему.

Слова княгини подѣйствовали: Хаджи-Ребиль удалилась, притаивъ свою злобу, и Шуанѣтъ понемногу успокоилась.

Тогда княгиня обратилась къ Шуанѣтѣ съ просьбою побережъ себя и уже не приходитъ болѣе въ комнату плѣнницъ, чтобъ не раздражать злобы и Фанатизма своихъ завистницъ и непріятельницъ.

Шуанѣтъ дѣйствительно стала рѣже посѣщать плѣнницъ, а Аминѣтъ тутъ-то и приблизилась къ нимъ, вторично позабывъ собственное свое неудовольствіе (за двуличную матерію) и увѣряя, что ей «весело бѣсится Зайдѣту».

VIII.

КОВАРНОЕ УСПОКОЕНІЕ. — РЕШИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОРЪ. — БОЛѢЗНЬ И НОВЫЯ НЕЛѢПЫЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ. — ХОРОШІЙ ОБОРОТЪ ДѢЛА. — СТАРЫЙ ДЖЕМАЛЬ-ЭДДИНЪ. — АНАХОРЕТЬ, или одна изъ тѣхъ комедій, которымъ Шамиль обязанъ своимъ вліяніемъ на народъ. — ФОРМАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Въ концѣ Февраля Юнусъ, Хаджіо и Шах-Аббасъ возвратились изъ вторичной поѣздки въ ХасаФ-Юртъ и привезли Шамилю письмо отъ князя Д. А. Чавчавадзе. Содержаніе письма въ это время не было сообщено княгинямъ, а потому и мы приведемъ его въ послѣдствіи, при подробномъ изложеніи переговоровъ о выкупѣ.

Плѣнницы безпокоились неизвѣстностью, тѣмъ болѣе, что собственно къ нимъ никакого письма въ этотъ разъ не было. На другой день, по возвращеніи уполномоченныхъ, княгиня Чавчавадзе пошла къ Шуанѣтѣ, чтобъ хоть отъ нея узнать что-нибудь о судьбѣ своей, но Шуанѣты не было въ ея комнатѣ:

она была у Зайдеты. Княгиня еще ни разу не была у женщины, къ которой не могла не питать презрѣнія ; но теперь желаніе удовлетворить понятное любопытство, побудило княгиню пересилить свое отвращеніе и сдѣлать визитъ Зайдетѣ. Это было утромъ. Княгиня нашла Зайдету и Шуанету за чаемъ. Обѣ хозяйки пригласили гостью сѣсть съ ними на коверъ и предложили ей чашку чаю.

— Что новаго? спросила княгиня, принимая подаваемую ей чашку.

— Возвратившіеся посланные, отвѣчала Зайдетъ : — рассказы-вали, что въ ХасаФ-Юртѣ мѣняють деньги на серебро. Шамиль завтра напишетъ и пошлетъ къ вашимъ свои послѣднія условія, и я надѣюсь, что очень-скоро ваше дѣло придетъ къ благополучному окончанію.

Княгиня едва могла скрыть свою радость при этомъ извѣстіи; но — увы! она была обманута Зайдетой. На другой же день для нашихъ плѣнницъ наступили новыя мученія, далеко отбросившія ихъ отъ надежды на скорое освобожденіе.

Началось съ того, что ихъ очень-рано пробудило появленіе Индриса на галереѣ, передъ дверью ихъ комнаты. Уже одно присутствіе этого человѣка знаменовало что-то недоброе : плѣнницы со страхомъ начали одѣваться.

— Полно вамъ бариться-то! закричалъ черезъ дверь Индрись, недовольный нѣкоторою медленностью туалета княгини : — вотъ пошлютъ воду да дрова таскать, такъ перестанете важничать.

Молчаливо принявъ эту кровавую дерзость, княгини поспѣшно одѣлись, вышли на галерею и освѣдомились, съ какимъ важнымъ порученіемъ Индрись присланъ отъ своего повелителя.

Индрись отвѣчалъ :

— Послѣднее письмо князя Чавчавадзе привело Шамиля въ великое негодованіе. Имамъ рѣшилъ прекратить всѣ переговоры, а васъ всѣхъ разослать по ауламъ, въ подарокъ наibaмъ. Такъ вотъ я пришелъ сказать вамъ, чтобъ вы приготовились къ путешествію: осмотрите одежду вашихъ дѣтей и скажите, не нужно ли имъ чего-нибудь изъ платья: ихъ тоже раздадутъ по разнымъ ауламъ, а тамъ ужъ ничего необходимаго не достанутъ.

Невозможно изобразить всѣхъ чувствъ, которыми слова Шамилева холопа взволновали несчастныхъ плѣнницъ. Негодованіе на своихъ палачей, ужасъ за общаемое будущее, грусть при видѣ

такой ужасной развязки вмѣсто столь близкаго и, повидимому, вѣрнаго освобожденія—всѣ эти чувства слились въ одно страшное, сокрушающее горе.

Княгиня Анна Ильинична собрала всѣ силы, уже готовая ее оставить, и сказала Индрису :

— Мы не вѣримъ, чтобъ князь Давидъ написалъ что-нибудь оскорбительное для Шамиля. Развѣ если были на то со стороны самого Шамиля важные поводы. Мы требуемъ, чтобъ намъ было показано письмо моего мужа.

Индрись ушелъ. Княгини возвратились въ свою комнату. Тутъ прибѣжали къ нимъ старшія жены и разная челядь серала. Видя печаль и замѣшательство плѣнницъ, Зайдѣтъ сказала имъ :

— Что это вы такъ переполошились? Право, нѣтъ ничего удивительнаго, что Шамиль *тань* поступаетъ съ вами. Всему виною ваши родные: зачѣмъ не исполняютъ они своихъ обѣщаній.

Княгини не могли и не хотѣли ничего отвѣчать на слова Зайдѣты.

Черезъ нѣсколько времени на галереѣ появились новые посланники Шамиля; то были: сынъ его Кази-Махматъ, переводчикъ Шах-Аббасъ, казначей Хаджіо и съ ними нѣсколько муллъ и наивовъ.

Плѣнницы были вызваны на галерею. Разговоръ начался словами Кази-Махмата :

— Шамиль, сказалъ онъ : — оскорбленный письмомъ князя Чавчавадзе, рѣшился раздать васъ своимъ наивамъ ; но я упротребилъ имама еще разъ послать своихъ уполномоченныхъ къ вашимъ родственникамъ, чтобъ еще, въ послѣдній разъ, попытаться склонить ихъ на наши требованія.

— Благодаримъ васъ за участіе, сказала княгиня Варвара Ильинична: — но мы не можемъ повѣрить, чтобъ князь Давидъ написалъ безъ всякой причины что-либо непріятное для Шамиля. Мы желали бы сами видѣть письмо князя Давида.

Кази-Махматъ обратился къ Ходжіо, взялъ у него письмо и передалъ плѣнницамъ. Княгиня Варвара Ильинична прочитала и сказала :

— Тутъ ничего нѣтъ оскорбительнаго для имама, и я прошу, чтобъ Шах-Аббасъ перевелъ содержаніе письма какъ-можно-точнѣе.

— Дѣло идетъ не объ оскорбленіи; но вы видите изъ письма, на какія ограниченныя условія соглашается князь Чавчавадзе. Между-тѣмъ мы имѣемъ вѣрныя свѣдѣнія, что онъ получилъ де-

Ч. и.

негт. гораздо-болѣе, чѣмъ намъ предлагаетъ за ваше освобожденіе.

Княгиня Анна Ильинична вспыхнула негодованіемъ и, вставъ съ своего мѣста, громко отвѣчала Кази-Махмату :

— Это неправда! Я увѣрена, что мужъ мой не пожалѣетъ и не спрячетъ ни одного *шаура* (*) для нашего освобожденія, а пожертвуетъ всѣмъ , что имѣетъ. Въ-особенности теперь для чего ему деньги? Вѣроятно, онъ предлагаетъ все, что успѣлъ получить подъ закладъ своего имѣнія.

Потомъ, обратясь къ Шах-Аббасу, княгиня прибавила:

— Если они этого не понимаютъ, то вы должны знать, что у насъ не дають денегъ безъ заклада. У моего мужа нѣтъ ничего болѣе!

— Какъ можешь ты говорить такъ утвердительно ? замѣтилъ Кази-Махматъ : — а что ты скажешь, если мужъ твой рѣшится дать болѣе?

— Ни одной копейки! я въ этомъ увѣрена.

— А если ему помогло правительство?

— Этого быть не можетъ ; а еслибъ и было, то мужъ мой, конечно, предлагаетъ вамъ сполна все то, чѣмъ можетъ располагать.

— Можешь ли ты поручиться своей головою , что у него болѣе ничего нѣтъ и что онъ не дастъ намъ ничего болѣе предлагаемаго?

— Ручаюсь головою! отвѣчала княгиня безъ основанія, но побуждаемая какимъ-то вдохновеніемъ непостижимой смѣлости и рѣшимости.

Эта смѣлость, какъ и всегда , благотѣльно подѣйствовала на горцевъ. Они значительно смягчили требовательный тонъ разговора. Кази-Махматъ продолжалъ:

— Хорошо, мы вѣримъ, что мужъ твой разоренъ. Но зачѣмъ же князь Григорій Орбеліани отступилъ отъ переговоровъ и даже уѣхалъ изъ Темир-Хан-Шуры?

— Вѣроятно, онъ не по своей волѣ, а по приказанію начальства уѣхалъ изъ Темир-Хан-Шуры ; а отъ переговоровъ онъ, конечно, не отступалъ. Я увѣрена, что въ суммѣ , предлагаемой за наше освобожденіе, есть значительная доля и его денегъ, отвѣчала княгиня Варвара Ильинична.

(*) *Шауръ* — пять коп. сер.

— Но онъ могъ бы вести особые переговоры о тебѣ и о княжнѣ Баратовой , какъ о своихъ ближайшихъ родственникахъ. Въ противномъ случаѣ, мы отпустимъ княгиню Чавчавадзе и дѣтей ея; а тебя съ сыномъ и племянницей задержимъ здѣсь.

Княгиня Анна Ильинична опять вмѣшалась въ разговоръ.

— Я удивляюсь, сказала она съ запальчивостью и достоинствомъ : — какъ не стыдитесь вы дѣлать намъ подобныя предложенія! Въ-особенности, какъ не стыдно это Кази-Махмату, который набѣгомъ своимъ на Кахетію приобрѣлъ славу въ народѣ, а между-тѣмъ не можетъ по совѣсти сказать, что онъ вынималъ ружье изъ чехла ! Онъ съ двумя тысячами чеченцевъ воспользовался беззащитностью женщинъ и взялъ ихъ какъ изъ клѣтки ! Мы ничего вамъ не стоили ; а между-тѣмъ черезъ насъ вы получаете великое счастье видѣть посреди себя вашего старшаго брата. Кромѣ-того, вамъ даютъ денегъ столько, сколько дать могутъ. Такъ чего же вы еще отъ насъ требуете? И для чего такъ притѣсняете насъ ? Знайте, что если вы будете требовать невозможнаго, то наши родные пожертвуютъ нами и отошлютъ обратно въ Россію Джемаль-Эддина. Чѣмъ тогда загладите вы свой стыдъ и посрамленіе?

Когда Кази-Махмату перевели слова княгини , онъ имѣлъ добросовѣстность не возражать, покраснѣлъ и, въ смущеніи, опустилъ глаза, какъ пристыженный ребенокъ.

Тогда заговорили муллы.

— Все это очень-хорошо, сказали они, видимо желая прекратить разговоръ: — но Шамиль позволилъ вамъ еще недѣлю остаться здѣсь , съ тѣмъ , чтобъ вы написали *хорошія* письма къ вашимъ родственникамъ.

Тѣмъ и кончилось это шумное и рѣшительное объясненіе. Но, уходя вмѣстѣ съ прочими , Шах-Аббасъ успѣлъ шепнуть плѣнницамъ:

— Не тревожьтесь : здѣсь ужъ такой обычай , чтобъ пугать христіанъ; но я знаю, что все хорошо кончится.

Тѣмъ не менѣе плѣнницы , возвратясь къ себѣ въ ком нату написали и отправили письма , исполненныя отчаяніемъ безнадежности (*), и послѣ того долго не могли прійти въ себя'отъ волненія; особенно же была взволнована княгиня Анна Ильинич-

(*) См. въ первомъ приложеніи къ III-й части, письма 1-е и 2-е.

на; и не мудрено, потому-что она съ особенной горячностью защищала свое дѣло въ разговорѣ съ Кази-Махматомъ и наибами. Впечатлѣніе этого разговора подѣйствовало на нее и Физически: въ изнуреніи, она прилегла на тюфякъ. Тогда вошла въ комнату Шуанѣтъ и, замѣтивъ изнеможеніе княгини, отвела въ сторону княгиню Орбеліани и, какъ-бы конфиденціально, сказала ей слѣдующее :

— Послушай, *Варварѣ*, ты ужъ не такъ молода, чтобъ тебя могла удивить всякая неожиданность; не удивляйся же, вотъ что я скажу тебѣ: сестра твоя *кончается*, стало-быть, намъ все-равно, что оставить ее здѣсь, что отпустить на свободу; мы ее и отпустимъ съ дѣтьми, а тебѣ совѣтую остаться вмѣсто нея, въ залогъ миліона.

— Остаться я готова, отвѣчала княгиня Варвара Ильинична:— я и прѣїде на это изъявляла готовность; но все-таки должна сказать, что миліона вамъ не дадутъ ни въ какомъ случаѣ, а князь Давидъ никакъ не рѣшится выкупить насъ одну безъ другой. Дѣло зашло слишкомъ далеко.

— Но попробуй, напиши къ нему, что ты согласна остаться здѣсь въ ожиданіи выкупа въ миліонъ рублей. Шамиль этого желаетъ.

— Я готова писать, хотя совершенно убѣждена, что ни князь Давидъ, ни сестра моя не согласятся на такія условія.

Шуанѣтъ была довольна и побѣждала сообщить Шамилю объ успѣхѣ даннаго ей порученія.

Между-тѣмъ княгиня Анна Пльинична, заболѣвъ вслѣдствіе сильнаго раздраженія при разговорѣ съ Кази-Махматомъ и наибами, продолжала хворать, хотя совсѣмъ не была въ томъ опасномъ положеніи, въ какомъ находила ее Шуанѣтъ. Прошло нѣсколько грустныхъ, ничѣмъ-незамѣчательныхъ дней. Однажды вечеромъ пришли ее навѣстить старшія жены. Шуанѣтъ ушла на галерею съ княгиней Варварой Ильиничной, а Зайдѣтъ осталась въ комнатѣ.

— Зачѣмъ вы такъ сильно упорствуете? сказала она больной княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ: — почему бы не уйдти тебѣ отсюда съ твоимъ Александромъ? А сестра твоя и прочія дѣти остались бы здѣсь до-тѣхъ-поръ, пока вы не прислали бы за нихъ миліонъ.

— Но откуда же мы возьмемъ миліонъ? съ усиліемъ и отвращеніемъ произнесла больная.

— Ты взяла бы носовой платокъ и пошла бы по городамъ собирать деньги на выкупъ.

Какъ ни уклонялась больная отъ бесѣды съ Зайдѣтой , но послѣдняя ея выходка разсмѣшила княгиню и невольно вызвала ее на отвѣтъ.

— Напрасно ты стараешься уговаривать меня, сказала она Зайдѣтъ: — я знаю и свое состояніе и средства , какими могу приобрѣсти деньги. Происхожденіе мое не позволить мнѣ собирать милостыню ; да еслибъ я и рѣшилась на это, то во всю жизнь не набрала бы и десятой части милійона.

— Отчего же происхожденіе твое тому препятствуетъ?

Княгиня спохватилась, что она напрасно упомянула о своемъ происхожденіи, и поспѣшила поправить ошибку отвѣтомъ, болѣе-сообразнымъ съ понятіями татарки.

— Оттого, отвѣчала она: — отчего и твое происхожденіе тому препятствовало бы: ты не можешь выйти изъ дома; точно также и меня не пустить мужъ мой ходить по-міру.

— Ну, послѣ этого ужъ право не знаю, что и дѣлать! заключила Зайдѣтъ, поднялась съ своего мѣста и вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько дней возвратились изъ ХасаФ-Юрта уполномоченные, ѣздившіе туда съ послѣдними письмами плѣнницъ. Съ замираніемъ сердца узнали онѣ о ихъ возвращеніи и ожидали разсказовъ о результатѣ поѣздки. Но на этотъ разъ имъ не было суждено узнать ничего непріятнаго. Возвращеніе уполномоченныхъ ознаменовалось въ сералѣ тѣмъ всеобщимъ движеніемъ и суетливостью , которыя всегда были признакомъ добраго расположенія духа имама.

Казначей Хаджіо нашель случай разсказать княгинямъ , что князь Давидъ написалъ, или приказалъ сказать Шамилю что-то очень-рѣзкое и рѣшительное , но что Шамиль, сверхъ чаянія, остался доволенъ , вѣроятно , потому , говорилъ Хаджіо , что имамъ всегда цѣнилъ смѣлость и рѣшительность , а въ князѣ Чавчавадзе уважаетъ и цѣнить его прямоу, храбрость, энергію, и т. д.

— Ваше дѣло принимаетъ весьма-хорошій оборотъ, заключилъ казначей : — старикъ Джемаль-Эддинъ сильно держитъ вашу сторону.

Вслѣдъ за ушедшимъ казначеемъ, къ дверямъ плѣнницъ пришелъ и самъ Джемаль-Эддинъ. На галерею къ нему вышла одна

княгиня Варвара Ильинична ; княгиня же Анна Ильинична , по нездоровью, не могла оставить своей комнаты.

Наружность Джемаль-Эддина была почтенная и располагающая. Это былъ высокій, худощавый , сѣдой старикъ , съ правильными чертами и умнымъ выраженіемъ лица.

— Какъ здоровье васъ обѣихъ? спросилъ онъ княгиню Варвару Ильиничну черезъ переводчицу Тамару.

— Сестра больна, отвѣчала княгиня.

— Я это давно слышала. Ты тоже похудѣла. Мнѣ жаль васъ ; но вы сами себя убиваете. Я не понимаю , зачѣмъ вы такъ отчаяваетесь. Вамъ съ самаго начала мы говорили, что ничего худа го не будетъ.

— Это правда; но мы плѣнницы Шамиля и не можемъ быть спокойны, зная, что не сегодня, такъ завтра насъ могутъ разослать по ауламъ, разлучить другъ съ другомъ, отдать набамъ.

— Если такъ, то зачѣмъ же ты къ брату твоего мужа (князя Григорія Орбеляни) не писала ничего такого, что` могло бы его *тронуть* и заставить согласиться на увеличеніе вашего выкупа?

— Затѣмъ, что я очень-хорошо знала , что онъ и безъ того сдѣлалъ *все*, и болѣе *ничего* сдѣлать не можетъ.

— Но отчего же ты, которая сильнѣе сестры, не хочешь остаться здѣсь и цѣною своего плѣна освободить сестру и слабыхъ дѣтей ?

— Я была согласна, и сама говорила объ этомъ еще сначала нашего плѣна ; но теперь поздно ; теперь *наши* на это не согласятся.

Джамаль-Эдинъ, сидѣвшій до этого времени на скамѣ, всталъ и сказалъ съ одушевленіемъ :

— Клянусь головой моей, что все для васъ благополучно кончится. Шамиль хоть и рѣшительный человѣкъ , но все же онъ сынъ мой!...

Съ этими словами добрый старикъ хотѣлъ удалиться, но княгиня остановила его вопросомъ:

— А если Шамиль будетъ не въ-состояніи склонить на уступку своихъ подвластныхъ? Мы слышали , что денегъ требуетъ народъ настойчивѣе, чѣмъ самъ Шамиль.

— Для-того, чтобъ убѣдить народъ , у насъ есть средство. Но объ этомъ я не могу сказать вамъ. Будетъ время, можетъ, и сами узнаете.

И старикъ удалился.

Дѣйствительно, вскорѣ княгини узнали, въ чемъ состояло средство, о которомъ намекнулъ Джемаль-Эддинъ и которое Шамиль употребилъ для убѣжденія народа принять отъ родственниковъ плѣнницъ, вмѣсто желаемого милійона, ту сумму, какую они предлагали.

Куда-то въ пустынные горы и дикіе лѣса шамилевыхъ владѣній посылали за извѣстнымъ отшельникомъ, какимъ-то анахзретомъ мюридизма, пользующимся громкою славой святаго и угоднаго Богу человѣка, уже много лѣтъ созерцающаго Божество въ своемъ неприступномъ уединеніи (*). Анахаретъ прибылъ въ Веденно и былъ помѣщенъ въ старомъ кабинетѣ Шамиля, изъ котораго дверь выходила во внутренній дворъ, а большое окно во внѣшній. На этотъ послѣдній дворъ стогнали ежедневно огромное количество народа и, по всей вѣроятности, преимущественно ту часть народа, которая участвовала въ нападеніи на Кахетію, и слѣдовательно была наиболѣе заинтересована дѣломъ о выгодномъ выкупѣ плѣнницъ. Три недѣли сряду, каждый день, неутомимо проповѣдывалъ отшельникъ народу (черезъ окно) постановленія мюридизма. Въ промежуткахъ своей проповѣди онъ молился, употребляя при этомъ странныя тѣлодвиженія, похожія на движенія песта въ ступкѣ, а въ промежуткахъ молитвы пѣлъ раздрающимъ голосомъ *астафюр-Алла!* Въ то же время, всѣ присутствующіе въ комнатѣ, то-есть самъ Шамиль, Кази-Махматъ, Джемаль-Эддинъ и почетнѣйшіе приближенные имама пѣли хоромъ : *ля-илляха-иль-Алла!* и дѣлали такія же тѣлодвиженія, какія дѣлалъ отшельникъ. Пѣніе постепенно ускорялось вмѣстѣ съ тѣлодвиженіями до-тѣхъ-поръ, пока молящіеся такимъ образомъ не приходили въ экстазъ, или восторженное состояніе, и тогда пѣніе ихъ часто обращалось въ одинъ отрывистый, какъ-будто изъ глубины груди выходящій звукъ : *ля!... ля!...*

Изъ комнаты плѣнницъ были очень-хорошо слышны всѣ эти благочестивыя упражненія главнѣйшихъ представителей знаменитаго кавказскаго мюридизма.

Княгини, еще непостигавшія настоящей цѣли всей этой комедіи, задумывались о странномъ способѣ мусульманскаго богочитанія, но г-жа Дрансѣ выходила изъ терпѣнія, слушая раздрающіе звуки однообразной молитвы : *Ah! j'en ai assez do*

(*) См. о мюридизмѣ въ 5-мъ приложеніи къ III-й чести.

Ces prières ! восклицала она , затыкая себѣ уши. Нянюшка же маленькаго Георгія Орбеліани, благоразумная и добрѣйшая Катерина Яковлевна, при этомъ случаѣ, разсуждала такимъ образомъ: «не-уже-ли же, сударыня, Богъ такую молитву прійметъ?» На счетъ же возгласа отшельника, часто повторявшаго свое : *аста-фюр-Алла*, Катерина Яковлевна замѣчала , что это въ переводѣ значить : *оставь милѣйонъ*. Что касается до дѣтей, то они были очень-довольны тѣмъ, что могли научиться подражать съ необыкновенною вѣрностью пѣнію мюридовъ.

Мы ужъ сказали, что вся эта исторія продолжалась три недѣли, начавшись гораздо-ранѣе, чѣмъ плѣнницы были подвергнуты описаннымъ выше мучительнымъ для нихъ переговорамъ. Но только теперь поняли онѣ, для чего все это дѣлалось. Въ заключеніе своихъ проповѣдей, отшельникъ обыкновенно училъ народъ умѣренности въ жизни, толковалъ о суетности всего преходящаго и внушалъ , что излишнее богатство ведетъ человѣка ко всѣмъ порокамъ и къ гибели, какъ въ здѣшнемъ мірѣ, такъ и въ раю Мухаммеда.

Плѣнницы поняли, что Шамиль употребилъ содѣйствіе отшельника съ цѣлью подготовить народъ къ согласію принять за ихъ выкупъ ту сумму, которую за нихъ предлагали, и которая такъ далеко не достигала до милѣйона, требуемаго народомъ , и удивлялись только тому, зачѣмъ Шамиль, распорядившись уже заблаговременно принять такую сильную мѣру къ убѣжденію своихъ подвластныхъ, и доказывая тѣмъ, что самъ онъ давно былъ согласенъ принять условія предлагаемаго выкупа — зачѣмъ, послѣ всего этого, допустилъ мучить своихъ плѣнницъ бесполезными требованіями и настояніями. Еще удивительнѣе для нихъ были эти настоянія, когда онѣ узнали, что ужъ двѣ недѣли назадъ, разрабатывалась дорога къ р. Мечіку (мѣсту обмѣна) для проѣзда колесныхъ экипажей, то-есть доморощенныхъ горскихъ *арбѣ*. Въ-самомъ-дѣлѣ, нетерпѣливое ожиданіе Шамиля поскорѣе устранить всѣ препятствія къ возвращенію своего старшаго сына было очевидно, и потому очень-трудно было бы истолковать причины допущенныхъ имъ притѣсненій и грубаго обхожденія съ плѣнницами , еслибъ мы ужъ не знали , что многое въ сералѣ происходило безъ его вѣдома, или исполнялось не такъ , какъ онъ приказывалъ. Притомъ же, скупость и жестокость Зайдеты могли быть однимъ изъ сильныхъ поводовъ ко всему тому, что претерпѣли плѣнницы въ послѣдніе дни своего пребыванія въ сералѣ.

Дѣйствительно,, эти дни были ужь *последними*. Вечеромъ того дня, когда приходилъ къ княгинямъ старый Джемаль-Эддинъ (въ субботу, 5-го марта) , явился къ нимъ казначей Хаджіо и объявилъ , что онѣ свободны , что Джемаль-Эддинъ , имѣвшій право на *пятую часть* суммы , предлагаемой за освобожденіе плѣнницъ, предложилъ свою часть въ пользу народа, что народъ, вслѣдствіе этого, согласился принять 40,000 р., и что съ этою новостью ужь отправлены нарочные въ Хаса<i>-Юртъ.

Тутъ, по обыкновенію, поднялась страшная бѣготня и суматоха. Всѣ жительницы сераля спѣшили къ плѣнницамъ и поздравляли ихъ съ радостью освобожденія, всѣ — кромѣ Зайдёты. Но больше всѣхъ, кажется , была рада бабушка молодого Джемаль-Эддина, старая Баху́ : она тоже приплелась къ плѣнницамъ и, въ избытокъ чувствъ, плакала и целовала ихъ руки.

IX.

АВТОРСКОЕ ОТСТУПЛЕНІЕ. — КАРИМАТЬ. — ОТЕЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ. — ОБЛОМКИ УТРАЧЕННАГО.—ДВУСМЫСЛЕННАЯ ЧЕРТА ИЗЪ ГОРСКИХЪ ПРАВОВЪ. — ВИЗИТЬ. — КАНУНЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ.

Такъ прошло *восемь мѣсяцевъ* со времени перваго удара не-счастія, постигшаго плѣнницъ; но еще оставалось имъ *шесть дней*, до минуты радостнаго возвращенія на родину. Здѣсь ли раз-статься намъ съ *счастливыми* плѣнницами , или дослѣдить до конца все пребываніе ихъ въ сералѣ — вотъ вопросъ, который, право , немало затрудняетъ пишущаго эти строки. Конечно, мы слишкомъ-давно разстались съ княземъ Д. А. Чавчавадзе и другими лицами , явившимися въ началѣ нашего повѣствованія; а съ другой стороны, по правиламъ искусства и по примѣрамъ опытныхъ раскащиковъ, слѣдовало бы теперь оставить нашихъ героинь на *интересномъ мѣстѣ* ихъ приключеній и обратиться за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, чтобъ показать неменѣе-миле-ресную сторону событія, а именно: дѣйствія родственниковъ плѣн-ныхъ княгинь и переговоры, веденные съ Шамилемъ о ихъ осво-божденіи; а потомъ могли бы мы опять на *интересномъ мѣстѣ* прервать рассказъ и обратиться къ послѣднимъ днямъ пребыванія нашихъ героинь въ сералѣ. Все это было бы очень эффектно.

Но мы ничего этого не сдѣлаемъ. Мы пишемъ не романъ, ко-торый нуждался бы въ правилахъ искусства; мы рассказыва-

емъ истину , *быль* , ненуждающуюся ни въ какихъ техническихъ авторскихъ ухищреніяхъ. Притомъ же, намъ жаль разстаться съ нашими плѣнниками послѣ восьми-мѣсячной жизни, такъ неразлучно-прожитой вмѣстѣ съ ними. Намъ не хочется оставить ихъ даже и на *шесть днѣй*: доведемъ же ихъ до дня, который избыткомъ радости вознаградить ихъ за всѣ претерпѣнные страданія; передадимъ ихъ съ рукъ на руки счастью, и тогда обратимся къ послѣдней части разсказа , которая представитъ нашимъ читателямъ едва-ли не самые интересные Факты по отношенію къ одному изъ главнѣйшихъ лицъ этой правдивой исторіи, то-есть по отношенію къ самому Шамилю.

Въ воскресенье, 6-го марта, по сералю разнесся слухъ , что въ Веденні) ѣдетъ изъ своего наибства Кази-Махматъ съ женою, которая желаетъ вмѣстѣ со всѣми родными встрѣтить ожидаемаго изъ Россіи старшаго брата своего мужа и, кромѣ того , весьма любопытствуеъ видѣть плѣнныхъ княгинь.

Въ понедѣльникъ явился казначей и предложилъ княгинямъ написать письмо въ ХасаФ-Юртъ съ увѣдомленіемъ, что Шамиль избралъ для *обмѣна* четверкъ, то-есть 10-е число того же мѣсяца. По показанію горцевъ, *четверкъ* — любимый день Шамиля, и онъ всегда старается начинать важныя свои дѣла и предпріятія въ этотъ день.

Легко себѣ представить, съ какимъ восторгомъ было написано это извѣщеніе.

Въ понедѣльникъ же вечеромъ прибыли въ аулъ Кази-Махматъ и жена его; нѣсколько-ранѣе привезли въ сераль и Махмата-Шаби, въ которомъ княгини нашли большую перемѣну : хорошенькій мальчикъ нѣсколько возмужалъ, ходилъ степенно и не шалилъ, какъ прежде; видно было, что его порядочно вышколили въ чужихъ людяхъ.

Прежде, чѣмъ молодая чета, сынъ и невѣстка Шамиля , прибыли къ воротамъ сераля, на встрѣчу имъ поѣхали верхами дочери Шамиля съ своей гувернанткой, Хаджи-Ребилъ, и съ нѣкоторыми другими женщинами. Когда онѣ уѣхали, вышелъ случайно изъ своей комнаты Шамиль и, увидѣвъ на дворѣ Махмата-Шаби, сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ не поѣхалъ вмѣстѣ съ другими встрѣчать брата и жену его. Юноша побѣждалъ въ конюшню, осѣдлалъ лошадь , но на встрѣчу брата не поспѣлъ: жена Кази-Махмата, *Кариматъ*, показалась въ воротахъ. Она граціозно сидѣла (разумѣется, помужскій) на прекрасномъ конѣ , а

костюмъ ея состоялъ изъ *собольей* шубы , покрытой старинной золотой парчею;*съ головы опускалась па плечи и спину бѣлая чадра изъ довольно-тонкаго батист-д'экосса ; лицо же было покрыто густымъ вуалемъ, вышитымъ золотомъ.

Еще въ, первый разъ плѣнницы встрѣчали въ сералѣ такое богатство костюма. Въ-особенности ихъ удивляли парча и соболи, но онѣ скоро объяснили себѣ эту роскошь, странную въ горахъ Чечни: онѣ вспомнили, что Каримать была дочь Даніэль, султана элисуйскаго, когда-то бывшаго независимымъ владѣтелемъ своего ханства и потомъ генерал-майоромъ въ русской службѣ и, слѣдовательно, имѣвшаго полную возможность доставать богатые костюмы женѣ своей, отъ которой они, по всей вѣроятности , перешли къ Каримать, какъ материнское наслѣдіе.

Каримать довольно-церемоніально была встрѣчена во дворѣ серала. Ея поочередно привѣтствовали сначала Зайдѣтъ, потомъ Шуанѣтъ и наконецъ Аминѣтъ, а приняли и посадили на коврахъ въ комнатѣ Зайдѣты. Черезъ нѣсколько минутъ Шамиль отправился туда же; но, войдя въ комнату, онъ довольно-странно привѣтствовалъ свою невѣстку.

— Любезная Каримать, сказалъ онъ ей докторальнымъ тономъ:— мнѣ очень-пріятно тебя видѣть, но непріятно, при первой же встрѣчѣ, замѣтить , что жена моего сына не измѣнила своимъ привычкамъ и попрежнему продолжаетъ одѣваться въ дорогіе наряды. Мнѣ кажется, это золотое покрывало совершенно ненужно, особенно здѣсь, гдѣ простота соблюдается всѣми.

Къ-сожалѣнію, неизвѣстно , что отвѣчала Каримать своему свекру.

На другой день, во вторникъ, утромъ, Зайдѣтъ прислала сказать плѣнницамъ, что если онѣ хотятъ видѣть свои драгоценныя вещи, изъ которыхъ, можетъ быть, пожелаютъ что-нибудь выкупить, то могутъ прійти въ ея комнату. Обѣ княгини отправились по приглашенію и нашли большое общество , чинно сидѣвшее на коврахъ. Возлѣ Зайдѣты съ одной стороны сидѣлъ Махмать-Шаби, а съ другой Шуанѣтъ, за Шуанѣтой Каримать, возлѣ нея Аминѣтъ, а за Аминетой дочери Шамиля, Хаджи-Рибилъ и нѣсколько другихъ женщинъ. Тутъ же былъ и казначей Хаджію , присутствіе котораго , къ сожалѣнію, помѣшало княгинямъ видѣть въ лицо жену Кази-Махмата, которая, какъ и всѣ прочія, оставалась съ закрытымъ лицомъ, потому-что тутъ находился мужчина.

На коврѣ передъ честной компаніей были разбросаны вещи и серебро—добыча горцевъ, расхитившихъ Циннодалы. Все это было разрознено и переломано и составляло только развѣ десятую часть всѣхъ циннодалскихъ драгоценностей.

Княгинь пригласили сѣсть и предложили имъ выбрать что-нибудь изъ своихъ вещей для выкупа. Онѣ отвѣчали , что вещи такъ исковерканы и изуродованы , что даже не стоить и выкупать ихъ.

Грустно было плѣнницамъ смотрѣть на прежнія свои драгоценныя и изящныя бездѣлицы, но не столько потому, что онѣ ихъ лишились, сколько потому, что видѣли такое невѣжественное съ ними обращеніе. Особенно жаль было княгинямъ найти въ мелкихъ , искаженныхъ кускахъ брильянтовой букетъ чудной старинной работы , дѣлавшей изъ него , по выраженію г-жи Дрансѣ : *un vèritable objet d'art*. Этотъ букетъ , кромѣ своей цѣнности , былъ въ-особенности *по воспоминанію* дорогъ для семейства князей Чавчавадзе: онъ былъ подаренъ императрицей Екатериной Великой бабушкѣ князя Давида Александровича, женѣ князя Герсевана Чавчавадзе , ѣздившаго въ Петербургъ посломъ отъ предпослѣдняго грузинскаго царя, Ираклія.

На болѣе-новыхъ вещахъ была исчерчена и обита эмаль, вѣроятно, отъ пробы ея кинжалами. Во многихъ брильянтовыхъ украшеніяхъ не доставало лучшихъ камней.

Между этими полуразрушенными и грустными свидѣтельствами прежней жизни, княгиня Анна Ильинична нашла маленькій и нецѣнный браслетъ, принадлежавшій ея старшей дочери, Саломе. «Вотъ эта вещица принадлежала моей дочери» сказала княгиня. Махматъ-Шаби , съ любезностью добраго мальчика , тотчасъ же схватилъ браслетъ и сказала : «я отнесу его Саломе»; но Зайдѣтъ съ сердцемъ выхватила вещь изъ рукъ Махмата-Шаби и сдѣлала ему строгій выговоръ. Она до конца не хотѣла измѣнить своему характеру.

Послѣ этого открыли ящикъ съ вещами княгини Варвары Ильиничны. Эти вещи гораздо-лучше сохранились, вѣроятно, потому, что попали въ лучшія руки. Княгиня Варвара Ильинична старалась отыскать какую-нибудь вещь , принадлежавшую ея покойному мужу, и дѣйствительно, нашла два кольца его ; но она имѣла неосторожность обрадоваться своей находкѣ, и потому лишилась ея : всѣ видѣли , какъ Зайдѣтъ схватила оба кольца и спустила ихъ себѣ въ рукавъ. Послѣ этого княгини объявили,

что выкупать ничего не желаютъ. Тогда Шуанѣтъ обратилась къ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ и сказала, что ей очень нравится одинъ перстень, который оцѣненъ въ пятнадцать рублей, и что она желала бы купить его у *парода* (?!).

— Дѣлайте, что хотите; все это въ вашей волѣ и въ вашемъ распоряженіи, отвѣчала княгиня.

Плѣнницы въ грустномъ расположеніи духа возвратились въ свою комнату. Невольно сравнивали онѣ свое настоящее положеніе съ прежнимъ, такъ живо олицетворившемся для нихъ въ обломкахъ утраченнаго богатства ; но черезъ минуту онѣ вспомнили, что лучшія ихъ богатства — свобода и родина, по неизреченной благодати Провидѣнія и правительства , черезъ нѣсколько дней будутъ возвращены имъ, и успокоились отъ минутнаго огорченія.

Каримать, которую такъ хотѣлось имъ видѣть , онѣ еще не видѣли, потому-что въ комнатѣ Зайдѣты она, какъ мы уже сказали, была закрыта вуалемъ. За-то плѣнницы изъ дверей своей комнаты видѣли забавную сцену, въ которой была участницей Каримать. Бабушка Баху, у которой остановился и жилъ Кази-Махматъ (тогда-какъ жена его жила и ночевала въ комнатѣ Зайдѣты или Хаджи-Рибилъ) , послала своихъ внучекъ , то-есть сестеръ Кази-Махмата, за Кариматой съ тѣмъ, чтобъ насильно привести ее въ бабушкину комнату; но Каримать не шла, упиралась; тогда дочери Шамиля подстерегли ее на дворѣ, захватили и потащили силою со смѣхомъ и хохотомъ; но Каримать все-таки успѣла вырваться и убѣжала въ комнату Зайдѣты.

Эта забавная сцена объяснила плѣнницамъ любопытную черту изъ нравовъ чеченскаго серала. Онѣ узнали, что *приличіе* не позволяло Кази-Махмату не только что жить, но и встрѣчаться съ женою въ одной комнатѣ вовсе время, пока они были въ гостяхъ у отца. Поэтому-то Кази-Махматъ и жилъ въ отдѣленіи -своихъ сестеръ и бабушки , а Каримать оставалась въ другихъ отдѣленіяхъ серала ; поэтому же Каримать даже и днемъ не хотѣла идти на приглашеніе старой Баху и не поддавалась насильственнымъ мѣрамъ, принятымъ противъ нея сестрами Кази-Махмата.

Вникая въ эту черту чеченскихъ приличій, можно объяснить ее чистотой и стыдливостью нравовъ. Но едва-ли это будетъ справедливо и едва-ли не вѣрнѣе будетъ истолковать описанную нами черту тѣмъ, что г-жа Дрансѣ называла «*de la pruderie* qui

masque la nudité de l'impudeur, et qui met a tort des points sur les i...» (*).

Въ этотъ же день, передъ вечеромъ, Каримать прислала сказать плѣнницамъ, что она очень желаетъ видѣть дагерротипный портретъ князя Давида (присланный княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ еще въ началѣ ея плѣна, вмѣстѣ съ разными другими вещами). Княгиня, съ своей стороны желавшая видѣть Каримату, поспѣшила сама отнести ей портретъ. Каримать сидѣла въ комнатѣ Хаджи-Ребилъ. Когда вошла княгиня, Каримать, занимавшаяся шитьемъ чевяковъ (то-есть сафьянныхъ башмаковъ) для оящаемо-го Джемаль-Эддина, встала съ своего мѣста, сдѣлала два шага на встрѣчу княгинѣ, протянула ей руку и съ развязностью, поистинѣ изумительною въ жительницѣ Чечни, сказала :

— Благодарю васъ, что вы сами принесли то, о чемъ я васъ просила ; это доставило мнѣ пріятный случай съ вами познакомиться. Я сама собиралась къ вамъ, но боялась, чтобъ вы не приняли моего посѣщенія за пустое любопытство...

Княгиня не знала, чему болѣе изумляться : языку ли дикарки, приличному только порядочной свѣтской женщинѣ, или величавой красотѣ ея. Рѣчь и наружность Кариматы заставили княгиню позабыть, что она еще въ сералѣ Шамиля. Въ первый разъ здѣсь привѣтствовали ее почеловѣчески. Шуанѣтъ и Аминѣтъ, конечно, всегда показывали много расположенія, но онѣ не умѣли ни такъ говорить, ни такъ обращаться, какъ говорятъ и обращаются между собою женщины образованныя и какъ говорила и обращалась къ княгинѣ жена Казы-Махмата.

Что касается до ея наружности, то и она заслуживаетъ особеннаго вниманія. Каримать, по описанію княгини Анны Ильиничны, высока, стройна, съ тонкою, но очень-граціозною таліей. У нея каріе глаза, небольшой, прямой, острый носъ, прекрасно-обрисованный ротъ и превосходные зубы. Къ этимъ привлекательнымъ чертамъ лица должно прибавить и другія, неменѣ пріятныя принадлежности ея наружности : густые и длинные черные волосы, черныя брови и длинныя рѣсницы, очень-маленькія руки, бѣлыя, нѣжныя, съ тонкими пальцами и округленными, загнуты-

(*) То-есть (въ вольномъ переводѣ): «ложная, поддѣльная стыдливость, которая маскируетъ собою безстыдство и какъ-бы ставитъ ударенія на словахъ, которыя безъ того не обратили бы на себя особеннаго вниманія».

ми вниз ногтями. Величавая гордость — общій характеръ цѣлаго, то-есть всей описанной нами наружности.

Костюмъ Кари маты , по своему оригинальному изяществу, вполне соответствовалъ красотѣ ея. На ней была надѣта очень-бѣлая, тонкая рубашка, такая длинная, что даже лежала немного на землѣ и, къ-сожалѣнію , закрывала собою ноги красавицы. Сверхъ рубашки былъ надѣтъ темно-малиновый атласный ахалухъ, подбитый зеленой тафтою и кругомъ отороченный атласной лентой того же цвѣта. Разрѣзные рукава ахалуха не сходились въ разрѣзѣ, но были схвачены золотыми петлями и пуговицами. Такія же пуговицы были и на грудной части ахалуха. Изъ-подъ атласнаго рукава ахалуха виднѣлся длинный бѣлый рукавъ рубашки, чрезвычайно-граціозный для живописца. Иа головѣ чернѣйшій шелковый платочекъ съ красными каймами , а надъ нимъ бѣлый кисейный вуаль, прихотливо-развѣвавшійся или ложившійся пріятными складками. Въ ушахъ красавицы были такія же серьги, какъ и у женъ Шамя, то-есть въ видѣ полумѣсяца, но только у Кариматы онѣ были золотыя и украшенныя дорогими камнями , тогда-какъ у женъ Шамя серебряныя и безъ всякихъ дорогихъ украшеній.

Кариматъ и княгиня сѣли, весьма-скоро познакомились и завязали разговоръ (черезъ переводчицу).

— Понимаете ли вы погрузински? спросила княгиня.

— Понимаю, но стыжусь говорить, отвѣчала Кариматъ. — Меня еще маленькую родные взяли изъ Тифлиса, гдѣ мы жили съ моимъ отцомъ и матерью.

— Матушка ваша жива еще?

— Нѣтъ, она умерла нѣсколько лѣтъ назадъ.

Дальнѣйшій разговоръ касался бѣдственнаго странствованія княгини изъ Кахетіи, потомъ Кариматъ говорила разныя пустыя, но пріятныя вещи, пріятно-выраженныя.

Княгиня рѣшительно воображала себя въ гостиную порядочной женщины и не могла понять , откуда въ Кариматѣ столько умнаго такта и привлекательной развязности.

Въ-самомъ-дѣлѣ , это явленіе почти-непонятное и только отчасти можетъ быть объяснено натуральнымъ внушеніемъ хорошей *породы*, или, какъ у насъ *порусски* выражаются, *расы*, либо влияніемъ на воспитаніе Кариматы отца ея, проводшаго всю свою молодость въ соприкосновеніи съ русскими и ихъ европейскими нравами.

Не можетъ быть, чтобъ существованіе въ Чечнѣ такой женщины, и притомъ въ лицѣ жены шамилева преемника, осталось безъ благотѣльнаго вліянія на него, а черезъ него и на нравы будущихъ его подвластныхъ!

Бесѣда княгини Чавчавадзе съ интересной Кариматой, къ сожалѣнію обѣихъ, была прервана служанкой Шуанеты, которая, будучи нездорова, приглашала къ себѣ княгиню, чтобъ провести съ нею *последній вечеръ*. Впрочемъ, Каримать не разсталась съ княгиней, а пошла вмѣстѣ съ ней къ Шуанетѣ. Туда же вскорѣ пришли княгиня Варвара Ильинична и княжна Баратова. Шуанетъ то радовалась освобожденію плѣнницъ, то говорила сквозь слезы: «А ужъ я — никогда!»

Собесѣдницы занялись приготовленіемъ чалмы на чеченскую шапку маленькаго князя Георгія Орбеліани. Вдругъ Каримать замѣтила, что *курпей* на шапкѣ недовольно-пушистъ и что его надобно взбить повыше, и съ этими словами встала, взяла въ одну руку тоненькій хлыстикъ, а въ другую дѣтскую шапку и принялась ее взбивать хлыстикомъ. Въ этомъ занятіи и въ этой позѣ она была такъ дивно-хороша и такъ граціозна, что княгини впились въ нее изумленными взорами и горько пожалѣли, что не могли нарисовать портретъ красавицы. Но ни сама красавица, ни всѣ ее окружающія, разумѣется, не понимали этого торжества красоты.

Разговоръ принялъ грустный оборотъ.

— И вотъ вы уйдете, забудете о насъ! меланхолически говорила Шуанетъ. — Тамъ, у себя, вы будете жить попрежнему. Но мы... мы полюбили васъ... Ваше присутствіе и занимало и развлекало насъ... Мы къ вамъ привыкли...

— Не забывайте, прибавила, съ своей стороны, Зайдѣтъ : — какъ сострадательно съ вами здѣсь поступали, какъ облегчали вашу участь...

— Мы, конечно, никогда не забудемъ тѣхъ, кто былъ добръ къ намъ и желалъ намъ добра, съ чувствомъ отвѣчала княгиня Анна Пльинична.

Тутъ кто-то пришелъ съ извѣстіемъ, что въ сераль привезены арбы, невиданныя до-тѣхъ-поръ въ Чечнѣ : *четырсхколесныя*, нарочно-заказанныя для путешествія плѣнницъ къ мѣсту ихъ обмѣна. Въ то же время привезли изъ аула *Еву* (*), дѣвочку,

(*) Дочь кизисхевскаго священника.

которую Шамиль подарилъ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ за то, что она кормила ее своимъ молокомъ. Зайдетъ имѣла дерзость сказать отъ имени Шамиля, что за освобожденіе дѣвочки надо особо заплатить 30 рублей. Княгиня обѣщала уплатить эти деньги на мѣстѣ обмѣна. Другую, пятилѣтнюю дѣвочку, по имени *Тэклу*, рѣшительно отказались отпустить съ плѣнницами.

По возвращеніи плѣнницъ въ свою комнату, къ нимъ собралось множество народа; пришли также и женщины, еще оставляемыя въ плѣну. Княгини раздавали имъ все свое тюремное хозяйство—ненужную одежду, посуду, костюмы и т. п. Узнавъ объ этомъ, Зайдетъ, все-таки сохраняя свой милый характеръ, прибѣжала и захватила самоваръ.

Х.

Приготовленія къ отъезду. — Прощанье и раздумье. — Благодарность. — Тэкла и завѣщаніе. — Отъездъ. — Радостная встрѣча. — Последнее бѣдственное приключеніе, впрочемъ, безъ послѣдствій. — Привалъ на дорогахъ. — Опять благодѣтельный мулла. — Последняя н041 на чужбинѣ. — Разговоръ съ кучеромъ о судьбѣ русскихъ бѣглецовъ у Шамиля. — Последнія мгновенія плѣна.

Съ зарею 9-го марта наступилъ для нашихъ плѣнницъ счастливый, но въ то же время нелишенный и грустнаго оттѣнка день прощанія съ мѣстомъ семимѣсячнаго ихъ заключенія. Съ утра казначей Хаджіо хлопоталъ около экипажей. Въ арбы впрягались не волы, а лошади, цугомъ, попарно, что очень изумило княгинь, тѣмъ болѣе, что на передкахъ арбы увидѣли онѣ какія-то Фигуры въ родѣ нашихъ кучеровъ, а на одной изъ переднихъ, или выносныхъ лошадей — Форрейтора. Очевидно, Шамиль хотѣлъ блеснуть великолѣпіемъ.

Пока въ арбы укладывались ковры, жестяныя *тунги*, Фрукты, караваи хлѣба, на этотъ разъ ненамазанные саломъ (вслѣдствіе особой любезности Аминѣты), пока дѣлались всѣ эти приготовленія къ путешествію, плѣнницы были приглашены въ комнату Зайдѣты. Тамъ былъ приготовленъ чай, а на коврѣ сидѣли всѣ жены и дочери Шамиля, Кариматъ и нѣсколько другихъ женщинъ изъ числа *пріятельницъ* отъѣзжающихъ, какъ-то :

набъ (жена Юнуса), Хан-Агà (жена Лабазана), Илйта (жена казначея Хаджіо) и проч.

За чаемъ разговоръ не вязался. Отъѣзжающимъ и остающимся было грустно... да, было грустно и отъѣзжающимъ. Радость освобожденія не могла въ эти минуты заглушить въ нихъ печальнаго, меланхолическаго чувства, происходившаго отъ мысли, что онѣ *навсегда* расстаются съ міромъ, въ которомъ посреди тьмы зла, невѣжества и страданія встрѣчали онѣ блѣстки радости, доброты и участія. Какъ ни чужды были княгинямъ всѣ эти полудикія женщины, но все жаль было навѣки покинуть ихъ. Возвращаясь къ свѣту просвѣщенной и христіанской жизни, грустно и больно было сознавать, что всѣ эти покидаемыя существа остаются во власти невѣжества и подъ игомъ неистиннаго, мрачнаго вѣрованія. Но, Господи! и они тоже твои созданія: озари же, если не ихъ, то ближайшія къ нимъ, послѣдующія поколѣнія свѣтомъ твоей Божественной Истины и, возложивъ это великое призваніе на святую Русь, нашу великодушную родину, пошли ей скорѣйшій успѣхъ въ его осуществленіи! Такія, или почти такія думы и чувства наполняли собою отъѣзжающихъ въ послѣднюю ихъ бесѣду съ жительницами шамилева серала.

Но наступила минута прощанія.

Княгини вѣжливо поклонились Зайдетѣ и поручили ей благодарить Шамиля за всѣ его о нихъ попеченія.

Потомъ онѣ дружески обнялись и поцаловались съ Шуанетой. «Не забудьте меня!» проговорила она сквозь слезы. Аминѣтъ не дала проститься съ собою: она, вся въ слезахъ, *убѣжала* изъ комнаты и, завернувшись въ свою чадру, пріютилась на дворѣ, у воротъ.

Послѣ нѣсколькихъ рукопожатій съ Кэриматой и прочими, бывшими при прощаніи, княгини закрыли свои лица темными покрывалами и вышли на галерею. Тутъ, у дверей, встрѣтили онѣ шамилева воспитателя, стараго Джемэль-Эддина. Плѣнницы сказали почтенному старику, что онѣ знаютъ и чувствуютъ, чѣмъ ему обязаны. Онѣ отвѣчалъ:

— Богъ да будетъ надъ вами! Будьте счастливы: вы много страдали!

Проходя вдоль галереи мимо старой *бабушки Баху'*, княгини были остановлены ею. Старушка со слезами благодарила ихъ за то, что онѣ своимъ несчастьемъ и терпѣливо-перенесенными страданіями доставили ей радость увидѣть еще разъ передъ смертью

потерянного, но любимого внука (она говорила о молодомъ Джемаль-Эдинѣ).

— Я никогда не забуду, продолжала Баху: — что вы вытерпѣли!... Я буду молиться о вашемъ счастьи.

Возлѣ Баху стояла и грустно смотрѣла на княгиню бѣдная, оставляемая въ сералѣ дѣвочка Тэкла. При видѣ этой жертвы Фанатизма, болѣзненно сжалось сердце княгини Анны Ильиничны. Она подошла къ дѣвочкѣ, перекрестила ее и сказала :

— Если ты вырастешь здѣсь , никогда не забывай , что ты грузинка и, при случаяхъ, помогав христіанамъ.

Неизвѣстно , поняла ли пятилѣтняя малютка э/о высокое за-вѣщаніе (*).

Затѣмъ плѣнницы стали размѣщаться по *экипажамъ*. Въ первой арбѣ помѣстилась княгиня Анна Ильинична съ своими дѣтьми и маленькой питомицей, дочерью кизисхевскаго священника; во второй княгиня Варвара Ильинична , княжна Баратова , г-жа Дрансѣ и нянюшка Катерина Яковлевна съ маленькимъ княземъ Георгіемъ; наконецъ въ третью и четвертую арбы усѣлись служанки, взятыя изъ Цинондалѣ и выкупленныя вмѣстѣ съ княгинями. Всѣхъ отъѣзжающихъ было, какъ и при похищеніи , 22 человекъ.

Изъ внутренняго двора плѣнницы выѣхали на внѣшній и проѣхали вторыя ворота. Здѣсь онѣ вздохнули свободнѣе: на нихъ повѣяло воздухомъ вольности и счастья.

Проѣзжая по аулу, онѣ изъ нѣсколькихъ домовъ слышали восклицанія на грузинскомъ языкѣ:

«Вы, которыя знаете, какъ здѣсь страдаютъ, помогайте намъ!»

Поѣздъ плѣнницъ сопровождался большимъ конвоемъ , или даже цѣлымъ отрядомъ. Во главѣ отряда ѣхалъ на красивомъ конѣ Кази-Махматъ. Махматъ-Шаби то;ке гарцовалъ впереди своей

(*) Княгини не постигали упорства Шамиля въ его желаніи удержать Тэклу въ сералѣ; но, соображая, что почти всѣ жены Шамиля были изъ числа похищенныхъ плѣнницъ (что дѣлалось въ избѣжаніе необходимости жениться на дочеряхъ своихъ наибова , или приближенныхъ, чтобъ удалить возможные при такихъ бракахъ интриги), княгини догадывались , что , можетъ-быть , и Тэкла предназначалась кому-нибудь въ жены, и, почему знать? можетъ-быть, въ жены Махмату-Шаби.

сотни, составленной изъ мальчиковъ одинаковаго съ нимъ возраста и входящей въ составъ кази-махматова отряда.

Не выѣзжая еще изъ аула, княгини вдругъ увидѣли передъ собою князя Ивана Чавчавадзе; эта встрѣча была тѣмъ пріятнѣе, что была совершенно-неожиданною. Князь Чавчавадзе подѣхалъ къ княгинямъ верхомъ на *своей* лошади и сказалъ , что самъ не знаетъ кому обязанъ своимъ освобожденіемъ.

— А князь Вагнадзе? спросили княгини.

— Онъ, увы! остается въ плѣну.

Подъ вліяніемъ слишкомъ-живыхъ впечатлѣній, княгини опять не замѣтили ничего, что интересно было бы замѣтить въ аулѣ (*); но онѣ помнятъ, что за воротами аула, на пути ихъ встрѣтился подъемный мостъ, перекинутый черезъ очень-широкій ровъ, наполненный водою. Переѣхавъ по мосту, онѣ поворотили налѣво и тотчасъ же начали спускаться подъ гору. Переднюю арбу спустили благополучно; но вторую, въ которой сидѣла княгиня Варвара Ильинична, неловкіе *кучера* опрокинули. Къ-счастью , никто не пострадалъ при паденіи. Спустились съ горы, вѣхали въ лѣсъ и сейчасъ же выѣхали къ рѣкѣ, по берегу которой , а иногда и по самому руслу, слѣдовали очень-долго — почти цѣлый день. Съ обѣихъ сторонъ рѣки возвышались значительныя горы, покрытыя лѣсомъ. На привалѣ останавливались въ лѣсу въ небольшомъ аулѣ, передъ которымъ разстилалась обширная зеленѣющая поляна; здѣсь происходила *джигитовка* : конные горцы скакали, перегонялись, стрѣляли въ разныя вещи, бросаемыя высоко въ воздухъ. Въ этихъ удалыхъ забавахъ всѣхъ болѣе отличался Казп-Махматъ; Махматъ-Шаби тоже не отставалъ отъ старшаго брата, и оба они были замѣчательно-ловки , граціозны и красивы въ своихъ праздничныхъ чохахъ , которыя были на Казп-Махматѣ бѣлая, а на Махматѣ-Шаби синяя.

Здѣсь, на привалѣ, княгини дождались и Шамиля, который съ своими мюридами ѣхалъ нѣсколько позади , подъ большимъ чернымъ зонтикомъ и рядомъ съ своимъ сватомъ , Даніэль-султаномъ.

Послѣ короткаго отдыха и легкой закуски , поѣздъ отправился далѣе, и засвѣтло прибылъ въ Маіур-Тупъ, послѣдній аулъ ша-

(*) Объ этомъ предметѣ читатель найдетъ интересныя свѣдѣнія въ приложеніи къ III -й части нашего повѣствованія.

милевыхъ владѣній передъ русской границей. Въ Маіур-Тупѣ было предположено ночевать. Шамиль и плѣнники были помѣщены въ двухъ, рядомъ стоявшихъ сакляхъ, сторожимыхъ мюридами — цвѣтомъ имамовыхъ тѣлохранителей.

Расположившись кое-какъ на *последнемъ* въ чужой землѣ ночлегѣ, плѣнники на сонъ грядущій занялись письмами къ своимъ роднымъ., По желанію Шамиля, онѣ писали о часѣ и мѣстѣ, назначенныхъ *на завтра* для обмѣна. Между-прочимъ, княгини писали о присылкѣ имъ золотыхъ часовъ для подарка муллѣ, тому самому *благодѣтельному* муллѣ, который когда-то такъ сострадательно и такъ попечительно сопровождалъ ихъ отъ аула Дидо, а теперь опять явился , чтобъ проводить до мѣста обмѣна. Мы сдѣлали бы непростительный пропускъ въ рассказѣ, еслибы забыли сказать, что *благодѣтельный* мулла раза два навѣщалъ плѣнницъ въ сералѣ.

Плѣнники уже были готовы предаться сну , какъ явился къ нимъ посланный отъ Шамиля , Абдуль (изъ русскихъ дезертировъ) , и сказалъ княгинѣ Варварѣ Ильиничнѣ , что Шамиль проситъ написать въ Куринское Укрѣпленіе (до котораго было уже не болѣе двадцати верстъ и въ которомъ эту ночь ночевали князь Давидъ и молодой Джемаль-Эддинъ) о немедленной присылкѣ въ Маіур-Тупѣ переводчика Исаака Грамова. Княгини немедленно исполнили желаніе Шамиля, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно встревожились подозрѣніями : не затѣваются ли еще какія-нибудь препятствія?

Въ ту же ночь Исаакъ Грамовъ пріѣхалъ изъ Куринскаго Укрѣпленія и во всю ночь оставался глазъ на глазъ съ Шамилемъ, а поутру навѣстилъ плѣнницъ и поторопилъ ихъ приготовиться къ отъѣзду.

— Но зачѣмъ вызывалъ васъ Шамиль? — спрашивали встревоженные княгини.

— Чтобъ условиться насчетъ нѣкоторыхъ подробностей обмѣна и просить *нашихъ*, чтобъ не брали съ собою слишкомъ много войска, отвѣчалъ Грамовъ , и затѣмъ передалъ княгинямъ требуемые ими часы для *благодѣтельнаго* муллы, поспѣшно простился и уѣхалъ. (*)

(*) Объ интересномъ свиданіи Грамова съ Шамилемъ см. въ III-й части.

Отвѣтъ Грамова нисколько не успокоилъ въ княгиняхъ ихъ робкихъ подозрѣній ; напротивъ, онѣ не понимали, зачѣмъ Шамилю хочется, чтобъ у русскихъ было поменьше войска, и опасались съ его стороны коварныхъ замысловъ. Такими подозрѣніями были отравляемы для плѣнницъ радостныя минуты пріятнаго ожиданія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Грамова, плѣнницы, Шамиль и его войско поднялись изъ Маіур-Тула и подвинулись по направленію къ р. Мечикъ. Впереди, тотчасъ за плѣнницами, ѣхалъ съ своимъ отрядомъ Казі-Махматъ, потомъ наибы съ своими отрядами , и позади всѣхъ Шамиль и Даніэль-султанъ, окруженные мюридами.

Въ этотъ разъ путешествіе было непродолжительно ; Мечикъ былъ недалеко, но, до пріѣзда княгинь къ мѣсту условленной встрѣчи съ русскимъ отрядомъ, случилось еще одно небольшое и, такъ-сказать, побочное происшествіе, заслуживающее однако подробнаго описанія.

Мимо плѣнницъ проскакалъ , объявилъ направо и налево какое-то, повидимому, радостное извѣстіе Абдуль, тотъ русскій перебѣжчикъ, котораго княгини въ первый разъ встрѣтили на послѣднемъ ночлегѣ, въ Маіур-Тулѣ; но теперь княгини не вдругъ его узнали и потому спросили у одного изъ своихъ кучеровъ, тоже русскаго :

— Что это онъ объявляетъ и чему радуется ?

— Извѣстно чему! Съ русскими случилось что-нибудь недоброе — ну вотъ онъ и радуется.

Кучеръ арбы, въ которой сидѣла княгиня Чавчавадзе обратился къ ней и замѣтилъ :

— Вотъ видите, барыня, какіе здѣсь есть молодчики!. Но вы не смотрите, что онъ такимъ *джигитомъ* развѣзжаетъ: житье ему плохое, какъ и всѣмъ намъ, глупымъ дезертирамъ. На насъ здѣсь смотрятъ какъ на собакъ; работу намъ задаютъ, что ни есть чернѣе и тяжеле; а чуть въ чемъ проштрафился, такъ сейчасъ голову долой ; другаго наказанія для русскаго бѣглеца здѣсь и не бываетъ. Шамиль-атъ, вишь, намъ не довѣряетъ, да и не любитъ перебѣжчиковъ, а принимаетъ и держитъ ихъ для черной работы.

— Такъ отчего же ты не вернёшься въ полкъ?

— Мы бы рады-радехоньки воротились, да боимся взыскана;

Въ такихъ разговорахъ княгини ѣхали далѣе и далѣе, по дорогѣ, очевидно разровненной и разработанной недавними усилиями. Черезъ одну рѣку переправлялись верхами, потомъ поднялись на какую-то высоту, съѣли опять изъ арбы и поѣхали далѣе. Вскорѣ позади ихъ, на горѣ, показался Шамиль съ своими мюридами. Возница княгини Чавчавадзе повернулся въ ту сторону и указалъ кнутомъ на всадника, ѣхавшаго вблизи Шамиля, въ чалмѣ и шинели.

— Кто это? спросила княгиня.

— Русскій генераль, у котораго только и осталось генеральскаго-то, что одна шинелишка, отвѣчалъ насмѣшливо возница, и прибавилъ, въ видѣ объясненія, что это былъ Даніэль-Султанъ.

Спустившись съ одной лѣсистой возвышенности, путешественницы увидѣли передъ собою довольно-обширную равнину, по которой извивалась почти-пересохшая рѣка Мечикъ, а за рѣкой, на высотѣ, начали показываться русскія войска.

Арбы остановились. Съ неописаннымъ волненіемъ сердца княгини сошли на лужайку и стали молиться.

Черезъ нѣсколько минутъ Николай и Гиго (люди барона Николаи) подошли къ плѣнницамъ и привѣтствовали ихъ. Потомъ княгини были посажены опять на арбы и перевезены черезъ два рва, т. е. пересохшіе рукава Мечика. Въ одномъ изъ нихъ назначенъ Хаджіо остался съ узломъ, въ которомъ находилась чеченская одежда для молодого Джемаль-Эддина. Потомъ поѣхали далѣе, на сторону русскихъ. Передъ арбами плѣнницъ ѣхали Кази-Махматъ, Махматъ-Шабй и 30 мюридовъ. Потомъ остановились арбы и дидойскій *благодѣтельный* мулла взялъ къ себѣ на руки маленькаго князя Александра!, чтобъ отнести его къ князю Давиду. Въ это же самое время Джемаль-Эддинъ, въ мундирѣ русскаго офицера, подъѣхалъ къ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ и, передавая ей письмо отъ родныхъ изъ Москвы, сказалъ, что онъ лично видѣлъ ихъ всѣхъ передъ отѣздомъ своимъ -на Кавказъ. Княгиня молча взяла письмо, хотѣла благодарить, но сожалѣніе о судьбѣ, ожидающей Джемаль-Эддина, признательность за его самопожертвованіе и многія другія чувства лишили княгиню словъ. Она ничего не сказала главному виновнику своего освобожденія...

Потомъ арбы были окружены мюридами, а Кази-Махматъ, подъѣхалъ къ княгинямъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

—Имамъ поручилъ мнѣ просить васъ, княгини, не сохранить никакого дурнаго воспоминанія о томъ времени, которое вы у него провели. Если вы испытывали какія-нибудь непріятности въ нашемъ семействѣ, то это, конечно, происходило не отъ желанія дѣлать вамъ ихъ, но только отъ неумѣнья иначе содержать васъ и иначе съ вами обходиться.

Такъ передалъ слова сына шамилева, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательныя, переводчикъ.

Потомъ... но потомъ княгини помнятъ только то, что онѣ переживали счастливѣйшія мгновенія своей жизни...

ф .. شاميل

ШАМИЛЬ
ИМАМЪ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА .

(Ришхи Чуб'ах'аг')

ПЛѢНЪ У ШАМИЛИ.

Правдивая повѣсть о восьмимѣсячномъ и шестидневномъ (въ 1854 — 1855 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ : покойнаго генерал-майора князя *Орбеліани* и подполковника князя *Чавчавадзе*, основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи.

Часть третья.

I.

СОДЕРЖАНІЕ ЭТОЙ ЧАСТИ РАЗСКАЗА. — ОСОБЕННОЕ СЧАСТІЕ. —

Мѣсяцъ безвѣстности. — Первоначальная переписка. —

Надежда и отъѣздъ къ Шамилю Исаака Грамова.

Въ предыдущей части нашего повѣствованія было уже сказано , что все касающееся до характеристики собственно Шамиля гораздо-полнѣе изображается въ перепискѣ и переговорахъ, веденныхъ съ нимъ родственниками плѣнницъ , чѣмъ въ ихъ собственныхъ показаніяхъ о жизни , проведенной въ сералѣ. Эти переговоры и эта переписка , вмѣстѣ съ подробнѣйшимъ описаніемъ *обмѣна* , о которомъ такъ мало могли разсказать намъ сами плѣнницы, и составлять содержаніе настоящей , *третьей* части нашего разсказа. Въ ней же мы ближе познакомимся съ интересною личностью старшаго сына Шамиля, Джемаль-Эддина.

Судьба плѣнницъ Шамиля , продленіе или сокращеніе срока ихъ плѣна, ихъ гибель или освобожденіе преимущественно зависѣли отъ болѣе или менѣе дѣятельныхъ мѣръ , какія пріиметь несчастный мужъ одной изъ нихъ, осиротѣвшій отецъ маленькихъ плѣнниковъ , князь Д. А. Чавчавадзе. Участіе въ этомъ дѣлѣ правительствъ , конечно, рѣшило участь двухъ благородныхъ семействъ : оно спасло и освободило ихъ; но участіе правительства,

быть-можетъ, встрѣтило бы гораздо-болѣе препятствій въ упорствѣ и умышленной медленности горцевъ, еслибъ переговоры были ведены съ меньшимъ искусствомъ и съ меньшею энергіей; еслибъ князь Чавчавадзе, генерал-майоръ баронъ Николай и генерал-лейтенантъ князь Г. Орбелиани не соединили своихъ дружныхъ усилій для скорѣйшаго окончанія дѣла.

По особенному счастью, эти три лица были не только близкими родственниками плѣнницъ, принимавшими въ нихъ самое пламенное участіе (*), но они еще были главными военными начальниками тѣхъ частей горнаго края, которыя, по географическому своему положенію, всего-ближе къ убѣжищамъ подвластнаго Шамилю населенія Чечни и Дагестана.

Прослѣдимъ же съ прежнею подробностью всѣ ихъ дѣйствія.

Мы разстались съ княземъ Д. А. Чавчавадзе 10 іюля, когда онъ отдалъ начальнику отчетъ въ своихъ воинскихъ распоряженіяхъ, а Всевышнему въ чувствахъ растерзаннаго своего сердца, и поѣхалъ черезъ Телавъ въ Тифлисъ.

Въ Тифлисъ князь жилъ у мужа родной (младшей) сестры своей, члена Совѣта Главнаго Управленія Закавказскимъ Краемъ, попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, д. с. с. и камергера барона А. П. Николаи. Окружаемый родственнымъ и общественнымъ участіемъ, князь въ это время помышлялъ только объ одномъ своемъ бѣдствіи и, конечно, былъ очень-далекъ отъ того, чтобъ поддаться вліянію какого-бы то ни было утѣшенія, тѣмъ болѣе, что онъ долго не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ своего потеряннаго семейства. Только 10 августа получилъ онъ первое письмо изъ Веденно, и это для насъ совершенно-понятно, если мы вспомнимъ, что плѣнницы сами прибыли туда только 6 августа. Содержаніе этого письма было несложное: въ немъ писали плѣнницы, что онѣ совершили трудный четырехнедѣльный путь; что Шамиль оказываетъ имъ вниманіе, обѣщаль содержать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, нераздѣльно, и непрочъ отъ переговоровъ о выкупѣ.

Утѣшительнаго въ этомъ письмѣ было только послѣднее извѣстіе, потому-что до того времени не было надежды даже и на возможность переговоровъ. Еще до оставленія княземъ Шильдъ, отпустилъ онъ оттуда въ Похали одного плѣннаго чеченца съ

(*) Такое же участіе принимали и всѣ родственники князя Чавчавадзе, но преимущественно старшая сестра его, Н. А. Грибоѣдова.

письмами къ Шамилю и Даніэль-Султану, прося ихъ не уводить плѣнницъ далѣе , пощадить и сберечь ихъ и подумать о томъ, что отъ дурнаго съ ними обращенія Шамилю никакой выгоды не будетъ ; въ заключеніе князь предлагалъ тутъ же, на мѣстѣ, то-есть въ Похальской Башнѣ, назначить условія выкупа и обѣщаль прислать все, что только будетъ въ силахъ прислать. Но на эти письма въ то время никакихъ отвѣтовъ не послѣдовало.

Поэтому-то теперь князь и былъ оживленъ надеждою , получивъ наконецъ возможность приступить къ переговорамъ.

Письмо отъ плѣнницъ было доставлено князю родственникомъ его , Свиты Е. И. В. генерал-майоромъ (въ то время еще полковникомъ и Флигель-адъютантомъ) барономъ А. П. Николаи, который , съ своей стороны, писалъ , что посланіе княгини и нѣкоторыя о нихъ подробности , болѣе или менѣе успокоительныя, доставлены ему жителемъ селенія Андреевскаго (невдалекѣ отъ Хасав-Юрта) Могаммедомъ, который былъ избранъ барономъ для переговоровъ , какъ человѣкъ ловкій и расторопный.

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія , кн. Чавчавадзе тотчасъ же сталъ собираться въ Хасав-Юртъ. Но сборы продолжались пять дней : въ это время нужно было приготовить многое для отсылки изъ Хасав-Юрта плѣнницамъ. Наконецъ къ 15 августа были окончены всѣ приготовленія , и князь выѣхалъ изъ Тифлиса вмѣстѣ съ младшей сестрой своей , супругой д. с. с. барона А. П. Николаи , баронессой Софіей Александровной, которая не хотѣла еще разстаться съ братомъ въ это *первое* время его мучительной скорби.

Не доѣзжая сорока верстъ до Хасав-Юрта, путешественники были встрѣчены барономъ Николаи и Николаемъ, человѣкомъ княгини Дадіанъ мингрельской, тѣмъ самымъ, который, будучи въ услуженіи у полковника барона Николаи , по собственному своему побужденію, ходилъ въ Веденно , чтобы провѣдать плѣнницъ. Николай былъ посаженъ въ экипажъ князя Чавчавадзе и сестры его и все время до самаго Хасав-Юрта утѣшалъ ихъ сравнительно-пріятными разсказами о плѣнницахъ.

По пріѣздѣ въ Хасав-Юртъ, князь Чавчавадзе немедленно написалъ и отправилъ къ Шамилю письмо слѣдующаго содержанія:

«Ни ваше положеніе , ни мое не позволяютъ намъ вести торговлю между собою, въ-особенности мнѣ , когда дѣло идетъ о моемъ семействѣ : это неприлично. Вамъ очень-хорошо извѣстно , до какой степени я разоренъ при послѣднемъ вашемъ

вторженіи въ Кахетію, а потому я, кажется, могу разсчитывать, что ваши требованія будутъ сообразны съ моими средствами. У меня ровно ничего не осталось. Изъ разныхъ рукъ я успѣлъ собрать 40,000 р. сер., и эту сумму я предлагаю вамъ на освобожденіе моего семейства и семейства сестры жены моей. Изъ письма жены моей я узналъ о вашемъ обращеніи съ плѣнниками и дѣтьми ихъ. Считаю долгомъ благодарить васъ и поручить ихъ особенному вашему вниманію...»

Это письмо было отправлено съ Могаммедомъ и челоѡкомъ князя Гр. Орбеліани, Захаромъ.

Недѣли черезъ двѣ былъ полученъ отвѣтъ Шамиля. Въ отвѣтѣ были извѣстныя уже намъ требованія милійона и возвращенія молодого Джемаль-Эддина изъ Россіи. Вмѣстѣ съ Могаммедомъ и Захаромъ, возвратившимися съ этимъ отвѣтомъ, прибылъ отъ Шамиля Хассанъ, буртунайскій пятисотенный, съ тѣмъ, чтобъ взять отвѣтъ отъ князя Чавчавадзе къ Шамилю. Но князь Чавчавадзе, озадаченный чрезмѣрными требованіями, не рѣшался на отвѣтъ безъ предварительнаго совѣщанія съ своимъ родственникомъ, княземъ Григоріемъ Орбеліани, и потому немедленно поѣхалъ къ нему въ Темир-Хан-Шуру, взявъ съ собою и Хассана, но прежде отправилъ въ Тифлисъ, къ г. командующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералу-отъ-кавалеріи И. А. Ряду, письмо слѣдующаго содержанія (*).

«Ваше высокопревосходительство, м. г. Николай Андреевичъ!

«Сегодня получено мною первое письмо Шамиля, заключающее въ себѣ условія на выводъ изъ плѣна семейства моего и семейства княгини Орбеліани со всѣми находящимися при нихъ лицами; сверхъ-того, мнѣ переданы также и словесно нѣкоторыя порученія Шамиля присланнымъ имъ, какъ довѣренное лицо, буртунайскимъ пятисотеннымъ Хассаномъ.

«Къ большому горю моему, ни въ письмѣ Шамиля, ни въ словахъ Хассана я не нашелъ ничего утѣшительнаго для себя. Требованія ихъ превосходятъ всякія ожиданія. Шамиль не хочетъ вести переговоры отдѣльно про мою семью; онъ ее включаетъ въ число 120 другихъ плѣнныхъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, и за всѣхъ проситъ: 1) сына своего Джемаль-Эддина, 2) племянника Гамзада, 3) сына Аварскаго Али-Бека, Харасилау, 4) сына Гамзада, Шахъ-Ислама, и 116 плѣн-

(*) См. въ 1-мъ приложеніи № 3.

ныхъ; сверхъ-того , милійонъ денегъ. Условія несбыточныя----- О чемъ я не рѣшилъ бы даже доводить до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства , еслибъ , передъ моимъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, я не имѣлъ особеннаго приказанія вашего писать всѣ подробности хода этого дѣла, » и т. д.

По совѣщаніи съ княземъ Орбеліани, князь Чавчавадзе отправилъ изъ Шуры (съ Хассаномъ) къ Шамилю письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что сына его принудить пріѣхать нельзя, что онъ офицеръ русской службы, а не плѣнный , что Государю Императору никто не рѣшится и доложить объ этомъ, но что, если самъ Джемаль-Эддинъ того пожелаетъ, то Государь, вѣроятно, не откажетъ ему въ своемъ на то соизволеніи...

Отзывъ Шамиля на это письмо, а также дальнѣйшая затѣмъ переписка долго не заключали въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ повторенія тѣхъ же требованій съ одной стороны и тѣхъ же убѣжденій съ другой. Такой ходъ дѣла продолжался до-тѣхъ-поръ, пока въ Веденнѣ былъ посланъ челоувѣкъ князя Чавчавадзе, Оскаръ. Пока Оскаръ былъ въ отсутствіи , князь Чавчавадзе получилъ отъ начальника Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта князя А. Н. Барятинскаго увѣдомленіе , что г. командующій корпусомъ сообщилъ г. военному министру, для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія, условія, предлагаемыя Шамилемъ, и намѣреніе его послать отъ себя въ Россію довѣренное лицо, чтобъ переговорить съ сыномъ: желаетъ ли онъ возвратиться на родину; что г. военный министръ увѣдомилъ генерала-отъ-кавалеріи Реада о соизволеніи Государя Императора на возвращеніе къ Шамилю его сына, съ тѣмъ, что Джемаль-Эддинъ самъ долженъ руководствоваться собственнымъ желаніемъ какъ относительно этого обстоятельства, такъ и на-счетъ отправленія къ нему довѣреннаго отъ Шамиля лица для переговоровъ. Въ заключеніе, князь Барятинскій увѣдомлялъ, что до полученія отзыва отъ поручика Уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича Полка, Джемаль-Эддина Шамиля, *нельзя войти въ положительные по этому предмету переговоры съ Шамилемъ (*)*.

Между-тѣмъ возвратился Оскаръ и привезъ самыя печальныя извѣстія : Шамиль , недовольный уклоненіями князя Орбеліани и

(*) Подлинное письмо см. въ 1-мъ приложеніи подъ № 4.

князя Чавчавадзе отъ *положительныхъ* переговоровъ о сынѣ, грозилъ прекращеніемъ всякихъ переговоровъ и раздачею всѣхъ плѣнницъ въ неволю своимъ наймамъ.

Князь Чавчавадзе поспѣшилъ обратиться къ генералу Реаду и князю Барятинскому.

Въ письмахъ своихъ къ нимъ (отъ 18 ноября) князь Чавчавадзе увѣдомлялъ о грозномъ оборотѣ дѣла и просилъ о возможно-скорѣйшемъ *положительномъ* отвѣтѣ на требованія Шамиля. Въ заключеніе же письма своего къ генералу Реаду, отчаянный мужъ и отецъ писалъ : «Вотъ, ваше высокопревосходительство, причина, побудившая меня снова обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою; она состоитъ не въ ходатайствѣ вашемъ у Государя Императора о возвращеніи Шамилю сына—ходатайствѣ, на которое я не могу и не долженъ рассчитывать, но только въ «возможно-скорѣйшемъ отвѣтѣ на требованія Шамиля. Рѣшительный отказъ Его Величества дастъ мнѣ слабую надежду на то, «что Шамиль тогда, быть-можетъ, измѣнитъ свои условія; если же «нѣтъ , то мнѣ остается проститься навѣкъ съ женой и дѣтьми» (*).

Письма эти были отправлены съ посланнымъ курьеромъ въ Тифлисъ , командиромъ Мусульманскаго Конно-иррегулярнаго Полка, майоромъ княземъ Багратиономъ.

На нихъ князь Чавчавадзе имѣлъ нѣкоторое утѣшеніе получить отзывъ князя Барятинскаго, заключавшійся въ томъ, что командующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, генераль Реадъ, по полученіи послѣдняго извѣстія о ходѣ переговоровъ, немедленно сообщилъ о томъ г. военному министру для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору и просилъ о распоряженіяхъ, какія послѣдуютъ, относительно сына Шамиля , увѣдомить съ возможною поспѣшностью. Кромѣ-того, князь Барятинскій увѣдомлялъ, что по случаю новой опасности, угрожающей нынѣ плѣннымъ семействамъ, г. командующій корпусомъ (въ-ожиданіи отвѣта поручика Джемаль-Эддина) разрѣшилъ объявить Шамилю о предварительномъ соизволеніи Государя Императора на возвращеніе шамилева сына (**).

Получивъ (1-го декабря) такое разрѣшеніе, князь Чавчавадзе не замедлилъ увѣдомить Шамиля о пріятномъ для него извѣстіи.

(*) Подлинное письмо см. въ 1-мъ приложеніи подъ № 5.

(**) См. въ 1-мъ приложеніи № 7.

На этотъ разъ , сообразно съ желаніемъ Шамиля , еще прежде требовавшаго, чтобъ къ нему были посылаемы не простые люди, не слуги , а лица должностныя и настоящіе повѣренныя , былъ командированъ къ Шамилю юнкеръ Исаакъ Грамовъ , состоящій въ званіи переводчика при генерал-лейтенантѣ князѣ Гр. Орбеліани. Грамовъ отправился 2-го декабря. Но князю Чавчавадзе оставалось еще ожидать со страхомъ и надеждою, что отвѣтитъ Джемаль-Эддинъ : не откажется ли молодой, просвѣщенный офицеръ русской службы возвратиться въ непросвѣщенную и полузабытую имъ страну ?

Къ-счастью, эти сомнѣнія вскорѣ были разсѣяны самымъ удовлетворительнымъ отвѣтомъ молодаго Джемаль-Эддина. Отзывъ его заключался въ письмѣ г. военного министра (отъ 4-го декабря 1854 г. за № 810) къ г. командующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и состоялъ въ томъ , что поручикъ Джемаль-Эддинъ Шамиль изъявилъ готовность возвратиться къ отцу своему, не ожидая довѣреннаго лица, котораго Шамиль намѣревался прислать къ нему для переговоровъ (*).

Получивъ это новое радостное извѣстіе , князь Чавчавадзе не замедлил и о немъ дать знать Шамилю. Но о дальнѣйшемъ ходѣ переписки и переговоровъ читатели узнаютъ изъ слѣдующихъ главъ.

II.

Юнкеръ Исаакъ Грамовъ и его первая поѣздка къ Шамилю, для переговоровъ о выкупѣ.

Чрезвычайно-усердныя и ловкія дѣйствія юнкера Исаака Грамова въ дѣлѣ плѣнницъ Шамиля дали ему право на вѣчную ихъ признательность, а намъ даютъ основательный поводъ къ изложенію нѣкоторыхъ частныхъ подробностей объ этомъ замѣчательномъ участникѣ въ описываемомъ здѣсь событіи.

Исаакъ Грамовъ, уроженецъ карабагскаго городка Шуши, армянинъ по вѣрѣ и происхожденію, принадлежитъ къ разряду или даже типу тѣхъ туземцевъ Закавказья, которые, съ одной стороны, будучи одарены богатыми способностями , свойственными дѣтямъ Юга , и вскормлены посреди рано-развивающихъ челоѣка то

(*) См. въ 1-мъ приложеніи № 8.

боевыхъ и дѣятельныхъ, то лѣнивыхъ и коварныхъ нравовъ здѣшняго населенія, а съ другой стороны, принявъ отъ Россіи и русскихъ просвѣщенное воззрѣніе на жизнь, отечество, долгъ службы и истинное благоустройство общественное, составляютъ полезный въ здѣшнемъ управленіи классъ служащихъ, и въ-особенности драгоцѣнны въ сношеніяхъ частныхъ начальниковъ съ управляемыми ими или сосѣдственными намъ непокорными племенами. До тонкости обладая познаніемъ ихъ языка и нравовъ, люди, подобные Грамову, должны почитаться, да и дѣйствительно почитаются ближайшими посредниками между правительствомъ и разноплеменными, разнохарактерными, часто полудикими обитателями Кавказа и Закавказья; а если къ описаннымъ нами качествамъ эти люди присоединяютъ еще и искреннюю преданность правительству, то по справедливости можно сказать, что нѣтъ достаточной цѣны для такого рода правительственныхъ органовъ въ странѣ, подлежащей воинственному миротворенію Россіи.

Наружность этого рода людей замѣчательна неменѣе тѣхъ внутреннихъ качествъ, изъ которыхъ слагается обстоятельствами нравственная сторона ихъ личности: азіатская сановитость, важность и медлительность въ походкѣ и движеніяхъ; живой, проницательный взглядъ и немногорѣчивый разговоръ, въ которомъ каждая мысль какъ-будто отчеканена въ опредѣленную и законченную Форму — вотъ черты, очевидно заимствованныя у Востока и исламизма вслѣдствіе непрестаннаго съ ними обращенія. Эти черты получаютъ еще болѣе оригинальную фizioномію отъ костюма, у Востока же ими заимствованнаго. Съ другой стороны, развязность, приличная почтительность къ старшимъ, исполнительность, точность и ревностная дѣятельность — вотъ другія черты, усвоенныя вслѣдствіе служебнаго навыка подъ руководствомъ русскихъ начальниковъ.

Таковы, въ краткомъ очеркѣ, закавказскіе туземцы, преданные службѣ русскому правительству.

Таковъ и Исаакъ Грамовъ.

Мы распространились о его личности не вслѣдствіе лишь его заслугъ героинямъ нашего разсказа: мы, кромѣ того, хотѣли показать читателямъ, что свѣдѣнія, собранныя такимъ человѣкомъ, какъ Грамовъ, должны быть особенно-вѣрны, потому-что этотъ полугорецъ долженъ былъ хорошо постигать все видѣнное и слышанное имъ у горцевъ, и что, слѣдовательно, показанія его заслуживаютъ преимущественнаго вниманія передъ всѣми, досель-

имѣвшимися въ нашей литературѣ свѣдѣніями о Шамилѣ и о странѣ, составляющей его убѣжище.

Но портретъ Громова былъ бы не полонъ, еслибъ мы позабыли прибавить, что ему 32 года, что онъ первоначально воспитывался въ шушинскомъ училищѣ нѣмецкихъ колонистовъ, гдѣ изучилъ и русскій языкъ такъ, что теперь владѣтъ имъ въ одинаковомъ совершенствѣ съ армянскимъ и татарскимъ. Не окончивъ, впрочемъ, воспитанія въ нѣмецкомъ училищѣ, онъ поспѣшилъ *доучиваться* на службѣ и поступилъ сначала переводчикомъ въ Шушинское Комендантское Управленіе, а йтомъ, въ томъ же званіи, къ командующему Прикаспійскимъ Краемъ и Дагестаномъ, генерал-лейтенанту князю Гр. Орбеліани, которому нынче не только преданъ какъ начальнику, но и привязанъ какъ къ чело-
вѣку. Эти-то преданность и привязанность и побудили Громова рѣшиться на путешествіе къ Шамилю по первому вызову князя Орбеліани. Громовъ, по собственному его показанію, не искалъ награды за свое небезопасное участіе въ дѣлѣ плѣнницъ: онъ хлопоталъ только о томъ, чтобъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать къ освобожденію бѣдствующихъ родственницъ своего любимого начальника.

Но пора намъ за нимъ послѣдовать къ Шамилю.

Громовъ отправился изъ Андреевской Деревни, какъ и было уже сказано, 2-го декабря. Вмѣстѣ съ Громовымъ поѣхалъ и Могаммедъ, до-сихъ-поръ употреблявшійся для переговоровъ. Кроме писемъ и словесныхъ наставленій, они везли одежду и разныя другія вещи, необходимыя для плѣнницъ.

Путь ихъ прежде всего лежалъ на Буртунай, главный аулъ непріязненнаго намъ Салатавскаго Общества. Здѣсь, у наиба Муртезъ-Али нашли они письмо отъ Шамиля. Шамиль писалъ: «и видѣлъ я сонъ, что переводчикъ князя Орбеліани ѣдетъ ко мнѣ съ хорошими вѣстями о моемъ сынѣ. Глаза мои — на его до-
рогѣ»...

Громовъ подивился доброкачественности шамилевыхъ шпионовъ и, въ сопровожденіи двухъ проводниковъ, данныхъ ему отъ Муртезъ-Али, отправился далѣе, черезъ Салатавію, въ Дерхѣк-Отаръ, гдѣ въ это время Шамиль, дѣлавшій экспедицію противъ отряда полковника барона Николаи, стоялъ лагеремъ.

На четвертый день путешествія, часовъ въ десять утра, Громовъ прибылъ въ лагерь, но прежде, чѣмъ явился къ Шамилю,

послалъ къ нему письмо, къ которомъ спрашивалъ, *какъ* къ нему представиться.

Отвѣтъ былъ: «по-русски».

Вслѣдствіе этого Грамовъ отправился въ ставку Шамиля, куда выпустили его не иначе, какъ безоружнаго. Вои́дя , онъ увидѣлъ прямо передъ собою сидѣвшаго Шамиля , но правую его руку Дәниэль-Султана , а по лѣвую Кёр-Эффенди кази-кумыкского, полуслѣпнаго старика , ннкогда-неразлучющагося съ Шамилемъ въ походахъ и даже спящаго съ нимъ постоянно вмѣстѣ. Послѣ уже извѣстнаго намъ старика Джемаль-Эддина , этихъ обоихъ можно назвать самыми ближайшими изъ приближенныхъ дагестанскаго имама, хотя, впрочемъ, носится слухъ, что Дәниэль-Султана Шамиль ласкаетъ лишь по родству съ нимъ, а на дѣлѣ весьма мало обнаруживаетъ къ нему довѣрія.

Прочіе наибы (до 12-ти) и въ числѣ ихъ сынъ Шамиля, Казн-Махматъ, *стояли* ноодаль.

Исаакъ Грамовъ поклонился и молча подалъ Шамилю письмо отъ князя Орбеліани. Въ этомъ письмѣ заключалась рекомендація Грамова, какъ довѣреннаго лица, и поздравленіе Шамилю съ тѣмъ, что Государь Императоръ соизволилъ изъявить согласіе на выдачу ему сына.

Принявъ и прочитавъ письмо (черезъ переводчика), Шамиль пригласилъ Грамова сѣсть и спросилъ о здоровьи князя Орбеліани и князя Чавчавадзе.

— Слава Богу! отвѣчалъ Грамовъ: — они благодарятъ васъ за вниманіе къ плѣнницамъ. Мы тоже люди : чувствуемъ добро; и если не мы, то Богъ заплатитъ вамъ за это.

При этихъ словахъ Дәниэль-Султанъ улыбнулся , какъ-будто принялъ ихъ за двусмысліе (*); но Шамилю они были пріятны; онъ велѣлъ возвратить Грамову его оружіе и даже разсердился на нукеровъ, обезоружившихъ такого любезнаго гостя, а потомъ, обратясь къ Грамову, прибавилъ :

(*) Впослѣдствіи Дәниэль-Султанъ , въ частныхъ разговорахъ съ Грамовымъ, сожалѣлъ о семействѣ князя Чавчавадзе и говорилъ, что скорѣе заболѣлъ бы, чѣмъ идти на Кахетію , еслибъ зналъ , какая участь постигнетъ это семейство. Извѣстно, что набѣгомъ на Кахетію предводительствовали: Казн-Махматъ (остававшійся за Алазанью) Дәниэль-Султанъ и наибъ Канр-Бекъ, вскорѣ потомъ убитый.

— Благодарень за довѣріе ко мнѣ. Въ первый разъ вижу у себя *посланникомъ* русскаго офицера, и считаю это за счастье.

Па комплиментъ Грамовъ отвѣчалъ комплиментомъ , зная, что это необходимая приправа при началѣ всякаго разговора съ мусульманами.

— Приѣдетъ ли ко мнѣ сынъ мой ? спросилъ , наконецъ , Шамиль.

— Хотя сынъ вашъ и сдѣлался полурусскимъ , но если онъ наслѣдовалъ отъ васъ обширность разума, то конечно приѣдетъ, ибо лучше ему повелѣвать здѣсь тысячами , чѣмъ въ Россіи командовать сотнями.

Шамиль съ улыбкой обратился къ Даніэль-Султану и сказалъ:

— Чѣмъ вы о немъ думаете? Я думаю, что это дѣйствительно переводчикъ князя Орбеліанн... и затѣмъ вынулъ изъ-подъ верхней одежды часы съ репетиціей, заставилъ ихъ прозвонить половину двѣнадцатаго, и сказалъ:

— Однако мнѣ пора на молитву.

Поблизости бывшій мулла прокричалъ призывъ къ намазу, и тѣмъ кончилась аудіенція.

Грамова проводили въ особую ставку.

По окончаніи намаза, пришелъ къ нему Кбр-Эффенди, и послѣ множества комплиментовъ, принялся разспрашивать о ходѣ военныхъ дѣйствій подъ Севастополемъ. Грамовъ отвѣчалъ , что зналъ изъ доходившихъ въ то время до Шуры извѣстій, то-есть что зима производитъ значительныя опустошенія въ рядахъ англичанъ и Французовъ, и т. д.

На другой день, рано поутру , Шамиль присылалъ узнать о здоровьи Грамова, а часу въ пятомъ принесли ему на кругломъ деревянномъ подносѣ калмыцкаго (такъ-называемаго кирпичнаго) чаю въ чашѣ, вмѣщающей въ себѣ стакановъ двѣнадцать. Надо было выпить все до капли; иначе было бы обидно для хозяина.

Нукеры, чисто и красиво одѣтые , приносили Грамову чай, обѣдъ и ужинъ. По вечерамъ его требовали къ Шамилю для бесѣды глазъ-на-глазъ ; но бесѣда по-болыней-части была незначительная: были шутки, были разспросы объ извѣстныхъ русскихъ генералахъ; о выкупѣ вовсе не упоминалось. Наконецъ , дня черезъ три, Шамиль объявилъ , что онъ завтра ѣдетъ въ Веденій и тамъ ужъ все покончить о плѣнникахъ. На другой день Шамиль и двѣ сотни его тѣлохраителей-мюридовъ дѣйствительно поднялись часу въ пятомъ и тронулись въ путь въ Веденій. Въ то же

время весьма-невдалекѣ раздались частые выстрѣлы изъ орудій: это было жаркое дѣло главнаго шамилева отряда подъ предводительствомъ Эски-наиба съ отрядомъ генерал-майора барона Врангеля, окончившееся извѣстнымъ пораженіемъ горцевъ. Самый отъѣздъ Шамиля въ Введенно объяснялся дурнымъ для него оборотомъ экспедиціи. Этотъ отъѣздъ былъ ни что иное, какъ благовременное бѣгство отъ несомнѣнной опасности; но Шамиль не показаль и виду неудовольствія или страха. Онъ шутилъ съ Громовымъ, который ѣхаль отъ него въ трехъ шагахъ, а бывший тутъ же пятисотенный буртунайскій, Хассамъ, опередилъ ихъ и сталъ кричать нараспѣвъ : «ля-илляхъ-иль-алла», и этотъ священный припѣвъ былъ подхваченъ и продолжительно поддерживаемъ и повторяемъ всѣми мюридами ("). Такимъ-образомъ , шагъ-за-шагомъ , проѣхали около трехъ верстъ , какъ вдругъ артиллерійская пальба, слышанная позади, верстахъ въ двѣнадцати, чрезвычайно усилилась. Шамиль остановился, минуты двѣ задумчиво прислушивался , и снова, съ прежнимъ спокойствіемъ , поѣхаль далѣе. Внутреннее волненіе свое скрываль онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, то прикрывая его шуткою, то прямо прибѣгая ко лжи. И то и другое Громовъ имѣлъ возможность замѣтить при настоящемъ случаѣ.

— Исай-Бекъ, сказалъ ему Шамиль , какъ бы желая отвлечь его мысли отъ всякаго подозрѣнія : — ты видишь эту лошадь съ двумя переметными сумками, составляющими выюкъ ея?

Громовъ отвѣчалъ утвердительно.

— Вотъ такъ надо ѣздить на войну, продолжалъ Шамиль: — это мой выюкъ; въ немъ все мое походное имущество, и другихъ выюковъ я никогда въ походѣ не имѣю , несмотря на то , что имамъ и предводитель моего войска... А у васъ едва-ли не у каждаго прапорщика найдется побольше... отъ этого и хвостъ у (*)

(*) Во всѣхъ поѣздкахъ Шамиля съ нимъ неразлучны 200 чело-вѣкъ аварцевъ—отборныхъ и по-большеей-части старыхъ наѣздниковъ. Всѣ они отлично вооружены и одѣты и имѣютъ свой особый значокъ. Въ поѣздкахъ обыкновенно сто изъ нихъ ѣдутъ впереди, а сто позади Шамиля, и каждая сотня ѣдетъ пятью рядами или взводами, непрестанно повторяя тотъ же припѣвъ изъ Алкорана , но притомъ такъ, что передняя сотня чередуется въ пѣніи съ заднею. По правую руку отъ Шамиля всегда ѣздитъ Даиіэль-Султанъ — честь особенная и ни для кого другаго недоступная.

вась всегда длинный, а съ длиннымъ хвостомъ, согласись самъ, въ походахъ несомѣльмъ-удобно.

Грамовъ отвѣчалъ молчаливой улыбкой.

Проѣхавъ еще съ версту, Шамиль и его мюриды были остановлены прибытіемъ вѣстника , который , въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ , во весь опоръ прискакалъ съ той стороны, откуда еще не переставали раздаваться выстрѣлы , хотя уже и менѣе-частые. Вѣстникъ подаль Шамилю донесеніе отъ Эски-наиба, написанное на маленькомъ клочкѣ грязной бумаги. Шамиль, прочитавъ донесеніе, поздравилъ всѣхъ окружающихъ съ побѣдой надъ русскими, а потомъ снялъ съ себя шашку и, отдавая ее вѣстнику , громко произнесъ : «благодарите отъ меня Эски-наиба и отдайте ему эту шашку , въ знакъ моего совершеннаго удовольствія...»

Грамовъ не вѣрилъ побѣдѣ горцевъ надъ русскимъ отрядомъ, но въ то же время , наблюдая за Шамилемъ, онъ не постигалъ, какимъ-образомъ человекъ можетъ до такой степени владѣть собою, чтобъ ни въ одной чертѣ лица , ни въ одномъ словѣ или движеніи не выразить чувства, совершенно-противоположнаго удовольствію !

Но комедія , разыгранная Шамилемъ , вскорѣ уяснилась для Грамова: когда вѣстникъ ускакалъ обратно къ Эски-наибу, Грамовъ поотсталъ отъ Шамиля и присоединился къ заднимъ рядамъ его тѣлохранителей. Тутъ нашелъ онъ нѣсколько горцевъ, прискакавшихъ съ мѣста боя вслѣдъ за вѣстникомъ. Они передавали мюридамъ извѣстіе объ истинномъ ходѣ дѣла , и Грамову немудрено было убѣдиться, что они рассказывали о пораженіи Эски-наиба русскими. Другое доказательство тому, что горцамъ приходилось плохо, Грамовъ вскорѣ увидѣлъ въ измѣненіи шамилевыхъ намѣреній : Шамиль остановилъ свой конвой и, обратясь къ Грамову, сказалъ :

— Ну, Исай-бекъ, поѣзжай въ Веденно, а я вернусь къ отряду.

— Позвольте остаться при васъ, отвѣчалъ Грамовъ.

— Нѣтъ, тебѣ съ нами дѣлать нечего. Своихъ ты бить не будешь, а нашихъ не удастся, не позволю; если жъ будетъ новое дѣло и тебя ранять, такъ это будетъ на моей совѣсти... Лучшее поѣзжай въ Веденно и ожидай тамъ скорого моего возвращенія...

Тутъ Шамиль и его мюриды повернули назадъ, а Грамовъ съ данными ему провожатыми отправился въ Дар гы-Веденно, до котораго оставалось еще верстъ двадцать,

Версты за четыре до мѣста, Грамозъ былъ съ нѣкоторымъ почетомъ встрѣченъ мюридами, оставшимися въ Веденнѣ. Замѣчательно, что между встрѣчавшими не было ни одного молодого человѣка: вся молодёжь была въ экспедиціи. Тѣмъ неменѣе, однакожь, при встрѣчѣ не обошлось безъ ружейныхъ выстрѣловъ и джигитовки, составляющихъ извѣстный церемоніаль горцевъ при всякомъ болѣе или менѣе пріятномъ, либо торжественномъ случаѣ. Встрѣчею завѣдывалъ Контаса-Хаджіо, уже знакомый намъ казначей Шамиля.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Ведений Грамовъ не замѣтилъ ничего особенно-интереснаго. О самомъ же Веденнѣ сохранилъ слѣдующее воспоминаніе :

Ауль, служащій резиденціей Шамилю, какъ и всѣ собственно-чеченскіе аулы или селенія, растянута на значительное пространство и окружена, какъ наши кавказскія казачьи станицы, валомъ и плетнемъ съ частоколомъ. Строенія здѣсь всѣ деревянные, въ противоположность Дагестану и Аваріи, гдѣ селенія сплошь строятся изъ камня и на камнѣ, и притомъ не такъ, какъ въ Чечнѣ, не въ разбродъ, а тѣсными кучами. Въ Чечнѣ же бываютъ селенія въ три и четыре версты длиною, хотя иногда имѣютъ и не болѣе ста домовъ, но эти дома, или *сакли*, часто раздѣляются большими садами, или даже пашнями, а оттого селеніе тянется на огромное протяженіе.

Въ срединѣ Веденнѣ Грамовъ нашелъ обширное (до ста саженъ ширины и двухсотъ длины), огороженное частоколомъ пространство: это былъ внѣшній дворъ шамилева сераля; внутренній же дворъ или самый сераль помѣщался въ самой срединѣ этого внѣшняго двора и заключалъ въ себѣ разныя хозяйственныя строенія и жилыя помѣщенія для семейства, прислуги Шамиля и гостей его, въ числѣ которыхъ пріѣзжаетъ и второй его сынъ, Кази-Махматъ, наибъ въ Каратаѣ, откуда завѣдываетъ онъ семью наибствами.

На внѣшнемъ дворѣ Грамовъ видѣлъ помѣщенія для двухсотъ конвойныхъ мюридовъ Шамиля, отборнаго войска, собраннаго изъ аварскихъ селеній и наполовину составленнаго изъ старыхъ, закаленныхъ въ бою всадниковъ. Тутъ же стоитъ небольшой сарайчикъ, гдѣ Грамовъ видѣлъ восемь заржавленныхъ орудій, негодныхъ и никогда неупотребляемыхъ въ дѣло, а очевидно стоящихъ здѣсь для важности.

Впослѣдствіи, живя нѣсколько дней въ домѣ казначея Хаджіо,

И. Грамовъ успѣлъ кое-что разузнать и высмотрѣть. Такъ, на-примѣръ, онъ узналъ, что въ Веденно, кромѣ постоянного войска, находится до ЗГО иностранцевъ, большею частью изъ поляковъ, и до Г00 душъ частныхъ жителей изъ туземцевъ; что конвойная стража Шамиля нигдѣ и никогда не покидаетъ его, составляя не только охрану, но даже какъ-бы присмотръ за самимъ Шамилемъ, такъ-что даже въ мечеть Шамиль не ходитъ безъ этой двусмысленной свиты, отъ которой, повидимому, не могъ бы избавиться, еслибъ и захотѣлъ того. Въ мечеть же ходитъ Шамиль каждую пятницу, по утрамъ, причѣмъ двѣсти его мюридовъ составляютъ изъ себя какъ-бы двойную стѣну по всему протяженію отъ серала до мечети, и въ то время, когда имамъ проходить между ихъ рядами, они поютъ «ля илляхэ-иль-алла»; когда же Шамиль въ мечети, они окружаютъ ее и все время остаются безмолвными и почтительными хранителями ненарушимости имамова моленія, которое, впрочемъ, никогда не продолжается болѣе четверти часа.

Какъ доказательство того уваженія, какимъ Шамиль пользуется между своими ближайшими подвластными, Грамовъ приводитъ весьма-распространенный у веденнскихъ жителей обычай божиться или клясться въ разговорахъ именемъ или *здоровьемъ* Шамиля.

Къ-сожалѣнью, наблюдательный Грамовъ былъ слишкомъ-недолго въ Веденно; иначе, съ помощью своей замѣчательной проника-тельности, онъ могъ бы доставить намъ болѣе-полныя характери-стическія свѣдѣнія о загадочномъ мірѣ, въ который вводила его судьба на короткое время.

Но возвратимся къ хронологическому порядку разсказа.

Грамовъ остановился и ночевалъ въ домѣ казначея Хаджіо, а на другой день вечеромъ прибыли въ Веденно Шамиль и Даніэль-Султанъ. Хаджіо ходилъ къ нимъ и, возвратясь, сказалъ, что Шамиль никого изъ постороннихъ не принимаетъ и уже отпра-вился въ свою спальню.

На другой день, часу въ шестомъ утра, Шамиль присылалъ узнать о здоровьи Грамова, а въ десятомъ часу потребовалъ его къ себѣ.

Грамовъ отправился въ сераль и былъ введенъ въ кабинетъ Шамиля (*).

(*) По всей вѣроятности, это была *кунацкая* комната, или та, что обозначена на планѣ серала подъ именемъ «комнаты для пріѣзжихъ гостей».

Тутъ Грамовъ нашель цѣлое и даже довольно-торжественное засѣданіе. Шамиль сидѣлъ въ глубинѣ комнаты ; по правую его руку помѣщался Даніэль-Султанъ, а по лѣвую Кѣр-Э<i>Фенди. Тутъ же были : бывший андійскій наибъ Муртулъ-Али и переводчикъ Шамиля, единоземецъ Грамова, карабахскій же армянинъ (знакомый уже намъ) Шахъ-Аббасъ, когда-то захваченный въ плѣнъ горцами, а впослѣдствіи принявшій мусульманскую вѣру и сдѣлавшійся однимъ изъ вліятельныхъ приближенныхъ Шамиля. Кромѣ этихъ лицъ, вдоль стѣнъ комнаты сидѣло челоѣкъ до двѣнадцати наибовъ, неизвѣстныхъ Грамову.

Грамовъ поклонился всѣмъ присутствовавшимъ и сталъ неподалеку отъ двери.

— Здоровъ ли, Исай-Бекъ? началъ Шамиль съ благосклонной улыбкой.

— СлаваБогу, по вашей милости, почтительно отвѣчалъ Грамовъ.

— Садитесь, продолжалъ Шамиль и указалъ рукою мѣсто на коврѣ, противъ себя.

Грамовъ сѣлъ на коверъ, сложивъ подъ себя ноги. Послѣ нѣ котораго молчанія, Шамиль спросилъ также съ улыбкою:

— Исай-Бекъ! Какъ ты видѣлъ Дагестанъ ?

— Имамъ, въ какомъ отношеніи изволите спрашивать?

— Какова тамъ дорога, обычаи, пріемъ и все, что ты могъ хорошенько узнать проѣздомъ?

— Имамъ, позвольте ли сказать правду?

— Непремѣнно! Челоѣкъ долженъ говорить правду, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ челоѣкомъ.

— Если такъ, то я принужденъ сказать, что во владѣніяхъ вашихъ дороги чрезвычайно-дурны и грязны; путешествовать весьма-трудно по причинѣ множества лѣсовъ, переправъ и ущелій. Я дѣлалъ верстъ по десяти въ сутки, и похвалить путешествія не могу. Что жъ касается до гостепріимства, то я весьма имъ доволенъ.

— Да, любезный, это-то я и хотѣлъ отъ тебя слышать. Знай же, что тотъ великій Царь, который не хочетъ тремъ царямъ покориться, со мною ничего сдѣлать не можетъ, хотя и не перестаетъ посылать ко мнѣ войска свои ! Я не смѣю равняться съ могущественными государями : я простой татаринъ, Шамиль; но моя грязь, мои лѣса и ущелья дѣлають меня сильнѣе многихъ государей. Еслибъ я могъ, я умастилъ бы драгоцѣннымъ масломъ

каждое дерево лѣсовъ моихъ; а грязь дорогъ смѣшалъ бы съ благовоннымъ медомъ — такъ дорожу я моими лѣсами и моими дурными дорогами : они-то и составляютъ мое могущество.

Окончивъ эту длинную рѣчь, Шамиль съ улыбкою обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ. Тѣ отвѣчали ему также улыбками; но Шамиль немедленно измѣнилъ выраженіе лица и сказалъ, обращаясь снова къ Грамову :

— Исай-Бекъ, большія лица въ важныхъ разговорахъ всегда сначала шутятъ, а потомъ ужъ толкуютъ о дѣлѣ. Такъ сдѣлали и мы съ тобою. Теперь поговоримъ о дѣлѣ.

Грамовъ понялъ, что благосклонная шутливость Шамиля (вѣроятно, бывшая слѣдствіемъ его желанія ободрить Грамова) прекращалась и уступала мѣсто суровости. Поэтому Грамовъ отвѣчалъ съ удвоенною почтительностью :

— Прикажете, имамъ, я буду отвѣчать.

— Что жъ князя Орбеліани и Чавчавадзе шутятъ, что ли, со мною, или нѣтъ? спросилъ Шамиль съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, въ которыхъ уже не оставалось и тѣни благосклонности или шутки.

Грамовъ показалъ видъ недоумѣнія; всѣ прочіе изобразили собою олицетворенное вниманіе.

Шамиль продолжалъ:

— Сначала я требовалъ за освобожденіе ихъ семействъ пять милійоновъ рублей; потомъ я пожалѣлъ ихъ и потребовалъ только одинъ миліонъ, 450 плѣнныхъ горцевъ и сына моего Джемаль-Эддина. Но они до-сихъ-поръ кормятъ меня только сладкими письмами. Я удивляюсь , какъ много они пишутъ, а, кажется, лучше бы поменьше писать, да побольше дѣла дѣлать. Особенно сердить меня этотъ Орбеліани; я, кажется, зарѣзалъ бы его, еслибъ опъ попался мнѣ въ руки... конечно, и онъ со мною сдѣлалъ бы то же самое... мы враги!

Говоря это, Шамиль хмурилъ брови, а глаза его принимали ужасающее выраженіе. На этотъ разъ онъ даже не прищуривалъ ихъ, какъ это дѣлаетъ почти-постоянно.

Помолчавъ, Грамовъ произнесъ вкрадчиво, но съ достоинствомъ:

— Имамъ, если позволите, я доложу вамъ...

— Хорошо, говори: что тебѣ поручено?

— Для князей Орбеліани и Чавчавадзе все-равно, что пять милійоновъ, что одинъ, потому-что такихъ денегъ нѣтъ у нихъ. Сумма, требуемая вами, бываетъ только у царей... Но я под-

тверждаю тѣ же обѣщанія , о какихъ они къ вамъ писали , то-
есть, я предлагаю вамъ 4-0,000 рублей серебромъ. А ужь какъ
мы собрали эти деньги—объ этомъ только одинъ Богъ вѣдаетъ!..

Шамиль, выслушавъ Грамова, хранилъ молчаніе.

Грамовъ продолжалъ:

— Вотъ Даніэль-Султанъ долженъ хорошо знать состояніе гру-
зинскихъ князей. Спросите его : имѣетъ ли хоть кто-нибудь изъ
нихъ столько, чтобъ могъ, продавъ все свое имущество, выру-
чить милльонъ ?

Даніэль-Султанъ поддержалъ Грамова и произнесъ :

— Я удивляюсь и тому, что они успѣли собрать 40,000.

Тутъ заговорили наибы. Они выражали недовѣріе къ словамъ
Грамова, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Псэй-Бекъ, ты говоришь несправедлива. Что значить для
васъ заплатить милльонъ — суцая бездѣлица! Если нашъ имамъ
захочетъ, то потребуетъ и получить цѣлую *арбу* серебра.

— Но я вамъ предлагаю двѣ арбы, да и тѣхъ вы не увезете
по вашимъ грязнымъ дорогамъ ! отвѣчалъ Грамовъ , сообразивъ,
что въ двухъ чеченскихъ арбахъ не помѣстится болѣе 30,000
рублей звонкою монетой.

Наибы въ голосъ принялись выражать сомнѣніе. Грамовъ окон-
чательно понялъ, что никто изъ нихъ не имѣетъ понятія о томъ,
что такое милльонъ, и почелъ нужнымъ вразумить ихъ слѣдую-
щими словами:

— Вы, какъ я вижу, еще не знаете, что у насъ называется
милльонъ, такъ я, для примѣра, скажу вамъ, что еслибъ вамъ
дали милльонъ бобовъ или кукурузныхъ зеренъ и приказали бы
ничего не ѣсть до-тѣхъ-поръ , пока вы ихъ не сосчитаете , и
еслибъ притомъ, не одинъ изъ васъ, а всѣ вы вмѣстѣ стали бы
считать эти бобы или зерна , то всѣ умерли бы съ голоду пре-
жде, чѣмъ досчитались бы до милльона...

Наибы пришли въ самое искреннее изумленіе. Рельефный до-
водъ Грамова очевидно на нихъ подѣйствовалъ. «Не-уже-ли это
такъ много ?» спрашивали они съ видомъ невѣжественнаго про-
стодушія, и Грамовъ уже радовался своему успѣху. Но тутъ въ
разговоръ вмѣшался переводчикъ Шах-Аббасъ и едва не раз-
строилъ всего дѣла. Грамовъ, смекнувъ, что этотъ человѣкъ мо-
жетъ быть очень-полезенъ и очень-вреденъ, смотря по тому, въ
какую сторону склонится его расположеніе, тотчасъ же мысленно

объщала себѣ заискать у Шах-Аббаса (*), а между-тѣмъ, чтобъ не дать ему теперь повредить переговорамъ, обратился къ Шамилю:

— Имамъ, сказалъ Грамовъ:—позвольте просить васъ объ одной милости...

— Что такое? сухо произнесъ Шамиль.

— Прикажете всѣмъ имъ молчать ; иначе я не въ-состояніи объясняться.

Шамиль обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ и приказалъ имъ не перебивать Грамова, а потомъ сказалъ ему:

— Они будутъ молчать, но мы-то съ тобою чѣмъ же покончимъ дѣло?

— Довѣрители мои рѣшительно не могутъ дать болѣе того, что предлагаютъ , то-есть 40,000 р. , возвращеніе вашего сына и плѣнныхъ, сколько успѣютъ собрать. Если же сынъ вашъ самъ не будетъ согласенъ на возвращеніе , то вы пошлете къ нему довѣренныхъ людей, которые будутъ его уговаривать.

— Любезный Исай-Бекъ , я о сынѣ не такъ хлопоту, какъ о выгодахъ моего народа. Я сына не вижу шестнадцать лѣтъ и отвыкъ отъ него. Нѣтъ, вы мнѣ дайте миллионъ! Князь Чавчавадзе защищалъ вѣренную ему страну и лишился семейства: Государь долженъ вознаградить его; пусть же онъ требуетъ!

— Имамъ , у нашего Государя никто ничего не смѣетъ требовать. О возвращеніи къ вамъ сына вашего помыслилъ самъ Государь; иначе и на эту милость князь Чавчавадзе не могъ бы рассчитывать. Что же касается до храбрости или знатности князя Чавчавадзе , то у Государя много такихъ **Фамилій**, и за всякую онъ не въ состояніи давать по миллиону...

— Хорошо; но поговоримъ послѣ, а теперь мнѣ пора дѣлать намазъ , отвѣчалъ Шамиль на послѣднія убѣжденія Грамова.

— Имамъ, заключилъ Грамовъ, нужно бы поговорить съ вами наединѣ.

— Хорошо, хорошо; но теперь иди съ Богомъ!

Грамовъ вышелъ. До вечера онъ оставался въ своей квартирѣ

(*) Въ чемъ и успѣлъ въ тотъ же день вечеромъ, подаривъ Шах-Аббасу часы, два полуимперіала и 1 ф. чаю. Вообще Грамовъ на-шелъ почти во всѣхъ приближенныхъ Шамиля страшныхъ взяточниковъ, и потому не Жалѣлъ подарковъ, состоявшихъ изъ сукна, денегъ и драгоценныхъ вещей.

и не былъ ничѣмъ беспокоимъ. Кормили его отлично , и даже давали соли, что у чеченцевъ означаетъ особое уваженіе къ гостю.

Вечеромъ къ Грамову пришли Шах-Аббасъ и нѣкоторые другія лица, видѣнные имъ поутру въ кабинетѣ Шамиля. При этомъ свиданіи армянинъ Шах-Аббасъ говорилъ съ Грамовымъ поармянски и, принявъ отъ него подарки, обѣщавъ всякое содѣйствіе, чѣмъ и можно истолковать то видимое расположеніе его къ плѣнницамъ, которое онѣ объясняли добротою души его, но которое для читателей нашихъ объясняется теперь совершенно-иначе.

На другой день Грамова не требовали къ Шамилю, но на третій день они имѣли новое свиданіе.

Шамиль опять былъ окруженъ своими приближенными.

— Садись, Исай-Бекъ, по обыкновенію сказалъ онъ Грамову.

— Позвольте стоять: колѣни болятъ отъ непривычки къ сидѣнью.

— Какъ хочешь... Ну, здоровъ ли ты?

— Слава Богу.

— Дай Богъ тебѣ здоровья... Не желаешь ли обрадовать княгинь?

— Это зависитъ отъ вашей милости.

— Вотъ вилишь ли что : княгини у меня живутъ хорошо, такъ, что и птица здѣсь ихъ не видитъ. Я дѣлаю это для нихъ по закону Шаріата, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаю получить и хорошую выгоду. Князья Орбеліани и Чевчавадзе должны бы считать это за счастье, а они слишкомъ-мало даютъ денегъ! Должно-быть, они шутятъ со мною, или медлятъ для-того, чтобъ, начавъ военныя движенія, добраться до Веденно и захватить плѣнныхъ, чтобъ послѣ мѣняться ими...

— Имамъ , ничего не могу отвѣчать вамъ на это при постороннихъ лицахъ и повторяю свою просьбу о томъ , чтобъ мнѣ было дозволено поговорить съ вами наединѣ.

— Хорошо, послѣ... отвѣчалъ Шамиль и, очевидно не желая теперь удалять своихъ приближенныхъ, отпустилъ Грамова.

На другой день послѣдовала желаемая Грамовымъ секретная бесѣда съ Шамилемъ. Она была устроена довольно-поздно вечеромъ , и было замѣтно , что Шамиль самъ желалъ побесѣдовать одинъ-на-одинъ съ русскимъ повѣреннымъ , но въ то же время опасался своихъ соглядатаевъ.

Вотъ въ чемъ состояла эта вечерняя аудіенція:

— Еслибъ князья даже и имѣли миллионъ, говорилъ Грамовъ, съ видомъ величайшей таинственности, то все-таки не дали бы вамъ такой огромной суммы.

— Почему же? задумчиво спросил Шамиль.

— Потому, что Государь не дозволилъ бы имъ такъ значительно увеличивать ваши средства къ войнѣ противъ русскихъ .. Ир и томъ же князя очень-горды и не согласятся торговаться, а что сказали разъ, то и сдѣлають. Наконецъ... позвольте ли говорить откровенно?..

— Говори.

— На вашемъ мѣстѣ, я довольствовался бы славою. Посудите сами : мало ли будетъ вамъ той славы, что вы, какъ-бы вооруженною рукою отняли у русскихъ того самаго сына , котораго когда-то поневолѣ должны были сами отдать имъ въ заложники?.. Въдь объ этомъ заговорить вся Европа , и въ газетахъ напечатаятъ, что вы умѣли восторжествовать надъ русскими.

— Оно такъ; но и деньги получить хорошо, съ улыбкою замѣтилъ Шамиль.

— Но повѣрьте , имамъ , что я васъ ни въ чемъ не обманываю. Конечно , я дѣйствую въ пользу князя Орбеліани, потому что я ему многимъ обязанъ и душевно люблю его; но вмѣстѣ съ тѣмъ я и вамъ хотѣлъ бы сослужить службу, устройвъ окончательно это дѣло : я въ васъ также нуждаюсь. Кто знаетъ, можетъ-быть, и мнѣ случится когда-нибудь сдѣлаться вашимъ плѣнникомъ: тогда вы вспомните мои услуги и помилите меня!

Шамиль опустилъ голову и задумался. Потомъ онъ вздохнулъ и, обратившись къ Грамову, отрывисто произнесъ:

— Хорошо; завтра, до вечера, я постараюсь окончить съ народомъ... Ты знаешь, что безъ народа я сдѣлать ничего не могу, а послѣзавтра отправлю тебя съ рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Грамовъ удалился; но на другой же день, часу въ девятомъ утра, былъ снова позванъ къ Шамилю , который на этотъ разъ опять былъ окруженъ множествомъ народа.

Увидѣвъ вошедшаго Грамова , Шамиль немедленно обратился къ нему:

— Исай-Бекъ , я хочу тебя поздравить. Вотъ тутъ сидитъ мой письмоводитель, и я готовлюсь писать къ князю Орбеліани.

Грамовъ оглянулся и увидѣлъ писца, передъ которымъ лежало четверть листа простой полубѣлой бумаги.

Шамиль продолжалъ:

— Деньги — трава : сохнетъ и пропадаетъ, Мы не деньгамъ служимъ, а Богу.

При этихъ словахъ Грамовъ замѣтилъ на всѣхъ физиономіяхъ усиленное вниманіе.

— Но я много писать не стану; это *вы* только много пишите... На словахъ передашь князю Орбеліани, что слѣдуетъ; а я напишу вкратцѣ... Богъ милостивъ, пріѣдетъ сынъ мой, тогда отпущу и княгинь.

Грамовъ отправился къ себѣ, но вскорѣ былъ снова призванъ, чтобъ получить письмо Шамиля къ князю Орбеліани. Тутъ Грамовъ нашелъ и письмо отъ плѣнницъ къ князю Чивчавадзе, уже прочитанное Шамилемъ. Оба эти письма Шамиль поручилъ Грамову тутъ же завернуть въ одинъ конвертъ и запечатать его печатью; отдавая же эти депеши Грамову, просилъ его ѣхать на встрѣчу Джемаль-Эддина и въ заключеніе сказалъ:

— Смотри, чтобъ сына моего не окружали злонамѣренные люди и не отсовѣтовали ему возвратиться ко мнѣ! Послужи мнѣ въ этомъ случаѣ, руководствуясь чистотою во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ— и тогда будешь вознагражденъ мною. Прощай!..

Это были послѣднія слова Шамиля передъ отъѣздомъ Грамова. Откланиваясь Шамилю, умный армянинъ не пожалѣлъ восточныхъ комплиментовъ, и два дипломата разстались совершенно-довольные другъ другомъ.

Черезъ полчаса Грамовъ, сопровождаемый палубою и конвоемъ, выѣхалъ изъ Ведений, а 30-го декабря благополучно прибылъ въ Темир-Хан-Шуру, гдѣ и оставался до поѣздки съ княземъ Чавчавадзе въ Хасав-Юртъ, а оттуда во Владикавказъ. Возвратившись снова въ Хасав-Юртъ, онъ въ-теченіе трехъ недѣль безпрестанно велъ переговоры съ пріѣзжавшими туда повѣренными Шамиля.

III.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ГРАМОВА.—ПОѢЗДКА КНЯЗЯ Д. А. ЧАВЧАВАДЗЕ
ВО ВЛАДИКАВКАЗЪ. — ПОРУЧИКЪ ДЖЕМАЛЬ-ЭДДИНЪ.—ШАМИЛЬ. — НОВЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ И НОВЫЯ НЕОЖИДАННЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ.

Возвратившись 30-го декабря въ Темир-Хан-Шуру, Грамовъ нашелъ тамъ и князя Г. Орбеліани и князя Д. А. Чавчавадзе. Оба они были нѣсколько успокоены отвѣтомъ Шамиля, который обѣщалъ, по пріѣздѣ сына, отпустить и княгинь, и въ то же время оживлены тѣмъ, что съ-этихъ-поръ Шамиль, узнавшій о

согласіи своего сына возвратиться на родину, облегчилъ имъ сношенія съ дорогими плѣнницами.

Тѣмъ не менѣе, однакожь , до 2-го числа Февраля въ этихъ сношеніяхъ съ обѣихъ сторонъ не было ничего рѣшительнаго и даже замѣчательнаго. Но 2-го Февраля князь Чавчавадзе получилъ отъ барона Николаи , изъ Хасав-Юрта, увѣдомленіе, что сынъ Шамиля, поручикъ русской службы, Джемаль-Эддинъ, уже прибылъ въ Ставрополь, дожидался тамъ пріѣзда новаго главнокомандующаго и намѣстника кавказскаго , генерал-адъютанта И. Н. Муравьева, и отправленъ имъ во Владикавказъ. Это извѣстіе тѣмъ болѣе было радостно , что до-сихъ-поръ князя Орбеліани и Чавчавадзе знали о Джемаль-Эддинѣ только то, что онъ 4-го января выѣхалъ изъ Петербурга.

4-го Февраля князь Д. Л. Чавчавадзе, въ сопровожденіи Грамова , отправился въ Хасав-Юртъ и прибылъ туда на другой день. Здѣсь, немедленно по пріѣздѣ, князь получилъ письмо изъ Ведсннѣ отъ княгини Анны Ильиничны. Княгиня писала, что Шамиль, узнавъ о прибытіи сына во Владикавказъ, просилъ князя поторопить пріѣздъ его въ Хасав-Юртъ для скорѣйшаго окончанія дѣла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Чавчавадзе здѣсь же узналъ, что г. главнокомандующій изъ Ставрополя направился къ укрѣпленію Нальчику, а во Владикавказъ будетъ неранѣе 11-го числа.

Оба эти обстоятельства побудили князя немедленно ѣхать во Владикавказъ , чтобъ имѣть честь представиться тамъ г. главнокомандующему и въ то же время ходатайствовать у него о дозволеніи взять съ собою поручика Джемаль-Эддина въ Хасав-Юртъ.

9-го числа князь вмѣстѣ съ Грамовымъ выѣхалъ изъ Хасав-Юрта , а 11-го настигъ г. главнокомандующаго въ станицѣ Ардонской, гдѣ и былъ ему представленъ. По слѣдамъ г. главнокомандующаго , князь и Грамовъ въ тотъ же день прибыли во Владикавказъ , и тамъ его высокопревосходительству была доложена просьба князя относительно поручика Джемаль-Эддина, который до этого времени былъ порученъ начальнику лѣваго Фланга Кавказской Линіи , генерал-лейтенанту барону Врангелю.

Г. главнокомандующій изъявилъ согласіе на просьбу князя Чавчавадзе: 13-го Февраля поручикъ Джемаль-Эддинъ былъ ему переданъ, а 15-го числа, вмѣстѣ съ нимъ и Грамовымъ отправился въ Хасав-Юртъ.

Легко себѣ представить радостныя чувства князя Чавчавадзе

при сознаніи , что онъ уже обладаетъ , такъ-сказать , живымъ залогомъ скорого возвращенія милыхъ сердцу его плѣнницъ!... Онъ еще не зналъ, что впереди ожидаютъ его новыя затрудненія и сердечныя истязанія.

Сидя въ одномъ экипажѣ съ виновникомъ ожидаемаго освобожденія своего семейства , князь былъ счастливъ счастьемъ человѣка , отстрадавшаго роковой срокъ бѣдствія , и потому былъ на столько спокоенъ душою, что могъ вполнѣ предаться изученію своего молодаго и интереснаго спутника. Знакомство ихъ продолжалось и въ Хасав-Юртѣ, гдѣ князь и Джемаль-Эддинъ прожили болѣе трехъ недѣль въ одной комнатѣ.

Предвидя , что въ послѣдующихъ подробностяхъ нашего разсказа трудно будетъ найти такое мѣсто , гдѣ можно было бы удобно прервать его нить и заняться портретомъ Джемаль-Эддина, мы сдѣлаемъ это теперь, въ увѣренности, что не можетъ не быть интересно все, относящееся до человѣка, который, конечно, предназначенъ играть немаловажную роль въ будущемъ , точно такъ же, какъ немаловажную роль играетъ онъ въ описываемомъ нами событіи.

Джемаль-Эддинъ только годомъ старѣе своего второго брата, Кази-Махмата ; на видъ ему не болѣе 22 или 23-хъ лѣтъ. Онъ средняго роста, хорошо сложенъ , тонокъ и ловокъ. Въ выраженіи лица его видны умъ , доброта, веселость и энергія — качества, дѣйствительно-замѣченныя въ немъ всѣми, кто часто видѣлъ его въ Хасав-Юртѣ (*) ; черты же лица у него весьма-сходны съ чертами Кази-Махмата. Джемаль-Эддинъ началъ и кончилъ свое воспитаніе въ одномъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ , учился хорошо и былъ выпущенъ Офицеромъ въ собственный Его Величества конвой , а потомъ прикомандированъ къ Уланскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича Полку.

Въ одномъ изъ разговоровъ съ княземъ Чавчавадзе, Джемаль-Эддинъ выразилъ , что онъ всегда желалъ слушать по Генеральному Штабу и даже приготовлялся къ экзамену для поступленія въ Военную Академію , но что этой мысли не удалось ему осуществить...

(*) См. свидѣтельство офицера , писавшаго о Джемаль-Эддинѣ въ нѣмецкой брошюрѣ, переводъ которой помѣщенъ во 2-мъ приложеніи къ этому разсказу.

Религію отца своего Джемаль-Эддинъ сохранилъ , но съ роднымъ языкомъ раззнакомился такъ, что съ великимъ усиліемъ понимаетъ кое-что изъ татарскаго разговора. За-то онъ въ совершенствѣ владѣеть языкомъ русскимъ и, понимая поФранцузки, легко читаетъ Французскія книги. Вообще онъ, какъ кажется, весьма-любопытнелень и боится въ глуши своей родины потерять свѣдѣнія, пріобрѣтенныя воспитаніемъ. Это можно заключить изъ того, что онъ привезъ съ собою изъ Петербурга много книгъ , географическихъ атласовъ , хорошей бумаги , готовальни, карандаши и даже краски , что даетъ поводъ думать, что онъ любитъ черченіе и рисованіе и думаетъ не покидать этихъ занятій даже и въ домѣ отца своего.

По увѣренію князя Д. А. Чавчавадзе , рѣдко встрѣчалъ онъ въ мусульманинѣ , хотя бы и образованномъ , такое отсутствіе всего татарскаго, такое полное перерожденіе въ европейскіе нравы, такой *русскій* взглядъ на вещи , такія *русскія* чувства и привычки, какія онъ нашель въ Джемаль-Эддинѣ. Но предметомъ особеннаго удивленія для князя , былъ замѣчательный тактъ этого молодаго человѣка : никогда не обнаруживаль онъ своихъ настоящихъ (конечно, грустныхъ) ощущеній и въ то же время никогда не рисовался въ интересную роль великодушнаго освободителя. Только наружность иногда измѣняла ему, обличая затаенную грусть, да раза два, и то глазъ-па-глазъ съ княземъ, Джемаль-Эддинъ проговорился о томъ, что въ это время угнетало его душу.

— Я такъ привыкъ ко всему русскому, сказалъ онъ однажды князю: — я вездѣ въ Россіи встрѣчалъ такой пріемъ и такъ отвыкъ отъ всего роднаго , что не задумавшись остался бы навсегда въ Россіи, еслибъ не обязанность сына... Что сказали бы обо мнѣ, еслибъ, на дозволеніе Государя ѣхать къ отцу , я отвѣчалъ несогласіемъ ?

Въ другой разъ Джемаль-Эддинъ, послѣ продолжительнаго раздумья наединѣ съ княземъ Чавчавадзе, вдругъ высказался слѣдующимъ образомъ :

— Какъ странна иногда бываетъ судьба человѣка !... Меня, шестилѣтняго ребенка, взяли изъ полудикаго аула Ахульго, чтобъ дать мнѣ человѣческія понятія и образованіе—и вотъ въ то самое время , когда я только-что началъ понимать всю пользу образованія и готовъ былъ всей душой идти впередъ, къ познаніямъ и развитію, меня вдругъ снова бросаетъ судьба въ

страну невѣжества и , быть-можетъ , заставить позабыть все пріобрѣтенное, и я, какъ ракъ, попячусь назадъ и назадъ!...

Во всѣхъ этихъ обмолвкахъ просвѣчивались благородныя чувства и исполнѣ-гу манные помыслы. Но если благодарность можетъ назваться благороднѣйшимъ изъ чувствъ человѣческихъ, то благороднѣйшею чертою Джемаль-Эддина была слѣдующая, вполнѣ доказавшая, что онъ въ высокой степени проникнуть благодарностью за все, чѣмъ воспользовался въ Россіи:

Въ первыхъ числахъ марта , уже по окончаніи послѣднихъ переговоровъ о выкупѣ и обмѣнѣ плѣнницъ , въ Хасав-Юртъ принеслась скорбная вѣсть о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича. Джемаль-Эдинъ былъ непритворно пораженъ этимъ извѣстіемъ. Когда же всѣ офицеры , бывшіе въ Хасав-Юртѣ, отправились къ обряду присяги на вѣрность нынѣ благополучно-царствующему Государю Императору Александру Николаевичу , тогда Джемаль-Эдинъ пошелъ вмѣстѣ съ ними на площадь и во все время чтенія присяжнаго листа добровольно, никѣмъ и ничѣмъ къ тому непонуждаемый , держалъ вверхъ правую руку... Допустимъ, что этотъ поступокъ былъ не болѣе, какъ юношескій порывъ благороднѣйшаго и благодарнаго сердца, но, во всякомъ случаѣ , онъ выразилъ всю великость признательности юноши къ своимъ Августѣйшимъ благодѣтелямъ и глубоко тронулъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Нѣкоторыя другія черты характера Джемаль-Эддина выказались при послѣднихъ переговорахъ князя Чавчавадзе съ Шамилемъ, и потому мы приведемъ ихъ далѣе, въ связи съ самими обстоятельствами, при которыхъ онѣ обнаружили.

17-го Февраля князь Чавчавадзе , Джемаль-Эдинъ и Грамовъ прибыли въ Хасав-Юртъ , а на другой день отправили къ Шамилю прежняго своего повѣреннаго, андреевскаго жителя Могаммеда съ извѣстіемъ о пріѣздѣ сына и съ просьбою выслать людей для окончанія переговоровъ. Могаммедъ отправился немедленно и возвратился 20-го Февраля. Вмѣстѣ съ нимъ изъ Веденно' прибыли уполномоченные Шамиля : знакомецъ нашъ казначей Контасъ-Хаджіо и Юнусъ, приближенное лицо, тотъ самый Юнусъ, который въ 1839 году, подѣ Ахульго, передалъ генералу Граббе шестилѣтняго заложника Джемаль-Эддина. Съ ними были еще: буртунайскій пятисотенный Хассанъ и другой знакомецъ нашъ, переводчикъ Шамиля, карабагскій армянинъ Шах-Аббасъ,

Когда эти лица были допущены къ князю Чавчавадзе и Джемаль-Эддину, тогда Юнусъ обратился къ князю и сказалъ:

— Цѣль настоящаго нашего прїѣзда только въ томъ, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли этотъ молодой человѣкъ сынъ нашего великаго имама; но переговоровъ на этотъ разъ намъ не вѣлѣно имѣть никакихъ.

Выслушавъ эти слова, князь Чавчавадзе познакомилъ Джемаль-Эддина съ уполномоченными и предоставилъ ему совершенную свободу съ ними бесѣдовать(*).

Съ перваго взгляда на Джемаль-Эддина, уполномоченные признали въ немъ сходство съ Кази-Махматомъ. Въ разговоръ же они спрашивали его о воспоминаніяхъ дѣтства до взятія Джемаль-Эддина русскими. Молодой человѣкъ былъ этимъ нѣсколько затрудненъ, однакожь разсказалъ, какъ сквозь сонъ, что помнитъ мѣстность Ахульго, бѣлую лошадь, на которой въ то время видѣлъ отца своего, и нѣкоторыя другія мелочныя обстоятельства, совершенно-сходныя съ истиной. Уполномоченные были довольны; но, для полнаго ихъ убѣжденія въ подлинности Джемаль-Эддина, нужно было еще болѣе-ясное, наглядное доказательство. Они обнажили до плеча его руку и, увидѣвъ на ней слѣды шрамовъ, происшедшихъ когда-то отъ паденія ребенка Джемаль-Эддина на какой-то мельницѣ (**), окончательно признали его за дѣйствительнаго сына Шамиля, и одинъ изъ нихъ, именно Юнусъ, обратился къ князю Чавчавадзе. съ слѣдующими словами :

— Поздравляю! Какъ вы доставили намъ радость о возвращеніи сына великаго нашего имама, точно такъ и мы можемъ васъ обрадовать честнымъ словомъ, что ваше семейство очень-скоро будетъ возвращено вамъ.

На этомъ кончилась бесѣда, и на другой же день посланцы Шамиля отправились къ нему съ радостными вѣстями, общая князю Чавчавадзе вернуться дня черезъ три.

Считая дѣло совершенно-оконченнымъ, князь Чавчавадзе и баронъ Николаи съ неописаннымъ волненіемъ и прїятнѣйшими надеждами ожидали возвращенія Шамилевыхъ уполномоченныхъ. Они и дѣйствительно прибыли въ обѣщанный срокъ (то-есть 24 Февраля); но каково же было изумленіе князя, когда они, вмѣсто вся-

(*) Черезъ переводчика Шах-Аббаса.

(**) Обстоятельство это смутно помнилъ и самъ Джемаль-Эддинъ,

каго радостнаго извѣстія, молчаливо вручили ему письмо отъ Шамиля слѣдующаго, никакъ-неожиданнаго содержанія :

«Я очень-благодаренъ вамъ за исполненіе даннаго вами слова «о возвращеніи моего сына изъ Россіи. Но не полагайте, чтобъ «этимъ кончились наши переговоры. Вы должны хорошо помнить, «что, кромѣ сына, я требовалъ еще милійонъ рублей и 150 человѣкъ изъ моихъ людей, остающихся у васъ въ плѣну. Требованія эти вы и должны исполнить прежде, чѣмъ я рѣшусь «вернуть вамъ семейства ваши (*)...»

Письмо это, по своему неожиданному, отрицательному смыслу, мож'но было уподобить громовому удару, раздавшемуся надъ головою человѣка, радостно-пировавшаго на веселомъ праздникѣ, подъ безоблачнымъ небомъ свѣтлой весны.

Первыя минуты по прочтеніи шамилева посланія напомнили собою князю Чавчавадзе всѣ тѣ чувствованія, которыя онъ переживалъ въ первые дни послѣ нападенія горцевъ на Кахетію ; но какъ тогда, такъ и теперь , онъ не потерялся, не позабылъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло и какъ надо поступать въ такихъ обстоятельствахъ.

Не считая нужнымъ входить въ изустныя объясненія съ посланцами Шамиля , онъ съ видомъ совершеннаго равнодушія объявилъ имъ, что отвѣтъ его будетъ заключаться въ письмѣ, которое они отъ него получаютъ для доставленія своему имаму.

Письмо это было слѣдующаго содержанія :

«Я до крайности изумленъ послѣднимъ письмомъ вашимъ, по-тому-что не почиталъ васъ способнымъ измѣнить однажды-данному слову. Вспомните, что вы поручали передать мнѣ и князю «Орбеліани черезъ переводчика Исаака Грамова ! Считаю дѣло уже «совершенно-оконченнымъ, я не могу не изумляться вашимъ новымъ требованіямъ. Съ своей стороны, я могу сказать только «одно : я всегда привыкъ держать свое слово—держу его и теперь. Съ самаго начала я объявилъ вамъ сумму въ 40,000 рублей, и теперь не могу прибавить ни копейки. Если я, не имѣя «ничего собственнаго, рѣшился прибѣгнуть къ займу такой огром-

(*) Писемъ отъ плѣнницъ не было потому, что, если припомнять читатели 7-ю главу II части нашего разсказа , княгини не хотѣли писать подъ диктовку Шамилевыхъ приближенныхъ , вслѣдствіе чего Шамиль съ этого времени взялся самъ продолжать переговоры. -

«ной суммы, то я сдѣлалъ это лишь потому, что никогда не смѣлъ «разсчитывать на милостивое дозволеніе Государя Императора сы-
«ну вашему возвратиться на родину. Знай я это прежде, я не
«предложилъ бы вамъ и половины обѣщанной мною суммы. Жду
«вашего отвѣта.»

Письмо это было то самое, котораго дурное впечатлѣніе на жи-
телей Веденій съ подробностями описано въ 7-й главѣ II части
нашего разсказа.

По полученіи его отъ князя Чавчавадзе, посланные Шамиля
отправились въ тотъ же день изъ Хасав-Юрта.

IV.

Дальнѣйшая переписка и окончательная борьба съ не-
добросовѣстностью.

1-го марта, во вторникъ, въ третій разъ пріѣхали уполномо-
ченные изъ Веденію. Прежде всего они передали князю Чавча-
вадзе письма отъ его жены и отъ княгини Варвары Ильиничны
Орбеліани. Оба эти посланія находятся въ приложеніяхъ къ на-
шему разсказу (*), но мы приведемъ здѣсь хотя одно изъ нихъ,
чтобъ теперь же поставить читателя на ту точку, съ которой ему
будетъ легче измѣрить всю горестъ князя Чавчавадзе, получив-
шаго эти выраженія послѣдней степени отчаянія дорогихъ ему
плѣнницъ.

«Сегодня хотѣли насъ всѣхъ раздать къ разнымъ наибамъ (пи-
сала княгиня В. И. Орбеліани); мы даже считали уже себя по-
«гибшими, но Кази-Махматъ и другіе почетные люди и муллы
«упросили Шамиля еще, въ послѣдній разъ, послать Хассана и
«Могаммеда къ вамъ; зная, что Григорія (генерал-майора князя
«Орбеліани) нѣтъ въ Хасав-Юртѣ, умоляю тебя, Давидъ, послать
«въ Тифлисъ и увѣдомить Григорія, что мы гибнемъ; можетъ-
«быть, если онъ пріѣдетъ въ Хасав-Юртъ, онъ какъ-нибудь успѣ-
«етъ упросить Шамиля... Я не имѣю почти никакой надежды, да
«и писать уже не имѣю силъ...

(*) См. 1-е приложение №№ 1-й 2-й.

«Конечно, Богу все возможно, и если Ему угодно, мы не погибнемъ; но если также въ Его волѣ, чтобъ мы пропали, умремъ «безъ ропота, какъ и жили...»

Въ письмѣ княгини Чавчавадзе было не менѣ мрачной рѣшимости отчаянія...

Предоставляемъ каждому читателю, въ особенности каждому отцу и мужу, судить о состояніи души князя Чавчавадзе по прочтеніи имъ писемъ жены и сестры ея...

Третье письмо было отъ самого Шамиля. Это было явное выраженіе совершенной недобросовѣстности и жестокости. Вотъ оно:

«Отвѣтъ вашъ далеко не удовлетворилъ моихъ ожиданій, и потому я твердо рѣшился раздать въ неволю по ауламъ всѣхъ членовъ вашего семейства. Это уже и было бы сдѣлано, еслибъ не «сынъ мой, Кази-Махматъ : онъ уговорилъ меня еще, въ послѣдній разъ, послать къ вамъ узнать, не прибавите ли вы чего-нибудь къ даваемой вами суммѣ?»

По прочтеніи этого письма, уже не грусть, а гнѣвъ и негодование овладѣли княземъ. Онъ понялъ, что тутъ дѣло идетъ не о томъ, чтобъ съ достоинствомъ удержать первыя свои условія, а чтобъ выторговать хоть что-нибудь лишнее ; онъ понялъ, также, что малѣйшая уступка съ его стороны уронить его въ глазахъ алчныхъ горцевъ и можетъ повести только къ новымъ и новымъ съ ихъ стороны требованіямъ. Всѣ эти соображенія мгновенно промелькнули въ умъ князя, и онъ рѣшился дать наконецъ просторъ всѣмъ чувствамъ ненависти, гнѣва и презрѣнія, которые до-сихъ-поръ были сдерживаемы опасеніемъ повредить себѣ въ собственномъ дѣлѣ. Онъ обратился къ повѣреннымъ Шамиля и сказалъ имъ :

— Писать къ вашему имаму я болѣе не хочу и не буду... Но передайте ему на словахъ, что я уже давно, еще на берегу Алазани, простился навѣки съ моимъ семействомъ... Теперь поручаю его Богу, и вотъ мое твердое, послѣднее намѣреніе : если черезъ три дня, то-есть въ субботу, вы не привезете мнѣ полного согласія на мои предложенія, то, клянусь Создателемъ, я въ тотъ же день уѣзжаю изъ Хасав-Юрта и беру съ собою Джамаль-Эддина. И если тогда вы за двадцать верстъ догоните и станете умолять меня о возвращеніи, я уже не соглашусь ни на что, и тогда дѣлайте, что хотите съ моимъ семействомъ. Сверхъ-того, передайте имаму, что я всегда былъ ему очень-благодаренъ за хорошее обращеніе съ моимъ семействомъ; но если онъ позво-

лить себѣ исполнить свое гнусное намѣреніе и раздасть мою семью по ауламъ, то я даю въ томъ торжественную клятву передъ Богомъ: съ той минуты, когда онѣ переступятъ за порогъ комнаты, въ которой до-сихъ-поръ содержались — я отказываюсь отъ нихъ.

Это странное отреченіе князь рѣшился произнести сколько по побужденію оскорбленнаго чувства, столько же и съ цѣлью заставить горцевъ не испытывать его дѣйствительными притѣсненіями плѣнницамъ.

Князь продолжалъ :

— Я желаю ихъ возвращенія потому, что мнѣ было извѣстно почтительное съ ними у васъ обращеніе; но если онѣ сдѣлаются рабынями вашихъ наибовъ, я уже не признаю своей жены—женою, сестру—сестрой и дочери—дочерью!... Повторяю еще разъ, что срокъ мой до субботы. Въ воскресенье вы уже не найдете здѣсь ни меня, ни Джемаль-Эддина : это такъ же вѣрно, какъ то, что я теперь стою передъ вами... Если же, по исполненіи своей угрозы, имамъ опомнится и даромъ отдастъ мнѣ мое семейство съ прибавленіемъ своего собственнаго и всѣхъ своихъ сокровищъ, то и тогда, клянусь Богомъ, я уже не прійму ихъ !

Съ этими словами князь отвернулся и хотѣлъ уйти, но былъ остановленъ мюридами. Оми принялись убѣждать его написать въ письмѣ къ Шамилю все то , что онъ высказалъ имъ на словахъ.

— Нѣтъ , отвѣчалъ князь , писать я не буду. Напрасно я и до-сихъ-поръ тратилъ бумагу для человѣка, который такъ часто измѣняетъ своему слову!

Послѣ того повѣренныя просили прибавить имъ еще два или три дня къ сроку , назначенному княземъ для возвращенія ихъ изъ Ведений съ рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Князь отказалъ на-отрѣзъ и снова хотѣлъ уйти изъ комнаты , но опять былъ остановленъ слѣдующими словами повѣренныхъ:

— Есть еще одно средство уладить дѣло, сказалъ одинъ изъ нихъ съ замѣтною нерѣшительностью.

— Въ чемъ же оно заключается? спросилъ князь.

— Имамъ предлагаетъ за сорокъ тысячъ и за сына отпустить все ваше семейство съ тѣмъ, чтобы княгиня Орбеліани и ея сынъ остались въ плѣну, а переговоры о ихъ выкупѣ начались бы непосредственно и прямо между Шамилемъ и княземъ Григоріемъ Орбеліани.

Будучи до нѣльзя раздражёнъ всѣмъ предшествовавшимъ, князь вышелъ изъ границъ терпѣнія при такомъ предложеніи. Быть-можетъ, онъ позволилъ бы себѣ что-нибудь неблагоразумное, еслибъ негодованіе его не было воздержано бывшими при этой сценѣ барономъ Николаи и княземъ Багратіономъ. Князь отвѣчалъ:

— Не только сестру жены моей, но даже ни одного циплѣнка своего не оставлю въ рукахъ у Шамиля!

Тогда Хассанъ обратился къ Джемаль-Эддину (который также присутствовалъ при всей описанной сценѣ) и сказалъ ему:

— Не безпокойся: это обычай горцевъ; затрудненія необходимы, но все хорошо кончится.

Когда Джемаль-Эддину перевели эти слова, онъ весь вспыхнулъ гнѣвомъ такъ, что даже слезы показались на глазахъ его, и отвѣчалъ Хассану:

— Мнѣ безпокоиться нѣ о чемъ. Вы очень-хорошо знаете, какихъ лѣтъ я былъ взятъ изъ Ахулыго и сами же вы меня отдали русскимъ; слѣдовательно, съ того времени я всѣхъ и все забылъ на родинѣ и, повторяю, мнѣ нѣ о чемъ тамъ безпокоиться. Возвращался я къ вамъ безъ особенной радости и, вѣроятно, безъ особеннаго отчаянія поѣду назадъ въ Россію, если того потребуютъ обстоятельства.

Князь Багратіонъ схватилъ Джемаль-Эддина за руку и хотѣлъ остановить его неблагоразумную рѣчь:

— Что вы дѣлаете! сказалъ онъ ему; но это не подѣйствовало на пылаго, благороднаго юношу:

— Да чортъ ихъ возьми! буду я съ ними церемониться!... закричалъ онъ, совершенно уступая чувству гнѣва. Но здѣсь баронъ Николаи ему замѣтилъ, что пылкостью своей онъ можетъ повредить дѣлу князя Чавчавадзе, и молодой человѣкъ мгновенно укротилъ себя и не произнесъ болѣе ни одного слова.

Вслѣдъ затѣмъ прекратилась и бесѣда съ повѣренными. Они удалились.

Нѣчего и говорить о томъ, съ какимъ животрепещущимъ нетерпѣніемъ князь и его хассав-юртскіе товарищи ожидали субботы и въ какихъ томительныхъ безпокойствахъ безконечно тянулись для нихъ среда, четвергъ и пятница: это будетъ особенно-понятно тому, кто сообразить, что, въ случаѣ новаго несогласія Шамиля, князю Чавчавадзе неминуемо предстояла страш-

ная необходимость исполнить свою клятву, то-есть отречься отъ семейства и предать его всѣмъ нечеловѣческимъ униженіямъ.

Наконецъ наступила суббота (5 марта). Волненіе князя Чавчавадзе достигло послѣднихъ предѣловъ. Когда, же въ одиннадцать часовъ утра , ему сказали , что приближаются повѣренные Шамиля, онъ раза три подбѣгалъ къ двери , чтобъ бѣжать имъ на встрѣчу, и три раза отходилъ назадъ, охлаждаемый мыслью, что излишняя поспѣшность можетъ быть вредна въ дѣлѣ съ людьми, весьма-уважающими важность и наружное спокойствіе. Наконецъ князь сталъ у камина и , прислонившись къ нему , рѣшился въ этомъ неподвижномъ положеніи ожидать уполномоченныхъ. Рядомъ съ княземъ стоялъ баронъ Николаи ; тутъ же, по другую сторону комнаты , стояли Джемаль-Эддинъ и Исаакъ Грамовъ.

Уполномоченные вошли. Сухо, но вѣжливо ихъ пригласили сѣсть. Они кланялись и усаживались въ молчаніи, и эта молчаливая сцена была полна драматическаго интереса.

Наконецъ Хассанъ обратился къ Грамову и спросилъ его:

— Если князь позволить, то я буду говорить.

Когда Грамовъ перевелъ эти слова, князь Чавчавадзе вполголоса замѣтилъ барону Николаи , что они не предвѣщаютъ ничего хорошаго ; что еслибъ уполномоченные привезли отъ Шамиля согласіе, они не начали бъ бесѣды сперва угрюмымъ молчаніемъ, а потомъ такую странную фразу. Обратясь къ Хассану, князь громко произнесъ:

г— Ты помнишь послѣдній нашъ разговоръ. Если ты пріѣхалъ сказать, что Шамиль принялъ *всѣ* мои условія и назначилъ время и мѣсто для обмѣна , то можешь говорить ; въ противномъ случаѣ, я прошу тебя выйти изъ комнаты, не говоря ни слова.

Какъ-бы въ отвѣтъ на эти слова Хассанъ , а съ нимъ и всѣ прочіе, встали и поздравили князя съ совершеннымъ окончаніемъ дѣла сообразно съ его желаніемъ, и при этомъ случаѣ рассказали слѣдующее:

— Когда мы возвратились въ Ведений и передали имаму вашъ словесный отвѣтъ, тогда онъ собралъ всѣхъ наибовъ и стариковъ, показалъ имъ послѣднее ваше письмо, передалъ при этомъ и словесный отвѣтъ вашъ, и сказалъ имъ : «Если вы не хотите принять условій князя Чавчавадзе, то возьмите себѣ его семейство, я болѣе держать его у себя не намѣренъ. Тогда наибы и старики въ одинъ голосъ отвѣчали имаму: «Какъ можно, чтобъ сынъ твой остался въ рукахъ у гяуровъ? Мы согласны на все, чтобъ толь-

ко тебѣ возвратить потеряннаго сына. Возврати плѣнницъ и возьми за нихъ своего сына и 40,000 рублей».

Князь Чавчавадзе слушалъ этотъ разсказъ съ невыразимою радостью, но сохранилъ наружное равнодушіе и спокойно спросилъ:

— Когда же и гдѣ назначенъ вымѣнъ?

— Объ этомъ Шамиль обѣщалъ увѣдомить особымъ письмомъ, отвѣчали повѣренные, и удалились съ поклономъ.

Но они не уѣхали изъ Хасав-Юрта, а остались тутъ до самаго дня вымѣна, съ тѣмъ, чтобы считать, вмѣстѣ съ П. Грамовымъ, серебро, нарочно добытое для нихъ, по желанію Шамиля, хотя и съ величайшими затрудненіями. Этотъ предварительный счетъ денегъ былъ необходимъ для-того, чтобы избѣгнуть проволокъ времени при самомъ обмѣнѣ. Но нелегко было горцамъ сосчитать 35 тысячъ серебряной монетою (остальныя пять тысячъ размѣнять не успѣли и отдали ихъ золотомъ). Хаджію, хотъ онъ былъ и казначей, трудился съ своими товарищами день и ночь, и тутъ-то, наконецъ, увѣрились они, что *миліонъ* такая сумма, которую сосчитать они были бы не въ силахъ.

Замѣчательно, что, при счетѣ денегъ, горцы соблюдали необыкновенную аккуратность, боясь не того, чтобы ихъ обсчитали, а того, что *они* какъ-нибудь обсчитаютъ русскихъ. Складывая рубки по десяткамъ, они дѣлали имъ повѣрку, и отбрасывали лишнюю монету, если таковая оказывалась въ десяткѣ. Но эта точность происходила не отъ честности ихъ, а отъ боязни, что русскіе, по хитрости, могутъ нарочно передать имъ лишнее для-того, чтобы послѣ, при размѣнѣ плѣнныхъ, имѣть случай придратъ-ся и затѣять что-нибудь непріятное. Еще замѣчательнѣе то, что это странное опасеніе было повѣреннымъ внушено самимъ Шамилемъ и превосходно характеризуетъ тонкую, можно сказать, изысканную осторожность и проницательность нынѣшняго главы враговъ нашего спокойствія на Кавказѣ.

Наканунъ дня, назначеннаго для вымѣна, окончились счеты. Деньги были размѣщены по мѣшкамъ, а къ мѣшкамъ приложены печати повѣренныхъ и И. Грамова. (*)

(*) При псфвомъ свиданіи съ казначеемъ Шамиля Хаджію, князь Чавчавадзе спрашивалъ, желаютъ ли они иолучить деньги золотомъ, такъ-какъ у князя вся приготовленная для выкупа сумма была въ

Между тѣмъ , пока продолжались счеты, князь Чавчавадзе и товарищи его ожиданій успокоились и даже развеселились, впрочемъ, кромѣ Джемаль-Эддина, который, по мѣрѣ приближенія рѣшительнаго дня судьбы его, дѣлался задумчивѣе и задумчивѣе.

6-го числа, въ воскресенье, послѣ довольно-веселаго обѣда, наши *ожидающие* вдругъ были изумлены извѣстіемъ , что прибылъ нарочный отъ Шамиля. Князь Чавчавадзе взглянулъ на Джемаль-Эддина и съ безпокойствомъ замѣтилъ:

— Не-уже-ли опять какая-нибудь перемѣна въ условіяхъ?

Джемаль-Эддинъ горько улыбнулся и отвѣчалъ:

— А отчего жъ бы и не такъ? Вѣдь они вамъ дали слово по *шаріату*, а теперь, можетъ-быть, хотятъ поступить по *адату* (*).

Въ это время вошелъ нарочный и передалъ князю пакетъ. Это было письмо отъ княгини Анны Ильиничны и, къ великому счастью , заключало въ себѣ только просьбу Шамиля объ ускореніи дѣла и о назначеніи мѣстомъ обмѣна старой проськи , у рѣки Мичика...

Князь отвѣчалъ согласіемъ. Но, несмотря на все желаніе въ этомъ случаѣ исполнить просьбу Шамиля, онъ не могъ ускорить срока обмѣна впредь до окончанія денежныхъ счетовъ, которые,

золотѣ. Хад-кію отвѣчалъ согласіемъ; но впослѣдствіи Шамиль потребовалъ серебра, и это причинило огромныя затрудненія въ размѣнѣ.

(*) Это насмѣшливый намѣкъ на мусульманскую казуиситку кавказскихъ горцевъ, которые часто несостоятельны въ обѣщаніяхъ вслѣдствіе различія, которое они умышленно дѣлаютъ между *шаріатомъ*, или закономъ, и *адамомъ*, или обычаемъ. Вотъ подробнѣйшее объясненіе того и другаго : *шаріатъ* значить законы, взятые изъ Корана , а *адатъ* — коренныя народныя постановленія. Первый введенъ между кавказскими горами мусульманствомъ , п потому новѣе послѣдняго. Въ мѣстахъ, управляемыхъ духовною властью , какъ, на примѣръ, во владѣніяхъ Шамиля, шаріатъ составляетъ главное законодательство и постоянно искореняетъ собою адатъ; а въ племенахъ, гдѣ еще не введено духовное управленіе (какъ, напр., въ западной части горъ) господствуетъ адатъ; шаріатъ же здѣсь принятъ только какъ побочное, вспомогательное законодательство для разбирательства мелкихъ дѣлъ. По адату судъ производится посредниками ; это какъ бы третейскій судъ ; а по шаріату судятъ муллы и кадїи. Обряды адата довольно-сложны, а шаріата просты; вотъ почему шаріатъ легко принимается тамъ, гдѣ еще господствуетъ адатъ.

какъ мы уже и сказали, до самой среды непрерывно занимали собою шамилевыхъ уполномоченныхъ.

Наконецъ, въ среду 9-го марта, князь Чавчавадзе и баронъ Николай съ Джемаль-Эдиномъ, деньгами и частью войскъ, находившихся въ Хасав-Юртѣ, отправились и къ вечеру того же дня прибыли въ укрѣпленіе Куринское. Отъ Куринскаго до старой просѣки (мѣста, назначеннаго для обмѣна) оставалось еще версты съ четыре; но это пространство предположено было пройти на другой день, а въ Куринскомъ расположиться для ночлега. Черезъ часъ по прибытіи въ Куринское, князь получилъ новое письмо княгини Анны Ильиничны: оно было ужъ изъ Майуртупа, горскаго за р. Мичикомъ аула, отстоящаго не болѣе, какъ верстъ на десять отъ Куринскаго. Княгиня увѣдомляла, что она, дѣти, и прочія плѣнницы благополучно доѣхали изъ Веденно до Майуртупа и просила прислать ей часы для подарка муллѣ, во многихъ случаяхъ оказавшему плѣнницамъ большое участіе.

Мы ужъ знаемъ, что часы были подарены тому самому андійскому муллѣ, котораго плѣнницы прозвали *благодѣтельнымъ*.

Князь Чавчавадзе уже благословлялъ небо за свое счастье и не зналъ, какъ дожидаться завтрашняго дня, какъ вдругъ, въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ вечера, доложили ему о прибытіи отъ Шамиля новаго нарочнаго. Извѣстіе это снова поколебало всѣ надежды князя; когда жъ онъ прочиталъ коротенькую записку отъ княгини В. И. Орбеліани, безпокойство его еще болѣе усилилось. Княгиня увѣдомляла, что Шамиль проситъ немедленно, по полученіи этой записки, *тотчасъ же, непременно* прислать къ нему переводчика П. Грамова для личныхъ переговоровъ. «Не опять ли новыя требованія или затрудненія?» спрашивали другъ друга всѣ заинтересованные дѣломъ плѣнницъ, и никто рѣшительно не могъ понять, зачѣмъ понадобился Грамовъ Шамилю въ такое позднее время.

Тѣмъ неменѣе, однакожъ, необходимо было какъ-можно скорѣе исполнить его требованія. Но какъ рѣшиться утруждать Грамова этимъ ночнымъ путешествіемъ? какъ подвергать его весьма-возможной опасности?

Рѣшились призвать Грамова, который въ это время съ Шамилевымъ казначеемъ повѣрялъ въ сотый разъ денежные дѣлашки и, объяснивъ ему встрѣтившееся обстоятельство, предоставить ему самому рѣшиться или не рѣшиться на ночную поѣздку, быть-можетъ, сопряженную съ опасностью жизни.

Грамовъ, выслушавъ въ чемъ дѣло, ни на минуту не поколебался отправиться, выпить на дорогу стаканъ пунша, перекрестился и поѣхалъ въ сопровожденіи андреевскаго Могаммеда и шамилева нарочнаго, совершенно никому незнакомаго.

У.

ВТОРОЕ ПОСОЛЬСТВО И. ГРАМОВА КЪ ШАМИЛЮ. — НОЧНАЯ
АУДИЕНЦІЯ. — ПОСЪЩЕНІЕ ПЛѢННИЦЪ ВЪ МАЙУРТУПЪ. — УТРО
НЕЗАБВЕННАГО ДНЯ.

Выѣхавъ съ своими спутниками изъ укрѣпленія Куринскаго, Грамовъ старался узнать отъ мюрида о настоящей причинѣ, побудившей Шамиля такъ настоятельно и такъ поздно требовать къ себѣ посѣтителя. Но мюридъ ничего не умѣлъ объяснить, и Грамовъ предположилъ, что, вѣроятно, дѣло идетъ о внезапной болѣзни княгини Чавчавадзе, или кого-нибудь изъ дѣтей ея.

Хотя до Майуртупа было не болѣе десяти верстъ, но ночь была такъ темна, что наши всадники сбились съ дороги и долго не могли попасть на нее. Переправа черезъ р. Мичикъ тоже заняла у нихъ много времени, и путешествіе продлилось до разсвѣта. Только въ четыре часа утра прибыли они въ Майуртупъ и направились прямо къ двумъ саклямъ, изъ которыхъ въ одной ночевалъ Шамиль, а въ другой — плѣнницы. На дворѣ передъ саклями Грамовъ увидѣлъ костеръ и передъ нимъ толпу бодрствующихъ мюридовъ, караульных Шамиля. «Хай-хай-хай! Кто тамъ?» окликнули они пріѣзжихъ. «Исай Грамовъ, изъ Куринскаго», отозвался Грамовъ и приблизился къ костру, чтобъ обогрѣться послѣ холодной ночи и закурить папироску.

Но, повидимому, самъ Шамиль слышалъ изъ сакли голосъ Грамова: онъ сейчасъ же потребовалъ его къ себѣ.

Грамовъ вошелъ въ саклю имама и увидѣлъ его полулежащаго посреди подушекъ на коврѣ, передъ пылающимъ каминомъ. Онъ перебиралъ пальцами зерна янтарныхъ четокъ (червонецъ въ 30, но замѣчанію Грамова) и, очевидно, въ этомъ занятіи провелъ всю ночь безъ сна. Возлѣ Шамиля лежалъ и спалъ неразлучный съ нимъ, полусонный Кѣр-Эфіенди. Болѣе въ комнатѣ никого не было.

— Какъ здоровье ваше, имамъ? Не-уже-ли вы до-сихъ-поръ не спите? сказалъ Грамовъ.

— Ты всю ночь заставилъ меня не спать. И зачѣмъ ты такъ опоздалъ на мое приглашеніе?

— Ночь была темная; мы заблудились... Чтѣ случилось, имамъ? Здоровы ли княгини?

— Слава Богу, здоровы всѣ; но я на тебя сердить. Съ тобою я началъ дѣло, съ тобою же Хотѣлъ и Кончить; а ты три недѣли живешь въ Хасав-Юртѣ и ко мнѣ не пріѣхалъ ни разу.

Этотъ выговоръ должно было принять за любезность, тѣмъ-бождѣ, что онъ сопровождался улыбкою, приглашеніемъ сѣсть отогрѣться у камина и приказаніемъ явившемуся нукеру немедленно подать чаю, причемъ Шамиль сказалъ :

— *Мѣи* Псаіі-Бекъ замерзъ въ дорогѣ. Впрочемъ, это ничего: ты потрудился для добраго дѣла, и Богъ наградить тебя за это...

Когда подали чай, Шамиль продолжалъ :

— Я звалъ тебя затѣмъ, чтобъ , во-первыхъ, поблагодарить тебя за услуги. Я все знаю : ты ѣздилъ на встрѣчу къ моему сыну, ты былъ постоянно съ нимъ и велъ себя хорошо. Въ-вторыхъ, я хотѣлъ тебѣ сказать, что завтра большой у насъ день: завтра мы въ мирѣ съ русскими. Такъ надо, чтобъ никакой измѣны не было... Еще я хотѣлъ сказать, что хотя, по нашимъ обычаямъ, отецъ и не долженъ бы встрѣчать сына, но я выѣхалъ на встрѣчу собственно для-того, чтобъ проводить моихъ *дорогихъ* гостей (т. е. плѣнницъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить безпорядки, могущіе случиться при обмѣнѣ. Какъ только совершенно разсвѣтетъ, я потребую всѣхъ наибова и прикажу имъ, чтобъ никто не смѣлъ переступить за границы условленной встрѣчи. Гдѣ въ дѣлѣ участвуютъ большія лица, тамъ должна быть честность. Можешь ли ты ручаться, что и со стороны русскихъ не будетъ никакого вѣроломства?

— Я передамъ ваши слова моимъ начальникамъ и увѣренъ, что съ ихъ стороны все будетъ соблюдено самымъ честнымъ образомъ.

Послѣдовало краткое молчаніе. Грамовъ предчувствовалъ, что Шамиль обратится къ интереснѣйшему для него предмету. Такъ и случилось. Отецъ заговорилъ о сынѣ :

— Чтѣ жъ сынъ мой, здоровъ ли онъ?

— Слава Богу, здоровъ.

— Онъ, говорятъ, Ни слова не знаетъ потатарски?

— Такъ; но это понятно: онъ столько лѣтъ прожилъ въ Россіи. Но вы за это не притѣсняйте его ; онъ поживетъ съ вами и выучится.

— Повѣрь, что онъ будетъ у меня жить, какъ захочетъ. Пусть только живетъ со мною.

Послѣдовало опять краткое молчаніе. Шамиль, прищурясь, смотрѣлъ на огонь камина и погружался въ пріятныя, повидимому, размышленія. Грамовъ рѣшился замѣтить:

— Что жъ, имамъ, вы сегодня спать не будете?

— Нѣтъ; мнѣ интереснѣе съ тобою кой-о-чемъ побесѣдовать... Тебѣ, можетъ-быть, это непріятно? Ты усталъ съ дороги и хочешь спать?

— Нѣтъ, имамъ, я почитаю за счастье, что могу говорить съ такою высокой особой.

— Я думаю, князь Чавчавадзе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своихъ, особенно теперь, когда мы такъ близко другъ отъ друга?

— Я думаю, что и вы не менѣе его нетерпѣливо ожидаете своего сына...

— Да, Исай-Бекъ, признаюсь, послѣ шестнадцатилѣтняго отсутствія, сильно желаю его увидѣть, такъ сильно, что вотъ, какъ видишь, не сплю всю ночь оттого, что непрестанно объ этомъ думаю. . Только бы кончилось честно, безъ вѣроломства.

— Будьте въ этомъ вполне увѣрены.

— Надѣюсь... Но я сердитъ на князя Г. Орбеліани : зачѣмъ онъ уѣхалъ въ Тифлисъ и предоставилъ всѣ заботы о дѣлѣ князю Чавчавадзе?.. Онъ не сдѣлалъ бы этого, еслибъ дѣло шло о собственныхъ его дѣтяхъ... Онъ не уѣхалъ бы...

— Вы напрасно его обвиняете: онъ уѣхалъ по требованію главнокомандующаго; а у насъ долгъ службы выше всѣхъ собственныхъ, домашнихъ обстоятельствъ.

Съ этимъ Шамиль не соглашался , даже несовсѣмъ понималъ, почему долгъ службы выше всѣхъ другихъ обязанностей, и потому разговоръ его съ Грамовымъ долго вращался около этого предмета. Въ заключеніе же разговора о князѣ Орбеліани, къ которому Шамиль видимо питалъ особую ненависть, онъ сказалъ :

— А впрочемъ, я отъ одного избавился (отъ князя М. 3. Аргутинскаго-Долгорукаго) (*); избавлюсь, Богъ дастъ, и отъ

(*) Весьма-безпокойнаго и опаснаго для Шамиля сосѣда , бывшаго

✓ этого ученика Аргутинскаго... Исай-Бекъ, скажи по совѣсти, что дѣлается теперь въ Севастополѣ?

— По прежнему, крѣпко стоять съ обѣихъ сторонъ ; быть другъ друга съ переменнымъ успѣхомъ, но рѣшительнаго еще ничего нѣтъ.

— Стыдно имъ! Въ восемь мѣсяцевъ три царя не могутъ взять одну крѣпость!... Послѣ этого я могу справедливо гордиться, что веду войну съ русскими войсками... Впрочемъ, правду сказать, не я веду войну, а моя грязь да лѣса Чечни, да скалы моего Дагестана.

✓ Разговоръ Шамиля съ Грозовымъ продолжался часовъ до шести и касался разныхъ предметовъ политическаго и въ-особенности мѣстнаго кавказскаго интереса. Шамиль высказывалъ свои сужденія о нѣкоторыхъ кавказскихъ генералахъ, не скрывая своей ненависти къ тѣмъ изъ нихъ, которые наносили ему когда-либо чувствительнѣйшіе удары, но, впрочемъ, отдавая полную справедливость ихъ воинскимъ талантамъ, которые вообще измѣрялъ взглядомъ опытнаго военачальника. Такъ, напримѣръ, говорилъ онъ о покойномъ князѣ Аргутинскомъ, о князѣ Гр. Орбеліани, о князѣ Барятинскомъ, о генерал-майорѣ (нынѣ генерал-лейтенантѣ) Козловскомъ, о покойномъ генералѣ Слѣпцовѣ, о баронѣ Николаи... Но, къ-сожалѣнію, Грозовъ, утомленный путешествіемъ и бессонною ночью, не всѣ подробности этой ночной бесѣды сохранилъ въ своей памяти.

— Позвольте мнѣ навѣстить княгиню, сказалъ наконѣцъ Грозовъ, обращаясь къ разговарившемуся имаму.

— Ступай; но если спать, не буди, не безпокой ихъ.

Грозовъ отправился къ саклѣ плѣнницъ, которая отстояла шаговъ на триста отъ Шамилевой. Когда онъ приблизился къ порогу, на встрѣчу ему попалась служанка, спѣшившая за водою. Увидѣвъ Грозова, она воротилась назадъ и побѣжала объявить княгинямъ о его пріѣздѣ. О свиданіи Грозова съ плѣнницами уже было рассказано въ 10-й главѣ II части этой повѣсти, а потому здѣсь упомянемъ только о томъ, что Грозовъ дополнилъ къ показаніямъ плѣнницъ. Онъ нашелъ ихъ проснувшимися и уже одѣ-

начальника нашихъ войскъ въ Дагестанѣ и Прикаспійскомъ Краѣ. По' смерти князя Аргутинскаго, важный этотъ постъ нынѣ занимаетъ генерал-лейтенантъ князь Г. Орбеліани.

тыми; но всѣ онѣ сидѣли или лежали на полу, въ чрезвычайно-тѣсной комнатѣ, такъ-что не было возможности ступить между ними.

Переговоривъ съ княгинями о всемъ необходимомъ и передавъ имъ часы, присланные отъ князя для подарка благодѣтельному муллѣ, Грамовъ расцаловалъ ихъ руки, прослезился при видѣ исхудалыхъ дѣтей и простился, сказавъ: «Спѣшите, готовьтесь къ отъѣзду; Шамиль и войска его васъ ожидаютъ... Чѣмъ скорѣе увидите христіанскую землю, тѣмъ лучше.»

— Прощайте, Грамовъ. Вѣрьте, что никогда не забудемъ вашей услуги, говорили княгини, провожая Грамова.

Отъ плѣнницъ Грамовъ зашелъ къ Кази-Махмату и передалъ ему поклонъ отъ Джемаль-Эддина, за что получилъ благодарность отъ шамилева наслѣдника ; оттуда зашелъ опять къ Шамилю, который встрѣтилъ его вопросомъ :

— Чтò, встали княгини?

— Встали и одѣлись.

— Такъ поспѣшай же въ Куринское, а я сейчасъ, вслѣдъ за тобой, выѣзжаю съ княгинями.

Потомъ, указавъ на бывшаго съ нимъ наиба, Шамиль продолжалъ :

— Вотъ этотъ человѣкъ поѣдетъ съ тобою и укажетъ тебѣ мѣсто, гдѣ долженъ произойти обмѣнъ. Надѣюсь, что послѣ обмѣна ты пріѣдешь ко мнѣ вмѣстѣ съ Джемаль-Эддиномъ, а я кое-что тогда скажу тебѣ и отблагодарю за всѣ твои хлопоты...

— Благодарю за милости. Но я забылъ передать одно порученіе князя Чавчавадзе. Зная, что у васъ въ обычаѣ знаменовать выстрѣлами всѣ радостныя событія, онъ проситъ васъ приказать, чтобъ ваши войска сегодня этого не дѣлали, по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ-поръ, пока наши не отойдутъ за переваль хребта, что за прудѣйкой. Это необходимо для избѣгнанія возможныхъ недоразумѣній и безпорядковъ.

— Хорошо; но развѣ ваши не будутъ также радоваться и стрѣлять?

— Нѣтъ; по случаю извѣстія о кончинѣ Государя Императора, мы въ траурѣ и ни въ какихъ празднествахъ не участвуемъ цѣлые шесть мѣсяцевъ.

— Развѣ Государь вашъ скончался? воскликнулъ Шамиль, видимо-пораженный этимъ извѣстіемъ. Потомъ, послѣ коротковременной, молчаливой задумчивости, сказалъ :

— Ну, по такомъ великомъ Государѣ не мѣшало бы и шесть лѣтъ носить трауръ. А впрочемъ, хорошаго отца сынъ тоже долженъ быть хорошъ. Тотъ ли самый Наслѣдникъ Александръ теперь вступилъ на престолъ, который недавно былъ на Кавказѣ?

— Тотъ самый, отвѣчалъ Грамовъ.

Шамиль опять замолчалъ и задумался; но наконецъ обратился къ Грамову:

— Ну, *сынъ мой*, теперь ужъ не время бесѣдовать. Ступай въ Куринское и торопи вашихъ. Надѣюсь увидѣть тебя при обмѣнѣ. А когда всѣ прійдутъ на условленныя мѣста, ты явись ко мнѣ, чтобъ еще разъ получить мои личныя распоряженія.

Грамовъ откланялся и, въ-сопровожденіи прикомандированнаго къ нему наиба и нѣсколькихъ мюридовъ, поѣхалъ къ Куринскому Укрѣпленію. Онъ всю дорогу ѣхалъ вскачь, чтобъ поскорѣе успокоить и обрадовать князя Чавчавадзе и барона Николаи.

Они встрѣтили его во дворѣ своей квартиры.

VI.

Обмѣнъ.

Въ одномъ изъ апрѣльскихъ номеровъ «Русскаго Инвалида» этого (1855) года было напечатано, а въ апрѣльскихъ же номерахъ всѣхъ прочихъ нашихъ газетъ перепечатано подробное описаніе размѣна плѣнныхъ семействъ Флигель-адъютанта полковника князя Чавчавадзе и генерал-майора князя Орбеліани. Конечно, вся Россія съ живѣйшимъ участіемъ прочитала это *подробное* описаніе, которое, кромѣ своей *подробности*, имѣетъ еще и то неоспоримое достоинство, что оно принадлежитъ къ разряду описаній *официальныхъ* и, слѣдовательно, *точныхъ* по преимуществу; но, съ другой стороны, самая официальность этого описанія, быть-можетъ, препятствовала включить въ него нѣкоторыя частныя, второстепенныя подробности, и особенно тѣ воззрѣнія и впечатлѣнія дѣйствующихъ лицъ событія, которыя составляютъ, такъ-сказать, *частную* его сторону. Но эти-то частныя наблюденія, воззрѣнія и впечатлѣнія и должны войти въ нашъ неофициальный рассказъ хоть для-того, чтобъ подробности официальныя могли пополниться подробностями частными, или чтобъ еще разъ доказать ту истину, что на всякій предметъ и на каждое

событіе разныя лица непремѣнно смотрятъ съ нѣкоторою разницею въ воззрѣніи...

Послѣднею мыслью мы заранѣе желали бы оправдать противорѣчія, которыя, быть-можетъ, окажутся между официальнымъ и нашимъ частнымъ описаніемъ.

Какъ новое доказательство разницы, всегда существующей между многими воззрѣніями на одинъ-и тотъ же предметъ, мы помѣстили въ приложеніяхъ къ настоящему повѣствованію переводъ съ нѣмецкой брошюры объ обмѣнѣ нашихъ плѣнницъ, изданной въ Берлинѣ, а написанной на Кавказѣ неизвѣстнымъ авторомъ, подъ заглавіемъ : «Свиданіе съ Шамилемъ». Разсказъ этотъ не лишень интереса и самобытныхъ взглядовъ, и потому мы рекомендуемъ его вниманію нашихъ читателей (*). Въ обѣихъ названныхъ нами статьяхъ о томъ же самомъ предметѣ, которому посвящена настоящая глава нашего разсказа, читатели найдутъ подробности, какихъ не встрѣтятъ у насъ, но тѣмъ не менѣе мы обязаны и съ своей стороны представить ихъ вниманію тѣ свѣдѣнія объ *обмѣнѣ*, какія пріобрѣтены нами непосредственно и, такъ-сказать, *изъ первыхъ рукъ* отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ описываемаго событія.

Можетъ случиться, что *наши* свѣдѣнія уступятъ въ полнотѣ и занимательности двумъ описаніямъ, о которыхъ мы только-что сказали, уступятъ именно потому, что главные участники происшествія, показаніями которыхъ мы пользовались, естественно не могли уловить *всѣхъ* его занимательныхъ эпизодовъ, будучи сами слишкомъ заинтересованы главной развязкой послѣдняго акта драмы; но на этотъ-то именно случай мы и адресуемъ читателя къ другимъ описаніямъ, составленнымъ по свидѣтельствамъ хладнокровныхъ зрителей, а не участниковъ.

Вотъ что собственно *мы* слышали объ обстоятельствахъ обмѣна:

Когда, со двора своей квартиры въ Куринскомъ Укрѣпленіи, встревоженные князь Чавчавадзе и баронъ Николаи завидѣли приближавшагося Грамова, тогда князь Чавчавадзе, по посадкѣ и оживленнымъ движеніямъ Грамова, догадался, что онъ не съ худыми вѣстями возвратился изъ Майгуртупа. Такъ было и на-самомъ-дѣлѣ. Сходя съ лошади, Грамовъ закричалъ издали;

(*) См. 2-е приложеніе,

— Все хорошо и благополучно; всѣ здоровы. Готовьте войска, и идемъ на вышѣнь.

Вслѣдствіе этого, восклицанія всѣ поднялись и немедленно двинулись изъ Куринскаго. Дорога нѣсколько верстъ шла въ гору, до перевала. Лишь только ѣхавшіе впереди отряда баронъ Николаи и князь Чавчавадзе (съ Джемаль-Эдинномъ) поднялись на вершину перевала, первый изъ нихъ сказалъ второму: «Посмотрите, они ужъ здѣсь». И дѣйствительно внизу, за р. Мичикомъ, на обширной равнинѣ, примыкающей къ лѣсу, были видны безпорядочныя группы полчищъ Шамиля. Нѣкоторые изъ людей его занимались исправленіемъ брода черезъ Мичикъ.

Остановившись съ войсками на самомъ перевалѣ, баронъ Николаи и князь Чавчавадзе отправили Грамова къ Шамилю для условій о послѣднихъ подробностяхъ вымѣна, а сами во время его отсутствія, продолжавшагося съ полчаса, занялись размѣщеніемъ отряда и приведеніемъ его въ готовность на *всякій* случай. Такъ, напримѣръ, было отдано строжайшее приказаніе наблюдать, чтобъ какъ-нибудь не произошло случайнаго выстрѣла, и въ то же время, чтобъ пѣхота была иа-готовѣ по первой командѣ броситься вбродъ за Мичикъ въ штыки и открыть пальбу. Первое изъ этихъ распоряженій имѣло цѣлью устраненіе случайности, которая могла бы подать горцамъ поводъ къ подозрѣнію; а второе было слѣдствіемъ предусмотрительной осторожности на случай какого-либо вѣроломства со стороны горцевъ. Но, къ счастью, всѣ эти предосторожности остались бесполезными, и съ обѣихъ сторонъ не послѣдовало ни одного неосторожнаго выстрѣла.

Между-тѣмъ Грамовъ приближался къ Шамилю, котораго нашелъ сидящимъ на травѣ, подъ большимъ чернымъ нанковымъ зонтикомъ. Зонтикъ этотъ держалъ надъ имамомъ одинъ изъ его мюридовъ. Иногда Шамиль становился на колѣни, чтобъ удобнѣе смотрѣть въ зрительную трубу, стоявшую передъ нимъ на треножникѣ и наведенную на русскій отрядъ. По правую руку отъ Шамиля сидѣлъ Даніэль-Суитанъ; позади, въ совершенной тишинѣ, стояла кавалерія, около 5000 всадниковъ. Въ сторонѣ, поодаль, виднѣлись арбы, на которыхъ, подъ покрывалами, сидѣли плѣнницы.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Шамиля Грамовъ слѣзъ съ своей лошади, которую тутъ же приняли у него нукеры Шамиля.

Подойдя съ поклономъ къ имаму, Грамовъ произнесъ:

— Имамъ, какій будутъ еще распоряженія отъ нашей милости?

— Возьми съ собою и отведи на четверть персты за Мичикъ 35 человекъ изъ моего войска, плѣнницъ съ дѣтьми и сыновей моихъ, Казн Махмата и Махмата-Шаби, а отъ вашихъ пусть кто-нибудь пріидетъ къ тому же мѣсту съ сыномъ моимъ Джемаль-Эдиномъ, съ деньгами и съ 35-ю солдатами.

— Болѣе ничего не прикажете ?

— Ничего; но не забудь явиться ко мнѣ по окончаніи всего.

Грамовъ отправился въ обратный путь; за нимъ послѣдовали арбы съ плѣнницами, 16 человекъ плѣнныхъ грузинъ (*), 35 человекъ отборныхъ мюридовъ и, въ главѣ ихъ, Кази-Махмать.

Приблизившись къ условленному мѣсту, Кази-Махмать , арбы и мюриды остановились , а Драмовъ, поскакалъ къ русскому отряду , отъ котораго въ то же время отдѣлились : князь Чавчавадзе , баронъ Николаи , Джемаль-Эдинъ , двѣ оуруштатскія повозки съ деньгами, 35 человекъ штуцерныхъ и 16 человекъ плѣнныхъ горцевъ.

Когда обѣ стороны между собою сблизились такъ, что ужъ могли хорошо различать другъ друга , князь Чавчавадзе прежде всего увидѣлъ арбы , въ которыхъ было семейство его, и услышалъ голоса своихъ дочерей. Онѣ кричали :

— Мама, посмотри, вонъ папа, на бѣлой лошади!

Между-тѣмъ Кази-Махмать съ своими нукерами выступилъ нѣсколько впередъ и заслонилъ собою арбы ; но въ то же самое время какой-то горецъ (это былъ *благодѣтельный* мулла) принесъ на рукахъ къ князю сына его, Александра, а черезъ нѣсколько мгновеній были приведены и прочія дѣти. Князь, который еще прежде сошелъ съ лошади, прижалъ малютокъ къ груди и хотѣлъ подойти къ арбамъ , но тутъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ Кази-Махматомъ... Гнѣвъ, месть и радость въ эту минуту переполняли душу князя, но онъ постарался ни въ одномъ движеніи не выказать этихъ чувствъ. Кази-Махмать, блѣдный и смущенный также, какъ и всѣ его спутники, обратился къ князю черезъ своего переводчика :

— Имамъ приказалъ сказать вамъ, князь, что онъ о семействѣ вашемъ заботился какъ о своемъ собственномъ ; если же плѣнницы находили у насъ какія-либо неудобства, то это происходило

С") Посланныхъ въ обмѣнъ на такое же количество бывшихъ у насъ въ плѣну лезгинъ.

не оттого, чтобъ мы желали ихъ притѣснять , а оттого , что мы не умѣемъ обращаться съ такими женщинами и не имѣемъ достаточныхъ средствъ.

Князь отвѣчалъ:

— Постоянное вниманіе имама къ моему семейству мнѣ давно извѣстно изъ писемъ жены моей и сестры ея. За это я, также въ письмахъ, не одинъ разъ выражалъ имаму благодарность, и теперь прошу васъ передать ему мою душевную признательность.

— Вы черезъ Исай-Бека просили имама , продолжалъ Кази-Махматъ:—чтобъ наши войска не дѣлали выстрѣловъ изъ ружей или орудій , когда братъ мой присоединится къ намъ. Имамъ обѣщаетъ это исполнить , но и васъ онъ проситъ о томъ же, чтобъ не напугать княгини и дѣтей.

— Вслѣдъ затѣмъ князь приблизился къ плѣнницамъ , но не узналъ ихъ , потому - что онѣ были подъ покрывалами. Замѣчательно, что, встрѣтившись въ эту минуту, ни князь, ни плѣнницы не могли ничего сказать другъ другу и оставались какъ-бы въ оцѣпенѣніи.

Между-тѣмъ Джемаль-Эдинъ обнимался съ братьями и прощался съ русскими офицерами. При этомъ случаѣ баронъ Николаи подарилъ ему свою шашку и , шутя , сказалъ:

— Смотри же не руби ею нашихъ.

— Ни нашихъ, ни вашихъ, отвѣчалъ совершенно-разстроенный и растроганный молодой человѣкъ, принимая подарокъ.

Затѣмъ Джемаль-Эдинъ, Кази-Махматъ, мюриды, обмѣненные горцы, арбы съ деньгами , Грамовъ и двое русскихъ офицеровъ (и два юнкера) направились къ Мичику и вскорѣ смѣшались съ толпою, а князь Чавчавадзе , освобожденные плѣнницы и баронъ Николаи остались на мѣстѣ обмѣна.

Княгини откинули свои покрывала, но и онѣ , также, какъ и князь, въ эту торжественную минуту свиданія не находили ни словъ, ни движеній для выраженія своихъ чувствъ. Съ обѣихъ сторонъ это было какое-то онѣмѣніе , какъ-будто они еще только вчера видѣлись и между ними не было страшной восьми-мѣсячной разлуки...

— Здравствуй!..

— Здравствуй!..

Вотъ все, что они были способны сказать другъ другу.

Послѣ того князь подаль руку женѣ и княгинѣ Орбеліани и повелъ ихъ къ экипажамъ. Дорогой и по пріѣздѣ въ Куринское

тоже самое оцѣпенѣніе съ обѣихъ сторонъ продолжалось нѣсколь-
ко часовъ сряду, т. е. до той минуты, когда, наконецъ, послѣ со-
вершенія всѣхъ священныхъ и общественныхъ обязанностей ,
князь и плѣнницы остались одни, безъ постороннихъ свидѣтелей.
Тутъ только послѣдовалъ полный, ничѣмъ-несдерживаемый, не-
изобразимый взрывъ радости...

Бе беремся описывать того, что неописанно, но приведемъ двѣ-
три небольшія, едва-замѣтныя черты, которыми намъ, право не
знаемъ почему, хочется заключить эту послѣднюю главу , главу
счастія...

По окончаніи благодарственного молебствія въ церкви Курин-
скаго Укрѣпленія, плѣнницамъ были поданы просвиры: это обстоя-
тельство , столь повидимому , обыкновенное, привело въ совер-
шенный восторгъ страдальцевъ, такъ долго-лишенныхъ всякаго уча-
стія въ обрядахъ своего вѣроисповѣданія!

За обѣдомъ княгини плакала—отъ счастія, когда увидѣли , съ
какимъ предупредительнымъ вниманіемъ князь и другіе участни-
ки обѣда старались имъ услуживать: онѣ такъ давно не встрѣча-
ли ничьего вниманія!

Папиросы, закуренныя послѣ обѣда, приводили ихъ въ восхи-
щеніе...

Такъ ново , такъ отраднo было имъ возвращаться къ каждому
маловажному обстоятельству или обычаю ихъ прежней жизни!

ЭПИЛОГЪ.

Мы , однакожь , неполнѣ окончили бы свой рассказъ, еслибъ
ничего не упомянули о *послѣдней* поѣздкѣ усерднаго Грамова къ
Шамилю, а также и о томъ , чѣмъ ознаменовалось для нашихъ
плѣнницъ первое время ихъ освобожденія и что послѣдовало въ
жизни другихъ, второстепенныхъ участниковъ нашей исторіи.

Сдѣлаемъ яге это въ видѣ романтическаго заключенія, или клас-
сическаго *эпилога*.

Едва только Джемаль-Эддинъ, Грамовъ и ихъ спутники успѣли
переправиться черезъ Мичикъ , какъ ужъ были окружены любо-
пытной , но почтительной толпою горцевъ, спѣшившихъ уви-
дѣть старшаго сына своего имама. Нѣкоторые изъ нихъ целова-
ли его руку.

Шагахъ съ двадцати отъ того мѣста , гдѣ оставался Шамиль , Джемаль - Эддинъ былъ встрѣченъ казначеемъ Хаджію, который держалъ въ рукахъ узелъ съ горскою одеждою и объяснилъ, что Шамиль желаетъ увидѣть своего сына не иначе, какъ въ одеждѣ его родины.

Когда Грамовъ перевёлъ Джемаль-Эддину слова Хаджію, молодой человѣкъ не могъ воздержаться , чтобъ не воскликнуть :

— Ахъ, что это за странное требованіе! Но какъ же я тутъ буду переодѣваться? Изъ отряда все видно... а тамъ дамы!..

— Ничего , замѣтилъ Грамовъ, мы отойдемъ вонъ туда, подъ дерево, и тамъ переодѣнемся.

Нужно было покориться необходимости. Наши всадники отъѣхали къ дереву, составили изъ себя ограду для переодѣвавшагося Джемаль-Эддина , и черезъ четверть часа онъ явился ихъ взорамъ въ прекраснѣйшемъ горскомъ костюмѣ и оружіи (*). Последнее было все въ серебряной , вызолоченной оправѣ , также какъ и сбруя прекраснаго вороного коня, котораго тутъ же подвели ему.

Джемаль-Эддинъ ловко вспрыгнулъ на коня и шагомъ поѣхалъ къ отцу , сопровождаемый своими спутниками. Не доѣзжая шаговъ десяти до Шамиля, всѣ спѣшились. Джемаль-Эддинъ приблизился, поклонился и былъ принятъ въ объятія сидѣвшаго отца.

Объятія были продолжительны и не лишены трогательности; по-крайней-мѣрѣ у самого Шамиля по щекамъ и бородѣ струились слѣзы.

По минованіи первыхъ движеній радости , Шамиль обратился къ присутствовавшимъ при этой сценѣ и съ видимымъ умиленіемъ сказалъ:

— Благодарю Бога , сохранившаго мнѣ сына , Государя , возвратившаго его мнѣ, и князей, хлопотавшихъ о его возвращеніи! Благодарю и тебя, ИсайтБекъ, за твою хорошую службу.

Потомъ, замѣтивъ возлѣ Грамова двухъ русскихъ офицеровъ и двухъ юнкеровъ, Шамиль спросилъ, кто они.

Грамовъ, прежде того, въ попыхахъ , незамѣтившій ихъ' присутствія, былъ затрудненъ отвѣтомъ , и потому не назвалъ ихъ по имени, а только сказалъ, что это адъютанты барона Николаи,

(*) На немъ изъ прежняго костюма были оставлены только сапоги, брюки и рубашка.

прибывшіе для-того, чтобы съ надлежащею почестью проводить Джемаль-Эддина и представить его имаму. Шамиль отвѣчалъ:

—• Благодарю ихъ... О русскихъ я думалъ иначе. Теперь измѣняю о нихъ свое мнѣніе.

Офицеры спросили Джемаль-Эддина, могутъ ли они простить-ся съ ними *по-русски*?

— Отчего жъ нѣтъ ? отвѣчалъ Джемаль-Эддинъ и бросился обнимать ихъ.

При этомъ зрѣлищѣ Шамиль вторично прослезился и , быть-можетъ, желая уничтожить въ своихъ приближенныхъ невыгод-ное впечатлѣніе, которое могла произвести на нихъ эта корот-кость его сына съ *гяурами* , замѣтилъ , обращаясь ко всѣмъ окружающимъ:

— Вѣроятно, они были близкіе товарищи сына...

Потомъ поднялся съ своего мѣста, привѣтливо простился съ офицерами, а Кази-Махмату приказалъ взять сто человѣкъ мю-ридовъ и проводить русскихъ до ихъ отряда, а между-тѣмъ оста-новилъ при себѣ Грамова и сказалъ ему:

— Любезный Исай-Бекъ ! услуги твои я цѣню и буду по-мнить; дѣти мои и ближніе тоже ихъ не забудутъ. Если тебѣ, или твоимъ родственникамъ, случится попасть въ плѣнъ, то знай, что вы будете немедленно освобождены. Говорю это при моихъ ближай-шихъ наобахъ. Теперь со мною нѣтъ ничего, что бы подарить тебѣ на память, но я пришлю тебѣ и надѣюсь, что ты пріймешь (*).

Грамовъ откланялся и поѣхалъ въ обратный путь , но прежде былъ обнять Джемаль-Эддиномъ, который при этомъ случаѣ по-ручилъ передать поклонъ всѣмъ знакомымъ, благодарить ихъ за дружелюбный пріемъ, а князю Г. Орбеліани передать искреннее сожалѣніе, что ему не удалось съ нимъ познакомиться.

Грамовъ , сопровождаемый нѣсколькими стариками изъ мюри-довъ, догналъ отрядъ за полверсты до Куринскаго , снова по-здравилъ князя Чавчавадзе и княгинь съ ихъ великою радостью и принялъ слово благодарности не только отъ нихъ , но и отъ имени дѣтей и будущихъ внуковъ семейства , для котораго онъ такъ усердно потрудился. На эти живыя и искреннія выраженія

(*) Черезъ нѣсколько времени Грамовъ дѣйствительно получилъ съ нарочнымъ отъ Шамиля золотые часы и цѣпочку съ брильянтами, всего рублей на 600 серебромъ.

признательности Грамовъ скромно отвѣчалъ , что онъ только исполнилъ долгъ христіанскій.

Впослѣдствіи Грамовъ получилъ благодарственное нисъмо съ изображеніемъ всѣхъ подробностей его подвига и за подписью генерал-лейтенанта князя Г. Орбеліани и Флигель-адъютанта полковника князя Чавчавадзе (*).

Этимъ документомъ и дружескимъ обращеніемъ съ нимъ всего семейства князя Чавчавадзе Грамовъ дорожить болѣе, чѣмъ всѣми вещественными доказательствами благодарности, которыми онъ былъ надѣленъ за свои услуги. Въ настоящее время онъ живетъ въ Темир-Хан-Шурѣ , куда возвратился для продолженія служебныхъ обязанностей послѣ поѣздки съ плѣнницами въ Тифлисъ, гдѣ былъ удостоенъ особаго представленія къ г. намѣстнику кавказскому.

Обращаясь къ освобожденнымъ плѣнницамъ, прежде всего должно упомянуть о пламенномъ религіозномъ чувствѣ, съ которымъ онѣ, по мѣрѣ силъ человѣческихъ, и прежде всѣхъ другихъ житейскихъ заботъ, обращались съ признательностью, обѣтами и моленіями ко Всевышнему... По пріѣздѣ въ Тифлисъ, также какъ и при вѣздѣ въ Куринское, экипажъ ■ ихъ останавливался не иначе, какъ у дверей храма Божія... Мѣстныя святыни кашветскаго храма, Горы святаго Давида и прочія въ городѣ и за городомъ, долго были почти единственными цѣлями ихъ ТИФЛИССКИХЪ выѣздовъ...

Вторымъ ихъ священнымъ побужденіемъ было СКОЛЬ-МОЖНО-поспѣшнѣ принести свою безграничную признательность главному *земному* Виновнику ихъ освобожденія... Но онъ уже не принадлежитъ землѣ, и потому къ августѣйшему Преемнику его, нынѣ благополучно-царствующему Государю Императору Александру Николаевичу обратились пламенные выраженія вѣрноподданническаго благодаренія отъ князя Чавчавадзе и княгини В. И. Орбеліани. Всеподданнѣйшія письма ихъ къ Государю Императору были написаны еще въ Куринскомъ, немедленно послѣ прибытія ихъ туда изъ плѣна. Черезъ нѣсколько времени княгиня В. И. Орбеліани удостоилась получить чрезъ г. военного министра Высочайшій рескриптъ, проникнутый и, такъ сказать, дышащій наслѣдственною монаршею благостью (**).

(¹) См. № 14 въ 1-мъ приложеніи.

(**) См. №№ И, 12 и 13 въ 1-мъ приложеніи.

Что сказать о степени радостнаго участія, съ которымъ было принято всѣмъ населеніемъ Грузіи и въ-особенности иѣфлиса, извѣстіе объ освобожденіи плѣнницъ, а потомъ и о возвращеніи ихъ въ древнюю столицу своей родины? Участіе это можетъ быть сравнено только съ силою того скорбнаго участія въ судьбѣ плѣнницъ, съ какимъ здѣшнее общество и здѣшній народъ, восемь мѣсяцевъ назадъ, приняли вѣсть о ихъ плѣненіи.

По возвращеніи семействъ князя Чавчавадзе и князя Орбелиани въ Тифлисъ, всеобщая здѣсь радость была велика и искрення. Но не одна радость чувствовалась въ эти дни тифлискимъ народомъ— нѣтъ, къ ней присоединялось и отрадное пониманіе той милости, съ которою монаршая рука была простерта для освобожденія двухъ семействъ православной и вѣрной Грузіи. Какъ свидѣтельство этого пониманія и въ то же время какъ простодушное выраженіе общественнаго сочувствія къ освобожденнымъ плѣнницамъ, приведемъ здѣсь случайно-приобрѣтенное нами письмо одного молодаго туземца (*), писавшаго въ провинцію, къ своимъ роднымъ, о прибытіи плѣнницъ въ Тифлисъ:

« 23-го апрѣля, въ день св. великомученика и побѣдоносца Георгія, обыкновенно бываетъ очень-много богомольцевъ въ церкви св. Георгія Кашветскаго. Но въ нынѣшнемъ году ихъ было болѣе обыкновеннаго, потому-что въ этотъ день мы были «свидѣтелями зрѣлища чрезвычайнаго и умилительнаго. До началія литургіи, въ двери храма вошли плѣнницы Шамиля, только-что исторгнутыя благостью почившаго Государя Императора изъ «звѣрскихъ рукъ жестокаго врага Россіи. То были прекрасныя «вѣтви древняго грузинскаго царскаго рода: супруга храбраго «покойнаго генерала князя И. З. Орбелиани, и супруга флигель-«адъютанта полковника князя Чавчавадзе. Первая изъ нихъ во-«шла въ церковь, съ ребенкомъ на рукахъ, прекраснымъ, интерес-«нымъ младенцемъ, какими мы привыкли представлять себѣ дѣ-«тей высокаго происхожденія. Съ княгинями были и другія жен-«щины, раздѣлявшія съ ними въ плѣну всѣ крайнія лишенія и «страданія, но оставшіяся всегда вѣрными имъ и твердыми.

«..... Я видѣлъ всѣхъ ихъ и былъ свидѣтелемъ картины «умилительной. Едва лишь вошли въ церковь освобожденные стра-«далицы, какъ онѣ были окружены всѣми бывшими въ церкви.

(*) Грузинскаго дворянина Н. Д. (Канчѣли).

«Простолюдинки цѣловали ихъ руки, простолюдины падали передъ ними ницъ, прочіе не могли воздержаться отъ слезъ радостнаго восторга.

«Видя все это, я и самъ невольно сочувствовалъ общему впечатлѣнію, а потомъ старался отдать себѣ отчетъ въ собственныя моихъ помышленіяхъ. Я думалъ: такъ мы переживаемъ «теперь событіе, которое, недалѣе какъ за полвѣка, было обычнымъ злополучіемъ для отцовъ нашихъ...

«Славный полководецъ и царь нашъ Ираклій жестоко каралъ «лезгинъ; но онъ не всегда могъ съ одинаковымъ успѣхомъ имъ «противиться, не всегда успѣвалъ и возвращать на родину тѣхъ «изъ своихъ подданныхъ, которые дѣлались жертвами плѣна... А «теперь?.. Теперь Россія и ея великіе монархи, и ея бравое, «всегда могучее войско великодушно ограждаютъ насъ отъ враждебныхъ сосѣдей!

«Теперь ужъ рѣдки случаи вторженій и хищничества; если же «они иногда и встрѣчаются, то послѣдствіями ихъ бываетъ та «гущественная помощь, то высокое содѣйствіе, которому въ «стоящую минуту мы обязаны возвращеніемъ изъ плѣна внуцекъ «и правнуковъ послѣдняго государя Грузіи. Пусть скажутъ намъ, «что, при подобной защитѣ, не должны бы происходить повторенія «прежнихъ бѣдствій Грузіи. Пусть скажутъ! Мы отвѣтимъ «на это, что покровительство и защита Грузіи Россіею — дѣло «безпримѣрное и великое, а великія дѣла не совершаются безъ «важныхъ превратностей. Притомъ же могло ли совершиться «несчастное нападеніе на Кахетію безъ особенной, всегда премудрой воли Провидѣнія? А если такъ, то не должны ли мы «въ этомъ событіи видѣть высшаго намѣренія, или особенной цѣли, «быть-можетъ, той цѣли, чтобъ возобновить въ памяти грузинъ «прежнія ихъ бѣдствія и показать имъ вновь, какою защитой наша «страна отъ нихъ обезпечена?

«Итакъ, за все—благоевѣнное благодареніе Создателю! За все «—сыновняя признательность великой Россійской Державѣ! И да «освѣтятся эти общія чувства грузинъ именемъ нынѣ празднуемаго «патрона Грузіи, св. побѣдоносца Георгія, ко славѣ и вѣчному успѣхамъ русскаго оружія!..»

Въ Тифлисѣ оба семейства освобожденныхъ плѣнницъ оставались болѣе мѣсяца, отдыхая въ семейной тишинѣ отъ непрестанныхъ восьмимѣсячныхъ страданій, и въ то же время готовясь къ путешествію въ Петербургъ и Москву, куда ихъ призывали но-

выя священныя обязанности: въ Петербургъ онѣ спѣшили лично повергнуть къ стопамъ Монарха чувствованія своей безграничной признательности, а въ Москву—успокоить и усладить за все перенесенное горе—мать свою, грузинскую царевну Анастасію.

Богъ благословилъ ихъ исполнить эти завѣтныя намѣренія, и 15-го іюня оба семейства выѣхали (на непродолжительное, впрочемъ, время) изъ Тифлиса...

По свидѣтельству одного недавняго путешественника, жители цинондальскаго селенія ужъ давно возвратились къ своимъ покинутымъ домамъ и попрежнему занимаются хозяйствомъ и работами, обеспечивающими ихъ благосостояніе. Но цинондальскій домъ, какъ печальное свидѣтельство страшнаго эпизода кавказской войны, остается въ обгорѣлыхъ и мрачныхъ развалинахъ.

Столѣтняя жительница этого дома, Марина-гантели, не пережила его разрушенія

Княгиня Тинія Орбеліани и г. Ахвердовъ, нашедшіе себѣ спасеніе столь необыкновеннымъ случаемъ, а также всѣ дѣти, кромѣ Лидіи, и вся прислуга, болѣе или менѣе участвовавшая въ несчастномъ событіи, кромѣ преданной Нины, оставшейся въ аулѣ Дидо—всѣ живы и здравствуютъ..

Г-жа Дрансѣ, отправившаяся съ семействомъ князя Чавчавадзе въ Москву и Петербургъ, не желаетъ болѣе возвращаться на Кавказъ, а думаетъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ намѣрена написать и издать въ свѣтъ свои *записки* о плѣнѣ у Шамиля подъ заглавіемъ «*Huit mois de captivité dans la Schiamylie*», т. е. «Восемь мѣсяцевъ плѣна въ Шамиліи» (?).

Вѣроятно, это сочиненіе будетъ имѣть большой успѣхъ въ Европѣ; но, къ-сожалѣнію, еще вѣроятнѣе то, что оно распространить тамъ новыя заблужденія относительно Россіи вообще и Кавказа въ-особенности.

Если чьи-нибудь *записки* могли бъ достигнуть высокой степени занимательности, то это, конечно, были бъ записки Джемаль-Эддина, еслибъ онъ, отъ скуки, рѣшился писать ихъ, разумѣется, только при условіи совершенной искренности въ разсказѣ о всѣхъ превращеніяхъ *европейца въ кавказскаго горца*, которыя, увы! неминуемо его ожидаютъ.

По послѣднимъ слухамъ, онъ ужъ совершилъ путешествіе во-кругъ и внутрь владѣній, покорныхъ отцу его, а но возвращеніи въ Веденій женился (на дочери извѣстнаго наиба Талійка), принявъ подъ свое высшее завѣдываніе (разумѣется, при участіи и

подъ руководствомъ мулъ) дѣла по администраціи и по части судебной, и устранилъ отъ себя совершенно все, относящееся до военныхъ дѣйствій. Ему позволяютъ иногда писать нѣкоторымъ изъ своихъ русскихъ знакомыхъ, но не позволяютъ писать *мною*. Изъ нѣкоторыхъ подобныхъ писемъ мы знаемъ, что дома его постоянно увѣряютъ, будто онъ чрезвычайно счастливъ тѣмъ, что вырвался изъ Россіи. Джемаль-Эдинъ этому не вѣрить, но молчить и помнить русскую поговорку: «съ волками жить по-волчьи выть». Кази-Махматъ съ младенческимъ любопытствомъ слѣдитъ за занятіями брата и, говоря, питаетъ явное уваженіе къ его образованности и европейскимъ привычкамъ, которымъ даже, будто-бы украдкой и подражаетъ... Въ добрый часъ!..

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПИСЬМА, ОТНОСЯЩІЯСЯ ДО ПЕРЕГОВОРОВЪ О ВЫКУП® И О ПРОЧ.

№ 1.

Отъ княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе къ мужу.

Съ каждымъ днемъ мы болѣе чувствуемъ наше ужасное несчастье и съ христіанскимъ смиреніемъ покоряемся испытанію, посланному намъ Богомъ. Сегодня объявили намъ, Давидъ, что твое письмо не убѣдило Шамиля; и что онъ хотѣлъ сегодня же разослать насъ по ауламъ; но сынъ его, Кази-Махматъ, упросилъ его дождаться возвращенія Могаммеда. Чтò дѣлать! видно Богу не угодно, чтобъ мы увидѣлись въ этой жизни. Съ надеждой на блаженство, обѣщанное мученикамъ, я съ благодарностью буду терпѣть все, чтò со мной случится, и безпрестанно буду молиться , чтобъ участь дѣтей моихъ была счастливѣе , чтобъ Богъ подкрѣпилъ тебя въ твоей горести и наградилъ тебя за все счастье , которымъ пользовались всѣ твои близкіе и окружающіе тебя.

Мы всѣ знаемъ, что ты ничего не пожалѣешь для нашего спасенія; но ихъ убѣдить невозможно : имъ непонятны чувства любви и самоотверженія; они не вѣрятъ, что вы болѣе собрать не можете, и то, чтò вы даете — не ваше, а занятое или выпрошенное у другихъ.

Богъ да подкрѣпитъ васъ! Мы теперь не въ состояніи ничего болѣе писать.

АННА ЧАВЧАВАДЗЕ.

№ 2.

Отъ княгини Варвары Ильиничны Орбеліани къ князю Д. А. Чавчавадзе.

Сегодня хотѣли насъ всѣхъ раздать къ разнымъ набамъ; мы даже уже считали себя погибшими; но Кази-Махматъ и другіе почетые люди и муллы упросили Шамиля еще въ послѣдній разъ по-

слать Хассана и Могаммеда кт. вамъ. Зная, что Григорія нѣтъ въ Хасав-Юртѣ, умоляю тебя, Давидъ, послать въ Тифлисъ и увѣдомить Григорія, что мы гибнемъ: можетъ-быть, если онъ прїѣдетъ въ Хасав-Юртъ, онъ какъ-нибудь счумѣтъ упросить Шамиля. Я не имѣю почти никакой надежды, да и писать уже не имѣю силъ.

Конечно, Богу все возможно, и, если Ему угодно, мы не погибнемъ; но если также въ Его волѣ, чтобъ мы пропали—умремъ безъ ропота, какъ и жили.

КНЯГИНЯ ВАРВАРА ОРБЕЛІАНИ.

№ 3.

Отъ князя Д. Чавчавадзе къ Г. командовавшему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, генералу-отъ-кавалеріи Н. А. Реаду.

Милостивый государь

Николай Андреевичъ.

Сегодня получено мною первое письмо Шамиля, заключающее въ себѣ условія на выводъ изъ плѣна семейства моего и семейства княгини Орбеліани, со всѣми, находящимися при нихъ лицами. Сверхъ того, мнѣ переданы также и словесно нѣкоторыя порученія Шамиля, присланнымъ имъ, какъ довѣренное лицо, буртутайскімъ пятисотеннымъ Хассаномъ.

Къ большому горю моему, ни въ письмѣ Шамиля, ни въ словахъ Хассана я не нашель ничего утѣшительнаго для себя. Требованія ихъ превосходятъ всякія ожиданія. Шамиль не хочетъ вести переговоры отдѣльно про мою семью; онъ ее включаетъ въ число 120 другихъ плѣнныхъ , разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ , и за всѣхъ проситъ: 1) сына своего *Джемаль-Эддина*, 2) племянника *Гамзада*, 3) сына Аварскаго Алп-Бека, *Харасилау* ; 4) сына Гамзада *Шах-Ислама* и ~~и~~^и *нѣкоторыхъ*; сверхъ—того , *милііонъ денеіѹ*. Условія несбыточныя , о чемъ я не рѣшился бы даже доводить до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, еслибъ , передъ моимъ выѣздомъ изъ Тифлиса, я не имѣлъ особеннаго приказанія вашего писать всѣ подробности хода этого дѣла.

Завтра, съ раннимъ свѣтомъ, отправляю Хассана съ письмомъ къ Шамилю, въ которомъ я ему говорю, что условія его не только неисполнимы, но что они лишаютъ меня всякой возможности вести съ нимъ переговоры, если онъ не измѣнитъ ихъ; что я уже писалъ къ нему и повторяю, что онъ долженъ вести дѣло со мною, какъ съ человѣкомъ частнымъ, соображаясь съ собственными моими средствами, безъ всякаго вмѣшательства правительства. Какой будетъ отвѣтъ отъ него — я почту особеннымъ долгомъ сообщить тотчасъ же вашему высокопревосходительству.

Самъ я завтра хочу выѣхать въ Шуру на нѣсколько дней, для свиданія съ княземъ Орбеліани.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю
честь быть и проч.

11 сентября 1854 г.

Хасав-Юрть,

№ 4.

Отъ начальника Главнаго Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генерал-лейтенанта генерал-адъютанта князя А. П. Барятинскаго , къ князю Д. Чавчавадзе.

(Секретно.)

Милостивый государь

Князь Давидъ Александровичъ.

Г. командующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ сообщилъ г-му военному министру, для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія, условія, предлагаемыя Шамилемъ для освобожденія семействъ: вашего и княгини Орбеліани ; причемъ генераль-отъ-кавалеріи Реадъ также увѣдомилъ, что Шамиль спрашиваетъ : дозволено ли ему будетъ послать въ Россію довѣренное лицо, чтобъ переговорить съ сыномъ : желаетъ ли онъ возвратиться на родину , съ тѣмъ , что если не пожелаетъ, то Шамиль имѣетъ намѣреніе отречься отъ него навсегда. Какъ возвращеніе сына Шамиля составляетъ главнѣйшее и непремѣнное изъ предлагаемыхъ имъ условій, то его высокопревосходительство Николай Андреевичъ упомянулъ, что, въ случаѣ, если на сіе воспослѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, то только тогда можно войти съ Шамилемъ въ переговоры положительно.

Нынѣ генерал-адъютантъ князь Долгоруковъ увѣдомилъ генерала-отъ-кавалеріи Реада, отъ 18-го октября, что Государь Императоръ, не находя препятствія къ возвращенію Шамилю сына его, состоящаго по кавалеріи и прикомандированнаго къ Уланскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича Полку, поручика Джемаль-Эддпа Шамиля, Высочайше повелѣтъ соизволить: «спросить его желаетъ ли онъ, чтобъ къ нему прислано было довѣренное отъ отца его лицо для переговоровъ, или онъ сочтетъ без-полезнымъ входить въ эти переговоры и самъ положительно объявить свое желаніе?»

Доводя о семъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Гвардейскимъ и Гренадерскимъ Корпусомъ , для из-требованія отъ поручика Джемаль-Эддпа Шамиля сихъ свѣдѣній, г. военный министръ сообщаетъ генералу Реаду , что , по полученіи этихъ свѣдѣній , о нихъ будетъ увѣдомленъ его высокопревосходительство.

Поспѣшая передать вамъ вышеизложенное, собственно для вашего свѣдѣнія, и увѣдомляя о томъ и генерал-лейтенанта князя Орбеліани, я имѣю честь присовокупить, что, по полученіи извѣстія объ отвѣтѣ поручика Джемаль-Эддпа Шамиля , оный будетъ немедленно вамъ сообщенъ ; а до того времени нельзя будетъ войти въ положительные переговоры съ Шамилемъ.

Пріймите увѣреніе... и проч.

9 ноября 1851 г.

Тимѣаст.,

№ 5.

Отъ князя Д. А. Чавчавадзе къ генералу-отъ-кавалѣрги Н. А. Реаду.

Милостивый государь

Николай Андреевичъ.

Изъ моего перваго письма къ вашему высокопревосходительству вы изволили усмотрѣть, что первымъ и главнымъ условіемъ со стороны Шамиля, при переговорахъ о выводѣ моего семейства изъ плѣна, было требованіе: возвратить ему сына. Съ-тѣхъ-поръ, несмотря на неоднократныя письма мои и генерал-лейтенанта князя Орбеліани, въ которыхъ мы ясно высказали Шамилю всю несообразность его требованій, переговоры наши не только не приняли лучшаго оборота, но лишаютъ меня почти надежды увидѣться когда-либо съ моимъ семействомъ.

Посланный въ Даргò мой собственный человѣкъ возвратился сегодня съ отвѣтомъ отъ Шамиля, который объявилъ, что онъ видитъ въ нашихъ переговорахъ только нежеланіе наше просить о возвратѣ ему сына, а потому, прекращая съ этого времени всякія сношенія мои и князя Орбеліани съ плѣнниками, онъ угрожаетъ, что если не получить, наконецъ, рѣшительнаго отвѣта, то раздастъ ихъ своимъ служителямъ въ видѣ невольницъ.

Вотъ, ваше высокопревосходительство, причина, побудившая меня снова обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой; она состоитъ не въ ходатайствѣ вашемъ у Государя Императора о возвращеніи Шамилю сына — ходатайствѣ, на которое я не могу и не долженъ рассчитывать, но только въ возможно-скорѣйшемъ отвѣтѣ на требованіе Шамиля. Рѣшительный отказъ его Величества дастъ мнѣ слабую надежду на то, что Шамиль тогда, быть-можетъ, измѣнитъ свои условія; если же нѣтъ, то мнѣ остается проститься навѣкъ съ женой и дѣтьми.

Съ истиннымъ почтеніемъ... и проч.

18 ноября 1854 г.

Шура.

№ 6.

Отъ нею же къ князю А. И. Барятинскому.

Милостивый государь

Князь Александръ Ивановичъ.

Почти три мѣсяца, какъ начались мои сношенія съ Шамилемъ о выводѣ семейства моего изъ плѣна. Въ-теченіе этого времени я ни одного раза не рѣшался утруждать ваше сіятельство своимъ письмомъ, все надѣясь какъ-нибудь склонить Шамиля измѣнить свои условія; несмотря на всѣ старанія мои и генерал-лейтенанта князя Орбеліани, онъ непреклоненъ и настоятельно требуетъ возвращенія сына.

Посланный въ Дарго собственный мой человѣкъ, возвратясь вчера, передалъ мнѣ, что увѣренія наши о невозможности выполнить его

требованіе Шамиль принимаетъ какъ нежеланіе съ нашей стороны просить о выдачѣ ему сына, и потому объявляетъ, что съ этого времени онъ прекращаетъ всякія сношенія мои и князя Орбеліани съ плѣнниками; если не получить новаго рѣшительнаго отвѣта, то раздастъ ихъ своимъ служителямъ въ видѣ невольницъ.

Не буду говорить вамъ, до какой степени поразилъ меня этотъ послѣдній отвѣтъ Шамиля: вы сами легко поймете, что я долженъ чувствовать при мысли о будущности бѣднаго моего семейства. Но что же дѣлать; видно такъ угодно Богу! Мнѣ остается только умѣть переносить съ полнымъ терпѣніемъ это страшное испытаніе.

Обращаюсь теперь къ вашему сіятельству не съ какою-нибудь исключительною просьбою; но отдаю себя совершенно въ ваши руки, въ полной надеждѣ, что, соболѣзнуя моему горю, вы сдѣлаете все возможное, чтобы вывести меня изъ несчастья, выше котораго быть не можетъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ... и проч.

18-го ноября 1854 г.

Шура.

№ 7.

Отъ князя А. П. Бяратинскаго къ князю Д. Чавчавадзе.

Милостивый государь

Князь Давидъ Александровичъ.

Князь Багратіонъ доставилъ вчера сюда письма вашего сіятельства ко мнѣ и г. командующему корпусомъ, отъ 18-го числа, и его высокопревосходительство сообщилъ немедленно содержаніе ихъ г. военному министру, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, и просилъ о распоряженіяхъ, какія сдѣланы будутъ относительно сына Шамиля, увѣдомить въ возможно-непродолжительномъ времени.

Поспѣшая сообщить о томъ вашему сіятельству, имѣю честь присовокупить, что, по причинѣ, угрожающей нынѣ новой опасностью семейству вашему и княгинѣ Орбеліани, г. командующій корпусомъ разрѣшаетъ объявить Шамилю предварительное рѣшеніе его Величества, относительно возвращенія сына его, о которомъ я извѣстилъ васъ 9-го ноября, и тотчасъ, по полученіи увѣдомленія объ отвѣтѣ сына Шамиля, оный будетъ вамъ сообщенъ съ особымъ нарочнымъ.

Пріймите увѣреніе и проч.

24 ноября 1854 г.

ТИФЛЯСЬ.

№ 8.

Копія съ письма г. командующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ г. военного министра, отъ 4-ю декабря 1854 г. № 810.

Получивъ сейчасъ, чрезъ Фельдъегеря *Сталя*, письмо вашего высокопревосходительства, отъ 25 ноября, № 69, я поспѣшаю васъ, милостивый государь, увѣдомить, что сынъ Шамиля изъявилъ желаніе возвратиться къ своему отцу, не ожидая довѣреннаго лица, котораго Шамиль хотѣлъ прислать къ нему для переговоровъ.

Согласно съ смѣ , я , по Высочайшему повелѣнію , сдѣлалъ уже распоряженіе объ истребованіи сюда означеннаго сына Шамиля изъ Царства Польскаго , гдѣ находится въ настоящее время полкъ , въ которомъ онъ служить, и прикажу отправить его къ вашему высокопревосходительству, какъ только онъ сюда пріѣдетъ.

Медленность въ окончательномъ отзывѣ о высылкѣ его на Кавказъ произошла единственно отъ сношеній съ начальствомъ , въ вѣдѣніи коего онъ состоитъ, и дальняго его отсюда мѣстопробыванія.

Пріймите, милостивый государь, увѣреніе и проч.

№ 9.

Всеподданнѣйшее письмо отъ князя Д. Чавчавадзе Ею Величеству, Государю Императору, Александру Николаевичу, отъ 30 марта 1855 года.

Всемилостивѣйшій Государь !

Сегодня, Ваше Императорское Величество, щедротами въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, семейство мое возвращено мнѣ изъ тягостнаго осьми-мѣсячнаго плѣна.

Богу не угодно было дать мнѣ счастье принести глубокую, душевную благодарность усопшему моему благодѣтелю; по она не умереть, Государь, ни во мнѣ, ни въ дѣтяхъ моихъ. Я, жена и дѣти будемъ горячо молить Бога дать силы мнѣ и сыну моему заслужить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ тѣ милости и благодѣянія, которыми такъ щедро наградилъ почившій благовѣрный Родитель вашъ.

№ 10.

Всеподданнѣйшее донесеніе отъ княгини Варвары Орбеліангі (вдовы генерал-Майора) Ею Величеству Государю Императору Александру Николаевичу.

Августѣйшій Монархъ!

Сынъ мой и я — свободны, спасены. Въ этихъ словахъ, Государь, заключаются всѣ чувства матери, которая, въ продолженіе восьмимѣсячнаго, невыносимаго плѣна, каждую минуту страшилась за жизнь единственнаго ея сына. Эти слова только могутъ выразить Вамъ, Милосердый Монархъ, какъ должна быть тепла моя молитва ко Всевышнему и какъ безпредѣльно-глубока благодарность къ нашему общему Отцу, въ Бозѣ почившему Императору Николаю Павловичу. Если ранняя смерть моего мужа не позволила ему заслужить передъ престоломъ Вашего Величества тѣхъ милостей, которыми онъ былъ осыпанъ и которыя такъ щедро, послѣ смерти его, излились на меня въ самыя горестныя минутны моей жизни, то къ сыну его, Государь, переходитъ этотъ завидный удѣлъ. Моей же "священной обязанностью" будетъ молить Провидѣніе дать мнѣ силы сдѣлать въ будущемъ младенца моего достойнымъ слугою Вашего Императорскаго Величества.

12-го марта 1855 г.

Укр. Темир-Хав-Шура.

№ и.

*Огъ 2. военного министра генерал-адъютанта князя Долгорукова
князю Д. Чавчавадзе.*

Милостивый государь

Князь Давидъ Александровичъ.

Зная всемилостивѣйшее участіе, принимаемое Государемъ Императоромъ въ семействѣ вашего сіятельства, я поспѣшилъ представить Его Величеству всеподданнѣйшее письмо ваше отъ 10-го числа сего мѣсяца.

Государь Императоръ, извѣстясь съ искреннимъ удовольствіемъ объ освобожденіи княгини Чавчавадзе и Орбеліани изъ плѣна, Высочайше поручить мнѣ соизволилъ поздравить васъ съ симъ счастливымъ для васъ событіемъ, скорѣйшее исполненіе коего было предметомъ желаній въ Божѣ почившаго Императора Николая Павловича.

Доблестныя чувства грузинскаго дворянства извѣстны Его Величеству и доказаны на дѣлѣ. Государь Императоръ, вполне раздѣляя постоянное благоволеніе Своего Августѣйшаго Родителя къ сему именитому сословію, изволить быть увѣреннымъ, что оно всегда поддержитъ древнюю славу, имъ пріобрѣтенную.

О семъ Высочайшемъ отзывѣ, поставляя пріятнымъ долгомъ сообщить вашему сіятельству, и душевно сочувствуя семейной вашей радости, я былъ бы вамъ весьма-признателенъ за обязательное уведомленіе о подробностяхъ пребыванія въ горахъ супруги вашей и княгини Орбеліани.

Пріймите, милостивый государь, увѣреніе... и проч.

31-го марта 1853 г.

№ 12.

Отъ него же княгинѣ В. И. Орбеліани.

Милостивая государыня

Княгиня Варвара Ильинична.

Я поспѣшилъ представить на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе всеподданнѣйшее письмо вашего сіятельства, въ коемъ вы изволили выразить чувства вѣрноподданнической благодарности за освобожденіе васъ, съ сыномъ вашимъ, изъ мучительнаго плѣна.

Его Императорскому Величеству благоугодно было выразить, въ особомъ на имя ваше, рескриптѣ, Всемилоствѣйшее къ вамъ благоволеніе.

Поставляя пріятнымъ долгомъ препроводить при семъ означенный рескриптъ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи, искренно поздравить ваше сіятельство съ благополучнымъ возвращеніемъ на родину и удостовѣрить васъ въ общемъ сочувствіи, которое возбуждено было къ вамъ во все время пребыванія вашего въ горахъ.

Пріймите, милостивая государыня, увѣреніе... и проч.

9-го апрѣля 1855 г.

№ 13.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

Княгиня Варвара Ильинична.

Выраженіе признательности вашей къ незабвенному Моему Родителю глубоко Меня тронуло. Освобожденіе васъ и семейства вашего изъ плѣна было предметомъ искреннихъ его желаній; но Богу угодно было исполнить ихъ уже послѣ Его кончины. Утѣшаясь мыслію, что указанныя Имъ мѣры достигли нынѣ цѣли, Мнѣ пріятно увѣрить васъ въ душевномъ удовольствіи, съ коимъ Я извѣстился о возвращеніи вашемъ изъ горь. Въ надеждѣ, что Всевышній вознаградитъ претерпѣнные вами тяжкія испытанія преуспѣяніемъ вашего сына въ свойственныхъ грузинскому дворянству доблестяхъ, остаюсь навсегда къ вамъ благо-склонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано :

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Санктпетербургъ ,
9-го апрѣля 1855 г.

№ 14.

Похвальное удостовѣреніе отъ генерал-майора князя Орбелгани и флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества князя Чавчавадзе юнкеру Исаю Грамову.

1855 года апрѣля 2-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, генерал-лейтенантъ князь Григорій Дмитріевъ сынъ Орбеліани и Флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества , полковникъ князь Давидъ Александровъ сынъ Чавчавадзе, дали сію бумагу жителю города Шуши , юнкеру Исаю Грамову , въ память незабвенныхъ услугъ , имъ оказанныхъ намъ.

Услуги эти состояли въ слѣдующемъ :

Въ іюль прошедшаго года, во время вторженія въ Кахетію горцевъ, подъ предводительствомъ Шамиля , они захватили въ плѣнъ : вдову роднаго брата перваго изъ насъ, генерал-майора князя Ильи Орбеліани, съ сыномъ Георгіемъ и племянницею княжною Ниною Баратовою, и жену втораго изъ насъ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми.

Во время нахожденія этихъ семействъ нашихъ въ плѣну , намъ встрѣтилась надобность послать къ горцамъ довѣренное лицо, которое могло бы объяснить имъ рѣшительную невыполнимость требованій ихъ за освобожденіе нашихъ плѣнницъ, и склонить ихъ къ измѣненію предложенныхъ ими условій.

Исай Грамовъ, находясь въ то время на службѣ при первомъ изъ насъ въ качествѣ переводчика, вызвался принять на себя это порученіе и, отправясь одинъ черезъ непріятельскія селенія, прибылъ въ Даргò , имѣлъ нѣсколько разъ объясненія съ Шамилемъ и другими почетными горцами по нашему дѣлу, и до того смѣло и настойчиво

умѣль опровергнуть всѣ ихъ возраженія, противъ его словъ дѣланныя, что, наконецъ, склонилъ ихъ на уступки, въ которыхъ они упорно отказывали до поѣзда къ нимъ Грамова.

Такимъ-образомъ, поѣздка его въ горы была одною изъ главныхъ причинъ успѣшнаго окончанія дѣла о выкупѣ нашихъ плѣнницъ, при выдачѣ которыхъ Грамовъ совершилъ вторичную поѣздку въ Даргб, и самъ сопровождалъ ихъ въ наши предѣлы.

Въ этихъ двукратныхъ поѣздахъ къ непріятелю, Грамовъ добровольно предавалъ жизнь свою произволу горцевъ, извѣстныхъ своимъ вѣроломствомъ и наклонностью пользоваться каждымъ случаемъ безнаказаннаго убійства и грабежа.

Подобныя услуги невознаградимы, и мы дали эту бумагу почтенному Исаю Грамову въ память того, что усердіе и самопожертвованіе, имъ намъ оказанныя, будутъ для насъ незабвенны, и какъ мы, такъ и потомки наши будемъ ему навсегда признательны.

Генерал-лейтенантъ князь Григорій Орбеліани.

Флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, полковникъ князь Давидъ Чавчавадзе.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Свиданіе съ Шамилемъ.

Письмо пруссакъ, служащаго въ русскихъ воѣскахъ на Кавказѣ.

(Ein Besuch bei Schamyl. Brief eines Preussen. Berlin. 1853.)

При настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ журналы, какъ и должно быть, въ послѣдніе два года обращаютъ на Шамиля болѣе вниманія, чѣмъ когда-либо; театръ войны, столь отдаленный, столь мало-извѣстный, какой представляетъ Кавказъ, доставляетъ имъ неистощимый источникъ для самыхъ нелѣпыхъ толковъ. Пользуясь плохимъ знаніемъ, или совершеннымъ незнаніемъ этого края, и придавая всему современный колоритъ, они съ непростительною дерзостью стали распускать будто-бы самыя достовѣрныя свѣдѣнія о баснословныхъ, можно сказать, замыслахъ грознаго врага Россіи и о необыкновенно-успѣшномъ ихъ выполненіи: то Тифлисъ долженъ быть невооруженно потерянъ; то войскамъ, сражающимся съ турками, отрѣзано будетъ всякое сообщеніе, и они сами поставлены будутъ въ крайне-опасное положеніе; то, наконецъ, непремѣнно послѣдуетъ повсемѣстное возстаніе въ цѣломъ Закавказскомъ Краѣ противъ ненавистнаго ига Россіи. Но когда, вопреки всѣмъ этимъ увѣреніямъ и предсказаніямъ, русскія войска одерживали, между-тѣмъ, побѣды, одна за другою, и спокойствіе страны ни на минуту не было нарушено, тогда, за неимѣніемъ лучшаго, они стали высказывать случайно-удавшійся набѣгъ (котораго ничтожество въ военномъ отношеніи наилучше извѣстно алжирскимъ Французамъ), какъ новую, блистательную побѣду, съ которою связаны обширныя надежды Шамиля, хотя извѣстно, кѣмъ скоро эти надежды были погребены въ битвѣ родъ Истиусъ,

которая такъ славна была для русскаго оружія, что не могла возбудить безпристрастный о себѣ отзывъ со стороны европейскихъ журналовъ.

Если же послѣ происшествій послѣднихъ годовъ люди научились ничему не удивляться, то все-таки живая и неутомимая Фантазія, помѣщающая свѣдѣнія о Кавказѣ исключительно во Французскихъ журналахъ, рисуетъ всегда что-нибудь новое, возбуждающее въ насъ или смѣхъ или удивленіе : или Шамиль разбилъ генерала, который покоится давно въ могилѣ, или опъ завладѣлъ крѣпостью, которой имя даже здѣсь неизвѣстно; однимъ словомъ, всѣ дѣла Шамиля, всѣ его побѣды надъ нами мы узнаемъ лишь изъ этихъ журналовъ.

Вы лучше, нежели кто-либо, въ-состояніи понять и оцѣнить языкъ этихъ журналовъ относительно здѣшнихъ происшествій ; но такъ-какъ вы очень интересуетесь всѣмъ, что здѣсь происходитъ, то я и думаю, что нѣкоторыя подробности о происшествіи, возбудившемъ живѣйшее участіе въ весьма-многихъ лицахъ, покажутся вамъ не-непріятными, тѣмъ болѣе, что о немъ распространены самыя странныя выдумки, и что я намѣренъ сообщить при этомъ нѣкоторыя замѣчанія насчетъ личности Шамиля: я разумѣю плѣнь и окончательный обмѣнъ семейства полковника князя Чавчавадзе, которое въ іюлѣ прошедшаго 1854 года попало въ власть Шамиля, при набѣгѣ его на Кахетію.

Находящіяся въ связи съ этимъ несчастіемъ обстоятельства извѣстны. Въ то время, когда князь Чавчавадзе, съ подчиненнымъ ему войскомъ, храбро отбишалъ напоръ главныхъ силъ Шамиля, отрядъ послѣдняго, отдѣлившись отъ общей массы его войскъ, напалъ на имѣніе князя Чавчавадзе, расположенное на самомъ отдаленномъ рубежѣ Кахетіи!, сжегъ его, а ясену его, свояченицу, дѣтей и многочисленную прислугу увелъ въ плѣнь—геройскій подвигъ, при описаніи котораго даже либеральныя газеты не могли не сказать, что Шамиль и его шайки оказали менѣе человѣколюбія, чѣмъ когда-либо ! Плѣнные были отправлены въ обыкновенную резиденцію Шамиля, Веденб, и вскорѣ, хотя не безъ трудности, установились съ ними, подъ надзоромъ Шамиля, письменныя сношенія, которыя по-крайней-мѣрѣ успокоивали насъ увѣренностью, что съ дамами, сколько позволяло ихъ положеніе, обращались кротко и милостиво, и что всѣ, отправляемые имъ отсюда, для облегченія тяжкаго ихъ состоянія, посылки получались по принадлежности. Даже мы здѣсь имѣли настолько высокое мнѣніе о Шамилѣ, чтобъ дать вѣру этимъ увѣреніямъ, и вмѣстѣ съ тяжело-испытываемымъ отцомъ и супругомъ находили въ нихъ жалкое утѣшеніе. Но мы жестоко обманывались. Послѣ многихъ совѣщаній Шамиль согласился наконецъ на переговоры относительно обмѣна, и требованія свои твердо ограничилъ тѣмъ, что за освобожденіе изъ плѣна семейства князя Чавчавадзе ему долженъ быть возвращенъ сынъ его Джемаль-Эдинъ и уплачено 40,000 р. сер. (160,000 фр.). Этотъ сынъ Шамиля, Джемаль-Эдинъ, при штурмѣ Ахульго, въ 1839 году, гдѣ самъ Шамиль только чудомъ спасся отъ плѣна, былъ отданъ русскому правительству, какъ аманатъ. Тогда ему было только семь лѣтъ. Съ-тѣхъ-поръ онъ воспитывался въ Императорскомъ Ка-

детскомъ Кориусѣ, а йотомъ вступилъ офицеромъ въ Уланскій Полкъ, съ которымъ въ послѣднее время и находился въ Царствѣ Польскомъ. Покойный Императоръ Николай 1-й, съ тѣмъ рыцарскимъ великодушіемъ, которое было однимъ изъ прекраснѣйшихъ качествъ этого незабвеннаго Государя, изъявилъ согласіе на поданную Его Императорскому Величеству княземъ Чавчавадзе просьбу (то-есть, на возвращеніе сына Шамилю), предоставивъ, -однакожь, Джемаль-Эддину самому рѣшить свою участь. Джемаль-Эддинъ, хотя въ-геченіе шестнадцати лѣтъ сдѣлался уже чуждъ какъ семейнымъ связямъ, такъ обычаямъ и привычкамъ родины, но въ обнаруженномъ его отцомъ желаніи увидѣлъ для себя долгъ, отъ исполненія котораго онъ, какъ сынъ, не хотѣлъ уклониться, и потому объявилъ, что готовъ возвратиться къ своему отцу. Уволенный Государемъ Императоромъ отъ службы, онъ прибылъ сюда, къ намъ, въ Хасав-Юртъ, въ концѣ Февраля, вмѣстѣ съ княземъ Чавчавадзе. Впродолженіе немногихъ недѣль, которыя Джемаль-Эддинъ провелъ въ нашемъ кругу, приобрѣлъ онъ нашу любовь и всеобщее уваженіе: онъ добрый малый, недурной наружности и безъ всякой претензіи, съ живымъ умомъ и здравымъ разсудкомъ. Въ будущемъ, которое его ожидало, онъ не обманывалъ себя никакими крылатыми Фантазіями; но, сознавая свой долгъ и имѣя достаточно силы къ выполненію его, довѣрчиво шелъ ему на встрѣчу, несмотря на его неизвѣстность. Онъ старшій сынъ Шамиля, и на него, какъ отецъ, такъ и народъ его будутъ смотрѣть какъ на наследника отцовской власти (*).

Послѣ многоразличныхъ переговоровъ, Шамиль рѣшительно назначилъ наконецъ 10-е (22-е) марта этого года Для обмѣна, который долженствовало совершиться на границѣ Большой Чечни, близъ Куринскаго Укрѣпленія, отстоящаго на тридцать верстъ отъ Хасав-Юрта. Наканунъ этого дня, генерал-майоръ баронъ Николаи, командиръ Егерскаго Князя Чернышева Полка и начальникъ находящихся въ этой странѣ русскихъ войскъ, двинулся туда съ отрядомъ. Вскорѣ, по прибытіи нашемъ въ Курийское, Шамиль далъ знать барону Николаи, что па другой день въ десять часовъ явится близъ взятаго и разрушеннаго имъ въ январѣ этого года укрѣпленія *Шаб-Кану* и тамъ будетъ ожидать нашего прихода, и тутъ уже условится относительно необходимыхъ подробностей. Чтобы облегчить переговоры, а равно ускорить счетъ денегъ (40,000 р. с.), Шамиль за нѣсколько дней отправилъ въ Хасав-Юртъ нѣчто въ родѣ посольства изъ многихъ лицъ, котораго главою было одно изъ особенно-приближенныхъ къ нему лицъ, мезеинъ (предводитель 500 чел.), по имени Хассанъ, который велъ переговоры и при обмѣнѣ разыгрывалъ большую роль. Неповоротливость, упрямство и недовѣрчивость этихъ пословъ были для насъ истинною пыткой, за что они, впрочемъ, нѣкоторымъ образомъ вознаграждали насъ чрезчуръ-забавнымъ удивленіемъ, съ которымъ смотрѣли на все ихъ окружающее. Немало стоило труда со-

(*) Это, кажется, ошибочное предположеніе: второмъ сынъ Шамиля, Кази-Махматъ, уже объявленъ наследникомъ отца.

брать 35,000 р. сер. въ мелкой монетѣ , и Хассанъ , послѣ долгаго сопротивленія , наконецъ согласился на то , чтобъ только 5000 руб. принять *золотомъ*. Причиною этого было, какъ необходимость распредѣлить между горцами какъ-можно-скорѣе означенную сумму, такъ, еще болѣе , желаніе обмануть зрѣніе народа массою денегъ, чтобъ увеличить важность выкупа , потому-что Шамиль требовалъ сначала миллионъ, и только съ большою трудностью согласился на 40,000 р. сер. Такъ-какъ эта сумма въ мелкой монетѣ наполняла много ящичковъ , то ее легко можно было выставить предъ народомъ за требуемый вначалѣ миллионъ, что, какъ мы впослѣдствіи узнали, и случилось. Наконецъ утромъ 10-го марта , всѣ предуготовленія счастливо окончены , мѣшки съ деньгами сосчитаны и запечатаны печатью Хассана , а къ девяти часамъ баронъ Николаи съ шестью ротами, девятью сотнями казаковъ и шестью орудіями вышелъ изъ Куринскаго Укрѣпленія, чтобъ отправиться къ назначенному Шамилемъ мѣсту свиданія, отстоящему отъ укрѣпленія около пяти верстъ. Мѣсто это довольно-удачно было выбрано Шамилемъ. Куринское Укрѣпленіе находится на уступѣ, по сю сторону неслишкомъ-высокаго, лѣсистаго горнаго хребта , отдѣляющаго кумыкскую плоскость отъ Большой Чечни—театра настоящей нашей войны. Въ небольшомъ разстояніи отъ уступа, по ту сторону, и параллельно съ нимъ, протекаетъ черезъ Чечню на небольшомъ разстояніи *Мининъ*, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ горныхъ рѣкъ, которыя, смотря по времени, являются то ничтожными ручьями, то стремительными рѣками. Часть равнины, по сю сторону Мичика, непокрыта лѣсомъ; другая же часть, по ту сторону, подходитъ къ лѣсу почти на одну версту. Издавна, уже не въ дальнемъ разстояніи отъ Куринскаго , проложена дорога поперегъ горнаго хребта, съ цѣлю сдѣлать равнину Чечни во всякое время доступною для движенія войска большими массами. Дабы воспрепятствовать этому, а равно, чтобъ затруднить русскимъ войскамъ дѣлать разорительныя нападенія, Шамиль воздвигнулъ противъ дороги, по ту сторону Мичика , на окраинѣ лѣса , довольно-сильный , говоря сравнительно, редуть, который, однакожь, въ январѣ этого года, во время смѣлаго набѣга генерал-майора барона Николаи, былъ взятъ и уничтоженъ. Какъ я уже сказалъ, Шамиль довелъ до свѣдѣнія этого генерала, что онъ, для обмѣна, остановится близъ мѣста, гдѣ былъ этотъ редуть. Когда мы, послѣ небольшого похода, достигли высоты, наши войска остановились и заняли позиціи: пѣхота и артиллерія въ серединѣ , кавалерія по бокамъ. Противъ насъ , на другой сторонѣ Мичика, на разстояніи трехъ или четырехъ верстъ отъ насъ, близъ Шайб-Капу можно было ясно различить полчища Шамиля. Они, казалось, были гораздо-многочисленнѣе, нежели мы, и состояли, по видимому , изъ кавалеріи. Мы направили на нихъ подзорныя трубы, чтобъ, если можно, увидѣть самого Шамиля. Напряжение это, которое въ особенности раздѣлялъ его сынъ, осталось, однакожь, безъ успѣха, по причинѣ порядочно-значительнаго разстоянія. На небольшомъ холмѣ , въ серединѣ , можно было различить большое черное знамя Шамиля, а въ недалекомъ отъ него разстояніи—единственную палатку,

разбитую вовсе не изъ учтивости къ дамамъ, какъ мы полагали — нѣтъ, онѣ находились подъ открытымъ небомъ, палатка же служила для комфорта Шамиля. Вѣроятно, на насъ смотрѣли оттуда съ немѣняемымъ любопытствомъ, а дамы, разумѣется, съ нетерпѣливымъ желаніемъ...

Быль великолѣпный весенній день и, при отличномъ солнечномъ освѣщеніи, съ величественно-возвышающеюся на горизонтѣ снѣжною горою, вся эта сцена представляла восхитительную картину въ прекрасной рошѣ. Переводчикъ изъ армянъ (*) и два посла Шамиля были отправлены къ нему, чтобы согласиться насчетъ порядка раздѣла и необходимыхъ при этомъ подробностей. Отсутствіе ихъ было довольно-продолжительно; наконецъ они возвратились съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ Шамиля: войска обѣихъ сторонъ должны находиться въ томъ же положеніи, въ какомъ они въ настоящее время находятся. Со стороны Шамиля выступить впередъ второй сынъ его Кази-Магома съ 32 человѣками, чтобы сдать плѣнныхъ дамъ, а взамѣнъ получить брата, вмѣстѣ съ деньгами. Со стороны русскихъ должны также 32 человѣка выйти на встрѣчу и присутствовать при обмѣнѣ. Мѣсто встрѣчи назначено было близъ отдѣльно-стоящаго, почти на срединѣ между обѣими войсками, дерева, однако, по сую сторону Мичика. Наконецъ Шамиль просилъ барона Николаи, какъ-бы въ вознагражденіе за довѣріе, съ которымъ онъ отправляетъ своего сына, Кази-Магому, послать ему брата этого послѣдняго въ сопровожденіи русскаго Офицера. Хотя это послѣднее требованіе основывалось, по вѣдомому, на одной суетности и не имѣло опоры во взаимности, такъ-какъ Кази-Магома долженъ былъ доіидти только до означеннаго дерева, требуемый же Офицеръ долженъ былъ проводить Джемаль-Эддина до его отца, тогда-какъ за него не оставалось у русскихъ никакого поручительства; но генерал-майоръ баронъ Николаи изъявилъ свое согласіе, какъ потому, чтобы дѣло не затянулось еще долѣе, такъ въ-особенности потому, что Джемаль-Эддинъ лично поручился за непремѣнное возвращеніе своего спутника, и это поручительство, при его характерѣ, не подлежало никакому сомнѣнію. Вслѣдствіе этого, по случаю принятія предложеній, поданъ былъ условный сигналъ и начались приготовленія. Одинъ офицеръ и 32 человѣка, посреди ихъ сундуки съ деньгами и 16 назначенныхъ къ обмѣну плѣнныхъ чеченцовъ выступили впередъ, а вмѣстѣ съ ними двинулся къ назначенному дереву баронъ Николаи вмѣстѣ съ княземъ Чавчавадзе, въ сопровожденіи небольшого конвоя и приготовленнаго для дамъ экипажа. Все остальное должно было оставаться на вершинѣ горы, чрезъ что многіе обманулись въ своихъ надеждахъ.

На противоположной сторонѣ отдѣлилась отъ главной массы группа всадниковъ съ чернокраснымъ значкомъ и, перейдя Мичикъ, остановилась въ ожиданіи, какъ казалось, плѣнныхъ дамъ. Чтобы не нарушить этикета и не уронить собственного достоинства преждевремен-

нымъ прибытіемъ къ дереву, мы также остановились, и это продолжалось съ полчаса. Горь неперпніемъ увидѣть сына и наслѣдника своего повелителя, нѣкоторые изъ всадниковъ отдѣлились въ это время отъ группы и прискакали къ намъ. Хассанъ, остановившись предъ Джемаль-Эдиномъ (который, впрочемъ, былъ въ русскомъ мундирѣ), представилъ ему прибывшихъ съ нимъ, и всѣ они съ почтеніемъ цаловали руку Джемаль-Эдина и съ простодушнымъ любопытствомъ разсматривали его; всѣ они, казалось, были болѣе или менѣе значительныя лица, потому-что почти всѣ были украшены серебряными звѣздами и круглыми пластинками, которыми Шамиль награждаетъ за военные подвиги. Наконецъ мы замѣтили приближеніе арбъ (родъ татарскихъ повозокъ на двухъ колесахъ^(*)); переѣхавъ Мичикъ, онѣ примкнули къ группѣ со значкомъ; послѣ чего она двинулась впередъ, а мы послѣдовали ея примѣру. Мы находились на уступѣ горнаго возвышенія и гораздо-выше, нежели тѣ, которые, сверхъ-того, нѣкоторое время скрыты были отъ насъ холмомъ, и только тогда, когда и мы и они почти въ одно время прибыли къ дереву, наши противники были совершенно-видны, и я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое произвело на меня ихъ появленіе. Всѣ поэтическія идеи, составленныя въ Европѣ о Шамилѣ и его народѣ, и въ неосновательности которыхъ мое трехлѣтнее здѣсь пребываніе достаточно меня убѣдило, въ эту минуту какъ-будто оправдались, если еще не болѣе!.. Во главѣ медленно-подвигавшейся группы ѣхалъ Кази-Магома, прекрасный, стройный молодой человекъ, но съ блѣднымъ и невыразительнымъ лицомъ; его черезчуръ-бѣлая Фигура (онъ ѣхалъ на очень-красивой бѣлой лошади и имѣлъ на себѣ бѣлую черкеску и бѣлый папахъ) производила странное впечатлѣніе, увеличивавшееся его чрезмѣрно-жеманными движеніями. Позади его, въ два ряда—въ самыхъ изящныхъ воинственныхъ позахъ, прикрашенныхъ еще отѣнками гордой дикости, съ длинными ружьями, на которыхъ курки были взведены, а приклады упирались въ правыя ляжки — являлись 32 его спутника, настоящіе мюриды, отлично-вымуштрованные, одѣтые и вооруженные. Ихъ смѣлыя, суровыя лица и гибкій станъ, богатство ихъ блестящаго золотомъ и серебромъ оружія, красота ихъ небольшихъ, но огненныхъ лошадей — все это, вмѣстѣ съ окружающимъ насъ ландшафтомъ, представляло столь поразительное цѣлое, что подобнаго ничего и никогда не случалось мнѣ видѣть. Именно послѣ того впечатлѣнія, какое прежде постоянно производилъ на меня нищенскій видъ горцевъ, теперешнее убранство ихъ было для меня болѣе чѣмъ поразительно, хотя я и понималъ, что свита Кази-Магомы для этой церемоніи была выбрана и одѣта самымъ рачительнымъ образомъ, въ чемъ я и убѣдился впослѣдствіи, когда увидѣлъ прочія полчища Шамиля. Всадники остановились почти въ десяти шагахъ отъ насъ. Хассанъ, стоя возлѣ Джемаль-Эдина, обратился съ нѣсколькими словами къ Кази-Магомѣ, послѣ чего оба брата по- (**)

(**) Здѣсь противорѣчіе съ показаніями плѣнника и Грамова, которые утверждаютъ, что арбы были, вопреки обычаю, о четырехъ колесахъ, Е, R,

дошли другъ къ другу и обнялись, бжеду-тѣмъ, какъ мюриды, отдавая честь, опустили ружья и единогласно вскрикнули: «Аллахъ-иль-Аллахъ!» Впрочемъ, это объятіе было не что иное, какъ церемонія; когда она происходила, я наблюдалъ лицо Кази-Магомы и напрасно искалъ на немъ выраженія чувства : притворная улыбка судорожно сжимала его тонкія , безжизненные губы — вотъ и все. Послѣ этого привѣтствія, начался обмѣнъ плѣнныхъ—сцена, отъ описанія которой прошу меня избавить. Дамы, равно какъ и дѣти и служанки, плотно закутанныя въ бѣднѣйшія платья , были переданы , при нѣсколькихъ словахъ Кази-Магомы, князю Чавчавадзе. Радость свиданія послѣ столь жестокихъ мученій представляла неизобразимо-трогательную и увлекательную картину.

Между-тѣмъ денежные сундуки были приняты мюридами, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончились и всѣ Формальности. Въ это время я получилъ отъ барона Николаи приказаніе : вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ сопровождать Джемаль-Эддина къ его отцу. Радость моя была немалая. Увидѣть Шамиля, говорить съ нимъ—вотъ счастливый случай, который врядъ ли когда-либо доставался на долю русскаго офицера! Послѣ того , какъ Джемаль-Эддинъ представился дамамъ и сердечно простился съ барономъ Николаи и княземъ Чавчавадзе , пустились мы, въ сопровожденіи переводчика (Грамова) и нѣсколькихъ казаковъ къ Мичику , между-тѣмъ , какъ баронъ отправился съ дамами на вершину горы , гдѣ онъ намѣревался ожидать нашего возвращенія. Сначала въ нашемъ поѣздѣ господствовалъ отличный порядокъ: 16 мюридовъ ѣхали впереди , за ними Джемаль-Эддинъ и Кази-Магома между моимъ товарищемъ и мною; за нами переводчикъ и четверо казаковъ, и наконецъ еще 16 мюридовъ; но этотъ порядокъ сохранялся недолго : чѣмъ ближе мы были къ Мичику , тѣмъ гуще скоплялась масса тѣхъ , которые спѣшили къ намъ на встрѣчу, чтобъ увидѣть Джемаль-Эддина , поцаловать его руку , его платье. Онъ очень-спокойно позволялъ дѣлать съ собою все , и только старался, чтобъ въ тѣсной толпѣ , которая его окружала, я и мой спутникъ оставались близъ него. Недовѣріе къ новымъ своимъ землякамъ , а также и данное имъ за насъ поручительство были тому причиною. Разъ, или два раза, когда безпорядокъ бралъ верхъ , онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ, и хотя онъ не былъ понятъ, потому-что говорилъ порусскн , но энергическіе жесты и гнѣвъ , выразившійся на лицѣ, были поняты и возымѣли свое дѣйствіе , такъ-что толпа съ боязнью и почтеніемъ отхлынула въ разныя стороны. Достигнувъ берега Мичка , Кази-Магома попросилъ своего брата , чтобъ онъ скинулъ русское платье и оружіе. Сначала Джемаль-Эддинъ не хотѣлъ на это согласиться , но когда ему сказали , что этого желаетъ его отецъ, и что Шамиль для этого прислалъ ему все необходимое, тогда онъ согласился. Онъ сошелъ съ лошади ; тѣсно окружили его мюриды, и началось его превращеніе (*).

Во время довольно-продолжительнаго облаченія Джемаль-Эддина,

(*) Здѣсь опять противорѣчіе съ покланіемъ Н. Грамова.

я имѣлъ время осмотрѣть окружающую насъ толпу. Нашъ конвой увеличился уже до 30 человѣкъ и съ имѣющими порядочный видъ мюридами смѣшались простодюдины, грязные и оборванные, какими мы обыкновенно ихъ видимъ въ экспедиціяхъ и мимо которыхъ мюриды, гдѣ только встрѣтятся, проѣзжаютъ безъ вниманія, или же здороваются съ ними сильными ударами плети—прекрасное доказательство господствующаго равенства между этими прославленными героями свободы!... На меня обратили вниманіе: одни смотрѣли на меня съ свирѣпымъ презрѣніемъ, выражавшемся въ лицѣ и жестахъ, другіе — кротко ; но это еще ничего ; нѣкоторые начали обнаруживать нахальное и самое несносное любопытство. Оно было въ-особенности возбуждено моимъ англійскимъ сѣдломъ и находившимися при немъ пистолетами , а еще болѣе лорнетомъ , тайна котораго чеченцамъ казалась непостижимою. Которые были посмѣлѣе, приблизились ко мнѣ и , послѣ нѣкоторой нерѣшительности , начали ощупывать воткнутое въ моему глазѣ стекло, и когда оно отъ такого прикосновенія случайно упало , то они въ изумленіи отскочили назадъ и, вѣроятно, подумали, принимая лорнетъ за часть моего тѣла, что они мнѣ причинили существенное поврежденіе. Другіе внимательно разсматривали мои пистолеты , которыхъ пистонные замки были для нихъ невиданною новостью (ихъ собственныя огнестрѣльные оружія снабжены замками съ кремнями) ; а одинъ изъ мюридовъ дружески ударилъ меня по плечу и сказалъ чрезъ переводчика , что сегодня они мои друзья; если же опять меня увидятъ, то заговорятъ со мною на шашкахъ и ружьяхъ. Я имъ отвѣчалъ, что для меня ничего нѣтъ желательнѣе , какъ такое свиданіе , лишь бы оно послѣдовало какъ-можно-скорѣе... Такое множество сильныхъ и красивыхъ мужчинъ и лошадей , собранныхъ въ одномъ мѣстѣ , признаться , я видѣлъ очень-рѣдко. Мюриды—собственно тѣлохранители Шамиля и основныя столбы его военной власти. Въ-началѣ они составляли религіозно-фанатическую секту, всѣ силы которой были направлены къ тому , чтобъ воспрепятствовать паденію исламизма ; они проповѣдывали войну противъ христіанъ , какъ средство наиболѣе-способствующее ихъ цѣли; но мало-по-малу мюридизмъ палъ, и настоящіе его приверженцы смотрятъ на него единственно какъ на средство къ быстрому возвышенію власти и почестей. Ихъ отличительный почетный знакъ — бѣлое покрывало , обвитое вокругъ папахы наподобіе чалмы. Многіе изъ нихъ имѣли рубцы на лицѣ и носили орденскіе знаки Шамиля на груди; но не у многихъ эти ордена, вѣроятно, самой высшей степени, видѣлъ я на шеѣ. Платье ихъ было довольно-однообразно; всѣ они носили темныя черкески, просто, но со вкусомъ обложенныя золотымъ или серебрянымъ галуномъ; ихъ ружья, шашки, кинжалы и пистолеты были обдѣланы въ серебро съ извѣстнымъ , но неподражаемымъ кавказскимъ искусствомъ. Эта простота и изящество убора , должно быть , нарушены съ прошлаго года , именно съ-тѣхъ-поръ , какъ Шамиль льститъ себя надеждою на посѣщеніе султана; а чтобъ достойно принять его, старался одѣть своихъ преданныхъ мюридовъ самымъ блестящимъ образомъ.

Наконецъ туалетъ Джемаль-Эддина былъ оконченъ, и изъ русскаго Офицера онъ преобразился въ мюрида , который, по богатству и изяществу платья, далеко превосходилъ всѣхъ другихъ, хотя въ новомъ, непривычномъ для него платьѣ онъ обнаруживалъ нѣкоторую неловкость. Онъ сѣлъ на приготовленную для него красивую вороную лошадь подъ длиннымъ краснымъ чапракомъ, и мы вновь продолжали путь. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ , какъ тринадцатилѣтній, по виду, и очень-красивый мальчикъ въ одеждѣ мюрида пробрался сквозь толпу и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился на грудь къ Джемаль-Эддину. Это былъ младшій сынъ Шамиля , Магомать-Шефи (или Шабй), братъ двухъ старшихъ, но отъ другой матери (*). Масса спѣшившихъ къ намъ на встрѣчу болѣе-и-болѣе увеличивалась, а съ нею увеличивался и безпорядокъ. Кйкъ я переѣхалъ Мичикъ и къкъ достигъ противолежащей высоты — не могу объяснить: меня то давили, то толкали, то наѣзжали на меня, то насильно высаживали изъ сѣдла , и при этомъ много мнѣ стоило труда укрощать бѣшенство моей лошади, непривычной къ такой суматохѣ.

Напрасно я усиливался не отставать отъ Джемаль-Эддина: постоянный приливъ новыхъ пріѣзжихъ постоянно отгѣснялъ насъ отъ него. Не лучше было моему товарищу и нашимъ казакамъ. Наконецъ я увидѣлъ нѣсколькихъ мюридовъ , ударами и толчками проложившихъ къ намъ дорогу и взявшихъ мою лошадь за поводъ; они были посланы Кази-Магомою, чтобъ присоединить насъ опять къ его брату, который безъ насъ не хотѣлъ двигаться далѣе. При этихъ и подобныхъ сценахъ прошло довольно времени, и я былъ болѣе чѣмъ радъ, когда мы наконецъ достигли подошвы холма , на которомъ ожидалъ насъ Шамиль. Всѣ здѣсь остановились и сошли съ лошадей. Джемаль-Эдинъ далъ мнѣ лѣвую , а моему товарищу правую руку , и мы пошли впередъ за Кази-Магомою. Холмъ , на которомъ Шамиль занялъ мѣсто , находился далеко отъ Фронта его войска , расположеннаго въ боевомъ порядкѣ, и онъ, какъ мы , былъ окруженъ одними мюридами.

Близость внушающаго страхъ Шамиля начала оказывать свое дѣйствіе ; за оглушительнымъ шумомъ послѣдовала гробовая тишина: безпорядокъ и толкотня исчезли, и, тихо, и мѣрно поглощаемые тысячами глазъ , прошли мы довольно-большое разстояніе , которое отдѣляло еще насъ отъ Шамиля. Наступила необыкновенная минута, нелишенная торжественности. Казалось , она произвела на Джемаль-Эддина сильное впечатлѣніе; его рука дрожала въ моей ; по его энергическимъ чертамъ пробѣжала улыбка удовлетвореннаго тщеславія—быть-можетъ, слѣдствія честолюбивыхъ мыслей; но это продолжалось не болѣе минуты , и его физиономія приняла вскорѣ прежнее спокойное выраженіе. Вскорѣ мы предстали предъ его отца. Шамиль и два пожилые мюрида сидѣли съ поджатыми ногами на небольшомъ коврѣ; Шамиль на подушкѣ, нѣсколько выше, между двумя стариками. Надъ головою его держали зонтикъ , а позади его стояло большое

(*) По показаніямъ пѣвицы, отъ той же Матери.

черно^с знамя съ серебряными надписями изъ Курана, надъ которыми виднѣлся полумѣсяцъ , вылитый , какъ казалось , изъ массивнаго серебра. Наружность Шамиля мнѣ чрезвычайно понравилась. Ему около 55-ти (*) лѣтъ, и, сколько я могъ судить по его сидячему положенію , онъ довольно-плотный и видный мужчина. Его правильное, красивое , хотя блѣдное лицо отгѣнялось черною , аккуратно-причесанною бородою ; въ его большихъ (**) черныхъ глазахъ видны умъ и чувство. Его платье, чрезвычайно-простое и безъ оружія, состояло преимущественно изъ широкаго зеленого кафтана , какъ почетной его одежды ; на головѣ же онъ имѣлъ обыкновенный папахъ съ чалмою , носимую мюридами. Когда мы подошли къ Шамилю, Кази-Магома сказалъ нѣсколько словъ ; Джемаль-Эддинъ приблизился къ нему и хотѣлъ поцаловать его руку, но Шамиль прижалъ его къ груди, долго держалъ въ объятіяхъ, и, будучи не въ состояніи побѣдить своихъ чувствъ , зарыдалъ какъ дитя... Между-тѣмъ , вѣроятно , по данному знаку , стоящія въ отдаленіи полчища , равно какъ и всѣ окружающіе , громко повторяли : «Аллахъ-иль-Аллахъ». До сего времени я составлялъ себѣ , не знаю какимъ образомъ , совершенно другое понятіе о Шамилѣ ; но его почтенная наружность , его благородныя черты , его изящная , хотя несовсѣмъ-смѣлая манера поразили меня теперь въ высочайшей степени и произвели на меня сильное впечатлѣніе. Теперь я понялъ, почему его особа внушаетъ къ себѣ такую Фанатическую преданность , въ-особенности народу, у котораго внѣшнее такъ высоко цѣнится. Въ его чертахъ, въ его выразительныхъ глазахъ видна меланхолія—можетъ-быть, сознаніе нравственной бѣдности его народа и безнадёжности всѣхъ усилій поставить его на высшую степень или упредить его независимость , которую этотъ народъ ни оцѣнить , ни охранить не сѣмѣетъ. Послѣ перваго объятія, Джемаль-Эддинъ сталъ по правую руку своего отца, а Шамиль, казалось погрузился въ созерцаніе сына и безпрестанно жалъ ему руку, можетъ-быть, думая въ эти минуты осуществить много надеждъ съ возвращеніемъ перворожденнаго сына!...

Мы не хотѣли нарушить этого перваго порыва и оставались нѣкоторое время молчаливыми свидѣтелями ; но время не терпѣло , и мой товарищъ попросилъ переводчика передать Шамилю , что мы оба, онъ и я, по порученію генерал-майора барона Николаи, посланы къ нему , чтобы передать сына отцу и лично убѣдиться , что онъ благополучно къ нему прибылъ. Шамиль поздоровался съ нами движеніемъ руки и сказалъ , что «если онъ до-сихъ-поръ сомнѣвался «въ честности русскихъ , то теперь онъ совершенно перемѣнилъ о «нихъ свое мнѣніе». Онъ просилъ насъ передать храброму генерал-майору барону Николаи его искреннюю благодарность за все , что онъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ , а равно князю Чавчавадзе, что онъ (то-есть Шамиль) поступалъ съ его женою и свояченицею какъ съ родными дочерьми, о чемъ онѣ и сами могутъ засвидѣтельствовать;

(*) По всѣмъ показаніямъ, не болѣе 50-ти.

(**) Ж Которые, по общему отзыву, онъ постоянно прищипываетъ.

что свиданіе его съ сыномъ составляетъ для него самую счастливѣйшую минуту въ жизни ; что онъ еще разъ благодарить тѣхъ, которые къ тому способствовали , и благодарить также насъ , что мы съ такою довѣрчивостью проводили сюда Джемаль-Эддина. Вторичное движеніе руки , выражавшее поклонъ , сопровождало эти послѣднія слова ; тѣмъ и кончилось наше посольство ; но тутъ мы обратились къ Джемаль-Эддину, чтобъ проститься съ нимъ. Это разставаніе съ послѣдними , напомнившими ему прошедшее время , проведенное въ образованномъ мірѣ , съ которымъ онъ теперь навсегда долженъ разстаться, поколебало его дѣйствительную или притворную холодность и спокойствіе: крупныя слезы покатались по его щекамъ, и съ жаромъ обнявъ онъ насъ , разъ и другой—зрѣлище, на которое отецъ его смотрѣлъ съ живѣйшимъ участіемъ. Послѣ этого прощанія , Джемаль-Эддинъ занялъ мѣсто по правую руку своего отца, мы, слегка кланяясь, дотронулись руками до своихъ шапокъ, Шамиль поблагодарилъ легкимъ наклоненіемъ головы, и мы отправились къ своимъ. Я воспользовался минутою , пока лошади , оставшіяся позади , не были еще къ намъ подведены , чтобъ нѣсколько осмотрѣться. Масса народа вокругъ холма состояла изъ однихъ мюридовъ (только они смѣютъ приближаться къ Шамилю). Ихъ было, можетъ-быть, до трехъ сотъ ; остальные же войска , отъ 4000 до 5000 человекъ, состоящіе изъ одной кавалеріи , стояли въ 600 шагахъ позади. Сколько я могъ разсмотрѣть съ этого разстоянія , они далеко уступали мюридамъ въ добротѣ лошадей и въ убранствѣ: это были наши старые знакомые; они были такими, какими мы имѣемъ случай видѣть ихъ въ каждомъ сраженіи. Впрочемъ , между ними господствовалъ строгій порядокъ , и въ *гѣломъ* они имѣли сходство съ нашей кавалеріей: они были разставлены по отдѣленіямъ, съ интервалами , въ двѣ шеренги; каждое отдѣленіе имѣло свое знамя; начальники стояли передъ Фронтомъ и держали ружья, какъ и мюриды , уперши ихъ въ лядвеи. На правомъ Флангѣ я видѣлъ двѣ пушки , снятыя съ передковъ ; позади ихъ арбы съ снарядами. Напротивъ насъ, на высотѣ, по ту сторону Мичика, стояли наши войска; голубое генеральское знамя съ серебрянымъ крестомъ весело развѣвалось надъ блестящими въ солнечномъ свѣтѣ штыками. (Вслѣдствіе стараго кавказскаго обычая , здѣсь каждый командиръ имѣетъ знамя или значокъ съ изображеніемъ своего герба , по его цвѣту ; этотъ обычай утвердился вслѣдствіе особеннаго образа веденія здѣшной войны, но, впрочемъ, измѣняется въ разныхъ случаяхъ). Между-тѣмъ, вокругъ насъ все зашевелилось: казалось, что этикетъ не могъ болѣе обуздывать нетерпѣнія толпы ; ряды далеко-стоявшаго позади войска, также начали расходиться; все спѣшило къ холму. Въ эту минуту, и очень-кстати , были приведены наши лошади; мы сѣли на нихъ и, въ сопровожденіи около 50 мюридовъ , отправились восвояси. Когда мы перешли Мичикъ, войска Шамиля открыли батальный огонь, чѣмъ они обыкновенно знаменуютъ всякій торжественный случай. Вскорѣ затѣмъ конвой нашъ остановился, простившись съ нами преклоненіемъ ружей; мы поскакали въ галопъ и скорѣ очутились между своими.

По прибытіи нашель въ Куринское, отправились мы прямо въ небольшую единственную въ укрѣпленіи церковь, гдѣ тотчасъ же было совершено благодарственное , за дарованное освобожденіе изъ плѣна, молебствіе , по окончаніи котораго плѣнницы отправились въ приготовленное для нихъ зданіе. На слѣдующій день мы возвратились въ Хасав-Юртъ. То, что дамы рассказывали намъ о своихъ страданіяхъ въ плѣну , превосходить всякое описаніе. Всѣ прежніе , прекрасные ихъ отзывы на счетъ хорошаго обращенія и вниманія къ нимъ Шамиля были не что иное, какъ вынужденная отъ нихъ ложь. Съ кинжаломъ въ рукѣ заставляли въ письмахъ , которыхъ онѣ часто по 15-ти писали прежде нежели одно изъ нихъ понравится ихъ тюремному начальнику, писать, что онѣ всѣмъ довольны и хвалить обращеніе съ ними (*) ; изъ всѣхъ вещей, которыя имъ отсюда отправлялись, едва десятая часть попадала имъ въ руки, а между-тѣмъ онѣ принуждаемы были увѣдомлять , что онѣ все сполна получили. Онѣ, въ числѣ двадцати-трехъ женщинъ и дѣтей , должны были провести первыя четыре недѣли своего пребыванія въ Ведений въ одной небольшой комнатѣ , въ которой было одно , никогда-неотворявшееся окно, и тогда только сдѣлана была перемѣна, когда, отъ недостатка движенія и чистаго воздуха , плѣнницы сильно заболѣли ; часто онѣ ио два и по три дня оставались безъ пищи, пока имъ не приносили твердаго, какъ камень, и намазаннаго бараньимъ жиромъ хлѣба, который онѣ долго мыли прежде , нежели можно было поднести его ко рту ; онѣ принуждены были спать на землѣ на подстилкахъ, въ родѣ тонкихъ тюфяковъ; и во всякое время дня и ночи подвергались посѣщенію своихъ сторожей , которые находили удовольствіе наносить имъ всякаго рода грубости и оскорбленія. Однимъ словомъ, это такая ужасная исторія, ужаснѣе которой и выдумать невозможно. Но хуже всего этого — поистинѣ раздирающія сердце подробности перваго дня плѣна и странствованія до Веденію. Съ скотскою жестокостію, какъ только княгиня Чавчавадзе была признана за госпожу дома, ее тотчасъ отдѣлили отъ сестры и четырехъ дѣтей, и она была принуждена вмѣстѣ съ пятимъ ребенкомъ , четырехмѣсячной дѣвочкой, оставить свой домъ , обращенный въ пламя и слѣдовать за чеченцами. Пѣшкомъ она должна была перейти рѣку , и когда, споткнувшись о камень , княгиня падала и , держа дитя свое надъ волнами, была увлекаема теченіемъ , ее схватилъ за волосы ея сторожъ и такъ тащилъ ее до самаго берега. Когда же, отъ этого мученія, княгиня совершенно выбилась изъ силъ , тогда ее взялъ на лошадь одинъ чеченецъ и посадилъ позади себя; изъ аррьергарда раздалось нѣсколько выстрѣловъ , и шайка пустилась въ галопъ ; не смотря на то , что княгиня едва держалась на сѣдлѣ , она въ этомъ ужасномъ положеніи думала только о томъ, чтобъ сохранить дитя,

(*) Здѣсь , кажется , допущено авторомъ нѣмецкой брошюрки значительное преувеличеніе. Ничего подобнаго мы не помнимъ въ показаніяхъ плѣнницъ: ни кинжаловъ , ни 15 писемъ, ни тюремнаго начальника никогда не было.

какъ вдругъ сильный прыжокъ лошади вырываетъ его изъ рукъ матери, и младенецъ падаетъ на землю. Напрасны были всѣ просьбы и рыданія матери, чтобъ остановились и подняли дитя : безчеловѣчные, гонимые страхомъ преслѣдованія, смѣялись надъ ея отчаяніемъ и старались какъ-можно-скорѣе удалиться. Въ теченіе цѣлаго жаркаго іюльскаго дня, плѣнницы нигдѣ ни на минуту не останавливались и только когда, съ наступленіемъ вечера, вѣхали въ лѣсъ, онѣ остановились здѣсь подъ проливнымъ дождемъ. Чтобъ удобнѣе наблюдать надъ одною изъ плѣнницъ, горцы заставили ее взлѣзть на дерево, вокругъ котораго на землѣ расположилась ея стража (*). Въ этомъ положеніи, сопряженномъ съ опасностью жизни, находясь въ тонкомъ платьѣ и промокнувъ до костей, оставалась княгиня, и ни одинъ чеченецъ не подумалъ прикрыть ее буркою ; разлученная со всѣми милыми ея сердцу, мучимая мыслью о горестной своей участи, проводила несчастная женщина длинные, безотрадные часы ночи. Только на слѣдующій день она соединена была съ своими, а оставшемуся (въ Кахетіе) отцу принесли трупъ упавшей дѣвочки, которая, хотя отъ паденія не пострадала, но умерла отъ голода, холода и сырости (**). Все это я слышала изъ устъ самой княгини, и въ ея кроткомъ, обворожительномъ лицѣ, въ тонѣ ея голоса, во взорахъ, отражающихъ всю прелесть ея души, отыскалъ я разрѣшеніе загадки, почему она, какъ мать, не умерла отъ этихъ мученій, почему она, привыкши къ комфортабельной жизни, была въ-состояніи перенести медленные истязанія въ-теченіе девяти мѣсяцевъ... Когда искренняя вѣра въ Бога наполняетъ сердце, тогда слабыя силы наши крѣпнуть и, не смотря на то, что ураганъ несчастія со всѣми своими ужасами грозитъ намъ разрушеніемъ, мы переносимъ его.

Если мы вспомнимъ о томъ, какъ Шамиль выразился насчетъ обращенія съ плѣнными дамами, и при этомъ представимъ себѣ, что семейство Чавчавадзе много для него значило, какъ потому, что онъ ожидалъ за него большаго выкупа, такъ и потому, что только черезъ него онъ надѣялся возвратить себѣ своего сына, то нельзя не согласиться, что обращеніе съ дамами по тамошнимъ понятіямъ дѣйствительно было хорошее, какое только оказывается плѣнникамъ подобной важности. Истина этого можетъ быть подтверждена также и тѣмъ, что прежде-бывшіе въ плѣну Офицеры, изъ которыхъ нѣкоторые находятся между нами, рассказываютъ намъ о своихъ страданіяхъ, претерпѣнныхъ у Шамиля, и еще тѣмъ, что освобожденные дамы рассказывали намъ вообще о нравственномъ состояніи горскихъ жителей. Судя по этому, они находятся на столь низкой степени образованія и умственнаго развитія, на какой мы едва находимъ жителей пустынныхъ острововъ, описываемыхъ мореплавателями. «Это не люди (говорила мнѣ княгиня), это животныя ; они не имѣютъ ни одной мысли, ни одного чувства, подобнаго нашимъ ; и когда имъ

(*) Объ этомъ обстоятельстве мы ничего не слышали отъ плѣнницъ, сообщившихъ намъ самыя подробныя свѣдѣнія о своемъ миновавшемъ несчастіи.

(**) Намъ не извѣстно, откуда почерпнуто это свѣдѣніе.

что-нибудь говоришь, то это все-равно, как если бы вы говорили съ деревомъ (*)»... Кбкъ справедливъ этотъ отзывъ, подтверждается простодушнымъ разсказомъ шестилѣтней дочери князя Чавчавадзе, которая, разсказывая о плѣнѣ, между-прочимъ, сказала: «когда обезьяны пришли взять насъ»... Мы, конечно, не имѣли высокаго понятія о нашихъ любезныхъ сосѣдяхъ, однакожь, не почитали ихъ до такой степени грубыми и жалкими, какъ видно изъ всего, что было здѣсь сообщено. Ихъ умственная и Физическая лѣнь, ихъ глупость, ихъ упрямство, ихъ грубость и какая-то смѣшная гордость, съ которою они, какъ большая часть мухаммеданъ, воображаютъ, что они стоятъ гораздо-выше *гяуровъ*, препятствуютъ всякому успѣху. Самымъ вѣрнымъ доказательствомъ ихъ нравственной порчи служить жалкое положеніе горскихъ женщинъ. Эти бѣдныя существа суть рабыни или, лучше сказать, тягловая скотина, на которой левкить всякая работа; подобію сей послѣдней, здѣсь женщину бьютъ или мѣняють, если она сдѣлается негодною къ работѣ; здѣсь мужчина въ лучшемъ положеніи смотритъ на женщинъ не иначе, какъ на игрушки своей дикой Фантазіи...

Послѣ всего сказаннаго, вы можете составить себѣ приблизительное понятіе объ этомъ *рыцарскомъ* народѣ, объ этихъ пламенныхъ *герояхъ свободы*, этихъ *поборникахъ независимости*, храбро-противостоящихъ *честолюбивымъ* планамъ *восточнаго калосса*. Что будетъ въ этихъ странахъ терпѣть бѣдный *Джемаль-Эддишъ*, сроднившійся съ европейскими нравами и образованіемъ—легко себѣ вообразить. Пусть на новомъ, сопряженномъ со всякими опасностями, поприщѣ, руководятъ и поддерживаютъ его тѣ же чувства, которыя дали ему мужественную рѣшимость облегчить несчастіе другихъ и, исполняя собственную обязанность сына, перейти къ отчужденному отъ него отцу безъ всякаго предвидѣнія послѣдствій этого перехода, послѣ котораго онъ, конечно, навсегда простился со счастіемъ своей жизни!...

Кр. Грозная (на лѣвомъ Флангѣ Кавказской Линіи).

(Съ нѣмецкаго).

ПРИЛОЖЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Отрывокъ изъ разсказа

покойнаго генерал-маіора князя П. Орбеліани о своемъ плѣнѣ у Шамиля въ У842 году.

Въ 1У-й главѣ второй части разсказа о плѣнѣ у Шамиля, писавшій эту печальную исторію невольнo пришелъ къ сравненію прежнихъ и нынѣшнихъ нравовъ *шамилева міра* и, находя нынѣ нѣко-

(*) Мы не помнимъ, чтобы которая-либо изъ княгини отзывалась такимъ образомъ о горцахъ. Изъ всего разсказа, переданнаго нами съ ихъ показаній, можно убѣдиться, что и горцы — люди, какъ люди, хотя и непросвѣщенные.

торое въ нихъ смягченіе, основаль этотъ утѣшительный выводъ, въ особенности на *разсказъ русскаго офицера , бывшаго въ плѣну у Шамиля въ 1842 году*. Чтобы подтвердить въ глазахъ cadaго читателя истину такого заключенія, представляемъ здѣсь отрывокъ изъ подлиннаго разсказа генерал-майора князя И. Орбеліани , покойнаго супруга одной изъ героинь нашего повѣствованія, княгини В. И. Орбеліани. Покойный генераль былъ тотъ самый плѣнникъ , на живописномъ и правдивомъ разсказѣ котораго мы основали нашу параллель между прежнимъ и нынѣшнимъ Шамилемъ. Передаемъ здѣсь не весь разсказъ , а только то , что въ-особенности касается до нашей мысли о нѣкоторомъ смягченіи нынѣшнихъ нравовъ горцевъ сравнительно съ прежними.

...«Оставивъ караулъ при нашихъ вещахъ, они повели насъ, то есть подполковника С—а , Апшеронскаго Пѣхотнаго Полка прапорщика А—а (находившагося тоже по службѣ въ Казикумухъ) и меня къ Шамилю. Передъ домомъ , занимаемымъ имъ , толпился народъ; при нашемъ приближеніи толпа эта подняла неистовый крикъ : «ведутъ христіанскихъ свиней». Эти слова сопровождались проклятіями и ругательствами. Такой пріемъ не обѣщаль много хорошаго. Доложили о насъ Шамилю и ввели въ домъ, изъ котораго я не думаль уже выйдти живой. Я оглянулся: мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на Божье солнце и на дальніе горы, окружавшія мою колыбель. Просясь со мною, на привалѣ въ Бурундук-Кале , товарищи сказали мнѣ: «не возвращайся безъ георгіевскаго креста». Эти слова пришли мнѣ теперь на память. «Д&» думаль я, «одному крестъ на грудь, другому на могилу, а мнѣ ни того ни другаго!» и я невольно вздрогнулъ.

«Насъ ввели въ довольно-большую комнату, наполненную тѣлохранителями Шамиля; потомъ въ другую, гдѣ мы нашли его самого, въ кругу сподвижниковъ своихъ и почетныхъ депутатовъ казикумухскихъ. Вправо и влѣво отъ него сидѣли наибы : *Кегбит-Магометъ*, андійскій казн, *Абдурахман-Дибиръ* карахскій и измѣнникъ Хаджи-Яга , братъ правителя Казикумуха (*). За Шамилемъ , а также у дверей и въ другой комнатѣ стояло до 150-ти человекъ тѣлохранителей его, всѣ съ отвратительными, звѣрскими лицами, съ шашками и кинжалами на-голб, съ пистолетами и ружьями, у которыхъ курки взведены были на второй взводъ. Лезгины не отличаются красивою наружностью; дикое, суровое выраженіе лица ничѣмъ не смягчается, и потому не имѣетъ никакой пріятности ; но тѣмъ выразительнѣе выставлялась и красовалась между ними особа предводителя ихъ, Шамиля. Прекрасное, свѣжее, бѣлое лицо, слегка-испещренное рябинками , голубые или сѣрые (?) глаза , выдающіеся пронизательный умъ и силу душевную; постоянная улыбка на устахъ , нескрывающихъ два ряда бѣлыхъ зубовъ , выражаеть хитрость и добродушіе; выкрашенная красною краскою борода также идетъ ему къ ли-

(*) Овъ былъ проводникомъ Шамиля въ Колину му ть, за вту измѣнническую услугу сдѣланъ былъ правителемъ ханства, во недолго удерживался на мѣстѣ: пелѣ дѣла при Ричѣ, былъ смѣненъ, какъ неспособный человекъ. *£. В.*

цу. Онъ выше средняго роста, плотно, но прекрасно сложенъ, имѣти бодрую и смѣлую осанку и по виду ему не болѣе 35-ти лѣтъ, хотя онъ старѣе. Когда я въ первый разъ увидѣлъ его, на немъ была богатая одежда и вооруженіе, которыя еще болѣе возвышали мужественную его красоту. Голова была убрана черкесскою шапкою краснаго сукна и бѣлой чалмою. На немъ были архалукъ; сверху черкеска краснаго же сукна, обшитая галунами и съ серебряными патронниками, черезъ плечо висѣла шашка; талью обхватывалъ поясъ, за который заткнуты были два пистолета и прищѣпленъ кинжалъ. Таковъ Шамиль.

«Вотъ Имамшаль-Азамн!» шепнули намъ мюриды, подводя къ Шамилю. Онъ взглянулъ на насъ съ неизмѣнной своей улыбкой, но не говорилъ ни слова. Наскучивъ, наконецъ, долгимъ молчаніемъ и любопытными взорами толпы, окружавшей насъ, я сказалъ: «Шамиль! исполняя свою обязанность, мы попали въ плѣнъ и достались тебѣ; теперь мы въ твоихъ рукахъ. Чего желаешь ты? что намѣренъ сдѣлать съ нами? Рѣши поскорѣе участь нашу: объяви намъ, что ждетъ насъ: смерть, плѣнъ, или свобода?» То же самое сказалъ и прапорщикъ А—ъ. «Вы узнаете рѣшеніе мое въ свое время» отвѣчалъ намъ Шамиль: «теперь я занятъ», махнулъ рукой и приказалъ отвести насъ и посадить въ одинъ изъ обывательскихъ домовъ. Дѣйствительно, его ждала тайная депутація изъ Акупи и Цудахара; сверхъ-того, надобно было собирать аманатовъ, сдѣлать необходимыя распоряженія для распространенія шаріата и мюридизма во вновь-завоеванномъ ханствѣ.

Пасъ отвели въ домъ Идриса (?), котораго застали мы въ горькихъ слезахъ, потому-что правовѣрные мюриды, увѣрявшіе, что пришли не для добычи и богатства, ограбили домъ его до послѣдней нитки. Идрисъ, до небесъ превозносившій вчера ночью Шамиля и его сподвижниковъ, не находилъ теперь словъ для выраженія злобы своей. Имамъ дали одну комнату, вогнали насъ троихъ, шесть казаковъ и одного грузина, находившагося при мнѣ; послѣ привели къ намъ еще рядоваго Загорскаго, состоявшаго при подполковникѣ С — ѣ, и двухъ его собственныхъ людей. Шамиль и мюриды поступили со мною не лучше какъ съ Идрисомъ: всѣ мои вещи, платье, золотые часы, двустольное ружье, два пистолета, шашку въ серебряной оправѣ, ковры, персидскую шаль, сверхъ-того, 340 руб. сер. и четыре лошади сдѣлались ихъ добычею. Той же участи подверглись и сотоварищи моего плѣна. Къ намъ приставили караулъ изъ черкеевскихъ жителей (*). Горцамъ Шамиль не вполне довѣряетъ. Я сталъ спрашивать ихъ объ участи моихъ семнадцати нукеровъ. «Имамъ» отвѣчали они «этимъ злодѣямъ ничего болѣе не сдѣлается, какъ велитъ перерубить ихъ пополамъ». Услышавъ это, я подозревалъ къ себѣ одного изъ приближенныхъ Шамиля, по имени Гаджи-Яга

(*) По взятіи сел. Черней, до 200 черкеевскихъ семействъ послѣдовали за Шамилемъ и составляютъ приближенныхъ его; они болѣею частью поселены въ Дардахъ. jѣ. В.

(изъ Чиркея), и просилъ его исходатайствовать у Шамиля прощеніе нукерамъ моимъ, которые ни въ чемъ не виноваты, потому-что я, отправляясь въ Казнкумухъ, насильно взялъ ихъ съ собою проводниками. Я обѣщалъ за это Гаджи сюртукъ мой—болѣе у меня ничего не осталось. Онъ пошелъ къ Шамилю и долго не возвращался. Между тѣмъ слышались частые выстрѣлы; скоро узналъ я, что несчастные нукеры мои кто разстрѣляны, кто изрублены.

«Толпами приходили къ намъ мюриды, проклинали, ругали насъ, плевали и уходили. Наконецъ, вечеромъ, перевели насъ въ домъ, который занималъ Шамиль. Тамъ вогнали насъ въ отхожее мѣсто и приставили къ намъ караулъ. Такъ прошелъ для меня этотъ горестный, вѣчно-незабвенный день 22-го марта.

«На другой день поутру вывели насъ на свѣжій воздухъ. Ко мнѣ подошли два мюрида, которыхъ прочіе горцы встрѣтили съ особеннымъ уваженіемъ; видно было, что они почетныя особы, и въ-самомъ-дѣлѣ, то были любимцы и друзья Шамиля, чохскіе мюриды: Мусса-Аджи и Магмудъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ толпѣ, указывая на меня: «Вотъ этотъ—большая невѣрная собака! онъ отнялъ у насъ до трехъ тысячъ дворовъ Андаляскаго Общества и привелъ ихъ къ присягѣ. Я попрошу Шамиля выдать его мнѣ, чтобы я могъ собственными руками убить его и заслужить себѣ рай. Я долго былъ въ Меккѣ и еще не имѣлъ случая пролить гяурскую кровь».

«Послѣ полуденнаго намаза, который съ благоговѣніемъ совершень былъ Шамилемъ въ присутствіи многихъ почетныхъ лицъ, насъ къ нему потребовали. Онъ вышелъ къ намъ ужъ не въ богатой и опрятной одеждѣ, въ которой я его видѣлъ наканунѣ, а въ грязной, засаленной рубахѣ изъ толстаго бумажнаго холста: вѣроятно и онъ, какъ всѣ горцы, не перемѣняетъ своего бѣлья, пока еще цѣла хоть нитка, или пока оно, полусгнившее, само не спадетъ съ плечъ. Окруженный своими тѣлохранителями, съ готовымъ оружіемъ въ рукахъ, онъ сѣлъ и грозно сказалъ намъ: «если русскіе выдадутъ мнѣ сына, то я отпущу васъ въ Тифлисъ, а въ противномъ случаѣ, изрублю всѣхъ и пошлю въ адъ».—«Шамиль!» отвѣтилъ я ему: «еслибъ было и втрое болѣе, то и тутъ виды правительства не позволили бъ согласиться на твое предложеніе. Государь нашъ цѣнитъ нашу жизнь-, хотя онъ въ одинъ часъ можетъ сотнею другихъ замѣнить cadaго насъ ; но благо государства важнѣе нашей жизни, и потому ты не думай о возможности вымѣнять насъ на своего сына... Лучше требуй отъ насъ, Шамиль, то, что мы или наше начальство въ состояніи сдѣлать. Генераль Фезн взялъ у тебя въ Унцукулѣ до двухсотъ плѣнныхъ : за наше освобожденіе возвратятъ тебѣ нѣсколько челоуѣкъ изъ нихъ. Дѣлай съ нами что хочешь—руби или оставь въ живыхъ, но не питай надежды, что тебѣ выдадутъ сына».

«Онъ улыбнулся и сказалъ : «Хорошо, я васъ не убью ; ступайте въ Дарги : тамъ мы еще поговоримъ». Я представилъ ему, что мы не привыкли ходить пѣшкомъ по этимъ горамъ, что мюриды отняли у насъ лошадей, и просилъ его возвратить ихъ намъ, хоть до Дартовъ. Онъ обѣщалъ исполнить просьбу нашу. Но эти варвары не

дали намъ лошадей, не допустили насъ жаловаться Шамилю, и мы принуждены были идти пѣшкомъ.

«23-го марта, насъ (всего тринадцать человѣкъ) отправили изъ Ка-Зикумуха въ селеніе Даргп. По довольно-удобной дорогѣ достигли мы пограничнаго селенія Бухты, гдѣ я встрѣтилъ многихъ кунаковъ. Всѣ искренно сожалѣли о моемъ несчастіи, жаловались и проклинали мюридовъ. До вторженія горцевъ, казикумухцы были довольны своимъ положеніемъ: хлѣбопашество и скотоводство, хотя неизобильныя, но совершенно удовлетворяли ихъ потребностямъ, а теперь вездѣ были видны слѣды опустошенія: мюриды ограбили жителей и истребили всѣ ихъ запасы. Изъ Бухты мы направились къ селенію Сугратль, куда ведетъ хорошая арбяная дорога; она поднимается сперва въ гору, идетъ потомъ по гребню, гдѣ есть родникъ, а оттуда спускается отлого къ селенію. Я съ любопытствомъ разсматривалъ это мѣсто, считающееся неприступнымъ и извѣстное пораженіемъ, которое горцы нанесли тутъ Надирь-Шаху персидскому, въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Онъ осаждалъ и атаковалъ Сугратль снизу, изъ ущелья, что дѣйствительно сопряжено съ большими затрудненіями и можетъ повлечь за собою гибель войска; между-тѣмъ какъ, приближаясь со стороны селенія Бухты, по дорогѣ совершенно-проходимой даже для тяжелыхъ орудій, и занявъ ближайшія высоты, можно завладѣть Сугратлемъ одною артиллеріею, для которой, по отлогой покато-сти, склоняющейся къ самому селенію, дѣйствіе весьма-удобно. Пройдя сугратльскіе хутора по страшнымъ крутизнамъ и совершенно-неразработанной дорогѣ, мы спустились къ деревнѣ Унтибъ, которая самою природою сильно защищена. Она лежитъ въ глубокой пропасти и окружена высокими утесистыми скалами, такъ-что, по словамъ жителей, лучи солнца, исключая лѣта, не достигаютъ деревни. Впрочемъ, это мѣсто не имѣетъ никакой важности въ военномъ отношеніи. Въ Унтибѣ мы ночевали. Съ разсвѣтомъ погнали насъ къ селенію Рогужи (Ругджава). Переходъ этотъ, по крутизнѣ спусковъ и подъёмовъ, крайне-затруднителенъ даже для пѣшихъ, а для верховыхъ почти невозможенъ: лошади безпрестанно падаютъ, ломаютъ ноги и разбиваются о скалы. Такъ дорога идетъ почти до рогужскихъ мельницъ, а оттуда по большому, но отло-гому подъему достигаетъ самого селенія.

Изъ Рогужи ясно обрисовывается Бунибская Гора; она совершенно отдѣлена отъ прочихъ горъ, Карахскою и притомъ Авирской-Койсу и высокими обрывистыми скалами, которыя дѣлаютъ ее совершенно-недоступною; она имѣетъ при подошвѣ до сорока верстъ въ окружности, отъ двухъ до четырехъ верстъ высоты. Вершина ея, какъ-будто срѣзана и чрезъ это образовалась возвышенная плоскость, имѣющая до двадцати-пяти верстъ въ окружности; тамъ у жителей пастбища, пашни, луга, лѣсъ, вода и мельницы—однимъ словомъ, все лезгинское хозяйство. Къ сторонѣ, обращенной къ Карахской-Койсу, на уступѣ, почти на половинѣ высоты всей горы, лежитъ деревня Гунибъ, имѣющая до ста-пятидесяти дворовъ; три, едва-замѣтныя тропинки ведутъ на эту гору: одна отъ Рогужи, другая отъ Хиндаха

и Хуточиба, а южнѣ ея, третья, отъ Каракской-Койсу. Можеть-быть, есть и еще тропинки отъ Карады и Нуяды, но 0 Шіхъ неизвѣстно. Большою частью деньгами, отобранными у подполковника С—а, прапорщика А—а и у меня, также вырученными изъ распродажи вещей, Шамиль укрѣпилъ деревню и гору Гуннбъ, перепортилъ тропинки и намѣренъ былъ перевести туда (когда генераль Граббе подступалъ къ Даргамъ) семейство и имущество свое. Самъ же онъ врядъ-ли рѣшился бъ заключиться въ эту деревню, или въ подобное мѣсто, потому-что взятіе Тилитля и Ахульго сдѣлало его болѣе-осторожнымъ и убѣдило, что отъ русскихъ трудно найдти недоступное убѣжище ; онъ увѣренъ, что если запрется въ такое мѣсто, то, рано или поздно, блокада или штурмъ принудятъ его сдать-ся или погибнуть ; оттого-то онъ и не защищался въ Чпркеѣ. Шамиль самъ говорилъ мюридамъ своимъ, что никогда не будетъ держаться въ такомъ мѣстѣ, которое русскіе будутъ осаждать или брать приступомъ.

«Изъ Рогужи мы послѣдовали въ Тилитль и, переночевавъ въ этомъ селеніи, съ разсвѣтомъ выступили въ Голотль, лежащее отъ Тилитля въ восьми верстахъ. Дорога туда разработана русскими въ 1837 году и идетъ по отлогому спуску внизъ до самаго Голотля. Тутъ нашли мы, противъ хунзахскаго спуска, довольно-сильный караулъ горцевъ, а на противоположной вершинѣ обрывистой горы стоялъ ахмедханскій караулъ, наблюдавшій съ своей стороны за Голотлемъ и за горами. Вѣроятно, онъ могъ видѣть слѣдованіе нашей толпы, не зная, что въ ней русскіе плѣнные. Сильно забились сердца наши при видѣ этихъ сторожевыхъ: мы ожидали ихъ помощи и намъ ужъ казалось, что будто они готовыя выручить насъ; но это была лишь обмачивая мечта. Въ Голотль конвой нашъ увеличился, и намъ строго запретили смотрѣть на Хунзахскую Гору, гдѣ стоялъ нашъ караулъ. Почти бѣгомъ принуждены мы были удалиться, направляясь по лѣвому берегу Аварской-Койсу, по узкой и обрывистой дорогѣ, гдѣ безпрестанно приходилось то подыматься, то спускаться, и гдѣ лошади и ослы съ трудомъ двигались. Пройдя часть Хидатлпнскаго Общества, мы переправились черезъ быструю рѣчку, повернули вправо, оставивъ Аварскую Койсу позади себя, шли потомъ по ущелью и наконецъ, вечеромъ, достигли селенія Батлуха, находящагося въ тридцати-пяти или сорока верстахъ отъ Тилитля и въ тридцати отъ Хунзаха. Селеніе это лежитъ у подошвы одной изъ скалъ, круто-опоясывающихъ всю почти Аварію, сперва вдоль Аварской Койсу, потомъ мимо Аухвахскаго и Каратинскаго Обществъ.

«На ночлегъ насъ, измученныхъ трудною дорогою, усталостью и голодомъ, заперли въ сарай, въ которомъ мы всю ночь дрожали отъ холода. На другой день, варвары-горцы, мало заботясь о нашемъ положеніи, повели насъ дальше. Перейдя хребетъ Ауховскихъ Горъ, покрытый снѣгомъ, мы къ вечеру прибыли къ селенію Аухвахъ, отъ котораго все общество носитъ наименованіе свое. Трудно описать и съ чѣмъ-нибудь сравнить бѣдность здѣшнихъ жителей : вся одежда ихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ длинной тол-

стой шерстиной рубашки и накинутаю на нее бараньей шубы. Аухвахцы говорить на языкѣ, который совершенно-непохожъ ни на языкъ другихъ племенъ, ни на аварскій, господствующій во всемъ Дагестанѣ. Горцы, вообще каждое племя, имѣють свое особое нарѣчіе, но большею частью говорить и поарабски. Аухвахцы непохожи и по наружности на другихъ горцевъ : они бѣлокуры и рыжеволосы. Узнавъ о прибытіи нашемъ, жители сбѣжались со всѣхъ сторонъ, чтобъ посмотреть на насъ. Одна изъ женщинъ подошла ко мнѣ и спросила меня погрузински, не грузинъ ли я. На утвердительный отвѣтъ, она рассказала мнѣ, что и она грузинка, ведена въ плѣнъ изъ кахетинской деревни Артана и отдана замужъ за русскаго бѣлаго солдата, ужъ пятнадцать лѣтъ здѣсь проживающаго. Вечеромъ пришелъ къ намъ старикъ, также бѣглый солдатъ изъ Дербента, еще при Зубовѣ, за сорокъ-шесть лѣтъ передъ симъ оставившій ряды свои. Онъ подвелъ ко мнѣ сына своего и хвалилъ его, какъ ухорскаго молодца, который за хорошія деньги можетъ скрыть меня и доставить въ Хунзахъ, если только я успѣю бѣжать отъ караульныхъ и прійду на такую-то мельницу, которую онъ тутъ же указалъ мнѣ. Какъ не попытаться? Надежда освободиться прельстила меня, и я приготовился бѣжать; но лезгины узнали о моемъ намѣреніи и сковали мнѣ ноги кандалами.

«Выступивъ изъ Аухвахы, мы пошли по весьма-удобной дорогѣ и, миновавъ нѣсколько деревень этого общества, черезъ часть достигли извѣстнаго своею неприступностью сел. Караты, которое имѣетъ до 500 или до 600 дворовъ, лежитъ на горѣ и совершенно отдѣлено отъ противоположныхъ Аварскихъ Горъ большимъ оврагомъ съ крутыми, обрывистыми боками. Къ Карату ведетъ одна только дорожка, которая проходитъ между двумя отвѣсными скалами, отстоящими одна отъ другой сажени на три и соединенными между собою крѣпкою стѣной, въ которой пробиты ворота и устроена особенная башня, или караульня, гдѣ во всякое время находится нѣсколько сторожевыхъ, которые въ этомъ проходѣ могутъ удержатъ даже большой отрядъ. Противъ Караты, на Аварскихъ Горахъ, лежатъ деревни Каратинскаго же Общества, взятые и сожженные генераломъ Фези. Каратинцы разобрали насъ по домамъ и покормили, кто какъ могъ. Изъ нихъ многіе бывали въ Тифлисѣ и знали тамъ нашу Фамилію. Въ Каратѣ я встрѣтилъ много несчастныхъ грузинскихъ мальчиковъ, украденныхъ лезгинами изъ Кахетіи. Увидѣвъ своего соотечественника и вспомнивъ родину, они горько заплакали. Жители Каратинскаго Общества говорить на боголальскомъ языкѣ, совершенно-различномъ отъ аухвахскаго и отъ аварскаго. По довольно-хорошей дорогѣ мы продолжали слѣдованіе свое изъ Караты въ Андію; перейдя горы и отдохнувъ въ Инхвалѣ, лежащей при впаденіи небольшой рѣчки въ Андійскую Койсу, мы переправились черезъ послѣднюю и ночевали въ дер. Квонхидатлѣ, въ десяти верстахъ отъ Караты. Въ этой деревнѣ выдѣлывается хорошая соль, добываемая жителями изъ соляныхъ родниковъ, текущихъ изъ горъ. Въ Инхвалѣ и Квонхидатлѣ до 300 дворовъ. Обѣ деревни принадлежатъ Технучальскому Обще-

ству, которое имѣть также свой собственный языкъ. На другой день, съ разсвѣтомъ, отправились мы далѣе, въ Андію. Пройдя верстъ пять по лѣвому берегу Андійскаго Койсу, мы повернули влѣво къ деревнѣ Моно, гдѣ множество Фруктовыхъ садовъ и до 150 дворовъ. Отсюда до первой андійской деревни дорога идетъ по возвышенной известковой плоскости, потомъ спускается въ ущелье, по которому текутъ собственно Андійская (*) и Гогатлинская Рѣчн. Къ вечеру прибыли мы въ селеніе Анди, гдѣ застали казикумухскихъ аманатовъ, присланныхъ туда Шамилемъ. Между ними были : казикумухскій правитель Махмудъ-Бекъ, братъ его Джабраиль Аббасъ-Бекъ, сынъ Гарунъ-Бека, мирза Зоко и другіе.

«На другой день погнали насъ къ селенію Дарги. Весь переходъ туда удобенъ для провоза всякихъ тяжестей. Сперва дорога поднимается версты на четыре вверхъ, до гребня Земляныхъ Горъ. Тутъ андійцы имѣютъ свой хутора, сѣнокосы и пастбища. Пройдя верстъ восемь или девять отъ Анди, встрѣчаются на гребнѣ два небольшіе родника; отъ нихъ верстахъ въ трехъ начинается спускъ и продолжается версты двѣ. У подошвы его выбивается довольно-большой ключъ воды. Отсюда идетъ между огромными скалами лѣсистое Даргинское Ущелье, гдѣ беретъ начало р. Аксай (потатарски Агсу, что значить бѣлая рѣка и бѣлая вода); пройдя по ущелью версты три или четыре, открывается чистая равнина, окружающая селеніе Дарги верстъ на пять и болѣе во всѣ стороны, до селенія Боя ни, отсюда до Цувантерн-, потомъ до Болгнта и кругомъ до выхода изъ ущелья.

А-ер
Зюмтара
Таджикъ

«31-го марта, часа въ четыре пополудни, достигли мы наконецъ мѣста нашего заточенія. Все селеніе : мужчины, женщины и дѣти вышли къ намъ на встрѣчу, воспѣвая съ обычнымъ привѣтомъ: «ля-илляхъ-иль-аллахъ», благодарственные гимны Творцу вселенной, даровавшему Шамилю счастливое овладѣніе Казикумухомъ и взятіе въ плѣнъ многихъ невѣрныхъ. Насъ привели въ домъ Шамиля, гдѣ, какъ онъ самъ обѣщался, пріймутъ хорошо; и дѣйствительно, первая жена его, по имени *Патишатъ*, приказала тотчасъ же зарѣзать барана и выпечь пшеничнаго хлѣба. По этому пріему мы ожидали, что съ нами намѣрены обходиться челоувѣколюбиво, но горько ошиблись. На другой день, мюриды повели насъ за деревню, въ какой-то сарай; здѣсь показали намъ темную яму и сказали : «Тутъ будете вы сидѣть, пока не пришлютъ сына Шамиля, или пока издохнете, какъ христіанскія свиньи». А—ъ первый спустился въ яму, за нимъ я, а потомъ и всѣ прочіе. На днѣ встрѣтилъ насъ звукъ цѣпей; тамъ нашли мы скованнаго армянина изъ Кизляра, пойманнаго чеченцами на дорогѣ между Кизляромъ и Моздокомъ.

«Яма, сдѣлавшаяся нашею темницей, имѣла сажень глубины и около

(*) Рѣка, называемая у насъ Андійскою Койсу, не омываетъ ни одной андійской деревни и течетъ отъ Андійскаго Общества верстахъ въ тридцати или пятидесяти, а потому названіе это ошибочно. Тушины говорятъ, что она имѣетъ начало свое въ горахъ Тулетіи, и называютъ ее потому Тушинскою Адазашло.

полторы въ ширину, такъ-что, ложась спать, мы принуждены были класть ноги другъ на друга; теченіе воздуха производилось черезъ единственное отверстіе, въ которое мы спустились; на ночь оно прикрывалось дверцами, запиравшимися на замокъ. Надъ самою ямой выстроенъ былъ сарай или, лучше сказать, караульный домъ, что совершенно лишало насъ свѣжаго воздуха. Вслѣдъ за нами привели молодаго чеченца, обвиненнаго въ смертоубійствѣ. Такимъ-образомъ насъ было всего 15 человекъ, которыхъ никуда не выпускали, даже для естественныхъ потребностей. Легко представить себѣ, какъ страдали мы въ этой темной ямѣ, какъ задыхались отъ сжатаго, испорченнаго воздуха— и такъ провели мы почти безвыходно три недѣли. Намъ давали въ сутки по три хинкала (куска) варенаго тѣста изъ кукурузы, вѣсомъ въ полфунта — пища непитательная, безвкусная и только достаточная, чтобъ не умереть съ голода.

«Дня черезъ три, пріѣхалъ къ намъ кадіи селенія Даргн, по имени Нур-Махма, изъ черкеевскихъ выходцевъ. Онъ приказалъ вывести насъ изъ ямы, обобралъ послѣднее наше платье и оставилъ въ однѣхъ только *рубашкахъ*. Увидѣвъ на мнѣ серебряный образъ св. Георгія, съ мощами — благословеніе матери моей, онъ съ остервенѣніемъ сорвалъ его съ меня, обругалъ и оплевалъ его, потомъ содралъ серебро и положилъ въ карманъ, а изображение святаго бросилъ въ огонь. Оковавъ мнѣ и А—у ноги *кандалами*, снова заключили въ яму. Послѣ этого посѣщенія, насъ стали кормить еще хуже, такъ-что мы терпѣли мучительный голодъ. Наконецъ, чрезъ нѣсколько дней, возвратился въ Дарги и самъ Шамиль. Мы ждали облегченія нашего положенія, но тщетно. Разъ прислалъ онъ къ намъ бумагу, чернила и перо и приказалъ написать правительству нашему объ условіяхъ, на которыхъ онъ намѣренъ освободить насъ, то-есть, чтобъ ему возвратили: за подполковника С—а сына, за меня—племянника, за прапорщика А—а сына Али-Бека, изъ Ахульго, а за прочихъ — по два плѣнныхъ, взятыхъ въ томъ же селеніи. Мы долго отказывались и снова представляли о несбыточности такого требованія; наконецъ, принуждены были повиноваться. Письмо это было отправлено въ Темир-Хан-Шуру къ генерал-майору Фон-Клугену.

«Такъ жили мы въ этой ямѣ, безъ свѣта, безъ утра и вечера. Только голосъ муллы, призывавшаго жителей селенія къ утренней и вечерней молитвѣ, возвѣщалъ и намъ о новомъ днѣ, о наступленіи ночи. Мы слѣдили тщательно за ходомъ времени; приближалось свѣтлое Христово воскресеніе. Наступило 19-е апрѣля. Муссеймъ призывалъ правовѣрныхъ къ утреннему намазу. Разбудивъ одинъ другаго, мы встали, совершили теплую молитву, отпѣли «Христосъ воскресъ» и грустно привѣтствовали другъ друга. Въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ прошелъ для насъ этотъ день свѣтлаго праздника, встрѣченный и проведенный нами подъ землею.

Но праздникъ этотъ остался для насъ памятнымъ событіемъ, которое угрожало намъ оставить насъ навѣки подъ землею. На другой или на третій день (не помню) пошелъ снѣгъ, потомъ поднялась ужаснѣйшая буря; домикъ, стоявшій надъ ямою, свалился, закрылъ

отверстіе и задавилъ паденіемъ своимъ двухъ караульныхъ ; третій успѣлъ выскочить и побѣжалъ въ Дарги дать знать объ этомъ происшествіи. Между-тѣмъ мы были въ отчаянномъ положеніи : *воздухъ* совершенно сперся и ложился камнемъ на грудь, дыханіе становилось съ каждою минутою болѣе-и-болѣе затруднительнымъ , наконецъ сдѣлалось почти невозможнымъ ; нѣкоторые изъ насъ упали въ обморокъ. Еще четверть часа—и мы всѣ задохлисьбы, но, къ-счастью, поспѣшили жители и спасли насъ отъ самой мучительной смерти ; они разгребли отверстіе, вывели насъ на свѣжій воздухъ и заставили вычистить яму. Тщетно просили мы Шамиля перевести насъ въ какой-нибудь сарай или домъ — ничто не помогло : насъ погнали опять въ яму, надъ которою выстроили новую, болѣе-крѣпкую караульную, окопавъ ее, сверхъ-того, рвомъ. На ночь карауль нашъ усиливался; въ ненастную погоду сторожевые входили въ домъ — обстоятельство, которое потомъ помогло намъ при бѣгствѣ.

«Въ первыхъ числахъ мая Шамиль получилъ увѣдомленіе, что небольшой отрядъ русскихъ разбилъ при Рачѣ горцевъ подъ начальствомъ Гаджи-Яги и Абдурахман-Дибиря (карахскаго наиба). Вслѣдствіе чего Шамиль приказалъ наibaмъ Чечни и Ауха, то-есть ичке-¹Вънхн Vринскому Шуезгъ, шубутовском-у Джаватъ-Хану, аухонг-кому Улу-Бею и Большой Чечни Ихверды Магомету, собрать отборной коіни-цы 500 человекъ. Въ нѣсколько дней она изготавилась и должна была, подъ начальствомъ Ахверды Магомета, отправиться въ Казикумухское Ханство. По этому случаю помянутые наibaы Чечни прибыли въ Дарги и, съ позволенія Шамиля, пришли, въ сопровожденіи тѣлохранителей своихъ , посмотрѣть на насъ. Насъ вывели изъ ямы и представили имъ. Такимъ-образомъ познакомился я съ нѣкоторыми изъ сподвижниковъ Шамиля.

«Ахверды-Магометъ, мужчина средняго роста, около сорока лѣтъ; въ чертахъ лица его изображается доброта и хладнокровіе; плотное тѣлосложеніе показываетъ силу и здоровье; онъ одѣвается лучше прочихъ чеченскихъ начальниковъ. Въ горахъ и Чечнѣ славятся мужественная его храбрость, неутомимая дѣятельность и удачные набѣги.

«Шуембъ небольшого роста, лицо смуглое съ небольшими рябинками , ловкій во всѣхъ пріемахъ и въ особенности верхомъ. Онъ извѣстенъ , какъ человекъ съ хитрымъ и бойкимъ умомъ , какъ отличный рубака, лихой наѣздникъ и искусный предводитель въ бою.

«Улу-Бей молодой человекъ , болѣе двадцати-пяти или, много, тридцати лѣтъ, хорошъ лицомъ и сложеніемъ. Смѣлые набѣги и отличная храбрость поставили его на-ряду съ предыдущими; самъ же онъ ставитъ себя выше Шуемба, котораго вообще (какъ можно было замѣтить изъ нѣкоторыхъ выраженій , произнесенныхъ въ нашемъ присутствіи) не очень жалуешь и уважаетъ. Какъ Улу-Бей, такъ и Шуембъ имѣли на груди , выше патронниковъ , серебряныя пяти-угольныя звѣзды.

«Джаватъ-Хана не было съ ними; онъ страдалъ отъ раны , которая и была впослѣдствіи причиною его смерти.

«Шуембъ и Улу-Бей ругали передъ нами русскихъ, говорили, что

Вънхн

Шуембъ и Улу-Бей
предводители

Шамиль, взявъ насъ въ плѣнъ , доберется теперь до Клугеиау и до Граббе, а потомъ (если Богъ поможетъ) возьметъ въ Тифлисъ и самого сардаря , истребитъ гяурское войско и приведетъ къ намъ на собесѣдничество въ яму богатыхъ армянъ , грузинъ и русскихъ. Эта хвастливая выходка сопровождалась общимъ хохотомъ. Ахверды-Магометъ не принималъ участія въ этомъ разговорѣ, подошелъ потомъ ко мнѣ и къ А—у, сѣлъ и пригласилъ насъ то же сдѣлать, сказавъ: «за васъ, друзья, Шамиль проситъ сына своего, котораго онъ нѣжно любить ; онъ надѣется получить его и потому держать васъ въ такомъ мѣстѣ , откуда вамъ трудно бѣжать ; а чтобъ вы убѣдительно просили и чтобъ начальство ваше, зная ваше несчастное положеніе , легче склонилось на его требованіе , онъ скудно кормитъ васъ; но вы военные, и не должны терять твердости духа, терпѣнія и мужества. Богу угодно наказать васъ, и Онъ наказалъ; угодно будетъ Ему спасти васъ, Онъ спасетъ, а потому не унывайте и сохраняйте бодрость душевную. Посмотрите на меня и Шамиля : сколько уже бѣдствій претерпѣли мы, сколько ранъ покрываютъ тѣло наше, сколько разъ мы были въ когтяхъ смерти въ Гимрахъ, въ Тилнтлѣ, въ Ахульго!.. Въ послѣднемъ, видя , что намъ нѣтъ тутъ спасенія отъ русскихъ , мы собрали до ста-пятидесяти человѣкъ надежнѣйшихъ мюридовъ , взяли семейство Шамиля , состоявшее изъ двухъ женъ и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ раненый, третій, старшій (*) переданъ былъ уже генералу Граббе , спустили другъ друга на веревкахъ по ужаснымъ скатистымъ обрывамъ на берегъ Койсу и , съ шашками въ рукахъ, бросились на вашу цѣпь ; бой былъ отчаянный. Одна изъ женъ имама убита и брошена тутъ на мѣстѣ ; другой сынъ раненъ картечью ; мы взяли обоихъ на плечи и наконецъ пробились, оставивъ изъ ста-пятидесяти девяносто-пяти человѣкъ убитыми. Мало ли мы испытали горя и не отъ однихъ только русскихъ , но даже отъ своихъ, мусульманъ, противившихся принять и исполнять шаріатъ! Но твердо и мужественно преодолевали мы всѣ бѣдствія, и теперь, какъ видите, находимся въ лучшемъ положеніи. Богъ великъ! Никто не знаетъ, чтб еще предстоитъ намъ. Да будетъ Его воля, безъ которой ничего не дѣлается. Такъ и вы теперь въ несчастій, но, дасть Богъ, оно пройдетъ — и вы будете наслаждаться новымъ счастьемъ.

«Такой образъ мыслей дикаго горца и эти простыя , утѣшительныя слова въ устахъ Ахверды-Магомета глубоко поразили и тронули насъ. Мы поблагодарили его за участіе и стали просить его исходатайствовать у Шамиля облегченія нашей участи. «Если Шамиль (сказать я ему) держалъ насъ прежде, худо съ тѣмъ, чтобъ лучше описали свою мучительную неволю и тѣмъ скорѣе убѣдили начальство выдать ему сына и прочихъ, то зачѣмъ онъ теперь, когда ужъ отправлено наше прошеніе , не облегчитъ нашего положенія? Если онъ боится бѣгства нашего и не хочетъ вывести изъ этой ямы, такъ пусть ио-крайнен-мѣрѣ не морить съ голода. Мы не просили

(*) Джебдіа-іъ-Эддиинъ.

лучшей пищи, а только хоть немного-побольше. Развѣ такъ русскіе содержатъ вашихъ плѣнныхъ ? Имъ отпускается , смотря по званію и достоинству ихъ , достаточное содержаніе, такъ-что они ни въ чемъ не терпятъ нужды.

— «Знаю, любезный, знаю хорошо! сказала Ахметъ-Магомедъ, и обѣщала просить Шамиля прибавить намъ хинкаловъ.

«Но вѣрно Шамиль не согласился: просьба наша не исполнилась и положеніе не измѣнилось.

«Впрочемъ, Ахверды-Магомедъ не на однихъ только словахъ показалъ душевную доброту свою. При прощаніи съ нами , онъ , съ позволенія Шамиля , далъ мнѣ и А—у по одному рублю сер. Насъ мучилъ голодъ и мы приняли съ признательностью его подарокъ. Въ нашихъ обстоятельствахъ эти два рубля были намъ дороже двухъ тысячъ въ другое время. Какъ радовались мы имъ, въ надеждѣ подкрѣпить себя и товарищей лучшею пищею! Но напрасная радость: гнусные караульщики наши, взявъ деньги , спрятали ихъ и бросили намъ въ замѣнъ десять небольшихъ лепешекъ изъ кукурузы, съ кускомъ свѣчнаго сала. Тщетно мы умоляли ихъ купить намъ сколько-нибудь мяса: они и слушать насъ не хотѣли. Обманутое ожиданіе , голодъ и негодованіе страшно терзали тѣло и душу.

«На другой день Ахверды - Магомедъ выступилъ съ чеченскою конницею, и мы ужъ не видались съ нимъ до возвращенія его изъ иггалинского дѣла, гдѣ онъ снова отличился.

«Пріѣзжали къ намъ и прочіе наибы, какъ-то: андійскій кадій, гумботовскіи *Абакаръ-Дибиръ*, тлохскіи *Гадэю-Муратъ* , *Кіалальскій* и *Сурхай*, андалальскій и тплтлннскій *Кибитъ-Маюметъ* и проч.

«Въ половинѣ мая горцы двинулись къ Казикумуху ; за ними выѣхалъ туда же и самъ Шамиль , оставивъ Чечню въ распоряженіи Шуемба и Улу-Бая, на которыхъ онъ надѣялся какъ на самого себя. Въ концѣ этого мѣсяца даргинцы начали поговаривать , что русскіе идутъ въ Чечню.

«1-го іюня генераль Граббе вступилъ въ ичкеринскіе лѣса. Съ каждымъ днемъ гулъ пальбы доходилъ явственнѣе до насъ; казалось, что лучъ свободы озаряетъ уже темницу нашу; но скоро потеряли мы надежду увидѣть нашихъ въ селеніи Даргахъ. Молодой чеченецъ, сидѣвшій съ нами за смертоубійство , получилъ отъ своей сестры, которая раза три въ день приходила къ нему съ кушаньемъ , подробныя извѣстія о ходѣ дѣлъ и разныхъ случаяхъ; отъ него узнали мы обо всемъ. Онъ за себя и за насъ душевно сожалѣлъ, что русскіе пошли по непроходимымъ и безводнымъ лѣсамъ , и говорилъ, что еслибъ наши войска пошли къ селенію Баяни , по дорогѣ нѣсколько уже разработанной , то они успѣли бы въ своемъ предпріятіи; что тогда онъ вмѣстѣ съ нами бѣжалъ бы, указавъ намъ дорогу, и мы всѣ спаслись бы, но что теперь на это онъ не можетъ рѣшиться потому, что можно навѣрно сказать , что русскіе не достигнутъ Дарговъ; Шамиль возвратится изъ Казкумуха, сдѣлается снова обладателемъ Чечни, и что тогда семейство его, родители, братья и сестры падутъ мертвыми за его бѣгство.

«Шуембъ и Улу-Бей встрѣтили генерала Граббе съ ичкеринцами и аухавцами ; прочіе не поспѣли или не хотѣли участвовать; мы сами видѣли до ста человекъ андійцевъ , спокойію-оставшихся въ Дартахъ. Оба наибо непрерывно посылали къ семейству Шамиля съ просьбою переселиться въ Андію или въ дальнѣйшія горы Дагестана; они приказывали сказать, что будутъ защищаться до послѣдняго дыханія, что русскимъ нѣтъ почти возожности дойти до Дарговъ, но что, при всемъ томъ, нельзя за все ручаться, потому-что генералъ Граббе, если захочетъ, настоить на своемъ, несмотря ни на какую потерю. Это общее мнѣніе всѣхъ горцевъ о генералѣ Граббе, и убѣжденіе это такъ пугало чеченцевъ , что они хотя и полагали , что русскіе никогда не дойдутъ по этой дорогѣ до Дарговъ , однакожь начали переселиться въ безопаснѣйшія мѣста. Семейство Шамиля, со всѣмъ имуществомъ его, переѣхало въ Андію.

«Послѣ отъѣзда его, собрались мюриды въ домѣ надъ нашею ямою и начали совѣтоваться, чтб дѣлать съ нами теперь, когда русскіе подходят и каждый долженъ думать о собственной безопасности ? Чтб дѣлать ? закричалъ двоюродный братъ Шамиля , гимринскій абрекъ Ибрагимъ : «русскіе же бьютъ теперь нашихъ мусульманъ; убьемъ же и мы единовѣрцевъ ихъ, плѣнныхъ свиней нашихъ: этимъ отомстимъ за братьевъ нашихъ, сдѣлаемъ Богу угодное дѣло и спасемъ души наши». Мы все это слышали; слышали также, какъ даргинскій кадій приказалъ мюридамъ приготовить оружіе и выводить насъ поодинокѣ. Казалось, настала послѣдняя минута жизни нашей. Но еще разъ смерть миновала насъ.

«Къ счастью нашему, въ это время подошелъ къ мюридамъ, рѣшившимъ участь нашу, одинъ изъ казикумухскихъ бѣглецовъ. Услышавъ о намѣреніи ихъ , онъ представилъ имъ, что нѣзачѣмъ убивать насъ, а лучше дать голымъ богомольцамъ по штукѣ бумажнаго холста (*) и они отведутъ насъ въ Андію и дальше; что Шамиль, если захочетъ насъ продать, получить, по-крайней-мѣрѣ, въ десять разъ болѣе. Мюриды убѣдились его совѣтами, приказали вывести насъ изъ ямы и отправили съ богомольцами въ селеніе Анди. Выйдя на воз-

(*) Этотъ разноцвѣтный холстъ привозится въ горы съ разныхъ сторонъ: изъ Джаро-Вѣлоканскаго Уѣзда чрезъ Анкратльцевъ , изъ Тифлиса вывозятъ его казикумухцы и чохцы ; акушинцы и цудахаринцы доставляютъ его изъ Дербента ; актинцы , рутульцы и проч. изъ Кубы, чрезъ жидовъ; Аварія, Гумбетъ и Койсубу изъ Темир-Хан-Шуры. Въ Чечню привозятъ его тайкомъ мирные жители кумыхскихъ владѣній ; тутъ же доставляется этотъ предметъ изъ Внезапной, Аксая, Грозной и Владикавказа. Штука такого холста продается по одному рублю сер.; онъ въ большемъ употребленіи потому, что по шаріату не позволяется носить шелкъ. Умный шѣфи (*), къ сектѣ котораго принадлежитъ весь Дагестанъ , дабы отклонить бѣдныхъ горцевъ отъ всѣхъ предметовъ роскоши, постановилъ, что употребленіе шелка и золота на платьѣ и оружіи — величайшій грѣхъ, даже запретилъ послѣдователямъ своимъ имѣть вдругъ всю новую одежду.

(*) Сунниты, какъ извѣстно , раздѣляются па четыре секты : шач>и , апа ып, малакп, ала.ш. Дагестанцы принадлежать къ первой.

духъ , мы своими глазами видѣли облака дыма надъ ичкерійскими лѣсами ; пушечные выстрѣлы были ясно слышны ; ружейная пальба сливалась въ одинъ гулъ.

«Мы прибыли въ Андію. Жители этого селенія, за исключеніемъ чело-
вѣкъ тридцати, самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, всѣ радостно ожи-
дали прибытія русскихъ ; но такъ же мало надѣялись , что генералу
Граббе удастся проникнуть до Дарговъ и чрезъ горы по взятому
ими направленію. Андійцы по двумъ причинамъ желали увидѣть у
себя русскихъ. Одна состояла въ томъ , что они были крайне-стѣ-
снены въ средствахъ къ пропитанію, потому-что имъ теперь не куда
сбывать свои бурки съ-тѣхъ-поръ , какъ имъ запрещено являться
въ мѣстахъ, нами занятыхъ. Они никогда не обращали большаго вни-
манія на земледѣліе, а всегда занимались выдѣлываніемъ бурокъ, из-
вѣстныхъ по добротѣ свой во всемъ Кавказскомъ Краѣ. Они сбывали
ихъ по 5, 10 и даже 20 р. во весь Дагестанъ, въ Тифлисъ и во всю
Грузію. Тутъ закупали они по дешевымъ цѣнамъ бумажныя матеріи
и другіе предметы, необходимые для горцевъ, перепродавали ихъ въ
Дагестанъ и въ горахъ вдвое и втрое дороже, и этими оборотами
снискивали себѣ безбѣдный хлѣбъ и достаточное содержаніе на весь
годъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, они улучшали и распространяли овцеводство,
какъ первый источникъ своихъ доходовъ. Теперь же они не имѣютъ
никакого сбыта и, при запрещенномъ земледѣліи, терпятъ крайнюю
нужду. Вторая причина та, что они ненавидятъ Шамиля, который,
не довѣряя имъ, жестоко обращается съ ними и уже казнилъ весь-
ма-многихъ изъ почетнѣйшихъ жителей этого общества. Но при
всемъ ожесточеніи своемъ противъ имама , они скованы страхомъ,
и не смѣютъ ничего предпринять, а ждутъ прибытія русскихъ, чтобъ
вернуть ненавистное иго и поправить бѣдственное свое положеніе.
Узнавъ объ отступленіи генерала Граббе, они пришли къ намъ и пе-
чально сказали : «Мы ожидали вашихъ и встрѣтили бы вмѣстѣ съ
вами русскихъ съ хлѣбомъ и солью ; обстоятельства благопріятство-
вали: Шамиля здѣсь нѣтъ и никто не препятствовалъ бы намъ. На
насъ генераль не могъ достовѣрно полагаться: дѣйствительно, дойди
русскіе хоть до Дарговъ , мы вышли бы къ нимъ на встрѣчу, какъ
пріятели; но кто могъ ручаться имъ за то ? вѣдь мы также могли бы
въ страшномъ ущеліи, идущемъ отъ Дарговъ къ хребту, встрѣтить
ихъ съ оружіемъ въ рукахъ , и тогда они утонули бы въ собствен-
ной своей крови ; положимъ даже, что, потерявъ своихъ тысячь пять
или шесть, вы успѣли бы занять ущелье, къ тому времени подоспѣлъ
бы Шамиль и спустился бы на васъ съ гребня горъ , а сзади васъ
собрались бы Чеченцы, и тогда вы легли бы на мѣстѣ до послѣдняго,
и не осталось бы живой души увѣдомить о вашей гидели. Вамъ бы
слѣдовало идти изъ Черкея, чрезъ Даиуль, Аргуани и Мехельту; вы
не встрѣтили бы тамъ большихъ препятствій ни отъ жителей , ни
отъ природы. Дарги и Чечня покорились бы вамъ безъ большаго
сопротивленія».

«Слова эти глубоко врѣзались въ мою память, и потому впослѣд-
ствіи, во время бѣгства своего и нахождения въ Гумбетѣ, и нако-

нецъ при освобожденіи, я разсматривалъ со всѣмъ вниманіемъ дороги и мѣстность, и убѣдился, что Гумбетомъ и Андіею легко овладѣть; что Чечня не можетъ держаться, когда мы изъ Андій спустимся въ нее съ гребня горъ; что *Глохъ*, часть Технучальскаго Общества, Карата, Аухвахъ и Ботлухъ—все пространство до лѣваго берега Аварскаго Койсу покорится, и укрѣпивъ тогда безъ большихъ усилій важнѣйшія мѣста, мы станемъ въ дагестанскихъ горахъ твердою ногою.

«Послѣ отступленія генерала Граббе изъ ичкернскихъ лѣсовъ насъ опять погнали въ Даргн и снова засадили въ прежнюю яму. Черезъ нѣсколько дней прибылъ и самъ Шамиль, спѣша на помощь Чечнѣ и семейству своему, полагая ихъ все еще въ опасности. Не заставъ русскихъ, онъ сначала показывалъ какъ-бы неудовольствіе за то, что отвлекли его отъ казикумукскихъ дѣлъ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, ставъ въ тылу русскихъ, лишилъ бы ихъ всякой возможности получать подвозы и хотѣлъ выморить голодомъ; но скоро досада его прошла и онъ чрезвычайно-ласково принялъ наибовъ Шуемба и Улу-Бея, которымъ за храбрость и мужественное отраженіе русскихъ въ кровавомъ ичкеринскомъ дѣлѣ, подарилъ два нашихъ знамени, доставшіяся ему въ Казикумухъ отъ жены Аслан-Хана, которому пожалованы онѣ были графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, за удержаніе спокойствія во всемъ Дагестанѣ во время персидской войны.

«Прибывъ въ Дарги, мы дѣятельно стали изыскивать способы къ освобожденію изъ неволи. Къ-счастью, молодаго чеченца, содержавшагося съ нами, уже не было при возвращеніи нашемъ изъ Андій: на его участіе или молчаніе нельзя было надѣяться. Мы рѣшились бѣжать, но надобно было сперва выйти изъ ямы, а для этого представлялось одно только средство—прорыться въ боковой стѣнѣ. Благословясь, мы принялись за работу. На возвратномъ пути изъ Андій, мы нашли на дорогѣ сухую, крѣпкую и заостренную палку, и украдкой отъ караульныхъ принесли ее съ собою въ яму, гдѣ спрятали ее, воткнувъ въ потолокъ. Съ помощью этой палки мы врылись въ стѣну; работа шла безъ помѣхи довольно-успѣшно. Вырытую землю мы раскидывали подъ себя на днѣ ямы. Черезъ нѣсколько дней въ стѣнѣ прорытъ былъ проходъ, въ полторы или двѣ сажени въ длину и такой вышины, чтобъ можно было ползкомъ пробраться чрезъ него. Между нами и свободой остался небольшой только простѣнокъ. Но чтобъ караульные, осматривавшіе иногда яму нашу, не замѣтили внутренняго отверстія въ стѣнѣ, мы сдѣлали переплетъ изъ сучьевъ и вѣтвей, на которыхъ спалъ чеченецъ, вставили его въ отверстіе и замазали глиною, которую приготовили изъ вырытой земли и воды, отпуславшейся намъ для питья.

«Оставалось согласиться, кѣмъ и куда бѣжать до нашихъ гарнизоновъ. Тутъ вышло между нами несогласіе: нѣкоторые рѣшились направиться къ Герзель-аулу, другіе къ Внезапной; я же предпочиталъ для себя дальнюю и окружную дорогу чрезъ андійскія и гум-

бетовскія горы въ Черней, разсчитывая, что горцы, узнавъ о нашемъ бѣгствѣ, скорѣе всего бросятся на первыя двѣ дороги, какъ на кратчайшіе пути къ нашимъ крѣпостямъ. Такимъ образомъ мы раздѣлились на три партіи. Ко мнѣ присталъ рядовой Загорскій и одинъ казакъ. За направленіе къ Герзель-аулу стоялъ А—ъ. Къ нему присоединился подполковникъ С — ь съ своими двумя служителями, два казака, армянинъ и грузинъ. Казакъ Щедринъ, съ двумя другими казаками брали направленіе къ Внезапной. Согласившись въ этомъ, мы бросили жребій, кому первому выйти изъ ямы. Жребій палъ на меня и мою партію. Все было готово, мы ждали только удобнаго случая.

«Настала ночь 22-го іюня, темная, бурная, дождливая. Мы слышали, какъ надъ нами капало съ крыши, какъ сторожевые съ ругательствами укрывались въ караульнѣ отъ дождя. Это время казалось намъ благопріятнымъ. Общими силами принялись мы дорывать остальную землю, и къ полуночи наружное отверстіе было пробито, свѣжій воздухъ дунулъ намъ въ лицо. Мы простились, благословили другъ друга на столь опасное предпріятіе, перекрестились и начали выходить. На одной ногѣ раздвинулъ я кольцо, снялъ кандалы съ нея и прикрѣпилъ къ другой ногѣ, которую невозможно было освободить отъ цѣпи безъ ключа, или другихъ инструментовъ. Вся одежда на мнѣ состояла изъ изорванной рубашки, исподняго платья и плохихъ сапоговъ. Выйдя изъ ямы и пройдя Дарги, мы пошли по андійскому ущелью и, принявъ потомъ немного влѣво, вступили въ дремучій лѣсъ. У каждаго изъ насъ было не болѣе какъ по два хинкала; но, непрерывно спотыкаясь и падая, переходя ужаснѣйшіе овраги и пропасти, мы скоро растеряли весь этотъ скудный запасъ пищи. Между тѣмъ дождь лилъ ливнемъ; въ лѣсу насъ обняла такая темнота, что не было возможности видѣть на шагъ передъ собой. Мы остановились. Съ разсвѣтомъ снова поднялись и направились на востокъ. Мы шли безъ дороги, то взбираясь по крутымъ подъемамъ, то сползая по обрывистымъ спускамъ; иногда принуждены были цѣпляться за вѣтви дерева, раскачиваться и соскакивать на дно оврага или пропасти, а оттуда, опять по деревьямъ, сучьямъ и вѣтвямъ подниматься вверхъ. Это измучило насъ до крайности. Каждую четверть часа мы должны были останавливаться для отдыха. Послѣ полудня пошелъ въ горахъ сильный градъ и поднялась страшная вьюга. Голодь, стужа и усталость довели насъ до совершеннаго изнеможенія. Мы бросились на землю; насталъ вечеръ и съ нимъ опять ужасная темнота, которая заставила насъ провести и ночь на томъ же мѣстѣ.

«На другой день мы продолжали бѣгство наше, направляясь постоянно на востокъ и придерживаясь Андійскаго Хребта. Голодь мучилъ насъ; утолить его было нѣчѣмъ. Мы принялись ѣсть траву, а иногда попадалась намъ горькая, полусгнившая черемша; мы съ жадностью ѣли ее, но горло стало сохнуть и пухнуть; скоро открылось воспаленіе, которое мѣшало намъ глотать даже воду. Кое-какъ доталились мы до мехельтинской дороги, идущей изъ Андіи, спустились,

оттуда внизъ, къ ауховскимъ лѣсамъ и рѣкѣ Яман-Су. Подходя къ ней, мы вдругъ увидѣли, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, стадо, которое пасли четыре мальчика. Скрыться отъ нихъ уже нельзя было, и потому мы подошли къ нимъ, и, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказали, что мы бѣглые солдаты и находимся у Ташов-Аджія; что въ андійскихъ горахъ пасли лошадей его, которыя разбѣжались; что мы слышали, будто эти лошади находятся теперь въ деревнѣ Альмакъ, и идемъ туда отыскивать ихъ. Пастухи дали намъ нѣсколько хннкаловъ. Съ большимъ трудомъ и болью мы нѣсколько утолили ими голодь, мучившій насъ, и пошли далѣе, какъ-будто по дорогѣ въ сказанное селеніе. Этотъ случай сдѣлалъ насъ осторожнѣе. Я предложилъ товарищамъ каждому вооружиться хорошое дубинкой, чтобы защищаться въ случаѣ нападенія на насъ. Лучше ужъ умереть, защищая себя, чѣмъ лишиться жизни отъ рукъ шамилева палача. И сверхъ-того, при счастіи и смѣлости, мы, съ дубинами въ рукахъ, могли всегда справиться съ нѣсколькими горцами. Предосторожность оказалась неизлишнею. Едва успѣли мы выйти изъ виду нашихъ мальчиковъ, какъ на меня (я шелъ впереди) напали два чеченца съ кинжалами въ рукахъ. Въ одинъ мигъ представилась мнѣ вся опасность моего положенія, всѣ ужасы, ожидавшіе меня, если поймаютъ и представляютъ Шамилю, который предастъ новому, мучительнѣйшему заточенію и навсегда разлучить съ родными и отечествомъ; всѣ чувства взволновались во мнѣ. Въ ожесточеніи размахнулся я дубиною, направляя ударъ въ голову одному изъ чеченцовъ; но онъ защитилъ голову рукою, и потомъ оба пустились бѣжать отъ меня, не обдумавъ, что они вооружены и имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который едва держался на ногахъ. Удалившись отъ меня, они напали на моихъ товарищей, которые стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи и противъ взаимнаго нашего обязательства—защищать въ опасности другъ друга, оставались во все время равнодушными зрителями. Чеченцы безъ труда переловили ихъ и погнали назадъ. Замѣтивъ малодушіе товарищей моихъ и разсчитывая, что нѣчего надѣяться на ихъ содѣйствіе, я пустился бѣжать къ рѣкѣ Яман-Су, переправился черезъ нея и, скрывшись изъ виду чеченцовъ, вошелъ въ какую-то пещеру и легъ отдыхать. Собравшись съ силами, снова пустился въ дорогу, достигъ, по труднымъ крутизнамъ, послѣдняго отрога андійскихъ и гумбетовскихъ горъ и благополучно перебрался чрезъ него. У подъема на Салатовскія Горы (около Бу рту нал) пошелъ опять сильный градъ; хотя онъ не долго продолжался, но я продрогъ отъ холода, и какъ въ это время погода прояснилась, то легъ на пригоркѣ, чтобы отогрѣться на солнцѣ. Дорого стоилъ мнѣ этотъ кратковременный отдыхъ! За пригоркомъ паслось цѣлое стадо барановъ подъ присмотромъ пятнадцати человѣкъ пастуховъ и нѣсколькихъ собакъ. Я лежалъ еще, какъ подошли ко мнѣ два мальчика и спросили полезгински: кто я? Съ просонка я не могъ тотчасъ опомниться, не отвѣчалъ ни слова и побѣжалъ въ ближайшій лѣсъ. Мальчики начали кричать, явились остальные пастухи и тотчасъ же бросились за мною съ своими собаками. Я напрягалъ послѣднія усилія, чтобы уйдти отъ нихъ, но

силы начали оставлять меня. Я бѣжалъ по краю обрыва, имѣвшаго до двухъ сажень высоты. Не видя другаго средства къ спасенію, я кинулся въ оврагъ, съ тою мыслию, что если этотъ отчаянный скачокъ удастся, то спасусь, потому-что пастухи навѣрно не рѣшились бы послѣдовать за мною. Но чаша моихъ страданій еще не исполнилась. Соскочивъ въ оврагъ, я больно ушибъ ногу, вывихнулъ себѣ правую руку и сѣлъ на мѣстѣ, лишившись чувствъ. Горцы обѣжали кругомъ, привели меня въ себя и притащили въ то мѣсто, гдѣ стояло стадо. Напрасно увѣрялъ я ихъ, что я бѣглый солдатъ, и старался ввести ихъ въ заблужденіе — они не вѣрили моимъ словамъ, потому-что были извѣщены о нашемъ бѣгствѣ: Шамиль разослалъ за нами всю Ичкерію и даже Большую Чечню, полагая, что мы направились къ Грозной; видя, что представленія мои не помогаютъ, я наконецъ предложилъ имъ сто рублей съ тѣмъ, чтобъ доставили въ селеніе Черкей. Они, повидимому, согласились. Ноги мои опухли какъ отъ паденія, такъ и отъ ходьбы, безъ сапоговъ, которыхъ давно ужъ лишился; но твердое убѣжденіе, что приближаюсь къ концу страданій, ободрило меня. Несмотря на ночную темноту и на дождь, я, одна-кожъ, поднявшись на Мехельтннскую Гору, замѣтилъ, по мѣстоположенію и направленію горъ, что мы не идемъ по' дорогѣ въ Буртунай. Мѣстность эта осталась въ памяти моей еще съ 1841 года, когда мы проходили по Салатазскимъ Горамъ съ генераломъ Фези. На вопросъ мой, куда ведутъ меня? горцы ничего не отвѣчали. Разсвѣло: вмѣсто Черкея, я увидѣлъ передъ собою Мехельту. Вдали раздавались пушечные выстрѣлы. Впослѣдствіи узнать я, что генераль Граббе, возвратившись изъ ичкеринскихъ лѣсовъ, подступалъ въ это время къ селенію Игали, отстоящему отъ Мехельты всего на шесть или на семь верстъ. Въ другой ужъ разъ я былъ такъ близокъ къ своимъ и къ спасенію — и въ другой разъ принужденъ былъ удалиться отъ близкаго избавленія. Судьба какъ-бы хотѣла измучить меня непрерывными переходами отъ надежды къ новымъ страданіямъ!.. Въ Мехельтѣ меня снова сковали и потомъ повели въ Дарги.

«Бѣгство наше было причиной, что Шамиль не участвовалъ въ игалинскомъ походѣ: онъ слишкомъ озабоченъ былъ мѣрами для поимки насъ. Когда же дошли слухи, что подполковникъ С—ъ вышелъ въ Внезапную, и когда меня привели въ Дарги, то Шамиль поѣхалъ къ Пгаламъ; но, узнавъ въ Гогатляхъ объ отступленіи генерала Граббе, возвратился домой. Въ Даргахъ я нашелъ изъ прежнихъ соучастниковъ неволи моей девять человѣкъ.

«Спасся только подполковникъ С—ъ съ своими двумя служителями и однимъ казакомъ. Въ первомъ порывѣ гнѣва, Шамиль приказалъ было отрубить всѣмъ намъ головы; но черкеевскіе мюриды представили ему, что пасъ не за что убивать; что вѣдь и плѣнные горцы бѣгаютъ отъ русскихъ; что, можетъ-быть, за насъ выдадутъ еще сына или племянника его, или нѣсколько добрыхъ мусульманъ. Шамиль отмѣнилъ приказаніе свое, но предалъ насъ столь тягостной неволѣ, что легче было бѣ умереть отъ руки палача его. Меня, вмѣстѣ съ другими, сковали огромною мельничною цѣпью, подъ тяжестью ко-

торой мы должны были неподвижно лежать на голой землѣ. Если подавали намъ пищу, то подставляли подѣ цѣпь особыя деревянныя подпорки, потому-что безъ нихъ нельзя было подняться. Не разъ призывалъ я смерть, какъ послѣднее благодѣяніе! Мученія, которыя терпѣлъ я душой и тѣломъ, были почти невыносимы.

«Но Богъ милостивъ! Онъ знаетъ мѣру страданій, ниспосылаемыхъ на насъ, и бремя, которое каждый вынести можетъ. Въ концѣ іюля начались переговоры о вымѣнѣ нашемъ: ожиданіе свободы оживило и поддержало полумертвое существованіе мое. Бѣгство подполковника С—а лишило Шамиля надежды возвратить себѣ сына. Зная, что его не выдадутъ за насъ, онъ долго и слышать не хотѣлъ о нашемъ освобожденіи; но потомъ просьба двухъ Хаджіевъ, содержавшихся въ Тифлисѣ въ плѣну: салатовскаго—*Шамхандара* (*) и сугратльскаго—*Абдурахмана*, и старанія собственныхъ моихъ родственниковъ склонили его вымѣнять насъ; вслѣдствіе чего, онъ за меня потребовалъ выдачи помянутыхъ двухъ мюридовъ и, сверхъ-того, одиннадцать человѣкъ; а за остальныхъ еще двѣнадцать горцевъ. Таковое требованіе не могло быть удовлетворено. Ему предложили за всѣхъ насъ тринадцать мюридовъ, изъ числа находившихся въ Тифлисѣ. Шамиль настаивалъ и, можетъ-быть, не уступилъ бы, еслибъ добрый Джемаль-Эддинъ не явился посредникомъ. Узнавъ о затрудненіяхъ, дѣлаемыхъ Шамилемъ, онъ писалъ къ нему и жестоко упрекалъ ученика своего въ томъ, что, проповѣдуя шаріатъ, самъ не исполняетъ его. Въ шаріатѣ же именно сказано, что за каждого плѣннаго мурту можно выдать сто человѣкъ невѣрныхъ, и что, потому, за двухъ мурту, содержащихся у насъ, онъ безъ дальнѣйшихъ притязаній можетъ и обязанъ выдать всѣхъ насъ. Между-тѣмъ, страданіе и изнеможеніе наше доходило до крайности. Мы съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе ослабѣвали и быстро приближались къ бѣдственному концу мучительнаго нашего положенія. Родственники помянутыхъ Хаджіевъ представили Шамилю, что жизнь наша въ опасности и что съ нашею смертію они потеряютъ всякую надежду возвратить изъ плѣна своихъ родственниковъ. Какъ ихъ просьба, такъ и въ-особенности ходатайства Джемалъ, который самъ пріѣхалъ въ Дарги и нерѣдко бывалъ у насъ въ ямѣ, ободрялъ меня и ручался, что я буду свободенъ — заставили Шамиля согласиться. Онъ выдалъ меня помянутымъ родственникомъ Хаджіевъ, которые обѣщались хорошимъ содержаніемъ у себя спасти меня отъ смерти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Гумбета, гдѣ они жили, заключить о размѣнѣ моемъ окончательныя условія.

«Такимъ образомъ въ сентябрѣ я отправился въ Гумбетовское Общество, въ деревню Кадари, гдѣ начались дѣятельныя переговоры. Я въ этомъ много обязанъ участію генерал-майора Фон-Клугенау: его отеческая заботливость объ облегченіи участи моей и освобожденіи моемъ никогда не изгладятся изъ моей памяти... Узнавъ о прибытіи моемъ въ Кадари, онъ тотчасъ же прислалъ

(*)

Но одинъ ли изъ нихъ былъ благоутѣлительный мурта нашихъ плѣнниковъ?

мнѣ денегъ , сахару, чаю и проч. Я могъ купить себѣ одежду; лучшая пища и ожиданіе близкой свободы нѣсколько возстановили истощенныя мои силы. Но вдругъ переговоры приняли неожиданный оборотъ: генерал-майоръ князь Аргутинскій-Долгорукій, чрезъ котораго также велись переговоры съ Шамилемъ, приказалъ объявить послѣднему, что за меня выдадутъ только одного изъ Хаджіевъ и что этимъ прекратятся переговоры. О прочихъ вовсе не упоминалось. Шамиль крайне обидѣлся этимъ предложеніемъ и сказалъ : «Мнѣ не дорогъ одинъ человѣкъ; пусть же одинъ гибнетъ въ Тифлисѣ, а другой у меня!» и вслѣдъ за тѣмъ приказалъ возвратить меня въ Дарги. Въ отчаяніи, я обратился къ генералу Фон-Клугенау. Узнавъ, что, вслѣдствіе первоначальнаго предложенія, прибыли изъ Тифлиса въ Шуру тринадцать мюридовъ для разбѣна, я просилъ его, не найдеть ли онъ возможнымъ прибавить къ этому числу горцевъ еще девять женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Ахульго и содержащихся въ Темир-Хан-Шурѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить Шамилю, что это *послѣднее* предложеніе, и если не согласится, то я предаюсь волѣ Божіей.

«Между тѣмъ , надобно было исполнить приказаніе Шамиля : насъ повели обратно въ Даргн. Шамиля и Джемаль-Эддина мы ужъ не застали тамъ : они поѣхали въ Чечню, откуда въ это время производился набѣгъ на Кизляръ ; потомъ они отправились къ селенію Шеилп, гдѣ Шамиль вступилъ въ третій бракъ и женился на дочери казикумухца Абдуллы (?) , который еще при генералѣ Ермоловѣ вышелъ изъ ханства и поселился въ Чечнѣ. Вступивъ въ родство съ Шамилемъ, Абдулла сдѣлался однимъ изъ почетнѣйшихъ лицъ.

«Въ Даргахъ меня снова посадили въ яму , навалили опять огромныя цѣпи. Возобновились прежнія тѣлесныя страданія , прежняя невыносимая душевная тоска. Такъ прошло пятнадцать дней; наконецъ Шамиль возвратился съ Джемаль-Эджиномъ изъ Чечни и въ то же время получилъ отъ генерала Фон-Клугенау письмо, въ которомъ послѣдній дѣлалъ ему предложеніе (о которомъ я выше говорилъ), представляя притомъ Шамилю, что онъ обязанъ спасти женщинъ этихъ, мужа которыхъ за него же лишились всего и многіе даже жизни. Это письмо и новыя убѣжденія Джемалъ заставили Шамиля согласиться обмѣнять насъ на предположенныхъ генераломъ Фон-Клугенау условіяхъ. Наконецъ настала вѣчноблагословенная минута освобожденія нашего! Разъ, вечеромъ, съ радостью на лицѣ, пришелъ ко мнѣ Джемаль-Эджинъ и объявилъ, что завтра я могу отправиться на родину. На другой день онъ пришелъ за мною , повелъ къ себѣ на квартиру и напоилъ чаемъ. Потомъ я пошелъ къ Шамилю, который благословилъ меня на дорогу и, дружески прощаясь, сказалъ:

«Мы теперь съ тобою кунаки; пріѣзжай къ намъ когда захочешь: ты всегда будешь въ совершенной безопасности и принять какъ свой.

«Я не чувствовалъ подъ собою земли: радость совершенно оживила меня! Много претерпѣли мы безъ теплой одежды и обуви отъ страшной мятели и стужи , которыя провожали насъ во всю дорогу въ

Гумбсть; но что` значили эти неудобства противъ того, что` испытывали мы въ-теченіе девяти мѣсяцевъ, лежавшихъ позади насъ 1 Въ четвертый разъ шель я по дорогѣ, ведущей изъ Андіи въ Гумбсть, и каждый разъ съ различными чувствованіями: то волновала меня радостная надежда освободиться изъ мученической неволи; то, измѣняя, предавала новымъ и болѣе-тяжкимъ страданіямъ. Теперь же я шель какъ свободный человекъ: позади — неволя, всѣ бѣдствія и мученія; впереди—радость, свиданіе съ своими, счастье и новая жизнь!

«И, волнуемый этими чувствованіями, съ теплою благодарственнымъ молитвой встрѣтилъ я, 28-го ноября, на Салатовскихъ Горахъ русскую команду, вышедшую съ тринадцатю мюридами и помянутыми горскими женщинами для принятія насъ.»

ПРИЛОЖЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РАЗСКАЗЪ

Моздокскаго гражданина, 5-й ггильдигъ купца Мгіная, Шаева сына, Атарова, о поѣздкѣ своей въ Даргы-Веденд, мѣстопробываніе Шамиля ().*

«Въ первыхъ числахъ мая 1848 года, пріѣхавъ съ оказіей въ кр. Воздвиженскую, явился я къ полковнику , а нынѣ генерал-майору Меллеръ-Закомельскому, и представилъ на усмотрѣніе его намѣреніе мое отправиться въ Чечню для свиданія съ двоюродною сестрою моею Улухановой, которая въ 1840 году, во время нападенія чеченцевъ на Моздокъ , была захвачена въ плѣнъ и впослѣдствіи попала въ число жень Шамиля (**). Полковникъ Меллеръ-Закомельскій дозволилъ мнѣ воидти въ сношенія съ лазутчиками, и чрезъ нихъ я открылъ переписку первоначально съ наибами Дуба-Садулою и Талгикомъ, а потомъ, чрезъ нанба Дуба, съ самимъ Шамилемъ. Наибы отвѣчали мнѣ , что безъ дозволенія своего имама , то-есть Шамиля , они не могутъ приблизиться къ кр. Воздвиженской; когда же я обратился письменно къ самому Шамилю, то, черезъ три дня послѣ отправленія письма моего, наибъ Дуба прислалъ ко мнѣ лазутчика, съ объявленіемъ отъ имени Шамиля , что на встрѣчу мнѣ и для препровожденія меня въ резиденцію имама будутъ высланы отъ него четыре довѣренныя лица: самъ наибъ Дубіі , любимецъ и тайный совѣтникъ Шамиля, Эгіе-Аджи, старшина деревни Даченбарзы—Миза, и старшина деревни Уласкарта, Тагиръ.

Когда мнѣ было дано знать, что посланные отъ Шамиля уже находятся въ четырехъ верстахъ отъ кр. Воздвиженской, тогда я простился съ полковникомъ Меллеромъ-Закомельскимъ , выслушалъ его

(*) См. газету «Кавказъ» 1853 года, № 85.

(**) Это та самая Шуапѣтъ , которая играла такую значительную роль въ исторіи жизни княгини Орбелиапп и Чавчавадзе въ сералѣ Шамиля. К. П.

предостереженія, одѣлся въ чеченское платье, надѣлъ на себя полное вооруженіе и, взявъ съ собою двухъ доброконныхъ провожатыхъ изъ дуирной чеченской леевни Атагы, выѣхалъ съ ними за крѣпость. Одинъ изъ этихъ провожатыхъ былъ кунакъ мой, чеченецъ Зиза.

Вдоль аргунскаго ущелья стали мы приближаться къ посланнымъ Шамиля и, подѣхавъ къ нимъ на добрый ружейный выстрѣлъ, стали совѣщаться, кому изъ насъ выѣхать впередъ. Мирные чеченцы не хотѣли ѣхать далѣе и, на убѣжденія мои, чтобы они передали меня съ рукъ на руки своимъ единовѣрцамъ и познакомили меня съ ними, проводники мои отвѣчали, что они въ кровавой враждѣ съ людьми Шамиля, и потому не хотятъ съ ними имѣть никакого дѣла. На такой отвѣтъ я снова сталъ убѣждать моихъ кунаковъ не оставлять меня и напоминать имъ, что, по мусульманскому ихъ закону, кунакъ долженъ скорѣе умереть, чѣмъ покинуть друга въ опасности. Зиза убѣдился моими увѣщаніями и рѣшился за мною слѣдовать, а другой проводникъ мой остался на мѣстѣ. Тогда мы съ Зизою стали осторожно приближаться къ посланнымъ Шамиля, и когда подѣхали къ нимъ на какія-нибудь пятьдесятъ сажень, я спросилъ своего спутника, можетъ ли онъ узнать кого-либо изъ нихъ? Зиза отвѣчалъ, что узнаетъ только одного наиба Дуба, отличавшагося отъ прочихъ своею желтою чалмою.

«Здравствуйте, наибъ Дуба!» громко закричалъ я почеченски, издалека привѣтствуя наиба.—«Здравствуйте, гость Божій!»—отвѣчалъ мнѣ наибъ, и мы стали понемногу приближаться другъ къ другу, но соблюдали притомъ крайнюю осторожность, опасаясь засады. Значительно приблизясь къ наibu, я выскакалъ впередъ, протянулъ къ нему руку и оба мы привѣтствовали другъ друга по чеченскому обычаю, а потомъ такія же привѣтствія повторились между мною и тутъ же бывшимъ Эгіе-Аджи, на головѣ котораго была бѣлая чалма.

Послѣ различныхъ взаимныхъ привѣтствій и поздравленій, Эгіе-Аджи освѣдомился, самъ ли я непременно желаю ѣхать къ Шамилю, или хочу только доставить ему черезъ нихъ какое-нибудь извѣстіе? Я отвѣчалъ, что не имѣю никакого извѣстія для доставленія ихъ начальнику, но желаю самъ, лично, видѣться съ нимъ и его супругой, а моей сестрою, и для-того прошу почтенныхъ наибовъ благополучно доставить меня къ имаму. Паибы отвѣчали мнѣ увѣреніемъ, что они исполняютъ мое желаніе съ удовольствіемъ. Въ это время я обратился къ мирнымъ чеченцамъ, прежнимъ моимъ спутникамъ: они были ужъ далеко, однакожь могли слышать, когда я закричалъ имъ: «прощайте, воротитесь назадъ и кланяйтесь полковнику Меллеру.»

Проѣхавъ съ полверсты въ кругу новыхъ моихъ спутниковъ, за однимъ курганомъ замѣтилъ я человѣкъ съ четырнадцать чеченцевъ: это было прикрытіе наибовъ, къ которому мы вскорѣ присоединились, и я долженъ былъ протягивать руку свою каждому всаднику, и со всѣми обмѣниваться привѣтствіями, причемъ я говорилъ: «вы, молодцы, вѣроятно, хотите благополучно доставить меня къ вашему начальнику?»

« Будемъ стараться ! * отвѣчали всадники , отъѣхали нѣсколько назадъ и громкими, оглушительными голосами запѣли ля-нлѣхэ иль-алла...

Такимъ-образомъ мы весело продолжали путь въ горы и вскорѣ переправились черезъ одинъ рукавъ рѣки Аргуна , раздѣляющагося здѣсь на три рукава. На пути намъ часто попадались хутора неприязненныхъ чеченцевъ, называемые здѣсь *котины*. Дорога намъ лежала дурная, такъ-что мы по-большей-ча'сти должны были идти пѣшкомъ, безпрестанно поднимаясь съ горы на гору , или пробираясь дремучимъ лѣсомъ. Въ лѣсу попадались намъ дикіе кабаны, которые здѣсь живутъ стадами и питаются корою чинароваго дерева. Вообще здѣсь чинары растутъ въ изобиліи и достигаютъ огромнѣйшей величины. Затруднительнѣе же всего было для насъ переходъ черезъ Шбуть-гору; всѣ мы должны были спѣшиться; я едва тащился, взбираясь на гору, а лошадь мою вели конвойные чеченцы. Я догадывался, и это оправдалось впоследствии, что меня не безъ намѣренія вели этой трудной дорогой: меня подозрѣвали въ желаніи развѣдать мѣста и пути. Только на седьмой день добрались мы до деревни Даченбарзѣ, гдѣ живетъ наибъ Дуба, и остановились на ночлегъ въ домѣ наиба. Во дворѣ квартиры замѣтилъ я одно орудіе , охраняемое часовымъ изъ азіатовъ.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего на ночлегъ , всѣ жители деревни сбѣжались во дворъ наиба и, между-тѣмъ какъ я, Эгіе-Аджди и отецъ Дубы, Чука, сидѣли и пили русской чай въ верхнемъ этажѣ дома, на открытой галереѣ, называемой здѣсь «чардагъ», мы были свидетелями забавной расправы нукеровъ наиба съ толпами любопытныхъ туземцевъ, наполнявшихъ собою дворъ: они вооружились палками и побоями выгоняли народъ, приговаривая: «что вы? куда вы? или русскихъ не выдывали»?...

Вечеръ провели мы пріятно, въ разговорахъ. Меня хорошо покормили и уложили спать. Поутру мы снова отправились въ путь, проходили по неприступнымъ горамъ и переправлялись черезъ другой рукавъ Аргуна, вблизи деревни Уласкартъ, гдѣ живетъ Тагиръ. Тутъ мы не остановились, но , миновавъ опять какую-то гору , пріѣхали въ деревню Мхта-Юртъ, потомъ въ деревню Тхнкъ-Юртъ; за Тхншъ-Юртомъ опять встрѣтились намъ страшныя горы, лѣса, скалы и каменные утесы, и должно было перебраться чрезъ всѣ эти препятствія, чтобъ наконецъ приблизиться къ огромной долинѣ, посреди которой лежитъ большая деревня Веденно , а вправо, верстахъ въ четырехъ на востокъ отъ деревни, виднѣется небольшая квадратная лошина, имѣющая, примѣрно, верстъ семь въ окружности и огражденная справа высокими, лѣсистыми горами, а слѣва страшнымъ оврагомъ на днѣ котораго течетъ рѣка Хлхдо. Посреди лошины видна ровная площадка , на которой возвышается замокъ , окруженный разными строеніями: эта-то неприступная мѣстность , называемая Даргы-Веденно, и есть мѣстопробываніе Шамиля.

Въ зѣмкѣ существуютъ одни только ворота, а противъ воротъ,

внутри укрѣпленія , выстроена башня , съ однимъ орудіемъ для защиты входа.

Жилище Шамиля обведено въ два ряда большими , стоймя-вколоченными въ землю брусьями, между которыми засыпанъ каменный хрящъ. Немного вправо отъ укрѣпленія лежитъ особая деревня для мюридовъ. Также не подалеку отъ крѣпости стоитъ пороховой паркъ, обрѣгаемый часовыми. Передъ укрѣпленіемъ лежитъ небольшой аулъ, въ которомъ по преимуществу живутъ мастера; между ними есть даже и часовой мастеръ. Изъ горъ проведенъ, въ средину укрѣпленія родникъ, окруженный здѣсь большимъ землянымъ водоемомъ , называемымъ купальной, потому-что дѣйствительно въ немъ купаются люди и лошади. Изъ водоема вода стекаетъ въ крутой оврагъ къ рѣкѣ Хлхло. Тутъ же неподалеку помѣщается запасный провіантскій магазинъ, съ запасами кукурузы, пшеничного и просяного хлѣба; все это хранится въ большихъ долбленныхъ бочкахъ.

Въ Дарги-Веденно пріѣхалъ я на седьмой день , примѣрно, около вечера , и былъ помѣщенъ въ домъ Эгіе-Аджи. Въ первый день Шамиль не принялъ меня къ себѣ потому, что не были еще собраны кое-какія справки о причинахъ моего пріѣзда , и Шамиль подозрѣвалъ , не пріѣхалъ ли я по какому-нибудь тайному порученію отъ мирныхъ ауловъ. Справки собирались три дня , и въ эти дни я ежеминутно находился между жизнью и смертью , потому-что , въ случаѣ неблагоприятныхъ обо мнѣ слуховъ, казнь моя была бы неизбѣжна. Впрочемъ, кормили и содержали меня хорошо ; я же хотя и тревожился опасеніями, но показывалъ совершенное хладнокровіе. На третій день я былъ приглашенъ на вечерній обѣдъ къ Шамилю, въ его кунакскій домъ, гдѣ обыкновенно обѣдаютъ приближенные имама. Домъ этотъ находится въ самой срединѣ крѣпости. Здѣсь приняли меня ласково, по мусульманскому обычаю. Въ концѣ обѣда подавали плавъ, и тутъ, къ изумленію моему, замѣтилъ я, что, поѣвши плава, всѣ гости, а ихъ было человѣкъ до двадцати, встревожились, угрюмо нахмурились и стали недоброжелательно на меня посматривать ; я же, въ изумленіи и страхѣ, подумалъ про-себя: «не-уже-ли затѣмъ такъ хорошо и кормили мнѣ, чтобъ, накормивъ, снять съ меня голову?...» Однакожъ, и при такихъ мысляхъ, наружное хладнокровіе не измѣнилось мнѣ; я молчалъ , наблюдалъ за моими собесѣдниками и успокоивалъ себя мыслью, что, мо?кетъ-быть , такое ужъ у нихъ обыкновеніе, чтобъ послѣ плава хмуриться и говорить другъ другу на ухо. Пробовалъ я обращаться съ вопросами къ моимъ сосѣдямъ, но мнѣ никто ничего не отвѣчалъ.

Послѣ плава подали алву изъ кукурузной муки , приготовленную очень-вкусно, въ видѣ маленькихъ пряниковъ. Кушанье это подавалось послѣ всего, въ родѣ десерта. Я взялъ себѣ небольшой кусочекъ, и между-тѣмъ, какъ собесѣдники мои все еще продолжали сидѣть въ какомъ-то уныніи, мнѣ во второй разъ поднесли алву; когда же я отказался и объяснилъ, что я сытъ, тогда угощавшій меня сказалъ : «кушайте: это приготовила для васъ сестра ваша».—«А! ежели такъ, отвѣчалъ я; —то я буду ѣсть съ удовольствіемъ», и взялъ

себѣ еще порядочное количество алвы, а за труды сестры моеѣ поручилъ подноспкпу благодарить ее. Во все это время собесѣдники мои были попрежнему угрюмы : они продолжали грозно посматривать на меня до-тѣхъ-поръ , пока не вошелъ въ комнату какой-то молодой мюридъ и не сказалъ во всеуслышаніе нѣсколько словъ на горскомъ нарѣчій. Послѣ этого собесѣдники мои совершенно перемѣнили свое обхожденіе со мною, стали ко мнѣ обращаться въ разговорахъ, и самъ главный ихъ ахундъ, сидѣвшій возлѣ меня, сдѣлался гораздо-ласковѣе со мною.

Впослѣдствіи я узналъ все, чтб въ это время было для меня загадочно. Оказалось , что двоюродную сестру мою во время обѣда приводили въ сосѣдную комнату (*), показывали ей меня сквозь буфетное окно и спрашивали: узнать ли она меня? Сначала родственница моя не узнала, и отвѣчала испытывавшимъ ее: «вы съ ума сошли, чтб это за брать?» а потомъ просила , чтобъ меня заставили говорить, и слушала, когда я, ничего не подозревая , говорилъ съ подносившимъ мнѣ алву, узнала меня по голосу , вслѣдствіе чего и объяснила, что я точно брать ея, но не родной, а двоюродный, чтб у нихъ называется *узкарь-кардашъ*, и наконецъ назвала меня по имени. Лицо мое, конечно, измѣнившееся въ восемь лѣтъ разлуки нашей, и горскій нарядъ мой дѣйствительно могли ввести въ заблужденіе сестру мою; и еслибъ ей не пришло въ голову вслушиваться въ мой голосъ, то, безъ-сомнѣнія, меня приняли бы за дерзкаго обманщика, или даже за лазутчика, и я не избѣжалъ бы казни.

Послѣ описаннаго происшествія долго еще оставались мы за столомъ, и главный молла, или ахундъ, по имени Хаджіо-Кады^(*), ласково со мной разговаривая, видимо меня испытывалъ. По окончаніи обѣда я отправился на свою квартиру, въ домъ Эгіе-Аджи, гдѣ и оставался до другаго дня. На другой день я чувствовалъ въ себѣ болѣе смѣлости и пригласилъ съ собою Эгіе-Аджи прогуляться по долинѣ. Во время прогулки заходили мы въ аулъ , посѣтили всѣхъ мастеровыхъ , и при этомъ , желая испытать искусство здѣшняго часового мастера , я поручилъ ему вставить стекло въ мои часы. Мастеръ исполнилъ мое желаніе какъ-нельзя-лучше. Изъ аула ходили мы къ пороховому парку и къ другимъ строеніямъ; а когда возвратились домой , то вскорѣ получили отъ Шамиля приглашеніе на обѣдъ. Я думалъ, что въ этотъ разъ увижу Шамиля за обѣдомъ , но и въ этотъ разъ имамъ за обѣдомъ не присутствовалъ , а были тутъ вновь-прибывшіе наибы , до 25 человекъ. Послѣ обѣда обратился я къ главному ахунду съ такими словами: «Если мы недостойны видѣть высокую власть имама вашего, то позвольте мнѣ хоть имѣть честь просить васъ удостоить меня ходатайствомъ о свиданіи моемъ съ сестрою моею». «Богъ дастъ, увидите ль я отвѣчалъ мнѣ ахундъ , и затѣмъ мы опять разошлись по квартирамъ. Но едва успѣлъ я прійд-

(*) Вѣроятно, это была *кунауи, кап* съ извѣстнымъ круглымъ окномъ со двора серала.

Е. В.

(ий) Не казначеи ли это ?

Е. В.

ти въ домъ Эгіе-Аджи, какъ секретарь Шамиля , по имени Шимн-ханъ, явился къ моему хозяину и передалъ ему приказаніе Шамиля немедленно привести меня на мѣсто свиданія съ сестрою. Эгіе-Аджи пригласилъ меня снять кинжалъ, самъ съ себя также снялъ оружіе, и мы отправились въ среднюю крѣпость, гдѣ хранятся жены и имущество имама. Двѣ жены его живутъ въ двухъ отдѣльных помѣщеніяхъ, построенныхъ съ балконами, въ европейскомъ вкусѣ (?).

У воротъ средней крѣпости, которую недолжно смѣшивать съ наружными укрѣпленіями , встрѣтили мы двухъ часовыхъ изъ мюридовъ: одинъ находился у наружной, а другой у внутренней стороны воротъ. Вообще Шамиль не пренебрегаетъ никакими мѣрами предосторожности; онъ не иначе ходитъ на молитву въ мечеть, какъ посреди мюридовъ, выстроенныхъ въ два ряда, съ обнаженнымъ оружіемъ. На дворѣ замка, или средней крѣпости, видѣлъ я четыре горныя орудія и нѣсколько такихъ же орудій на стѣнахъ.

Комната сестры моей была убрана коврами и вмѣщала въ себѣ стулья и пары , наподобіе грузинскихъ тахтъ. Сестра моя , въ-сопровожденіи шести женщинъ , вышла къ намъ изъ другой комнаты. Я сталъ ей кланяться , а Эгіе-Аджи стоялъ навѣтяжку у дверей. Сестра спрашивала меня о здоровьи; потомъ усѣлись мы на тахты и на стулья. Черезъ нѣсколько минутъ спутницы моей сестры поодиночкѣ стали со мною здороваться , причемъ лица ихъ оставались йодъ покрывалами. По окончаніи взаимныхъ привѣтствій, онѣ поклонились и всѣ вышли изъ комнаты , гдѣ остались только мы съ сестрою , да сопровождавшій меня Эгіе-Аджи. Тогда я на армянскомъ языкѣ попросилъ сестру мою открыть лицо свое ; на это отвѣчала она мнѣ покумыкски , что хотя и понимаетъ меня, но въ отвѣтахъ можетъ ошибиться , а потому и проситъ меня говорить на кумыкскомъ языкѣ. Изъ этого я понялъ ея опасенія, чтобъ меня не стали подозрѣвать въ сообщеніи ей какихъ-нибудь тайнъ , и потому я тотчасъ же объяснилъ Эгіе-Аджи , что я поармянски просилъ мою сестру открыть лицо , и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ Эгіе-Аджи, чтобъ и онъ, съ своей стороны, убѣдилъ мою родственницу откинуть покрывало. Эгіе-Аджи близко подошелъ къ ней и, называя ее погорски «мать», сказалъ ей : «такъ-какъ , по обычаю нашему , ни передъ кѣмъ, кромѣ братьевъ, не можетъ открывать женщина лица своего , то пріймите меня за своего младшаго брата и сдѣлайте мнѣ милость , а брату вашему снисхожденіе , откройте лицо ваше въ награду за труды , перенесенные нашимъ гостемъ при переходѣ чрезъ эти горы для свиданія съ вами».

Послѣ Эгіе-Аджи я еще повторилъ ту же самую просьбу и сестра моя рѣшилась откинуть покрывало. Тогда развязныѣ сталъ и нашъ разговоръ ; она разспрашивала о всѣхъ родныхъ своихъ... какъ вдругъ отворилась дверь изъ сѣней , сестра моя быстро закрыла лицо и въ комнату вошелъ Шамиль

Я вскочилъ съ своего мѣста ; Эгіе-Аджи почтительно приложился къ рукѣ имама; когда же я хотѣлъ послѣдовать примѣру Эгіе-Аджи, Шамиль не допустилъ меня до этого , сѣлъ на тахту, пригласилъ

и меня съѣсть, и принялся разспрашивать о здоровьи всѣхъ нашихъ.

Шамиль видный мужчина съ важной осанкой, съ свѣтлорусымъ волосами и небольшими глазами; на лицѣ его видны веснушки, а борода его выкрашена хиною. Одежда его состояла изъ темнаго атласнаго бешмета и изъ красной суконной мантии (*абѣ*), наподобіе тѣхъ мантий, какія носятъ и иронія лица высшаго мухаммеданскаго духовенства. На головѣ его была красная Феска съ большою кистью, свѣсившеюся нѣ-бокъ. Прежде этого, когда Шамиль отправлялся въ мечеть, я видѣлъ на головѣ его большую чалму.

Усадивъ меня, какъ гостя, на тахту, Шамиль въ отборныхъ выраженіяхъ спрашивалъ меня, благополучно ли я пріѣхалъ, понравилась ли мнѣ дорога черезъ ихъ горы, отъ кого именно получилъ я позволеніе на путешествіе, и съ какою собственно цѣлью пріѣхалъ къ нимъ. Я отвѣчалъ, что горы очень—хороши, а дороги такъ худы, что еслибъ я зналъ о нихъ прежде, то не предпринялъ бы и путешествія; что дозволеніе на путешествіе—получилъ я отъ нашего правительства и, наконецъ, что единственною цѣлью моего путешествія было увидѣть сестру мою и узнать о ея здоровьи. Шамиль вторично освѣдомился, отъ кого именно получилъ я дозволеніе ѣхать въ Чечню.

— Я былъ столько счастливъ, отвѣчалъ я: — что, по письму моему, вы сами изволили разрѣшить мнѣ пріѣхать къ вамъ.

Шамиль замѣтилъ на это:

— Я многимъ далъ бы подобное разрѣшеніе, но только не знаю, кто осмѣлится на такое путешествіе!

— Да будетъ съ вами Богъ, отвѣчалъ я: — пріѣздъ мой къ вамъ зависѣлъ отъ меня, а отъѣздъ будетъ зависѣть отъ вашей воли и милости.

Выслушавъ эти слова, Шамиль улыбнулся и сказалъ:

— Да, это такъ; но однакожъ, не думаю, чтобы кто-нибудь другой имѣлъ смѣлость рѣшиться на такой поступокъ.

Затѣмъ Шамиль сталъ спрашивать о Французахъ, о Венгріи, о нашемъ войскѣ; я отвѣчалъ, что зналъ, кратко и ясно; потомъ осмѣлился я просить имама принять отъ меня подарокъ, по обычаю нашему. «Почему же не такъ!» отвѣчалъ Шамиль, а я вынулъ изъ-за пазухи золотые дамскіе часы, поднесъ ихъ сестрѣ моей, а потомъ подаль золотой хронометръ съ цѣпочкою самому Шамилю. Но Шамиль не взялъ въ руки моего подарка, а сестра моя приказала положить хронометръ на тахту, что я и исполнилъ, сказавъ притомъ, что чѣмъ богать, тѣмъ и радъ. «Вѣрно и у васъ есть обыкновеніе дарить и принимать подарки?» спросилъ Шамиль. Я отвѣчалъ утвердительно. Послѣ того Шамиль еще съ полчаса разговаривалъ со мною на кумыкскомъ языкѣ, а потомъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Сестра моя опять открыла лицо свое. Около вечерни меня угощали чаемъ, дулями, яблоками, виноградомъ. Я удивился, видя свѣжій виноградъ въ маѣ; но сестра моя объяснила мнѣ, что здѣсь прошлогодній виноградъ умѣютъ сохранять до новаго.

Просидѣвъ у сестры моей до вечера, мы простились съ нею и

я вышелъ въ сопровожденіи Эгіе-Аджи , который строго заповѣдалъ мнѣ : никому не говорить о свиданіи моемъ съ имамомъ и прибавилъ : «если кто спроситъ , скажи , что видѣлъ только одну сестру свою ; а когда уѣдешь отсюда , тогда что хочешь рассказывай». — Отчего такъ? спросилъ я : — или ты думаешь , что ваши надо мною будуть смѣяться?

— Не только не будутъ смѣяться , но еще и убьютъ тебя , если ты хоть намекнешь кому-нибудь о свиданіи съ Шамилемъ.

Я просилъ Эгіе-Аджи объяснить мнѣ смыслъ такого предостереженія. Онъ отвѣчалъ :

— Ты два раза обѣдалъ съ наибами : отчего же оба раза за общимъ столомъ не видѣлъ ты Шамиля? Оттого , что , по законамъ нашего духовенства , нельзя имаму сидѣть за однимъ столомъ съ гяуромъ. Теперь понимай , какъ знаешь ; но если хочешь остаться цѣль , то до времени держи языкъ свой на привязи.

На другой день , 13-го мая , просилъ я разрѣшенія на отъѣздъ , и желалъ проститься съ сестрою. вмѣсто отвѣта на мое желаніе , получилъ я въ подарокъ отъ Шамиля коня , стойваго рублей полтора; а секретарь имама мнѣ объявилъ , что выѣздъ изъ крѣпости мнѣ разрѣшенъ , что я буду имѣть тринадцать человѣкъ провожатыхъ , и что наibu Дуба отданъ приказъ доставить меня до окрестностей крѣпости Воздвиженской.

По утру 14-го мая выѣхали мы изъ Даргы-Веденнб. Я просилъ наiba Дуба избрать другую , болѣе-удобную дорогу , на что онъ согласился , и мы отправились отъ Большаго Веденія вправо , внизъ по теченію рѣки Хлхло , до самой Шалинской Долины , а оттуда поднялись вверхъ , по р. Аргуну , выше крѣпости Воздвиженской , и , переправясь черезъ р. Аргунъ , пріѣхали на то самое мѣсто , гдѣ я въ первый разъ встрѣтился съ наибомъ Дуба , Эгіе-Аджи и ихъ спутниками , то-есть за четыре версты , отъ кр. Воздвиженской. Весь мой обратный путь состоялъ изъ какихъ-нибудь пятидесяти верстъ , такъ-что , выѣхавъ по утру изъ Даргн-Веденно , я прибылъ въ кр. Воздвиженскую въ тотъ же день около вечера.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЯТОЕ.

Краткія свѣдѣнія о биографіи Шамиля и о распространении

на Кавказѣ мюридизма.

Около 1830 года въ горахъ Чечни и Дагестана распространилось религіозно-нравственное , а съ тѣмъ вмѣстѣ , разумѣется , и воинственное (какъ это всегда водится въ мусульманскомъ мірѣ) вліяніе простато горца , жителя селенія Гнмри , *Кази-Муллы*. Ревностнымъ распространеніемъ *тарпката* (*), а потомъ нѣкоторыми удачными

(*) Значеніе тарпката , шаріата и другихъ принадлежностей исламизма будетъ подробно объяснено далѣе , при разсмотрѣніи мюридизма. Е. Н.

дѣйствіями противъ койсубулинцевъ, Казн-Мулла занялъ умы многихъ горскихъ обществъ. Въ то же время другой приверженецъ тарнката, *Гамзат-Бекъ*, уроженецъ аварскаго селенія Гоцатль (близь Хунзаха), присоединилъ свои Фанатическія и воинственныя усилія къ усиліямъ Казн-Муллы, и готовился быть преемникомъ послѣдняго. До 1832 года принудительная и кровавая пропаганда Казн-Муллы и Гамзат-Бека наполняла Кавказскія Горы шумомъ и ужасомъ. Два изувѣра, съ толпами своихъ послѣдователей, на Кавказѣ всегда охотно являющихся подъ знамена ратующихъ для добычи еще болѣе, чѣмъ за вѣру, истребляли или подчиняли своей власти аулы за ауломъ, и только въ 1832 году логовище Казн-Муллы, неприступное Гимри, пало предъ русскимъ оружіемъ. Здѣсь палъ и самъ Казн-Мулла, убитый во время штурма аула. Здѣсь же впервые, въ числѣ мюридовъ погибшаго Фанатика, на сцену извѣстности является Шамиль.

Происхожденіе Шамиля неизвѣстно и потому спорно. Есть показанія, утверждающія, что онъ былъ безродный мальчикъ-плясунъ въ гимрійской кофейнѣ; другіе удостовѣряютъ, что онъ невольникъ, бѣжавшій изъ Турціи. Тѣ и другіе соглашаются въ назначеніи селенія Гимри мѣстомъ его рожденія. При Казн-Муллѣ Шамиль первоначально былъ простымъ нукеромъ (конскимъ прислужникомъ) и только въ послѣднее время жизни Казн-Муллы возвысился до званія его мюрида, или религіознаго послѣдователя—возвышеніе, впрочемъ, еще недоказывающее, чтобъ Казн-Мулла отличалъ его особеннымъ вниманіемъ пли уваженіемъ. Какъ бы то ни было, близость къ лицу своего учителя и господина и сношенія съ другимъ изувѣромъ, Гамзат-Бекѣмъ, были для Шамиля хорошею школою изувѣрства и кровавой горской политики. Таланты свои въ послѣдней изъ этихъ наукъ Шамиль блистательно выказалъ при взятіи селенія Гимри русскими. Легко-раненый двумя пулями и распростертый вблизи падшаго своего учителя, онъ долго не показывалъ признаковъ жизни, и тѣмъ избѣгнулъ смерти или плѣна; по удаленіи же русскихъ изъ селенія, онъ не спѣшилъ безъ оглядки въ горы, а отыскалъ трупъ Казн-Муллы и поставилъ его въ положеніе человѣка молящагося — поступокъ, обнаруживающій замѣчательную ловкость будущаго имама и превосходно-характеризующій тѣ продѣлки, какими вообще веѣ горскіе временщики счастья бывають обязаны своимъ возвышеніемъ надъ толпою. Продѣлка Шамиля съ трупомъ Казн-Муллы имѣла двѣ цѣли и разомъ достигла обѣихъ: молящееся положеніе трупа знаменитаго проповѣдника мюридизма, воспламенивъ Фанатизмъ въ его послѣдователяхъ, укрѣпило вліяніе самаго мюридизма, на который Шамиль, одаренный проницательностью, уже въ то время не могъ не разсчитывать, какъ на будущее орудіе своего возвышенія; кромѣ-того, этимъ поступкомъ Шамиль превосходно рекомендовалъ свои способности преемнику Казн-Муллы, Гамзат-Беку, и заслужилъ его особенное вниманіе. Вскорѣ Шамиль является неразлучнымъ товарищемъ и сподвижникомъ Гамзат-Бека и тутъ-то начинаютъ обнаруживаться въ настоящихъ размѣрахъ тѣ свойства Шамиля, которыя впослѣдствіи постоянно служили ему для осуществленія темныхъ цѣлей честолюбія и корысти, замѣняя собою величіе

души, просвѣщенный взглядъ на вещи и личную отвагу—качества, по всѣмъ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ, оставшіяся несоединимыми и несомѣстными съ именемъ Шамиля.

Подстрекаемый врагомъ аварскихъ хановъ, Аслан-Ханомъ казнкумьхскимъ, Гамзат-Бекъ предпринялъ покореніе Аваріи и отторженіе ея отъ покорности Россіи. Послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, Гамзат-Бекъ приблизился къ резиденціи хановъ аварскихъ, *Хунзаху*, гдѣ находилась вдовствующая ханша *Уаху-Бике* съ троими юными сыновьями: *Абу-Пунурл-Ханомъ*, *Умма-Ханомъ* и *Булач-Ханомъ*. Молодые ханы, по требованію Гамзат-Бека, явились въ станъ его для переговоровъ. Гамзат-Бекъ, воспитанный матерью молодыхъ аварскихъ хановъ, не рѣшился бы, можетъ-быть, ни на какое вѣроломство въ-отношеніи дѣтей своей воспитательницы, но совѣты Шамиля рѣшили ихъ участь. Шамиль возвысилъ голосъ, настоятельно требуя убійенія единственныхъ наслѣдниковъ Аварскаго Ханства. Гамзат-Бекъ долго не соглашался на такой звѣрскій поступокъ, но Шамиль торопилъ его рѣшиться на убійство, представляя необходимость воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Шамиль самъ назначилъ нукеровъ, исполнителей вѣроломнаго злодѣйства, и два старшіе хана пали подъ кинжалами убійць, послѣ долгаго сопротивленія, положивъ на мѣстѣ до сорока человекъ, и въ томъ числѣ брата и шурина Гамзат-Бека. Послѣдніе были назначены самимъ Шамилемъ въ числѣ исполнителей убійства, и это назначеніе было сдѣлано не безъ цѣли: Шамиль разсчитывалъ на возможность ихъ гибели во время борьбы съ молодыми аварскими ханами, храбрость которыхъ ему была извѣстна. Такъ и случилось, и для будущихъ честолюбивыхъ замысловъ Шамиля уничтожились вдругъ двѣ преграды въ лицѣ погибшихъ родственниковъ Гамзат-Бека. Но еще оставался въ живыхъ третій плѣнникъ Гамзат-Бека, младшій братъ убитыхъ аварскихъ хановъ, малолѣтній *Булач-Ханъ*, взятый еще ранѣе Гамзат-Бекомъ въ аманаты и отправленный имъ па жительство въ селеніе Новый Гоцатль, йодъ присмотръ родственника своего *Пмана-Али*. У Шамиля залегла на душѣ кровавая работа объ уничтоженіи и этой послѣдней отрасли хановъ Аваріи...

Шамиль сталъ внушать Гамзат-Беку о необходимости избавиться и отъ малолѣтнаго Булач-Хана. Неизвѣстно, по какой причинѣ внушенія эти остались безплодными, но достовѣрно, что невниманіе Гамзат-Бека къ убѣжденіямъ своего вѣроломнаго сподвижника послужили сначала источникомъ ненависти Шамиля къ Гамзоту, а потомъ новодомъ кт» ускоренію гибели послѣдняго. Къ честолюбивымъ замысламъ Шамиля присоединилась затаенная месть, немогшая простить Гамзат-Беку отвергнутаго имъ внушенія. Шамиль сталъ выжидать и изыскивать случая погубить преемника Кази-Муллы, чтобъ, въ свою очередь, сдѣлаться его преемникомъ и въ то же время отмстить за оскорбленіе. Случай въ-самомъ-дѣлѣ скоро представился.

Послѣ кроваваго торжества надъ ханами и надъ столицею Аваріи, *Хуизахомъ*, Гамзат-Бекъ остался на жительство въ этомъ селеніи, и даже занялъ ханскій домъ, что нисколько не заглушило ненависти къ нему аварцевъ и», бывшихъ или жертвами или свидѣтелями жестокостей

коварнаго ихъ покорители. Особенной ненавистью къ Гамзат-Беку отличались приверженцы и родственники погибшаго ханскаго семейства. Шамиль, зная духъ, оживлявшій недовольныхъ хунзахскихъ аварцевъ, вошелъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ тайныя сношенія и старался раздуть пламя ненависти, внушая недовольнымъ, что единственнымъ и неправымъ виновникомъ бѣдствій ихъ п всей Аваріи— Гамзат-Бекъ. Составился заговоръ, въ главѣ котораго сталъ Осмакиязуль (по другимъ : Османъ Зюл - Хаджіевъ), съ двумя своими внуками, Османомъ и Гаджи-Муратомъ. 19-го сентября, въ день большаго праздника у мусульманъ, Гамзат-Бекъ, какъ имамъ, долженъ былъ совершить молитву въ хунзахской мечети. Этотъ день и это мѣсто были избраны заговорщиками для исполненія своего замысла. Гамзат-Бекъ былъ предупрежденъ объ угрожавшей ему опасности, но не вѣрилъ ей, вѣря въ звѣзду свою и руководствуясь слѣпымъ Фанатизмомъ. Когда одинъ преданный мюридъ сообщилъ ему о существованіи заговора, Гамзат-Бекъ спросилъ его : «Можешь ли ты остановить ангеловъ, если они прійдутъ за душой твоей?» — «Не могу» отвѣчалъ мюридъ. «Такъ иди же домой и ложись спать» сказалъ Гамзатъ : «что опредѣлено Аллахомъ, того не избѣгнемъ; и если завтра назначено мнѣ умереть, то завтрашній день — день моей смерти!»

День 19-го сентября дѣйствительно былъ днемъ смерти Гамзат-Бека. Онъ былъ убитъ въ мечети кинжалами заговорщиковъ, и обнаженное тѣло его четыре дня оставалось безъ погребенія на площади, неподалеку отъ мечети.

Въ это время въ Хунзахѣ Шамиля не было; но онъ издалека слѣдилъ за ходомъ заговора, и лишь-только кинжалы убійцъ поразили Гамзат-Бека, Шамиль немедленно собралъ партію отчаяннѣйшихъ мюридовъ и провозгласилъ себя имамомъ и главою мюридизма.

Нѣтъ свидѣтельствъ, которыя бы объяснили, какимъ образомъ совершилось это самопровозглашеніе новаго имама; но мы имѣемъ достовѣрныя указанія относительно тѣхъ интересныхъ, характеристическихъ примѣмовъ и обычаевъ, какими руководствуются вообще всѣ горскіе временщики-самозванцы въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ, на примѣръ, чѣмъ сопровождалось самопровозглашеніе шамилева предшественника (*). По смерти Кази-Муллы, Гамзат-Бекъ немедленно разослалъ воззваніе ко всѣмъ молламъ и старшинамъ дагестанскимъ, приглашая ихъ собраться въ селеніе Кородахъ, куда онъ обѣщалъ также прибыть лично, для объявленія имъ *весьма-важнаго* извѣстія. Приглашенные собрались въ назначенномъ мѣстѣ. Въ полдень, когда

(*) Эти подробности, какъ и многое, отпосыщаеся до біографіи Шамиля, заимствуемъ изъ разсказа, напечатаннаго въ «Кавказѣ» 1852 года и составленнаго со словъ *Маклача*, сына чохскаго жителя *Казы*, у котораго въ дѣтствѣ жилъ Галзатъ-Бекъ. Впослѣдствіи *Маклачъ*, въ офицерскомъ чинѣ, служилъ переводчикомъ при командовавшемъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генерал-лейтенантъ князь В. О. Бебутовъ. Другимъ источникомъ для той части статьи, служило извѣстное сочиненіе генерал-майора Неверовскаго.

муэззины призываютъ правовѣрныхъ къ совершенію молитвъ , толпа собравшихся молль и общественныхъ старшинъ тѣснилась уже у дверей мечети. Въ это время Гамзат-Бекъ вѣхалъ въ селеніе съ огромной свитой вооруженныхъ приверженцевъ. Гордо и смѣло вошелъ онъ въ мечеть , совершилъ намазъ и, повернувшись лицомъ къ народу, держалъ слѣдующую рѣчь : «Мудрые сподвижники тариката, «почтенные моллы и старшины храбрыхъ обществовъ ! Кази-Мулла «убить и молится за васъ на небѣ. Будемъ ли къ нему иенризна-«тельны? уменьшимъ ли ревность въ исполненіи тариката, ослабѣемъ «ли духомъ послѣ смерти Кази-Муллы, святаго, который во всякомъ «дѣлѣ будетъ помогать намъ , оставляя, во время битвъ нашихъ съ «невѣрными, гурій и рай изъ любви къ вамъ? Тарнкатъ велить намъ «вести войну съ русскими, чтобъ освободить нашихъ собратьевъ отъ «ихъ власти. Кто убьетъ русскаго, тому обѣщано вѣчное блаженство; «кто самъ будетъ убить въ дѣлѣ , тому предстоить рай со всѣми «гуріями и утѣхами. Идите въ свои мѣста, собирайте народъ, вну-«шайте ему наставленія Кази-Муллы ; скажите , что если они не бу-«дутъ ревностно содѣйствовать великому дѣлу освобожденія родины, «то наши мечети превратятся въ церкви христіанскія , а христіане «поработятъ насъ всѣхъ. Но мы не можемъ оставаться безъ имама. «Кази-Мулла избралъ меня своимъ помощникомъ и назначилъ преем-«никомъ. Я объявляю *казаватъ* (религіозную войну) русскимъ ; на-«чальникъ вашъ и имамъ — я!»

Такая рѣчь, однакожь, не вдругъ принесла ожидаемые результаты. Слушатели Гамзат-Бека помнили нѣкоторыя его неудачи и потому несомѣльмъ-благосклонно приняли его воззваніе. Раздалось нѣсколько противорѣчащихъ голосовъ; въ толпѣ старшинъ послышался ропотъ. Тогда Гамзат-Бекъ, не давая времени слиться въ одинъ голосъ нерѣшительному еще ропоту недовольныхъ , далъ знакъ рукою и важно и рѣшительно произнесъ: «Мусульмане! вижу, что вѣра начала осла-«бѣвать въ васъ! Мой долгъ, долгъ имама, велить мнѣ навести васъ «на тотъ путь, съ котораго вы совратились. Я требую отъ васъ по-«виновенія , или Гамзатъ принудитъ васъ повиноваться силою ору-«жія!...» Грозное лицо оратора , сжавшаго рукоятъ шашки , приближеніе къ нему приверженцевъ, готовыхъ на все, смутили толпу право-«вѣрныхъ ; ни одинъ голосъ не возвысился для возраженія ; шопотъ согласія отозвался изъ толпы , а Гамзатъ торжественно вышелъ изъ мечети, сѣлъ на коня и уѣхалъ изъ деревни , окруженный своими мюридами, весело вокругъ него джигитовавшими.

Что-нибудь подобное непременно должно было совершиться и при *самоизбраніи* Шамиля : иначе и не можетъ произойти! возвышеніе одного надъ другими тамъ , гдѣ народная масса состоитъ изъ невѣжественныхъ и жаждущихъ добычи и крови изувѣровъ. Догадливѣйшій, рѣшительнѣйшій и наиболѣе-общающій , неминуемо долженъ успѣ-«вать въ планахъ своего честолюбія , и ненужно было Шамилю ни генія , ни особенныхъ доблестей , чтобъ стать во главѣ кавказскаго мюридизма. Изъ наглаго, но краснорѣчиваго провозглашенія Гамзат-Бека видно еще и то , что не первый (и , вѣроятно , не послѣдній)

удалецъ этого рода является въ горахъ ; что и до него тамъ умѣли выдвигаться изъ толпы люди , мало-мальски одаренные смѣлостью и словомъ , и что , слѣдовательно , Шамиль отнюдь не представляетъ горцамъ ни новизны, ни сверхъестественности... Настоящіе размѣры значенія Шамиля въ средѣ своихъ подвластныхъ будутъ опредѣлены ниже. Теперь же бросимъ послѣдній взглядъ на его дальнѣйшія похождения.

Уже было сказано, что честолюбивые замыслы Шамиля касательно Аваріи встрѣчали нѣкоторое препятствіе въ лицѣ оставшагося въ живыхъ малолѣтнаго *Булач-Хана* аварскаго. По провозглашеніи себя имамомъ, Шамиль немедленно направилъ свои помыслы на уничтоженіе этой послѣдней преграды — *послѣдней* , потому-что всѣ другія препятствія къ вліянію на Аварію были устранены ранѣе , а умы аварцевъ были расположены въ пользу Шамиля за то, что въ новомъ имамѣ видѣли они своего главнаго соучастника въ отмщеніи Гамзат-Беку за униженіе Аваріи и за смерть ея хановъ, не подозрѣвая, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ Шамиль былъ еще виновнѣе, чѣмъ Гамзат-Бекъ. *Гаджи-Муратъ* , одинъ изъ внуковъ и главнѣйшихъ сообщниковъ заговорщика Осмакиязул-Гаджіева , по праву родства съ истребленной Фамиліей аварскихъ хановъ , принявшій на себя управленіе Аваріей, вмѣстѣ съ другими аварцами раздѣлялъ полнѣйшіе довѣріе и совершенную преданность къ Шамилю... но ненадолго. Вскорѣ обнаружались истинные замыслы новаго имама, нисколько-неутѣшительные для аварцевъ. Еще не отваживаясь идти прямо на Хунзахъ, онъ, съ сильною партією приверженцевъ, явился подъ селеніе Новый-Гоцатль , гдѣ проживалъ на попеченіи Иман-Алія , дяди Гамзат-Бека , молодой Булачъ, ханъ аварскій. Шамиль потребовалъ отъ Иманъ-Алія выдачи Булач-Хана и всего богатства, оставленнаго Гамзат-Бекѣмъ. Иман-Али немедленно выдалъ сокровища, но отказался выдать Булач-Хана , будучи къ тому побуждаемъ памятью о предсмертномъ завѣщаніи своего сына *Чопан-Бека* , который участвовалъ въ убіеніи аварскихъ хановъ въ лагерьъ подъ Хунзахомъ, и, смертельно-раненный нхъ нукерами, былъ привезенъ къ отцу своему. Умирая на рукахъ отца, Чопан-Бекъ раскаялся въ содѣйствіи къ убійству своихъ законныхъ хановъ и, ради души своей, просилъ отца сохранить отъ смерти малолѣтнаго Булач-Хана, который впослѣдствіи могъ бы получить принадлежащее ему Аварское Ханство. Встрѣтивъ упорство Иман-Алія , Шамиль употребилъ угрозы , и уstraшенный опекунъ несчастнаго Булач-Хана нашель себя вынужденнымъ исполнить грозное требованіе. Молодой ханъ былъ выданъ Шамилю и, *подъ предлогомъ отмщенія за смерть Гамзат-Бека* , принялъ незаслуженную казнь: по приказанію Шамиля онъ былъ сброшенъ съ высокой скалы въ рѣку Аварское Кой-Су... При этомъ случаѣ опять проявляется , кромѣ закоснѣлаго злодѣйства Шамиля , и его замѣчательное лукавство: передъ аварцами онъ выказываетъ себя мстителемъ за хановъ и убійцею Гамзат-Бека, а передъ прочими горскими обществами силится и успѣваетъ представить изъ себя мстителя за *Гамзат-Бека*. Но какъ бы то ни было, Булач-Ханъ не существо-

валь , а богатства Гамзат-Бека поступили въ казну Шамиля и были перевезены въ селеніе Харачивъ.

Имамъ торжествовалъ. Но поведеніе его было разгадано аварцами. Убіеніе Булач-Хана открыло имъ глаза. Гаджи-Мурать, управлявшій! Аварією, возненавидѣлъ п сталъ опасаться Шамиля , вслѣдствіе чего и отдался подъ покровительство Россіи. Дальнѣйшая исторія этого искателя приключеній извѣстна. Цѣлый ^{Тифлисъ} видѣлъ и помнитъ его, сначала своимъ преданнымъ гостемъ, а потомъ казненнымъ измѣнникомъ (*).

Послѣ вышеописанныхъ подвиговъ , изъ которыхъ ни одинъ не остался незапечатлѣннымъ кровью или вѣроломствомъ , Шамиль занялся обезпеченіемъ своей особы и распространеніемъ моральнаго вліянія на умы горскихъ обществъ. Для первой изъ этихъ цѣлей онъ старался увеличить число своихъ приверженцевъ, соблазняя ихъ то обѣщаніями, то замѣчательнымъ своимъ краснорѣчіемъ, которое, по выраженію горцевъ, такъ велико, что когда говоритъ имамъ, *глаза его извергаютъ пламя, а изъ устъ сыплются щѣты*. Примѣръ Гамзат-Бека научилъ Шамиля, что при малочисленности приближенныхъ и тѣлохранителей особа имама не въ безопасности и кинжалъ возмутителя или честолюбца легко достигаетъ до груди священной особы. Для осуществленія нее второй цѣли , то-есть , для укрѣпленія и распространенія своего нравственнаго вліянія , имамъ избралъ испытанное и вѣрное орудіе своихъ предшественниковъ: *святошество мюридизма*. Чтобы раскрыть и уяснить въ настоящемъ ихъ смыслъ наибольшую часть важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ, касающихся до *горскихъ тайнъ* , необходимо разсказать краткую исторію, и показать настоящее значеніе *кавказскаго мюридизма*.

Скажавъ: *кавказскаго мюридизма*, мы этимъ выраженіемъ хотѣли высказать мысль о возможности подраздѣлить мюридизмъ на два вида: 1) мюридизмъ вообще, какъ видъ мусульманскаго ученія, или мюридизмъ настоящій, *подлинный*, и 2) мюридизмъ неистинный , неискренній, *кавказекгѣ*, или мюридизмъ Шамиля.

Разсмотримъ и тотъ и другой:

Исламизмъ имѣеть двоякое ученіе: *шаріатъ* и *тарикатъ*. Шаріатъ — законъ внѣшняго богопочитанія, основанный на словахъ пророка. Въ этомъ законѣ заключаются предписанія о молитвѣ, поклоненіи, подаеніи, омовеніи и постѣ. Шаріатъ имѣеть обязательную силу для всѣхъ мусульманъ. Тарикатъ же — высшее состояніе духовной силы и добродѣтели, достигаемое строгимъ исполненіемъ предписанныхъ правилъ, восторженною молитвою, благочестивымъ созерцаніемъ. Тарикатъ доступенъ не всѣмъ, а только избраннымъ, имѣющимъ до-

(*) Гаджи-Мурать долго благоденствовалъ въ подданствѣ русскому правительству ; въслѣдствіи, соблазненный медовыми рѣчами Шамиля , измѣнилъ Россіи и сдѣлался ревностнѣйшимъ его наибоиъ (намѣстникомъ); послѣ того, какъ-бы раскаяваясь въ измѣнѣ , передался опять русскимъ и довольно-долго жилъ въ Тифлисъ ; наконецъ , измѣнивъ намъ вторично , покушался уйти въ горы, но въ окрестностяхъ Нухи былъ убитъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Голова его была привезена въ Тифлисъ.

статочно силы, чтобъ отрѣшиться отъ всего земнаго. Эти-то *избранные* (по большой части сами собой избираемые) принимаютъ на себя роль наставниковъ въ премудростяхъ тарнката и называются *мюршидами*, и послѣдователи или ученики ихъ именуются *мюридами*, отсюда и происходитъ та категорія явленій, которую мы называемъ мюридизмомъ.

Пламеннымъ, но лѣнливымъ обитателямъ Востока всегда нравилась мысль объ уединеніи себя отъ общества. Въ уединеніи мечтали они духовно приблизиться къ Богу подъ могущественнымъ вліяніемъ созерцанія пустынной и величественной природы. Такое направленіе было несходно съ мыслью Мухаммеда, желавшаго основать свою проповѣдь на мечѣ и на кровавой враждѣ ко всему иновѣрному. Одинокое и бездѣйственное созерцаніе не могло не соперничествовать съ новою вѣрою, успѣхъ которой зависѣлъ отъ энергіи первыхъ ея послѣдователей. По этой причинѣ пророкъ заклеилъ пустынножителство строгимъ отрицаніемъ, сказавъ, что *нѣтъ отшельничества въ ислаимзмѣ*, и будучи увѣренъ, что этотъ завѣтъ навсегда преградить путь въ новую религію началу, несходному съ его видами. Но расположеніе или наклонность Востока къ уединенному созерцанію пересилила волю Мухаммеда и, основываясь на нѣкоторыхъ изреченіяхъ Курана, гдѣ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ говорится о презрѣннѣи къ благамъ міра сего, образовала отшельническіе ордена и ученіе *тариката*, преподаваемое мюршидами, т. е. *указующими* путь *желающимъ*, или *мюридамъ*. Колыбелью ученія о тарикатѣ былъ, какъ кажется, *Джазире*. Тутъ, при дворѣ халімовъ и въ окрестностяхъ Багдада, гдѣ постоянно жили и проповѣдывали ученѣйшіе богословы ислаимзма, основались систематическія начала этого ученія, а отсюда распространились по всему Востоку. Абу-Муслимъ и Саманиды въ-особенности способствовали процвѣтанію богословія въ Мервѣ, Бухарѣ и Самаркандѣ, и хотя нашествіемъ Чингиса и царствованіемъ первыхъ его потомковъ нѣсколько ослабилось ученіе о тарикатѣ, но въ XIV вѣкѣ одинъ изъ приверженцевъ этого ученія, *Хазрати-Богоуединъ-Шей'ихи-Блсикисъ-Бяндъ* возбудилъ его съ новой силою. Въ XV вѣкѣ ученіе о тарикатѣ процвѣтало, и съ-тѣхъ-поръ не прекращалось (*).

Такова, въ краткомъ очеркѣ, исторія мюридизма вообще. Неменѣе любопытно самое *существо* этого ученія, которое должно быть разсмотрѣно въ одно время съ существомъ мюридизма *кавказскаго*, для того, чтобъ яснѣе опредѣлилась та отдаленность между настоящимъ и кавказскимъ мюридизмомъ, какая встрѣчается на самомъ дѣлѣ. Разсмотримъ же ихъ, такъ сказать, параллельно...

Пророки составляютъ у мусульманъ какъ-бы представителей различныхъ степеней духовнаго развитія человѣчества и числомъ ихъ

(*) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія, а также все, что будетъ далѣе сказано о существѣ мюридизма, заимствуемъ изъ превосходнаго анализа этого ученія, написаннаго П. В. Ханковымъ и помѣщеннаго въ газ «Кавказъ» за 1817 г.

опредѣляется какъ-бы самое число эпохъ этого совершенствованія, которое, по мнѣнію мусульманъ, окончилось на величайшемъ изъ всѣхъ посланниковъ Божіихъ—Мухаммедѣ. По и пророки, по мусульманскимъ понятіямъ, не всѣ въ равной степени содѣйствовали образованію человѣчества. Только пять изъ нихъ: Адамъ, Авраамъ, Моисей, Иисусъ Христосъ (Исѣ) и Мухаммедъ, по ученію правовѣрныхъ мослимовъ, суть настоящіе представители послѣдовательныхъ степеней развитія человѣчества ; первые — представители развитія прошедшаго и современнаго имъ, послѣдній же, т. е. Мухаммедъ, и прошедшаго и будущаго (*). Тѣ же пять степеней совершенствованія предстоитъ пройти и мюриду при нравственномъ воспитаніи его. Приготовившись молитвою и изученіемъ шаріата къ великой рѣшимости своей *отречься отъ міра и посвятить себя созерцанію Бога* (просимъ замѣтить эти существенныя и единственный цѣли настоящаго восточнаго мюридизма), новобранецъ приходитъ къ мюршиду, или старцу, и смиренно изъявляетъ желаніе поступить къ нему въ ученики. Въ любой комнатѣ молельни, на коврѣ, незапятнанномъ прикосновеніемъ къ чему-либо нечистому, преклоняютъ они колѣни и мюршидъ прочитываетъ два ракіата особенной молитвы (*намаза истихаря*), и спрашиваетъ покровительства Божія новопршедшему мюриду ; потомъ, обративъ испытующій взоръ на лицо его, мюршидъ долженъ положиться на влеченіе собственнаго сердца: если оно не отвергаетъ пришедшаго, то онъ сажаетъ его передъ собою и , взявъ его руки въ свои, приглашаетъ отречься отъ прежнихъ грѣховъ съ твердою рѣшимостью сколько можно воздерживаться отъ нихъ въ будущемъ. Потомъ онъ научаетъ мюрида именамъ тѣхъ, которые постоянно, послѣ пророка, передавали изустно другъ другу сокровенныя тайны и приѣмы созерцаній. Такимъ-образомъ мюршидъ духовно связываетъ мюрида съ источникомъ всякаго мусульманскаго благочестія — мединскимъ пророкомъ. Послѣ описаннаго обряда *посвященія*, для мюрида наступаютъ трудныя упражненія, которыя онъ долженъ преодолѣть для достиженія высшихъ степеней мюридизма, т. е. для отрѣшенія себя отъ тѣлеснаго міра и для возвышенія духа до способности постоянного созерцанія Бога. Дойдя до этого вожделѣннаго состоянія, мюридъ, по мнѣнію мусульманъ, освобождаетъ духъ свой отъ бранныхъ тѣлесныхъ оковъ и, прилѣпляясь къ началу своему — *небытію*, совершенно забываетъ о существованіи тѣла, и тогда разумъ его возвышается до пониманія сокровеннѣйшихъ истинъ міра духовнаго и Физическаго; сердце наполняется спокойствіемъ рая; воображеніе поражается созерцаніемъ верховнаго существа, видитъ и узнаетъ Его во всѣхъ предметахъ. Мюридъ начинаетъ понимать единство во множествѣ, и духъ его, несвязанный уже никакими земными узами и очищенный отъ грѣховъ міра сего, составляетъ какъ-бы нераздѣльную часть всемогущаго духа Міродержителя {* **}.

(*) Просимъ читатели помнить, что, при изложеніи началъ мюридизма, повторяемъ только ученіе мусульманъ о сравнительномъ величіи пророковъ. Е. В.

(**) Пзъ сочиненія Н. В. Хавмкова.

Вотъ до какихъ премудростей, вымышленныхъ мусульманскимъ отшельничествомъ, долженъ дойти истинный мюридъ ; но самые эти приемы и проявленія восточнаго аскетизма не доказываютъ ли съ совершенною ясностью, что тутъ дѣло идетъ объ *отшельничествѣ*, а отнюдѣ не о постоянно-вооруженныхъ кавказскихъ хищникахъ, предводимыхъ Шамилемъ, хотя и послѣдніе также именуются мюридами. Мы даже затрудняемся найти что-нибудь общее между уединяющимися, молящимися и, но-своему, созерцающими Божество, восточными мюридами и тѣми приверженцами кавказскаго имама, которые живутъ только для грабежа, внезапныхъ набѣговъ и добычи.

Нѣкоторые Французскіе журналисты, ратовавшіе за Шамиля по случаю послѣдней войны Россіи съ западными союзниками султана, хотя и въ напыщенно-иперболическихъ чертахъ, однако болѣе или менѣе вѣрно опредѣлили характеръ восточнаго мусульманскаго отшельничества вообще. Видно, что они для этого имѣли довольно-вѣрные указанія. Но грубая ихъ ошибка въ томъ, что тотъ же самый характеръ присвоили они мюридизму кавказскому и заподозрѣли Шамиля и его сподвижниковъ въ такой искренней ревности къ тарнкату, какой они никогда не имѣли, да и имѣть не могутъ по самымъ условіямъ ихъ жизни посреди владѣній христіанской націи, управляемой могущественнымъ правительствомъ. Чтобъ доказать это, обратимся снова къ существу настоящаго мюридизма.

Мюридизмъ на Востокѣ имѣетъ два важныя и характеристическія коренныя основанія: 1) демократическое начало равенства между послѣдователями тариката, и 2) такалъ привязанность учениковъ къ учителю, которая обязываетъ первыхъ свято исполнять всякую волю послѣдняго, и даже стараться предупредить его желанія, прежде чѣмъ онъ ихъ выскажетъ, *понималъ потаенные помыслы учителя искренно-любимымъ сердцемъ*.

Первое изъ этихъ началъ проповѣдуется мюридизмомъ въ томъ смыслѣ, что ни богатство, ни права рожденія не имѣютъ никакого значенія для послѣдователей тариката, такъ-что простолудинъ, очистившій сердце свое постомъ и молитвою и достигшій послѣднихъ степеней нравственнаго образованія, стоитъ несравненно-выше отягченнаго благами міра вельможи, который, признавъ ничтожность ихъ, прибѣгнетъ наконецъ къ мюриду съ просьбою о наставленіи въ тарикатъ (*).

Не взирая на явное противорѣчіе духу восточныхъ правительствъ, эта идея никогда не была вредна тамошнимъ правителямъ, сколько потому, что она имѣетъ обязательную силу только для послѣдователей тариката, число которыхъ было во всѣ времена невелико въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ, столько и потому, что права верховной власти достаточно ограждены и Кураномъ и хадисами (**) отъ вмѣшательства народа, вслѣдствіе чего главы управленія никогда не

(*) Изъ того же сочиненія П. В. Ханыкопа.

(*)» *Хадисы* — священные преданія, собранныя въ рукописи.

могли опасаться вредных для себя послѣдствій вышеобъясненной идеи (болѣе религіозной, чѣмъ политической).

Второе начало, т. е. безусловная привязанность мюридовъ къ своему мюриду, могло бѣ быть гораздо-важнѣе по своимъ послѣдствіямъ. Но и оно *среди мусульманскихъ государствъ* никогда не имѣло серьёзныхъ результатовъ, потому-что тамъ шейхи, или мюриды, не могутъ долгое время обманывать своихъ приверженцевъ святостью преподаваемого ими ученія, если подъ этимъ скрывается какой-нибудь политическій замыселъ, потому-что другіе мюриды, отчасти по зависти, отчасти по внутреннему убѣжденію, постышатъ изобличить мірскіе замыслы лжеучителей, а слѣдовательно уничтожить и ихъ вліяніе. Но не таковы послѣдствія этихъ двухъ коренныхъ началъ мюридизма, когда они вносятся въ мусульманскія общества, *подчиненныя христіанскимъ правительствамъ, или окруженныя христіанскою геггерриторіей*, какъ, напримѣръ, на Кавказѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ отшельничество мюридовъ превращается въ постоянно-вооруженное ополченіе. Тутъ демократическое начало дѣлается крайне-опаснымъ : оно даетъ возможность всѣмъ, кому жизнь и обстоятельства не улыбаются, расторгнуть узы, связующія ихъ съ обществомъ, и, йодъ предлогомъ угожденія вѣрѣ, въ бунтахъ и крамолахъ искать измѣненія существующаго порядка. Тутъ и вліяніе мюрида получаетъ совершенно-новое значеніе: съ Кураномъ въ рукѣ и съ возгласами о притѣсненіи вѣры, онъ легко соединяетъ вокругъ себя многочисленныхъ послѣдователей и требуетъ отъ нихъ, на основаніи одного изъ коренныхъ правилъ тариката, не только безсмысленнаго повиновенія, но и кровавыхъ подвиговъ борьбы съ христіанами; ибо всякій мюридъ прежде, чѣмъ предается ученію тариката, долженъ исполнить во всей строгости требованія закона, а одинъ изъ главныхъ догматовъ этого закона есть *джехадъ*, или война съ невѣрными.

Мюриду (какъ, напримѣръ, Шамиль), однажды постановившему себя на этомъ направленіи, ужъ легко придать законность незаконному стремленію своему пользоваться вліяніемъ на мюридовъ для достиженія личныхъ своихъ выгодъ, *вовсе не исполняя,, или исполняя рѣдко* трудную обязанность поученія, которая должна бѣ быть основою его дѣятельности. Очевидно, при такомъ мюридѣ большая часть мюридовъ или вовсе не понимаютъ смысла носимаго ими званія, или видятъ въ немъ только легкое средство возвыситься надъ равными чрезъ угожденіе прихотямъ и властолюбію своего лжеучителя. Къ-тому же постоянныя смуты доставляютъ прекрасный предлогъ мюриду давать, при выборѣ учениковъ, преимущество по тѣмъ изъ нихъ, которые отличаются знаніемъ закона и рѣшимостью воздержанія отъ грѣховъ, а тѣмъ, напротивъ, которые бойкими свѣтскими особенностями внушаютъ ему надежду пріобрѣсти въ нихъ отважныхъ сподвижниковъ въ набѣгахъ и вообще въ военныхъ предпріятіяхъ, для ннхъ гибельныхъ. Подъ видомъ защиты вѣры и охраненія исламизма, тысячи гибнутъ въ неравной борьбѣ, не замѣчая того, что они защищаютъ не Куранъ, а жертвуютъ счастіемъ и спо-

койствіемъ своей родины для поддержанія властолюбивыхъ или корыстныхъ замысловъ учителя, пользующагося ихъ ослѣпленіемъ (*).

Такимъ-образомъ дѣйствовалъ первый учитель тариката на Кавказѣ Шейх-Мансуръ, оренбургскій уроженецъ, беспокоившій здѣшнія страны своею кровавою проповѣдью въ концѣ прошедшаго вѣка и заимствовавшій своѣ духовныя познанія изъ Бухары; такимъ же образомъ, много времени спустя послѣ взятія Шейх-Мансура въ Анапѣ русскими, дѣйствовалъ въ 1823 году ученикъ моллы Мухаммеда, бухарецъ Хас-Мухаммедъ, положившій начала бѣдственнымъ для Дагестана безпорядкамъ, которые послѣ него были поддерживаемы послѣдователями его, Кази-Муллою и Гамзат-Беккомъ... Такимъ же образомъ, наконецъ, дѣйствуетъ и Шамиль, не имѣя даже въ этомъ отношеніи достоинствъ первенства, потому-что точно той же системѣ лжемюридизма слѣдовали и поименованные выше предшественники его...

Но мы имѣемъ подъ руками свидѣтельства, доказывающія, что даже и въ томъ неполномъ и неподлинномъ видѣ мюридизма, какой существуетъ на Кавказѣ, Шамиль не остался вѣренъ своему же собственному ученію, но напротивъ, дѣлая его, изъ корыстныхъ видовъ, обязательнымъ для своихъ послѣдователей, самъ не колебался совершать важныя отступленія не только отъ тариката, доступнаго немногимъ, но, даже и отъ шаріата, обязательнаго для всѣхъ правовѣрныхъ... Въ доказательство этого приведемъ любопытный документъ обличенія Шамиля, составленный ученымъ муллою Сулейман-Эфендіемъ, долгое время находившимся въ числѣ приближенныхъ къ Шамилю. Оригиналъ этого документа написанъ поарабски, а полный переводъ его помѣщенъ въ газетѣ «Кавказъ» за 1847 годъ.

«Я, какъ духовное лицо, зная и то и другое ученіе (т. е. шаріатъ и тарикатъ), пожелалъ посвятить себя болѣе всего молитвамъ единому Творцу вселенной и, руководствуясь нѣкоторыми наставленіями Алкураана, оставилъ Кабарду, присоединился къ мюридамъ и сблизился съ называющимъ себя главою правовѣрныхъ и мюридовъ—съ *Шамуль-Эфендіемъ* (т. е. Шамилемъ!). Впослѣдствіи, находя нѣкоторые его поступки противными священному шаріату, какъ ученый человекъ, обманутый въ мнѣніи о немъ, я сталъ напоминать ему незаконность подобныхъ дѣлъ: но это было ему противно, и я, видя невозможность долѣе оставаться при немъ, возвратился на родину съ цѣлью изобличить его въ замѣченныхъ мною преступленіяхъ противъ закона. Въ это время прибылъ къ намъ господинъ главнокомандующій Кавказскимъ Корпусомъ въ Кабарду, и я, прибѣгнувъ подъ его покровительство, приступаю теперь къ описанію тѣхъ противныхъ шаріату поступковъ Шамиля, совершенію которыхъ я былъ свидѣтелемъ и незаконность которыхъ очевидна, но изложеннымъ мною ниже есть доводамъ, извлеченнымъ изъ самого, священнаго для насъ, Алкураана. (**)

(**) П. В. Хаймсовъ.

1) Въ нѣкоторыхъ дагестанскихъ деревняхъ, подвластныхъ Шамилю, онъ не возстановляетъ отправленія опредѣленныхъ религіозныхъ обрядовъ и общественныхъ молитвъ по пятницамъ, и жители оныхъ ужь предаются разнымъ преступнымъ страстямъ н своеволю, что противно шаріату, потому-что сказано въ Алкуранѣ: *молитесь вмѣстѣ съ молящимися, отправляйте намазъ и отдавайте закятъ*; пророкъ же сказалъ, что всякій пастырь долженъ отвѣчать за свое стадо. Если Шамиль дѣйствительно есть пастырь, какъ онъ себя называетъ, то онъ долженъ отвѣчать за это.

2) Безъ всякаго основанія и изслѣдованія истины, а только по одной лишь клеветѣ, приказываетъ оиѣ своимъ палачамъ лишать жизни почтенныхъ мусульманъ, обвиняемыхъ въ мнимыхъ преступленіяхъ; присемъ цѣль его состоитъ въ томъ, чтобъ вселить страхъ въ другихъ и тѣмъ утвердить надъ ними власть свою на прочномъ основаніи, что противно шаріату, потому-что сказано въ Алкранѣ: *если кто-нибудь съ умысломъ убьетъ кого-либо изъ правовѣрныхъ невинно, то его ожидаетъ вѣчное адское мученіе*.

3) Если кто-нибудь, совершивъ преступленіе, напримѣръ, воровство, избѣгаетъ наказанія удаленіемъ съ семействомъ и имуществомъ въ другія безопасныя мѣста, оставляя на родинѣ дальнихъ родственниковъ и однофамильцевъ, вовсе съ нимъ неучаствовавшихъ въ преступленіи и неимѣвшихъ съ нимъ никакого общаго имѣнія, то Шамиль подвергаетъ этихъ невинныхъ страшному взысканію въ пользу того лица, чья собственность украдена удалившимся ихъ однофамильцемъ, что противно шаріату, ибо въ Алкуранѣ сказано: *никто не отвѣчаетъ за вину другаго*.

4) Если кто-нибудь изъ постановленныхъ отъ наивовъ умереть или въ сраженіи, или обыкновенною 'смертью, то все его имѣніе, по приведеніи въ извѣстность, конфискуется въ особенную казну Шамиля, а несчастныя дѣти и сироты умершаго остаются въ крайности, что также противно шаріату, ибо въ Алкуранѣ сказано: *не похищайте и не присвоивайте себѣ сггротскгхъ имуи, ествъ, потому-что похгг-тигпелл оныхъ ожггдаетъ огонь гг вѣчная мука*.

3) Онъ же, обвиняя обитателей нѣкоторыхъ дагестанскихъ деревень въ изъявленіи ими покорности и повиновенія русскимъ, дѣлаетъ на нихъ нападенія, взрослыхъ мужчинъ умерщвляетъ, женщинъ, малолѣтнихъ и дѣтей беретъ въ плѣнъ, а имущества ихъ захватываетъ въ пользу своей казны и своихъ приверженцевъ, что противно шаріату. Алкуранъ запрещаетъ лишать жизни мусульманина; что же касается до его имущества, то въ Алкуранѣ также сказано: *не похищайте другъ у друга собственностигі по пресггупимъ страстямъ своимъ*; и пророкъ сказалъ: *кто произнесетъ Ая-иль-лахэ-иль—алла (нѣтъ Бога, кромѣ едигаго Бога), тотъ есть правовѣрный, кровь и собственность его неприкосновенны; только единый. Богъ будетъ судить его въ дѣяніяхъ*.

6) Шамиль выдаетъ себя между мусульманами за послѣдователя втораго ученія исламизма, то-есть тарнката; а правила и условія этого ученія показаны были мною выше, слѣдовательно, сопровозіда»

дѣйствіи свою силою оружія и предпринимая военныя дѣйствія, нарушаетъ тѣмъ самое главное условіе тариката; не говоря еще о томъ, что онъ, вопреки правиламъ помянутаго ученія, руководимый страстями, не имѣя денегъ и способовъ къ исполненію своихъ намѣреній, а потому только похищая чужую собственность, раздаетъ ее своимъ воинамъ и, начиная съ Шамхальскаго Владѣнія до крѣпости Анапы, силится всюду производить опустошенія и подвергаетъ народъ гибели. Всѣ таковыя его дѣйствія очевидно доказываютъ скрытную его цѣль къ приобрѣтенію власти надъ покоренными имъ народами, къ порабощенію сихъ послѣднихъ и къ именованію себя единственнымъ ихъ властителемъ или султаномъ и эмиромъ.Flo онъ забываетъ, что султанъ, или эмиръ, которому мусульмане обязаны повиноваться, долженъ происходить изъ рода курейшовъ (племя, обитающее въ Аравіи и преимущественно въ Меккѣ, изъ котораго происходилъ самъ Мухаммедъ), и таковой султанъ до-тѣхъ-поръ можетъ быть почитаемъ, пока не отступитъ отъ истинныхъ правилъ дарованной ему свыше власти. А Шамиль, во первыхъ, происходитъ не отъ курейшовъ, а вовторыхъ, и безъ того отступаетъ отъ постановленій шаріата и отъ истины, какъ объяснено выше. Кромѣ всего этого, онъ самозванецъ: ибо не народомъ избранъ въ настоящій свой санъ. Кто же изъ среды этого народа смѣетъ напомнить ему объ этомъ? У него теперь войско, способы властелина и палача всегда подъ рукою! Да онъ не можетъ называть себя и *обладателемъ знамени*, потому-что это званіе непосредственно принадлежитъ вѣнценосной особѣ, которой условныя качества я объяснилъ.

7) Шамиль даже разрѣшилъ своимъ наиба^{мъ} совершать смертную казнь, что противно шаріату, потому-что и законный (мухаммедапскій) властелинъ не въ-правѣ безъ предварительнаго разрѣшенія предсѣдатель шаріата лишать кого-либо жизни; да кромѣ сего, законный султанъ никогда не въ-правѣ приступать къ какому-либо враждебному предпріятію противъ какого-нибудь народа безъ предварительнаго на то разрѣшенія муфтіевъ и казіевъ, хотя бы таковое его предпріятіе всегда сопряжено было съ пользою для его народа.

Что же касается до враждебныхъ предпріятій Шамиля противъ различныхъ народовъ, то онъ не имѣетъ другой цѣли, какъ только выгоды собственнаго своего лица. Въ первыя времена своего появленія онъ дѣйствовалъ только проповѣдями и наставленіями, а теперь—угрозами и внушеніемъ страха, и вслѣдствіе этого, покоривъ своей власти разныхъ обитателей Дагестана, съ давнихъ временъ считавшихся вѣрноподданными могущественнаго Государя руссійскаго, не только лишилъ ихъ благоденствія и покровительства этого Великаго Монарха, но даже вооружилъ ихъ самихъ противъ его священной власти и тѣмъ приготовилъ и приготовляетъ гибель этимъ несчастнымъ; а это, конечно, совершенно-противно мусульманскому шаріату, ибо эти обитатели Дагестана однажды поклялись въ подданствѣ Россіи; а нарушение этой клятвы есть величайшее по шаріату преступленіе, потому-что ясно сказано въ Алкуранѣ: *не нарушайте своихъ клятвъ и обѣтовъ, однажды вами данныхъ*; не говоря уже о томъ.

что нарушеніе подобной клятвы стоитъ имъ жизни, служить къ ихъ разоренію п, наконецъ, къ совершенной нхъ гибели, чѣбъ противно шариату. Въ Алкураѣ сказано : *не подвергайте себя собственными руками опасности и гибели*».

Подписаль и приложилъ свою печать *Сулсйман-Эфенди*. 10 ноября (1262) 1846 года, въ Кабардѣ; къ сему еще приложена другая печать съ именемъ *Касума*.

Въ-заключеніе, быть-можетъ, нелишне разсмотрѣть *современный* вопросъ о томъ: какое отношеніе можетъ имѣть къ цѣлямъ и пользамъ Шамиля нынѣшняя война Россіи съ союзниками турецкаго султана (*).

Шамиль не можетъ не радоваться вѣинѣ Россіи съ Турціей и ея союзниками, но не потому, чтобъ желалъ ихъ торжества за Кавказомъ, а потому, что война можетъ ослабить надзора, за нимъ со стороны русскихъ и , слѣдовательно , обнадеживаетъ его возможностью дѣлать болѣе-удачные набѣги. Сосѣдство же христіанъ , кто бы они ни были, русскіе , Французы или англичане , во всякомъ случаѣ для него нисколько не можетъ быть пріятно. Даже самого султана, высшая духовная власть котораго признается всѣми суннитами (къ которымъ причисляются и кавказскіе мусульмане-горцы) , даже и его Шамиль только номинально признаетъ высшимъ надъ собою лицомъ, въ сущности же весьма-мало разсчитываетъ па султанскія милости и покровительство. Достоверно извѣстно, что дарованное и присланное Шамилю отъ султана въ 1854- году званіе *валія Гурджистана*, то-есть , султанскаго намѣстника Грузіи , несовсѣмъ удовлетворило его честолюбію , а напротивъ , очень-благоразумно было принято за почетный, но въ-сущности неимѣющій никакого значенія титулъ; притомъ же Шамиль имѣетъ политическую причину быть недовольнымъ турецкимъ правительствомъ. На Грузію смотреть онъ, какъ на страну, слишкомъ-мало ему доступную, а потому и нелѣпое званіе грузинскаго валія не столько для него существенно, какъ званіе валія дагестанскаго , потому-что Дагестанъ страна ему болѣе-снодручная , а притомъ и единовѣрная. Но турецкое правительство прочитъ званіе валія дагестанскаго не Шамилю , а другому претенденту и врагу Шамиля, съ-давнихъ-поръ находящемуся при турецкомъ военачальникѣ въ Азіатской Турціи.

Но всѣ эти тайныя и совершенно-непонятныя врагамъ Россіи пружины, обусловливающія явную невозможность предположенія , чтобъ Шамиль могъ быть полезнымъ для нихъ помощникомъ въ случаѣ дѣйствительнаго ихъ нападенія на закавказскія провинціи Россіи, всѣ эти препятствія къ осуществленію **Фантастической** мечты (уже лелѣмой нѣкоторыми Французскими публицистами) второстепенны и далеко не столь важны для спокойствія Россіи съ этой стороны, сколько важно слабосиліе Шамиля и его вліяніе на горцевъ. Слабосиліе это, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи увеличивается съ каждымъ годомъ. Мы ужъ видѣли, какими средствами поддерживалъ онъ

(*) Это писалось еще въ 1850 году.

ѣи то другое , и достаточно поняли , что такія средства не могутъ быть продолжительно-успѣшны. Обѣщанія , которыми Шамиль привлекаетъ къ себѣ толпы, должны быть исполняемы, чтобъ имъ вѣрили, а они очень-рѣдко исполняются; мнимыя чудеса сдѣлались понятными и нечудесными даже для горцевъ. Неудачные набѣги уничтожили цвѣтъ юношества и вообще мужескаго пола въ покорныхъ Шамилю аулахъ. Народонаселеніе въ нихъ уменьшается въ страшной пропорціи. Пруды скотоводства, луговъ и хлѣбопашества , уничтожаются русскими; бѣдность доходитъ до крайности и приводитъ горцевъ къ убѣжденію, что одна только покорность ихъ Россіи можетъ спасти отъ гибели цѣлыя общества, и мы недалеко будемъ отъ истины , если утвердительно скажемъ, что нынѣшняя борьба Россіи съ западными союзниками была *послѣднимъ* поводомъ къ *послѣднимъ* усиленію скопищъ Шамиля. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ обнадежить своихъ подвластныхъ возможностью перевѣса надъ русскими , силы которыхъ раздѣлены между горами Кавказа и границею Азіатской Турціи, и нѣтъ сомнѣнія, что до-сихъ-поръ поддерживаетъ въ нихъ несбыточныя ожиданія. Но благословить Богъ русское оружіе въ борьбѣ съ турками и ихъ западными поборниками, и тогда *послѣднее* разочарованіе преверженцевъ Шамиля рѣшить его участь. Никакія новыя воззванія не помогутъ обманщику утвердить вновь свое вліяніе; никакими обѣщаніями не привлечетъ онъ къ себѣ новыхъ сборищъ, состоящихъ изъ послѣдняго, такъ-сказать, жизненнаго сока непокорныхъ намъ дагестанскихъ и чеченскихъ обществъ...

Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

О П Е Ч А Т К И ,

Въ 1-й части.

Стран. Строк. Напечатано.

Должно быть.

3	сверху	12	сѣмѣйства	сѣмѣйствъ
11	—	14	на р. Гюрсь	на р. Гюрѣ
12	—	4	5 обѣ-виль	объявиль
13	снизу	2,	4 и 8: Громовъ	Грамовъ
16	сверху	16	волнованія	полноводія
19	снизу	15	Давидъ	князь Давидъ
—	—	10	Бульбакъ	Гульбатъ
20	—	5	Марпна-Гаидели	Марина-гамдели
21	сверху	19	Туріамъ-Сукли-Швили	Туріамъ-Сукни-Швили
23	снизу	2	всѣ болѣе хищническія	всѣ хищническія
25	—	8	Чобахура	Чобахури
31	сверху	2	и цѣлымъ	и цѣлыми
39	снизу	15	Концехскую	Концехевскую
43	—	19	по пустому лѣсу	по густому лѣсу
50	сверху	И	не приминулъ	не преминулъ
62	снизу	17	странномъ	страшномъ
65	сверху	17	Марья	Марія
70	снизу	1	нѣ-кому	и нѣ-кому
71	сверху	6	Вагнадзе	Вачнадзе
—	снизу	16	съ тѣхъ пору	съ тѣхъ поръ
—	—	—	оставалась	осталась
73	сверху	12	Вагнадзе	Вачнадзе
76	—	2	въ людяхъ, неразвитыхъ требованіями чувствен- ной стороны, часто	въ людяхъ неразвитыхъ, требованіями чувствен- ной стороны часто
78	—	5	лезгины	лезгины
86	—	1	Вагнадзе	Вачнадзе
—	—	10	Вагнадзе	Вачнадзе

Во II—й части.

3	—	6	и И легаки	лечаки
4	снизу	И	Хаджіо	Хаджіевъ (и вездѣ далѣе та же опечатка)
8	—	0	онъ не рѣшился бы	онъ не рѣшался
—	—	4	а второй лезгинъ	а второй, лезгинъ,
16	—	6	ревностью Зайдеты безъ всякаго основанія	ревностью Зайдеты и, конечно, безъ всякаго основанія.

Стран.	Стр.	Напечатано.	Должно быть.
27	снизу 14	Даніаль, султані, элисуи- скііі	Даніэль-Султанъ элисуи- скій
32	— 12	Вагнадзе	Вачнадзе
33	— 3	изуверства были	изувѣрства, были
34	сверху 20	тому, кто	Тому, Кто
43	снизу 2	озабоченныя	озадаченныя
60	сверху 19	отправились	отправлялись
70	— 16	(князя	(князю
73	— 4	Джемаль-Эддинъ	Шамиль
—	— 6	предложилъ	уступилъ
75	— 8	дочь Даніэль, султана	дочь Даніэль-Султана
84	— 8	Вагнадзе	Вачнадзе
86	— 8	подвинулись	двинулись
—	— 18	объявилъ	объявляя

Въ Ш-й части.

5	— 20	А. Н. Барятинскаго	А. И. Барятинскаго
11	снизу 1	въ Веденно	къ Веденно
16	сверху 4	Муртуль-Алн	Муртузь-Али
20	— 14	отъ непривычки къ си- дѣнью	отъ непривычки сидѣть поздѣшнему
—	— 19	вилшль-ли	видишь ли
20	— 22	Чевчавадзе	Чавчавадзе
22	— 9	Чивчавадзе	Чавчавадзе
26	— 20	благороднѣйшаго	благороднаго
27	— 14	разсказаль, какъ сквозь сонъ, что помнитъ	разсказаль, что пом- нить какъ сквозь сонъ
31	— 5	странное отреченіе	страшное отреченіе
37	снизу 2	полусонный	полуслѣпой
40	— 10	триста	триста
46	— 14	— Вслѣдъ	Вслѣдъ

Въ Эпilogъ.

50	снизу 12	не принадлежить	не принадлежалъ
51	сверху 6	(Канчели)	Канчели
52	— 6	такъ мы	такъ, мы
53	— 14	Марина-гаи де ли	Марина-гамдели

